ТВОРЕНІЯ ПЛАТОНА.

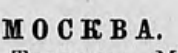
ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1899.

Посвящается

Афанасію Афанасьевичу Фету.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ этого труда я ставлю имя Аѳанасія Аѳанасіевича Фета, какъ его перваго внушителя. Еще семнадцать лѣтъ тому назадъ, самъ погруженный въ переводъ латинскихъ стихотворцевъ, онъ сталъ увѣрять меня, что мой патріотическій долгъ—„дать русской литературѣ Платона". Я съ нимъ не соглашался. Его доводы были для меня болѣе лестны, чѣмъ убѣдительны. Къ тому же всѣ мои помышленія и замыслы были въ то время обращены совсѣмъ въ другую сторону...

Лишь послѣ смерти Фета пришла пора, когда его внушеніе должно было подѣйствовать. Съ наростаніемъ жизненнаго опыта, безо всякой перемѣны въ существѣ своихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ полезности и въ исполнимости тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были отданы мои такъ называемые „лучшіе годы". Разочароваться въ этомъ значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за то время отодвинулись было на дальній планъ. Нравственная философія, съ которой я началъ эти возобновленныя занятія неизбѣжно приводила меня къ основнымъ теоретическимъ вопросамъ знанія и бытія. И вотъ въ 1897 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ приведеннаго разговора о Платонѣ, я сталъ ощущать неодолимое влеченіе окунуться снова и глубже прежняго въ этотъ вѣчносвѣжій потокъ юной, впервые себя опознавшей философской мысли. Вѣдь кромѣ своего личнаго творчества Платонъ есть для насъ первый живой сводъ того, что добыто болѣе ранними греческими мыслителями, отъ которыхъ сохранились одни безсвязные отрывки. Поэтому кто хочетъ въ своемъ философскомъ трудѣ опереться твердо на цѣлый рядъ прямой исторической преемственности, тотъ прежде всего долженъ овладѣть Платономъ. А какой можетъ быть лучшій способъ, чтобы вполнѣ и прочно овладѣть философскими произведеніями, особенно древними, какъ

не тотъ, чтобы перевести ихъ съ первоначальнаго языка на свой родной? И вотъ я какъ будто опять увидѣлъ передъ собою свѣтлую, рѣдкимъ пухомъ обрамленную голову съ грустнымъ и острымъ какъ у большой птицы взглядомъ и какъ будто услышалъ знакомый голосъ зовущій къ „предназначенному“ мнѣ труду.

Возникшее во мнѣ внутреннее побужденіе переводить Платона поддерживалось и перемѣною во внѣшнихъ условіяхъ для такого предпріятія. Теперь уже нельзя было говорить, что въ немъ нѣтъ надобности. За эти пятнадцать, или двадцать лѣтъ философское образованіе стало пускать корни въ русскомъ обществѣ, народился, внѣ профессіональной ученой среды, хотя не очень обширный, но все таки замѣтный кругъ людей съ дѣйствительною и постоянною любознательностью къ философскимъ трудамъ. Для нихъ *вѣрный* переводъ всего Платона былъ, конечно, нуженъ. Но могъ ли я взять на себя такую задачу?

Всего болѣе устрашала меня необходимость рѣшать такъ называемый „платоническій вопросъ“ (die platonische Frage), по которому въ послѣднее время въ Европѣ (особенно въ Германіи, расплодилась огромная литература, знакомая мнѣ до сихъ поръ лишь въ самомъ существенномъ. Я не могъ теперь упростить свою задачу такъ, какъ это еще было возможно для русскаго переводчика Платона сорокъ, или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда онъ могъ, не мудрствуя лукаво, принять и воспроизвести по русски „послѣднее слово“ европейской науки, хотя бы въ видѣ тѣхъ критическихъ Prolegomena, которыми Штальбаумъ снабдилъ свое классическое изданіе Платона. Въ настоящее время выборъ между „послѣдними словами“ былъ бы слишкомъ затруднителенъ: такъ они размножились. Притомъ же самая способность чистосердечнаго къ нимъ довѣрія явно атрофируется въ современныхъ умахъ. И чѣмъ разрушительнѣе поступаетъ критика въ извѣстной области, тѣмъ болѣе обязательнымъ представляется критическое отношеніе къ этой критикѣ. Во всякомъ случаѣ приходится самостоятельно и разносторонне изучать литературу по платоновскому вопросу, обнимающему два предмета спеціальныхъ изслѣдованій: о подлинности діалоговъ и объ ихъ хронологіи — и въ связи съ этимъ третій болѣе общій предметъ изслѣдованія—о характерѣ и ходѣ развитія платоновой мысли. И когда я думалъ объ этихъ сотняхъ томовъ и тысячахъ брошюръ и статей, у меня опускались руки, и я съ испугомъ спрашивалъ себя: *когда же* я успѣю все это одолѣть, чтобы съ спокойною совѣстью „дать

русской литературѣ Платона“, какъ выражался Фетъ. И вотъ какъ будто подъ внушеніемъ какого-то ободряющаго и торопящаго голоса возникъ у меня общій планъ работы, согласно которому окончательное (то есть такое, на какомъ мнѣ можно будетъ съ спокойною совѣстью остановиться) рѣшеніе платоновскаго вопроса, должно было не предварять, а заключать весь трудъ, при чемъ необходимое для этого подробное изученіе критической литературы можетъ идти параллельно главной работѣ перевода примѣнительно къ тѣмъ именно произведеніямъ Платона, которыя въ данное время будутъ переводиться.

При такомъ порядкѣ мнѣ не было необходимости откладывать перевода на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что въ полномъ переводѣ должно во всякомъ случаѣ находиться все что приписано Платону, къ какому бы мнѣнію ни пришелъ переводчикъ о подлинности и значеніи того или другого произведенія. Межъ тѣмъ, какъ я былъ занятъ подготовительною работой и готовился приступить къ переводу, почтенный К. Т. Солдатенковъ вознамѣрился восполнить свою многолѣтнюю и заслуженную издательскую дѣятельность какимъ нибудь обширнымъ изданіемъ изъ области классической. Когда я сказалъ ему о своемъ Платонѣ, онъ сразу за него ухватился, и дѣло было рѣшено при первомъ же разговорѣ. — Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ представилась желанная возможность значительно ускорить исполненіе всего предпріятія благодаря единственному и незамѣнимому для меня сотруднику, который согласился взять на себя переводъ нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ произведеній, принадлежащихъ, или приписанныхъ Платону (см. ниже).

Тѣмъ временемъ размышленія, явившіяся какъ умственная реакція на чтеніе новыхъ писателей по платоновскому вопросу, но питавшіяся перечитываніемъ самого Платона, скоро привели меня къ собственному взгляду на общій характеръ и ходъ развитія платоновой мысли. Этотъ взглядъ требуетъ подробной критической провѣрки, которою я и занимаюсь въ связи съ переводомъ Платона. А пока читатель найдетъ самое краткое его изложеніе въ томъ „Предварительномъ Очеркѣ“, съ котораго начинается этотъ томъ.

Занимаясь діалогами, составляющими первый отдѣлъ платоновыхъ твореній, я замѣтилъ въ текстѣ одного изъ нихъ явные слѣды разновременныхъ наслоеній мысли и той дополнительной работы, которую авторъ дважды производилъ надъ

этимъ діалогомъ. Насколько я знаю, найденныя мною особенности ускользнули отъ вниманія критиковъ. Въ другомъ произведеніи, которое вообще считается подлиннымъ, я нашелъ одну существенную черту, дѣлающую принадлежность этого діалога Платону въ высшей степени невѣроятною. Не приписывая этимъ маленькимъ открытіямъ больше важности, чѣмъ сколько они имѣютъ, я долженъ сказать, что они усилили дѣйствіе того ободряющаго голоса, который внушалъ мнѣ не пугаться трудностей предпринятаго дѣла.

За діалогами, которые составляютъ у меня первый отдѣлъ платоновыхъ твореній (совпадающій съ этимъ первымъ томомъ), я оставилъ общепринятое названіе „сократическихъ", понимая здѣсь этотъ терминъ лишь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Сюда вошло семь произведеній, которые могутъ имѣть лишь пропедевтическое значеніе, вводя читателя въ кругъ тѣхъ мыслей и задачъ, изъ которыхъ впослѣдствіи вышла платонова философія. Собственной философской важности эти діалоги не имѣютъ, интересъ ихъ содержанія главнымъ образомъ историческій. Взаимная ихъ связь указана и общая оцѣнка дана имъ въ особой статьѣ въ концѣ этого тома. Я надѣюсь, что между читателями этого труда найдется лишь немного столь несправедливыхъ, или столь мало освѣдомленныхъ, чтобы по этимъ пропедевтическимъ діалогамъ судить обо всемъ Платонѣ.

Второй отдѣлъ (который совпадаетъ со вторымъ томомъ настоящаго изданія) заключаетъ въ себѣ нѣсколько діалоговъ относимыхъ обыкновенно къ сократическимъ въ широкомъ смыслѣ, но существенно отличающихся отъ первыхъ семи: здѣсь интересъ сосредоточивается на *борьбѣ*,—сначала чисто-умственной, а затѣмъ и практической,—между представителемъ высшаго нравственнаго сознанія и его врагами двоякаго рода: во первыхъ вождями мнимаго просвѣщенія—софистами и во вторыхъ—слѣпыми охранителями родной старины. Жизнерадостное нравственно-оптимистическое настроеніе Сократа отступаетъ здѣсь все болѣе и болѣе передъ глубокимъ трагизмомъ историческаго положенія. Начинается этотъ отдѣлъ, озаглавленный мною «Сократовская борьба" съ діалога *Протагоръ* или *Софисты*, гдѣ за легкимъ, остроумнымъ и благодушнымъ діалектическимъ состязаніемъ едва лишь можно предчувствовать будущую борьбу съ ея напряженностью и трагизмомъ; затѣмъ слѣдуетъ *Евтидемъ*, гдѣ прямо-враждебное отношеніе къ софистикѣ выражается въ сплошномъ издѣвательствѣ надъ двумя

ея представителями. Такою же враждою къ софистикѣ внушены оба діалога, носящихъ имя Иппія. Наконецъ три произведенія *Евтифронъ*, *Апологія* и *Критонъ* связаны съ тремя моментами послѣдней, практической борьбы между Сократомъ и его врагами (обвиненіе, судъ, осужденіе).

Нѣкоторый собственно-философскій интересъ представляетъ во второмъ отдѣлѣ діалогъ *Протагоръ*. Болѣе значителенъ въ этомъ отношеніи третій отдѣлъ, который я обозначаю какъ *Начало Платонизма*. Сюда кромѣ *Горгія* и двухъ маленькихъ діалоговъ, имѣющихъ историческое значеніе, войдутъ *Менонъ* и *Фэдонъ*, гдѣ уже ясно выступаютъ главныя мысли перваго самостоятельнаго міросозерцанія, выработаннаго нашимъ философомъ послѣ смерти Сократа.

Четвертый отдѣлъ подъ заглавіемъ *Отрѣшенныя задачи* заключаетъ въ себѣ весьма важные въ философскомъ отношеніи, хотя и оспариваемые со стороны ихъ принадлежности Платону діалоги: *Кратилъ*, *Өеэтетъ*, *Софистъ*, *Политикъ* и *Парменидъ* *).

Въ пятый отдѣлъ—подъ заглавіемъ „Эросъ"—входятъ только два діалога *Фэдръ и Пиршество*, обозначающіе на мой взглядъ (см. ниже въ „Предварительномъ очеркѣ") внутренній переломъ въ духовной жизни Платона и переходъ между его первою и второю философіей. Во всякомъ случаѣ эти два діалога представляютъ полный расцвѣтъ Платонова творчества.

За цвѣтами естественно слѣдуютъ плоды,—то, что я признаю второю философіей Платона. Въ этотъ шестой отдѣлъ подъ общимъ заглавіемъ „Положительный идеализмъ" входятъ *Филэбъ*, *Государство и Тимей* (съ *Критіемъ*). Здѣсь философъ пытается построить на идеальныхъ началахъ весь человѣческій и физическій міръ.

Очень замѣчательный, хотя и печальный памятникъ духовнаго упадка, представляемый обширнымъ сочиненіемъ *Законы*, образуетъ послѣдній, седьмой отдѣлъ Платоновыхъ твореній подъ заглавіемъ «Крушеніе идеализма."—Въ эти семь отдѣловъ не входятъ довольно многочисленныя мелкія произведенія (діалоги, дидактическіе отрывки, письма, стихотворенія), изъ которыхъ одни несомнѣнно подложны и отвергнуты уже въ древности, а другія справедливо отвергаются современною критикою. Переводъ всего этого, по обычаю обязательный въ

---

*) Нѣкоторыя благовидныя основанія для сомнѣній существуютъ лишь относительно трехъ послѣднихъ.

полномъ Платонѣ, будетъ приложенъ къ одному изъ слѣдующихъ томовъ, смотря по внѣшнимъ удобствамъ печатанія.

Подробнымъ разборомъ и рѣшеніемъ „Платоновскаго вопроса“ съ различныхъ его сторонъ я предполагаю закончить все изданіе.

Переводчикъ, желающій вѣрно *передать*, а не *предать* своего автора (особенно когда дѣло идетъ объ авторѣ классическомъ), долженъ одинаково остерегаться и Сциллы неумѣстнаго сочинительства, и Харибды мертваго буквализма. И то и другое одинаково несовмѣстно съ *вѣрностью* перевода. Что касается до сочинительства, или такъ называемаго вольнаго перевода, то никто вѣдь не мѣшаетъ всякому человѣку, имѣющему способность и охоту къ литературному творчеству, проявлять его, какъ и въ чемъ угодно. Это неотъемлемое право ограничивается однако правомъ читателя не подвергаться предумышленному обману. Если переводчикъ владѣетъ перомъ— это его счастье, но гдѣ же его полномочіе продавать свое стальное, или гусиное перо за писчую тростинку Платона? Вѣдь читатели Платона въ русскомъ переводѣ хотятъ знакомиться съ творчествомъ именно только Платона, а не г. *хуг*. Кажется, что Сциллы сочинительства и „литературности“ я вполнѣ избѣжалъ въ своихъ переводахъ, да это было и легко— требовалось только простое сознаніе своей обязанности и доброе намѣреніе ее исполнить. Труднѣе было избѣгнуть Харибды буквализма, которая такъ неясно выдѣляется изъ настоящаго фарватера. Буквальность есть во всякомъ случаѣ основа вѣрнаго перевода, и отступать отъ нея позволительно только на достаточныхъ основаніяхъ. Но какъ опредѣлить эти основанія?

Когда я съ Фетомъ занимался переводомъ Энеиды *), у насъ возникали изъ за этого ожесточенные споры. Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какъ и слѣдуетъ, подъ вѣрностью понималъ прежде всего буквальную точность перевода (разумѣется, насколько она совмѣстима съ русскою грамматикой), я же въ принципѣ съ этимъ соглашаясь, не могъ однако во многихъ случаяхъ примириться съ такимъ его переводомъ и требовалъ отступленій отъ безусловной точности. Такъ какъ за этими требованіями Фетъ не видѣлъ опредѣленной нормы хорошаго

*) Нѣкоторыя части этой поэмы я переводилъ одинъ, а другія— вмѣстѣ съ нимъ (см. его предисловіе къ Энеидѣ). Это было въ 1887 г., когда я прожилъ съ нимъ около полугода въ его курскомъ имѣніи.

перевода, то онъ и недоумѣвалъ, чего же я въ сущности желаю, и если иногда уступалъ, то не моимъ убѣжденіямъ, а тайному голосу собственнаго вкуса. Съ тѣхъ поръ я, много размышляя объ искусствѣ перевода, выяснилъ себѣ смыслъ своихъ требованій и могу опредѣленно сказать, что собственно нужно для вѣрнаго перевода и гдѣ искать достаточныхъ основаній для ограниченія его буквальности. Стремленіе къ буквальности, или страхъ отступить отъ текста, есть, какъ и „страхъ Божій“, непремѣнное „начало премудрости“ для благочестиваго переводчика,—*конецъ* же ея этимъ не исчерпывается. Тутъ возникаетъ новое, болѣе сложное и тонкое требованіе: овладѣвши мыслію подлинника во всей полнотѣ и точности ея выраженія, нужно во всякомъ случаѣ, представляющемъ какое нибудь затрудненіе для буквальной передачи, ставить себѣ вопросъ: *какъ* данный авторъ — скажемъ Платонъ — съ особенностями своего духа, характера, стиля, образа мыслей, насколько все это намъ исторически извѣстно, — если бы онъ зналъ по русски и ему пришлось бы писать на этомъ языкѣ, какъ выразилъ бы онъ на немъ эту свою мысль съ этими ея оттѣнками? Серьезная постановка этого вопроса и добросовѣстныя усилія его практически рѣшить, — т. е. усилія переводчика себя оплатонить, а Платона обрусить—или другими словами, входя въ духъ греческаго автора, заставлять вмѣстѣ съ тѣмъ и его входить въ духъ русскаго языка — вотъ чѣмъ опредѣляется настоящій путь хорошаго, т. е. дѣйствительно точнаго и вѣрнаго перевода. Въ немъ должны нераздѣльно присутствовать явные признаки его двойнаго происхожденія, изъ двухъ живыхъ источниковъ—греческой и русской рѣчи.

Изъ семи діалоговъ, вошедшихъ въ этотъ первый томъ, три (обозначенные въ оглавленіи звѣздочкой) переведены М. С. Соловьевымъ. Все остальное, т. е. переводъ четырехъ діалоговъ, всѣ семь разсужденій, сопровождающихъ діалоги, предварительный очеркъ о Платонѣ и заключительный очеркъ о сократическихъ діалогахъ, принадлежатъ мнѣ одному.

Что касается до греческаго текста, то мы пользовались и будемъ пользоваться главнымъ образомъ изданіемъ Мартина *Шанца*, которое общепризнано за наилучшее. Такъ какъ оно не вполнѣ окончено, то для нѣкоторыхъ діалоговъ приходится ограничиться прежними рецензіями текста, т. е. двумя главными: К. Ф. Германа и Штальбаума. Для *Софиста* и *Политика* будетъ еще имѣться въ виду изданіе Campbell'я, а для *Государства*—Jowett'a.

Въ предвидѣніи будущихъ трудностей въ отдѣльныхъ мѣстахъ текста я заручился великодушнымъ обѣщаніемъ помощи со стороны нѣкоторыхъ высокоуважаемыхъ представителей филологической науки у насъ. Уже теперь мы должны принести глубочайшую благодарность Ѳ. Е. Коршу, который съ любезною готовностью прослушалъ переводы двухъ діалоговъ, помѣщенные въ настоящемъ томѣ. Сердечно признателенъ также Э. Л. Радлову за постоянную дружескую поддержку и въ этомъ предпріятіи.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ еще разъ напомнить читателю, что настоящее понятіе о Платонѣ даютъ никакъ не произведенія этого перваго, а лишь отчасти третьяго (*Федонъ*), главнымъ же образомъ пятаго (*Федръ*, *Пиршество*) и шестого отдѣла (*Государство*, *Тимей*). Но какъ издатели Пушкина неизбѣжно начинаютъ съ лицейскихъ стихотвореній и такихъ незрѣлыхъ поэмъ, какъ „Русланъ и Людмила", или „Кавказскій плѣнникъ",— такъ и намъ пришлось начать съ *Ѳеага* и *Алкивіада*, которыхъ, впрочемъ, и древніе полагали въ основу изученія Платона.

Владиміръ Соловьевъ.

Лозанна, 26 мая 1899.

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПЛАТОНА.

(Предварительный очеркъ).

I.

Древнѣйшія біографіи Платона близкія къ его времени извѣстны намъ только по названію; а сохранившіяся у Діогена Лаэртія (III книга его исторіи), Апулея и Олимпіодора,—отдѣленныя отъ своего предмета нѣсколькими вѣками, довольно скудны положительными данными и обильны явнымъ баснословіемъ и анекдотами мало интересными и не внушающими довѣрія. Не входя пока въ критическій разборъ всѣхъ этихъ извѣстій, я ограничусь здѣсь тѣми немногими біографическими данными, которыя могутъ считаться наиболѣе достовѣрными.

Платонъ родился въ очень знатномъ аѳинскомъ семействѣ. Однимъ изъ его предковъ, по матери, Периктіонѣ, былъ законодатель Солонъ, а по отцу, Аристону,—послѣдній царь аѳинскій Кодръ. Время рожденія великаго философа опредѣляется приблизительно между 430 и 427 гг. до Р. Х.—вѣроятнѣе 429 или 428 *). Родители Платона, имѣвшіе значительный достатокъ, дали сыну хорошее образованіе. По всѣмъ принятымъ въ то время предметамъ обученія (гимнастика, музыка, грамата и риторика) онъ имѣлъ лучшихъ наставниковъ; ихъ имена дошли до насъ, но безъ всякихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что они были извѣстными мастерами своего дѣла и давали уроки Платону. Въ первой юности будущій философъ усерднѣе всего занимался стихотворчествомъ, преимущественно эротическимъ. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ (408 г.) познакомив-

*) Есть извѣстіе, въ достовѣрности котораго можно сомнѣваться, что Платонъ было только прозваніе, а собственное имя философа было Аристоклъ.

шись съ Сократомъ, онъ бросилъ свои прежнія упражненія и отдался философскому исканію правды подъ вліяніемъ и руководствомъ „мудрѣйшаго изъ эллиновъ“.

Общественная мысль Аѳинъ и всей Греціи въ эпоху юности Платона представлялась принципіально тремя главными партіями: охранителей, требовавшихъ слѣпой, безотчетной вѣрности отеческимъ преданіямъ и законамъ; софистовъ, настаивавшихъ на относительности и условности всякихъ положеній въ жизни и знаніи и возводившихъ такимъ образомъ въ принципъ умственную и нравственную анархію; и наконецъ третья партія, сосредоточенная въ одномъ человѣкѣ, Сократѣ, стремилась къ сознательно-вѣрующему, зрячему воспріятію безусловнаго добра и правды. Первая партія лицемѣрно отстаивала неприкосновенность народно-государственныхъ вѣрованій, уже подкопанныхъ двумя вѣками философскаго движенія и утратившихъ свое дѣйствительное значеніе для самихъ этихъ охранителей (насмѣшки надъ богами въ комедіяхъ крайняго консерватора Аристофана); вторая, признавая все относительнымъ, ставила цѣлью жизни для умныхъ людей личную выгоду и удачу, а какъ главное средство этимъ людямъ достигать своихъ цѣлей съ чужою помощью предлагала риторическое искусство убѣждать другихъ безъ собственнаго убѣжденія. Между этими представителями мнимой вѣры съ одной стороны и мнимой свободы мышленія—съ другой Сократъ былъ единственнымъ сознательнымъ носителемъ глубокаго и искренняго религіозно-нравственнаго настроенія и чистаго философскаго интереса. Вся сила Сократовой мысли состояла въ простомъ и неоспоримомъ утвержденіи, что жизненная задача должна рѣшаться *по существу*, согласно съ тѣмъ, что *само по себѣ* хорошо или безусловно желательно для всѣхъ, а не по какимъ нибудь внѣшнимъ соображеніямъ частнымъ, или общественнымъ. Для лучшихъ умовъ молодого поколѣнія не могло быть вопроса, за кѣмъ идти. Платонъ съ разу проникся духомъ сократовыхъ рѣчей и отдался сократическому исканію подлинной мудрости и существеннаго добра. Когда Сократъ былъ обвиненъ какъ врагъ религіи и нравственности, Платонъ былъ въ числѣ учениковъ, предложившихъ внести за него значительную сумму выкупа. Послѣ смертнаго приговора, онъ заболѣлъ и поэтому не присутствовалъ при прощальной бесѣдѣ въ темницѣ.

Послѣ смерти Сократа (399 г.) Платонъ по всей вѣроятности предпринялъ свои первые путешествія *). Наиболѣе достовѣрными

*) Пребываніе Платона въ Мегарѣ новѣйшими изслѣдованіями заподозрѣно. Твердыхъ историческихъ доказательствъ этого пребыванія дѣйствительно не имѣется.

можно считать поѣздку въ Кирену къ математику Ѳеодору и въ Египетъ, слывшій издревле очагомъ истинной мудрости. Принудительному изгнанію изъ Аѳинъ Платонъ не подвергался, и есть указанія, что въ 394 г. онъ находился въ отечественномъ городѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ предпринимаетъ путешествіе въ Нижнюю Италію и Сицилію для сближенія съ философскимъ союзомъ пиѳагорейцевъ, которые затѣмъ направляютъ его въ Сиракузы къ тамошнему тиранну Діонисію Старшему, при дворѣ котораго у нихъ были значительныя связи. Платонъ мечтаетъ подчинить Діонисія своему вліянію и употребить его власть для созданія образцоваго государства, управляемаго философами. Это вовсе не входило въ намѣренія сиракузскаго властителя, который хотѣлъ, льстя тщеславію Платона, овладѣть знаменитымъ философомъ какъ рѣдкимъ украшеніемъ для своего двора. Такое недоразумѣніе между хозяиномъ и гостемъ кончилось для послѣдняго заключеніемъ въ тюрьму и затѣмъ продажей въ рабство, откуда его скоро выкупили друзья.

По возвращеніи въ Аѳины (въ 386 г.) Платонъ начинаетъ собирать кружокъ учениковъ, съ которыми бесѣдуетъ о философскихъ предметахъ въ пригородномъ общественномъ садѣ, Академіи (въ верстѣ отъ Аѳинъ по дорогѣ въ Елевзисъ). Есть достовѣрное извѣстіе объ одномъ публичномъ его чтеніи „о благѣ“, которое впрочемъ не имѣло успѣха.—Въ 368 или 367 г. послѣ смерти Діонисія Старшаго, его сынъ и преемникъ Діонисій Младшій, по внушенію дяди своего Діона, съ которымъ Платонъ подружился въ первое свое посѣщеніе Сиракузъ, призываетъ философа къ своему двору, обѣщаясь стать его вѣрнымъ ученикомъ. Сперва мечта Платона о юномъ тираннѣ, преобразующемъ дѣйствительныя общественныя отношенія согласно идеалу должнаго общества подъ руководствомъ истиннаго мудреца, какъ будто начинаетъ сбываться; но скоро Діонисію надоѣдаетъ философская опека: послѣ своего разрыва съ Діономъ, онъ выказываетъ презрительное и враждебное отношеніе къ Платону и наконецъ отсылаетъ его ни съ чѣмъ. Въ 361 г. онъ снова его призываетъ чрезъ пиѳагорейца Архиту, обѣщаясь ему помириться съ Діономъ, и снова его обманываетъ, такъ что семидесятилѣтній философъ принужденъ съ опасностью жизни бѣжать изъ Сиракузъ.—Въ 348 или 347 г., перейдя за восьмидесятилѣтній возрастъ, Платонъ безъ какой нибудь тяжкой болѣзни умираетъ среди книжныхъ занятій въ загородномъ своемъ домѣ по сосѣдству съ Академіей.

О частной жизни Платона ничего положительнаго неизвѣстно, кромѣ того, что онъ обладалъ матеріяльными средствами достаточно

большими для денежнаго поручительства передъ судомъ, для обширныхъ путешествій и для покупки загороднаго дома. Нѣтъ указаній, чтобы онъ былъ когда нибудь женатъ. Достовѣрныхъ изображеній его не сохранилось, но по согласному свидѣтельству древнихъ онъ имѣлъ благообразную и внушительную наружность. Мнѣнія о его внутреннемъ достоинствѣ издавна расходились до крайности. Восторженные послѣдователи его философіи прозвали его „божественнымъ"; нѣкоторые изъ современниковъ смотрѣли на него какъ на стараго болтуна; знаменитѣйшій изъ его учениковъ, Аристотель, разойдясь съ учителемъ, держался о немъ средняго мнѣнія.

II.

Сочиненія, завѣщанныя намъ древностью съ именемъ Платона, какъ автора, очень неравны между собою по достоинству; одни изъ нихъ оправдываютъ самую высокую, другія—самую низкую оцѣнку философа и писателя. Но тутъ прежде всего является вопросъ о подлинности произведеній, традиціонно приписываемыхъ Платону. Этотъ вопросъ, породившій огромную литературу въ XIX вѣкѣ (особенно въ Германіи), ставился еще въ древности. Весьма характернымъ предвѣстіемъ и предостереженіемъ для новѣйшей критики должно признать любопытный фактъ, сообщаемый комментаторомъ Аристотелевой Метафизики, Асклепіемъ, а именно, что несмотря на ясное свидѣтельство Аристотеля о подлинности діалога *Федонъ*, „нѣкто" Панэтій *) „осмѣлился" утверждать подложность этого діалога, потому что онъ, Панэтій, „объявивъ душу смертною, захотѣлъ привлечь къ этому взгляду и авторитетъ Платона, а такъ какъ въ *Федонѣ* Платонъ ясно присваиваетъ безсмертіе разумной душѣ, то изъ за этого и призналъ (Панэтій) этотъ діалогъ подложнымъ". (*Scholia*, *ed.* Brandis, p. 576, a. 38).

Рядомъ съ такимъ классическимъ образцомъ предвзятой критики еще сильнѣе проявлялось полное отсутствіе всякой критики, вслѣдствіе чего Платону, какъ и большинству знаменитыхъ древнихъ авторовъ приписывались сочиненія совершенно ему чуждыя. Діогенъ Лаэртій называетъ десять подложныхъ діалоговъ, отчасти дошедшихъ до насъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ внесенъ въ первый существующій полный перечень платоновыхъ сочиненій, составленный астрологомъ и полигисторомъ *Θразилломъ* въ началѣ

*) Весьма извѣстный стоическій философъ въ Аѳинахъ; Асклепій, говоря о немъ „нѣкто", умышленно выражаетъ презрѣніе къ нему за нелѣпое и дерзкое мнѣніе.

I вѣка по Р. Х., и сохраненный тѣмъ же Діогеномъ Лаэртіемъ (болѣе ранній перечень—Аристофана Византійскаго извѣстенъ лишь въ неполномъ видѣ). Отверженіе распространенныхъ псевдэпиграфовъ предполагаетъ у Θразилла нѣкоторую критику и предрасполагаетъ до извѣстной степени въ пользу подлинности произведеній, вошедшихъ въ его каталогъ. Ихъ всего 36, распредѣленныхъ на 9 тетралогій (34 діалога, защитительная рѣчь Сократа и небольшое собраніе писемъ Платона).

Этотъ „канонъ" платоновыхъ твореній оставался почти неприкосновеннымъ для критики до начала XIX в., когда *Шлейермахеръ* (1768—1834; его превосходный нѣмецкій переводъ Платона сталъ появляться первымъ изданіемъ въ 1802 г.) отвергъ подлинность нѣкоторыхъ второстепенныхъ діалоговъ. Но настоящимъ зачинателемъ отрицательной критики Платоновыхъ твореній (если не считать древняго Панэтія) долженъ быть признанъ Астъ (1778—1841). Въ его книгѣ Plato's Leben und Schriften (Leipzig, 1816) оцѣнка философскаго значенія и литературныхъ достоинствъ каждаго діалога по большей части вѣрна и мѣтко выражена, но скрытое въ его взглядѣ неосновательное предположеніе, будто Платонъ могъ создавать только высокообразцовыя философскія произведенія, заставляетъ его изъ 36 произведеній признать подлинными всего 14: *Протагоръ*, *Федръ*, *Горгій*, *Федонъ*, *Θеэтетъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Кратилъ*, *Парменидъ*, *Филебъ*, *Пиршество*, *Государство*, *Тимей*, *Критій*. Дѣйствительно, если исключить послѣдній, неоконченный, діалогъ; признанныя Астомъ произведенія заключаютъ въ себѣ самое значительное, что осталось съ именемъ Платона. Но именно поэтому исключеніе всего остального должно быть заранѣе отвергнуто, ибо нельзя никакъ допустить, чтобы авторъ, прожившій болѣе 80 лѣтъ и писавшій по крайней мѣрѣ въ теченіи полувѣка, оставилъ только одни образцы. Характерно для критики Аста, что онъ съ своей точки зрѣнія внутренняго достоинства рѣшительно отвергъ подлинность сочиненія „Законы" имѣющую за себя самое сильное изъ внѣшнихъ доказательствъ—прямое свидѣтельство Аристотеля,—причемъ критикъ не принялъ во вниманіе и того, что именно неудовлетворительность этого сочиненія въ философскомъ и литературномъ отношеніяхъ совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ фактически извѣстнымъ условіямъ, при которыхъ его писалъ Платонъ въ послѣдніе годы своей жизни. Вообще значительность и литературныя достоинства произведенія не должны рѣшать вопроса о его подлинности. Съ одной стороны Платонъ навѣрное писалъ и неудачныя сочиненія, а съ другой стороны развѣ не было между сократовцами мыслящихъ и талантливыхъ писателей, произведенія которыхъ могли

впослѣдствіи ошибочно быть приписаны Платону? Какъ на примѣръ *возможности* такой ошибки укажу на діалогъ *Горгій*. По значительности содержанія и по таланту изложенія онъ вполнѣ достоинъ Платона, но нѣтъ никакихъ внутреннихъ препятствій къ тому, чтобы признать его произведеніемъ другого сократова ученика, именно Антисѳена, который по свидѣтельству древности былъ превосходнымъ писателемъ, а точка зрѣнія этаго діалога совершенно совпадаетъ съ образомъ мыслей Антисѳена.

Послѣ Аста, кантіанецъ *Зохеръ* въ ученѣйшей книгѣ „Über Plato's Schriften" (München, 1820) отвергаетъ хотя лишь 13 произведеній, но между ними нѣкоторыя весьма важныя и признанныя даже Астомъ, каковы *Софистъ* и *Парменидъ*. Основаніемъ для такого отрицанія служитъ главнымъ образомъ принципіальное, будто бы, противорѣчіе между содержаніемъ этихъ діалоговъ и тѣмъ ученіемъ объ идеяхъ, которое излагается въ другихъ, безспорныхъ, платоновыхъ сочиненіяхъ. Но и отвергаемые критикомъ діалоги до него также признавались безспорными, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ признаваемыхъ имъ за безспорные оспариваются другими критиками. Усматриваемое Захеромъ несогласіе между извѣстными діалогами относительно теоріи идей, помимо принятаго имъ объясненія допускаетъ еще два другія: 1) колебанія самаго Платона въ разныя эпохи его жизни между различными взглядами на одинъ и тотъ же предметъ и 2) невѣрное или неполное пониманіе платоновой теоріи со стороны критика. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, я не только не даю пока своего рѣшенія спорнаго вопроса о подлинности діалога, но и не отвергаю чужого рѣшенія, а только указываю на недостаточность его основаній.

Противъ критическихъ излишествъ Аста и Зохера выступаетъ извѣстный издатель и комментаторъ Платона, *Штальбаумъ* въ сопровождающемъ его изданіе трактатѣ Disputatio de Platonis vita, ingenio et scriptis (1821) и въ обстоятельныхъ введеніяхъ къ отдѣльнымъ діалогамъ. Онъ отвергаетъ только 7 произведеній *Второй Алкивіадъ*, *Ѳеагъ*, *Любовники*, *Иппархъ*, *Клитофонъ*, *Миносъ и Эпиномисъ*. Таково же приблизительно сужденіе *К. Ф. Германа*, *Штейнгарта*, *Зуземиля*.

Знаменитый историкъ греческой философіи *Целлеръ* въ раннемъ своемъ сочиненіи о Платонѣ (1839) отвергаетъ подлинность всѣхъ такъ называемыхъ *сократическихъ* діалоговъ, а также *Законовъ*; въ болѣе зрѣлыхъ своихъ трудахъ онъ отрекается отъ прежнихъ приговоровъ.

Своеобразно вводитъ и проводитъ крайне отрицательную критику *Зукковъ* (Die wissenschaftliche und künstlerische Form der platonischen Schriften etc. Berlin 1855). Основываясь на одной фразѣ въ *Фэдрѣ*, что всякое настоящее умственное произведеніе должно быть похоже на одушевленное существо съ головою, туловищемъ и ногами, онъ признаетъ подлинными только тѣ сочиненія Платона, которыя на его взглядъ удовлетворяютъ этому требованію. Такими онъ находитъ всего лишь 11 діалоговъ, причемъ отвергаются даже признанные Астомъ *Горгій*, *Кратилъ*, *Политикъ*, *Критій*, но за то допускается *Апологія Сократа*.

Ибервегъ (Untersuchung über die Echtheit und Zeitfolge der platonischen Schriften, Wien 1861) отрицательно относится къ *Пармениду*, впослѣдствіи также къ *Софисту* и *Политику*.

Шааршмидтъ (Die Sammlung der platonischen Schriften zur Scheidung der echten von den unechten untersucht, Bonn 1866) идетъ дальше Аста и Зуккова, допуская подлинность лишь девяти діалоговъ: изъ списка Зуккова онъ выбрасываетъ *Парменида*, *Филеба*, *Софиста*, *Апологію*, но за то включаетъ *Законы* и *Горгія*. Общій пріемъ его критики состоитъ въ томъ, что отвлеченную *возможность* поддѣлки онъ всегда принимаетъ за достаточное основаніе для признанія *дѣйствительнаго* подлога.

Huit (La vie et l'oeuvre de Platon, Paris 1893), вообще держащійся положительнаго направленія, примыкаетъ къ отрицательному лишь относительно *Софиста*, *Палитика* и *Парменида*, которые онъ, вслѣдъ за Зохеромъ и Ибервегомъ, отрицаетъ какъ противорѣчащіе платоновой теоріи идей.

Между извѣстными европейскими учеными только одинъ англичанинъ *Гротъ* въ своемъ классическомъ сочиненіи Plato and the other companions of Socrates (London, 1867) безусловно стоитъ за весь Ѳразилловъ канонъ. Главная сила его аргументаціи состоитъ въ указаніи произвола, субъективизма и противорѣчій отрицательной критики, первообразъ которой онъ остроумно находитъ въ панэтіевомъ мнѣніи о *Фэдонѣ*.

III.

Въ настоящее время, кажется, что всѣ оттѣнки ученаго скептицизма по вопросу о подлинности платоновыхъ твореній были проявлены и можно подвести общіе итоги этой вѣковой критической работы. 1) *Не доказана положительнымъ образомъ подложность* ни одного изъ произведеній, вошедшихъ въ списокъ Ѳразилла; 2) противъ подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ *указаны* болѣе или менѣе твердыя основанія, во всякомъ случаѣ *достаточныя* для признанія этихъ произведеній *сомнительными*. Въ подробномъ критическомъ

трактатѣ о сочиненіяхъ Платона, который долженъ сопровождать этотъ переводъ, я постараюсь доказать, что именно таково настоящее положеніе дѣла. А теперь ограничусь на этотъ счетъ нѣсколькими краткими замѣчаніями.

Основанія для признанія *несомнѣнной подложности* какого нибудь изъ нашихъ діалоговъ могли бы быть трояками: или внѣшнее свидѣтельство близкаго къ дѣлу, хорошо освѣдомленнаго и авторитетнаго писателя (въ данномъ случаѣ едва ли можно назвать кого нибудь другого, кромѣ Аристотеля); или явныя несообразности въ содержаніи,—противорѣчія съ основами платонова образа мыслей, какъ если-бы напр. въ какомъ нибудь діалогѣ проповѣдывалась сенсуалистическая теорія познанія, гедоническая этика, атомистическая метафизика; наконецъ характеръ языка съ несомнѣнными признаками позднѣйшей эпохи. Ничего такого нельзя найти относительно какого либо изъ нашихъ діалоговъ. Ни объ одномъ изъ нихъ Аристотель не говоритъ какъ о подложномъ, а о нѣкоторыхъ, заподозрѣнныхъ новѣйшей критикою, говоритъ прямо какъ о подлинныхъ; о другихъ онъ вовсе ничего не говоритъ, но это молчаніе само по себѣ не можетъ дѣлать ихъ даже сомнительными, такъ какъ Аристотель не писалъ систематически о Платоновыхъ сочиненіяхъ, и нѣтъ никакого повода искать у него упоминанія о каждомъ діалогѣ. Далѣе, такихъ непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій между различными діалогами, которыя рѣшительно не позволяли бы приписать ихъ одному автору, осторожная критика не находитъ, а нѣкоторыя и довольно значительныя колебанія мысли слѣдуетъ признать у подлиннаго Платона во первыхъ потому, что ихъ отсутствіе было бы совершенно невѣроятно у мыслителя, котораго умственная работа обнимаетъ около 60 лѣтъ, а во вторыхъ потому, что дѣйствительныя перемѣны взглядовъ замѣчаются у него и въ нѣкоторыхъ діалогахъ, которые признаны безспорными тою же критикой (см. ниже). Наконецъ касательно языка, нѣкоторыя измѣненія въ немъ были совершенно естественны при долголѣтіи Платона и дѣйствительно замѣчаются и между безспорными его діалогами: языкъ *Протагора* значительно отличается отъ языка *Тимея* или *Законовъ*; такихъ же особенностей языка, которыя не могли бы принадлежать къ эпохѣ Платонова авторства (приблизительно 408—348 гг.) и которыя не могли бы проникнуть черезъ переписчиковъ, ни въ одномъ діалогѣ не указано съ окончательною безспорностью.

Итакъ положительныхъ доказательствъ подложности какого либо изъ традиціонно-признанныхъ произведеній Платона не существуетъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти произведенія были, какъ думаетъ Гротъ, одинаково несомнѣнны. Авторитетъ

Ѳразилла, составившаго ихъ каталогъ и отдѣленнаго отъ Платона четырьмя вѣками, самъ по себѣ недостаточенъ. Гротъ опирается главнымъ образомъ на предполагаемую традицію, свято хранившуюся въ школѣ Платона. Но имѣлъ ли Платонъ школу въ опредѣленномъ смыслѣ этого слова? Связь между нимъ и „Академіей“ была настолько внѣшнею, что послѣдующіе „академики“ проповѣдывали, какъ извѣстно, скептицизмъ, одинаково далекій и отъ духа и отъ буквы платонова ученія; а такъ какъ при этомъ отношеніе классическаго міра къ старымъ книгамъ менѣе всего отличалось архивною аккуратностью, то едва ли позволительно говорить о традиціонно-неизмѣнномъ собраніи платоновыхъ сочиненій. Въ александрійскую эпоху псевдэпиграфы стали настоящею модой, которая, какъ положительно извѣстно, распространялась и на Платона; десять подложныхъ діалоговъ были забракованы Ѳразилломъ, но нельзя ручаться за то, что онъ безошибочно принялъ въ свой каталогъ только подлинныя сочиненія философа, и слѣдовательно возможность основательныхъ сомнѣній должна быть заранѣе допущена, вопросъ же объ ихъ дѣйствительной основательности по отношенію къ тому или другому діалогу долженъ рѣшаться по существу особо для каждаго случая. Замѣтимъ пока, что значительное большинство авторитетныхъ ученыхъ согласно отвергаетъ достовѣрность слѣдующихъ сочиненій изъ ѳразиллова каталога: *Клитофонъ*, *Любовники*, *Иппархъ*, *Второй Алкивіадъ*, *Миносъ*, *Эпиномисъ*, *Ѳеагъ*, *Письма*. Отрицательная оцѣнка выводится здѣсь изъ внутреннихъ основаній, которыя относительно *этихъ* сочиненій не устраняются, хотя и не подтверждаются и никакимъ внѣшнимъ свидѣтельствомъ. Но какъ опрометчиво было бы въ вопросѣ о подлинности строить что нибудь на однихъ внутреннихъ основаніяхъ показываетъ примѣръ діалога *Менексенъ*. По однимъ внутреннимъ основаніямъ его слѣдовало бы отвергнуть безо всякихъ разговоровъ, ибо въ немъ восторженно проповѣдуется воинствующій аѳинскій патріотизмъ, которому Платонъ былъ совершенно чуждъ при своихъ рѣшительныхъ симпатіяхъ къ аристократической Спартѣ и при своей глубокой непріязни къ аѳинской демократіи, умертвившей Сократа. Между тѣмъ прямое свидѣтельство Аристотеля заставляетъ насъ признать этотъ діалогъ подлиннымъ и объяснять его содержаніе или неизвѣстнымъ намъ моментомъ въ жизни Платона, когда онъ по какому нибудь особому поводу могъ стать на точку зрѣнія воинствующаго патріотизма вопреки своимъ обычнымъ взглядамъ и чувствамъ; или какою нибудь особою причиною лицемѣрія,—что, впрочемъ есть только логическая возможность безо всякаго психологическаго вѣроятія; или наконецъ—что всего вѣроятнѣе—тонкою и скрытою ироніей, опредѣ-

ленный поводъ для которой остается все таки неизвѣстенъ,—три предположенія, о которыхъ никто и не подумалъ бы, еслибы случайное указаніе Аристотеля не устраняло серьезную возможность просто признать діалогъ подложнымъ на самыхъ благовидныхъ внутреннихъ основаніяхъ.

IV.

Вопросъ о хронологическомъ порядкѣ платоновыхъ сочиненій имѣетъ для своего рѣшенія еще меньше положительныхъ данныхъ, нежели вопросъ о подлинности. Не подлежитъ серьезному спору, что мелкіе діалоги по нравственнымъ предметамъ (такъ называемые *сократическіе*) суть самые ранніе, что сочиненія, относящіяся къ суду надъ Сократомъ, (*Евтифронъ*, *Апологія*, *Критонъ*) и по времени написанія близко стоятъ къ этому событію, что *Государство*, въ цѣломъ, принадлежитъ къ вполнѣ зрѣлой эпохѣ, что еще позднѣе *Тимей* и неоконченный *Критій*, и что *Законы* составляютъ послѣдній, старческій трудъ Платона. Все прочее остается спорнымъ.

Хронологическій вопросъ осложняется тѣмъ несомнѣннымъ, но часто забываемымъ обстоятельствомъ, что какъ художественная законченность многихъ діалоговъ, такъ и прямыя свидѣтельства древности о томъ, какъ Платонъ тщательно отдѣлывалъ и передѣлывалъ свои произведенія, не позволяютъ допустить, что болѣе крупныя изъ нихъ созданы разомъ, въ короткое время и въ одномъ неизмѣнномъ видѣ. Разновременное происхожденіе десяти книгъ о Государствѣ, а priori болѣе чѣмъ вѣроятное, считается нынѣ положительно доказаннымъ. Столь же ясными представляются мнѣ наслоенія разныхъ эпохъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе важныхъ діалогахъ, каковъ *Первый Алкивіадъ*.

Если діалоги создавались въ разные сроки и передѣлывались, то этимъ отнимается рѣшающее значеніе и у тѣхъ немногихъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, которыя встрѣчаются въ самихъ діалогахъ. А именно если въ какомъ нибудь изъ нихъ говорится объ извѣстномъ событіи современномъ Платону, то отсюда должно логически заключать только, что *данное мѣсто въ данной редакціи* діалога написано *послѣ* упомянутаго событія, но выводить изъ этого какія либо хронологическія опредѣленія относительно *цѣлаго* діалога и его *первоначальнаго* написанія мы не имѣемъ никакого права.

Эта же причина (въ соединеніи съ другими) отнимаетъ возможность твердыхъ и значительныхъ результатовъ у явившейся въ недавнее время грамматико-статистической методы опредѣлять хронологію Платона, какъ и другихъ греческихъ авторовъ, большимъ или меньшимъ употребленіемъ извѣстныхъ оборотовъ рѣчи, грамматическихъ формъ, тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ словъ и въ особенности частицъ, которыми такъ обиленъ греческій языкъ. Въ этомъ направленіи усердно работали и работаютъ многіе почтенные ученые, какъ-то Диттенбергеръ, Роккетъ, Зибекъ, Константинъ Риттеръ (Untersuchungen über Plato, Stuttgart, 1888), но ничего вполнѣ достовѣрнаго ими не получено, кромѣ того, что было достаточно твердо и прежде, напримѣръ, что сократическіе діалоги суть самыя ранніе, а *Тимей* и *Законы*—самыя позднія произведенія Платона. Въ только что вышедшемъ замѣчательномъ сочиненіи Лютославскаго „The Origin and Growth of Plato's Logic, with an account of Plato's style and of the Chronology of his writings. London, Longman, Green and C°," авторъ, примыкая къ изслѣдованію Кэмбля (Kampbell) въ его введеніи къ изданію *Софиста* и *Политика* (1867 г.) рѣшаетъ платоническій вопросъ на основаніи изслѣдованія стиля и терминологіи преимущественно въ области логики и теоріи познанія. Разборъ этого взгляда читатель найдетъ въ особомъ приложеніи въ концѣ слѣдующаго тома.

При недостаткѣ внѣшнихъ данныхъ ученые, преимущественно нѣмецкіе, съ начала XIX столѣтія искали внутренняго принципа, опредѣляющаго связь и порядокъ платоновыхъ сочиненій и дающаго косвенно хотя приблизительное указаніе и на ихъ хронологію. Такимъ образомъ Платонъ въ своемъ философско-литературномъ творчествѣ сталъ предметомъ множества *теорій*, всегда ученыхъ и иногда остроумныхъ. Мы сдѣлаемъ краткій сводъ всѣхъ болѣе характерныхъ между этими теоріями, изъ которыхъ каждая на нашъ взглядъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины.

V.

Шлейермахеръ въ введеніи къ своему переводу развиваетъ тотъ взглядъ, что послѣдовательный порядокъ Платоновыхъ произведеній прямо вытекаетъ изъ одного художественно-философско-дидактическаго плана, установленнаго заранѣе Платономъ еще въ юности и далѣе все болѣе уяснявшагося въ частностяхъ. Каждый значительный діалогъ послѣ перваго, каковымъ Шлейермахеръ признаетъ *Федра*, есть прямое и преднамѣренное продолженіе или восполненіе своего предъидущаго и подготовленіе къ своему послѣдующему. Въ этомъ смыслѣ Шлейермахеръ различаетъ три послѣдовательныя группы діалоговъ: I. *Федръ*, *Лизисъ*, *Протагоръ*, *Лахесъ*, *Хармидъ*, *Евтифронъ*, *Парменидъ*,—это группа „элементарная", II—

„подготовительная" группа: *Горгій*, *Өеэтетъ*, *Менонъ*, *Евтидемъ*, *Кратилъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Пиршество*, *Федонъ*, *Филебъ*; III—„конструктивная" группа: *Государство*, *Тимей*, *Критій*. Не вошедшія сюда произведенія Шлейермахеръ признаетъ или подложными, или дополнительными, прибавленными самимъ Платономъ для выясненія тѣхъ или другихъ частныхъ вспросовъ, затронутыхъ въ основныхъ діалогахъ. Взглядъ Шлейермахера, явно несообразный съ дѣйствительными условіями писательства вообще и платонова въ особенности, никѣмъ теперь не поддерживается и имѣетъ лишь историческій интересъ.

Гегельянецъ *Астъ*, признавая каждый діалогъ самостоятельнымъ произведеніемъ творчества, или обособленнымъ идейнымъ организмомъ, по отличительному характеру творчества различаетъ согласно общей гегелевой схемѣ три группы діалоговъ, относящіяся между собою какъ теза, антитеза и синтеза. Діалоги, признанные Астомъ за подлинные, располагаются здѣсь слѣдующимъ образомъ. Первая основоположная группа съ преобладаніемъ художественнаго элемента: *Протагоръ*, *Фэдръ*, *Горгій*, *Фэдонъ*. Вторая, антитетическая группа съ преобладаніемъ философской рефлексіи и діалектики: *Өеэтетъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Парменидъ*, *Кратилъ*. Третья, синтетическая группа, представляющая равновѣсіе художественнаго и діалектическаго элемента,—образцы совершеннаго философскаго творчества: *Филебъ*, *Пиршество*, *Государство*, *Тимей*, *Критій*. Все прочее по Асту подложно.

Зохеръ справедливо полагаетъ, что порядокъ Платоновыхъ произведеній долженъ опредѣляться ходомъ его жизни, но онъ беретъ эту жизнь слишкомъ внѣшнимъ образомъ—по возрастамъ. Въ періодъ юности (до 31 года) Платонъ написалъ по мнѣнію Зохера—частію при жизни Сократа, частію вслѣдъ за его смертью,—слѣдующія десять произведеній изъ Өразиллова списка: *Өеагъ*, *Лахесъ*, *Меньшій Иппій*, *Первый Алкивіадъ*, *Менонъ*, *Кратилъ*, *Евтифронъ*, *Апологія*, *Критонъ и Фэдонъ*. Ко второму періоду—возмужалости (до 42 лѣтъ)—относятся семь діалоговъ: *Іонъ*, *Евтидемъ*, *Большій Иппій*, *Протагоръ*, *Өеэтетъ*, *Горгій*, *Филебъ*. Къ третьему возрасту—полной зрѣлости (до 65 лѣтъ) принадлежатъ пять діалоговъ: *Фэдръ*, *Менексенъ*, *Пиршество*, *Государство*, *Тимэй*. Памятникомъ четвертой поры—старости—осталось сочиненіе о *Законахъ*.

К. Ф. Германъ, основательно признавая, что Платонъ подъ новыми вліяніями видоизмѣнялъ свои взгляды, различаетъ три главные періода его творчества. Въ первомъ, подъ прямымъ вліяніемъ Сократа, имъ написаны такъ называемые сократическіе діалоги, которые Германъ принимаетъ въ такомъ порядкѣ: *Меньшій Иппій*, *Іонъ*, *Первый Алкивіадъ*, *Лизисъ*, *Хармидъ*, *Лахесъ*, *Протагоръ*, *Евтидемъ*; Переходъ отъ перваго періода ко второму обозначается произведеніями, написанными подъ впечатлѣніемъ судебнаго процесса и смерти Сократа: *Апологія*, *Критонъ*, *Горгій*, *Евтифронъ*, *Менонъ*, *Большій Иппій*. Второй періодъ—*діалектическій*—опредѣляется вліяніемъ мегарской и элеатской школы на переселившагося въ Мегару Платона; сюда относятся: *Өеэтетъ*, *Кратилъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Парменидъ*. Къ третьему—*конструктивному*—періоду Платонова творчества, обусловленному вліяніемъ пиөагорейцевъ, принадлежатъ: *Фэдръ*, *Менексенъ*, *Пиршество*, *Фэдонъ*, *Филебъ*, *Государство*, *Тимей*, *Критій*. Внѣ этой классификація остается произведеніе упадка и дряхлости—*Законы*. Какъ по вопросу о подлинности (см. выше), такъ и по вопросу о хронологическомъ порядкѣ сочиненій Платона съ Германомъ въ существенныхъ пунктахъ согласны Штальбаумъ, Штейнгартъ и Зуземиль. Этотъ взглядъ, связанный съ такими достовѣрными и важными факторами, какъ вліяніе Сократа, элеатовъ и пиөагорейцевъ, несомнѣнно даетъ намъ первую твердую основу для пониманія платоновыхъ діалоговъ и ихъ общей связи. Но нельзя видѣть здѣсь настоящее рѣшеніе „платоническаго вопроса". Значеніе постороннихъ вліяній на Платона окончательно опредѣляется тѣмъ, *что* они могли въ немъ вызвать, или тѣмъ, *какъ* онъ самъ къ нимъ относился, или на нихъ реагировалъ: иначе было бы непонятно, почему софисты и атомисты, которыхъ онъ хорошо зналъ, не оказали на него такого же положительнаго вліянія, какъ элеаты, или пиөагорейцы. Вліяніе совершенно исключительной личности Сократа на молодого Платона было, конечно, опредѣляющимъ, оставляя однако и тутъ нерѣшеннымъ вопросъ, почему это вліяніе не сдѣлало навсегда Платона исключительно этическаго мыслителя подобно другимъ философски одареннымъ ученикамъ Сократа, какъ напримѣръ Аристиппъ и Антисөенъ. Въ зрѣлыхъ произведеніяхъ Платона самое важное, безъ сомнѣнія, есть то, что *вливалъ* въ нихъ онъ самъ. Еслибы его философія была лишь сводомъ сократовыхъ, элеатскихъ и пиөагорейскихъ идей, то ею не стоило бы такъ много заниматься. Замѣтимъ еще, что тѣ оттѣнки въ ходѣ размышленія и пріемахъ изложенія, которыми различаются между собою ранніе, среднія и поздніе діалоги, едвали могутъ быть возведены на степень трехъ особыхъ методовъ—сократическаго, діалектическаго и конструктивнаго. Сократовъ способъ доискиваться истины путемъ наводящихъ вопросовъ и предварительно принимаемыхъ и затѣмъ отвергаемыхъ опредѣленій, безъ сомнѣнія есть лишь видъ діалектики и не можетъ противополагаться діалектическому методу; даже въ такихъ діалогахъ какъ *Софистъ* и *Политикъ* расчлененіе понятій не

представляетъ ничего по существу новаго, а есть лишь крайне-педантическое примѣненіе одного изъ пріемовъ разсужденія, обычнаго и въ другихъ діалогахъ. Далѣе указаніе на „конструктивный“ методъ, понятное, если дѣло идетъ о діалогѣ *Тимей*, теряетъ всякій опредѣленный смыслъ когда сюда же причисляются и такіе діалоги, какъ *Фэдръ*, *Пиршество*, *Фэдонъ*, гдѣ пришлось бы искать конструктивности развѣ только въ платоновыхъ „миѳахъ“. Но миѳъ не есть методъ.

VI.

Изъ дальнѣйшихъ оригинальныхъ взглядовъ наиболѣе замѣчательные высказаны Эдуардомъ Мункомъ, Ибервегомъ, Джорджемъ Гротомъ и Тейхмиллеромъ.

Мункъ въ своемъ сочиненіи Die natürliche Ordnung der platonischen Schriften (Berlin, 1857), придавая чрезмѣрное значеніе роли Сократа въ платоновыхъ діалогахъ, принимаетъ идеализованный образъ Сократа за преднамѣренно установленный принципъ единства всего Платонова творчества. Достигнувъ зрѣлаго возраста (42—45 лѣтъ) и начавъ свои бесѣды въ Академіи, Платонъ задумалъ будто бы изложить свою философію въ послѣдовательномъ рядѣ художественныхъ сценъ, изображающихъ жизнь Сократа какъ идеальнаго мудреца, причемъ каждая сцена, представляя опредѣленный моментъ изъ жизни Сократа, выражала бы вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую пройденную стадію въ философскомъ развитіи самого Платона. Порядокъ діалоговъ долженъ представлять здѣсь хронологическую связь изображаемыхъ эпохъ сократовой жизни и отражающихъ ее ступеней внутренняго развитія его ученика, а не временную послѣдовательность дѣйствительнаго *написанія* діалоговъ, которая не имѣетъ интереса съ точки зрѣнія Мунка. А естественный порядокъ, имъ (по убѣжденію же его—самимъ Платономъ) установленный, осуществляется въ трехъ циклахъ. Послѣ пролога, представляемаго діалогомъ *Парменидъ*, гдѣ Сократъ является жаждущимъ истины юношею, слѣдуетъ первый циклъ, гдѣ Сократъ въ зрѣлой молодости выступаетъ горячимъ словеснымъ борцомъ за правду; сюда принадлежатъ *Протагоръ*, *Хармидъ*, *Лахесъ*, *Горгій*, *Іонъ*, *Бо́льшій Иппій*, *Кратилъ*. *Евтидемъ*, *Пиршество*. Далѣе, во второмъ циклѣ, Сократъ на границѣ старости (около 60 лѣтъ) дѣйствуетъ какъ *учитель* истины, именно въ діалогахъ *Фэдръ*, *Филебъ*, *Государство*, *Тимей*, *Критій*. Наконецъ въ третьемъ циклѣ Сократъ при исходѣ своей жизни изображается какъ обреченный, а затѣмъ и присужденный *мученикъ* за правду: *Менонъ*, *Ѳеэтетъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Евтифронъ*, *Апологія*, *Критонъ*, *Фэдонъ*.

Этой теоріи нельзя отказать въ смѣлости замысла и изяществѣ построенія; но помимо частныхъ несообразностей и натяжекъ, бросающихся въ глаза, самая мысль о такомъ преднамѣренномъ составленіи Платономъ общаго плана діалоговъ съ цѣлью идеализованнаго жизнеописанія его учителя—не выдерживаетъ критики. Самъ Мункъ долженъ былъ признать, что нѣкоторые діалоги не вмѣщаются въ его рамки и что они были написаны независимо отъ главнаго плана (именно *Первый Алкивіадъ*, *Меньшій Иппій*, *Лизисъ*, *Менексенъ и Законы)*. Эту оговорку слѣдуетъ, конечно, поставить не въ упрекъ, а въ смягчающее обстоятельство для теоріи Мунка: когда многообразное живое содержаніе подводится подъ одну схему, то всякое ограниченіе этой схемы приближаетъ ее къ истинѣ. Но бѣда въ томъ, что между діалогами, втиснутыми Мункомъ въ его „циклы“, лишь очень немногіе соотвѣтствуютъ его основной теоріи, въ большей же части разговаривающій Сократъ является вовсе не средоточіемъ главнаго интереса, а только принятою литературною формой и какъ бы обычнымъ псевдонимомъ автора. Еслибы изображеніе Сократа, даже идеализованнаго, было главною цѣлью писаній Платона, то во имя чего влагалъ бы онъ въ уста своего учителя такія рѣчи, какихъ тотъ не только никогда не говорилъ, но по существу дѣла и не могъ говорить, каковы длинныя разсужденія въ положительномъ смыслѣ объ отвлеченно метафизическихъ и космологическихъ вопросахъ, которые дѣйствительный Сократъ рѣшительно отвергалъ какъ пустословіе, но которые, подъ условіями независимыми отъ Сократа и уже послѣ его смерти стали для Платона главнѣйшимъ предметомъ его интереса.

Изъ мнѣній *Ибервега* довольно характерно для нѣмецкой „профессорской“ философіи то, что большую часть діалоговъ (и между ними самые лучшіе) онъ считаетъ не литературными произведеніями, а записками для повторенія слушателями лекцій, которыя будто бы Платонъ читалъ въ Академіи. Такому взгляду противорѣчитъ: 1) діалогическая форма этихъ произведеній съ отсутствіемъ у большинства изъ нихъ опредѣленныхъ дидактическихъ заключеній; 2) тщательная литературная отдѣлка важнѣйшихъ діалоговъ какъ самостоятельныхъ и законченныхъ художественныхъ произведеній, что несообразно съ назначеніемъ преподавательскаго конспекта; 3) и главное—недоказанное и болѣе, чѣмъ сомнительное предположеніе о постоянной профессорской каѳедрѣ въ томъ публичномъ мѣстѣ для фехтованія, гимнастики и прогулокъ, какимъ была Академія. Ничто не препятствуетъ, напримѣръ, любому изъ живущихъ въ Москвѣ авторовъ философскихъ сочиненій бесѣдовать со своими друзьями въ Экзерциргаузѣ, или въ саду „Эрмитажъ“;

не было бы ничего чрезвычайнаго и въ томъ, еслибы въ связи съ этими бесѣдами образовался и преемственно сохранился философскій кружокъ подъ условнымъ названіемъ „Манежъ“, или „Эрмитажъ“. Но можно ли было бы заключать, что основатель этого кружка имѣлъ въ названныхъ заведеніяхъ ординарную профессуру и что всѣ его сочиненія, хотя бы въ беллетристической формѣ, были только конспектами читанныхъ будто бы въ Манежѣ или Эрмитажѣ правильныхъ курсовъ по философіи?

Пораженный разнообразіемъ мыслей и дѣйствительными или кажущимися противорѣчіями въ произведеніяхъ Платона, Джорджъ *Гротъ* отказывается подвести ихъ подъ какой нибудь принципъ единства или внутренней связи. Онъ отрицаетъ опредѣленную умственную личность у Платона и опредѣленный характеръ у совокупности его твореній (no personal Plato, no common characteristic). „Платонъ былъ скептикъ, догматистъ, религіозный мистикъ, изслѣдователь, математикъ, философъ, поэтъ (эротическій и сатирическій), риторъ, художникъ—все въ одномъ, или по крайней мѣрѣ все одно за другимъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ его философской жизни“. По мнѣнію Грота главная цѣль Платона въ его діалогахъ состояла не въ сообщеніи какихъ нибудь опредѣленныхъ ученій, а въ томъ, чтобы „одушевить своихъ читателей тѣмъ же интересомъ къ процессу діалектическаго изслѣдованія, который онъ очевидно чувствовалъ въ своей собственной груди“. Такой взглядъ вѣренъ однако лишь отчасти, ибо его никакъ нельзя отнести къ тѣмъ діалогамъ которые самъ Гротъ, слѣдуя Ѳразиллу называетъ „излагательными“ или „руководительными“ (*ὑφηγητικοί*) въ отличіе отъ „изыскательныхъ“ (*ζητητικοί*).

Въ заключеніе Гротъ говоритъ, что къ діалогамъ Платона нельзя „ни относиться какъ къ вкладамъ въ одну положительную систему ученія, ни приписывать каждому изъ нихъ намѣренно-предназначенное мѣсто въ развитіи одного заранѣе задуманнаго плана, ни видѣть въ нихъ послѣдовательныя проявленія извѣстныхъ или опредѣлимыхъ перемѣнъ во взглядахъ ихъ автора. Для насъ они—отдѣльные воображаемые разговоры, составленные однимъ и тѣмъ же авторомъ въ неизвѣстное время и при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ“.

Въ своемъ изложеніи и разборѣ Платона по отдѣльнымъ діалогамъ Гротъ держится предположительнаго и приблизительнаго хронологическаго порядка, который онъ справедливо опредѣляетъ постепеннымъ удаленіемъ Платона отъ несомнѣнно сократическаго характера его раннихъ произведеній. На первомъ мѣстѣ стоитъ у

Грота *Апологія*, всецѣло занятая личностью Сократа; на послѣднемъ—*Законы*, гдѣ Сократъ вовсе не является и даже не упоминается.

По своеобразной теоріи *Тейхмиллера*, которая подробно доказывается имъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (главные изъ нихъ: Die platonische Frage, Gotha 1876; Ueber die Reihenfolge der platonischen Dialogen, Leipzig 1879; Literarische Fehden im IV Jahrhunderte vor Chr., 2 Bände, Breslau 1881—1883), Платонъ былъ геніальнымъ философомъ—*публицистомъ*, и всѣ его діалоги были полемическія сочиненія «на случай“ (Gelegenheitsschriften), вызванныя тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ его столкновеній съ софистами и другими тогдашними дѣятелями. Съ большимъ усердіемъ и остроуміемъ Тейхмиллеръ отыскиваетъ всевозможныхъ указаній и намековъ на текущія дѣла и отношенія, вызывавшія публичную писательскую дѣятельность Платона. Если бы всѣ эти „открытія“ ученаго критика были безошибочны, то хронологическій порядокъ появленія, или во всякомъ случаѣ окончательнаго редактированія и обнародованія *) діалоговъ, былъ бы установленъ, но этимъ нисколько не раскрывалась бы внутренняя послѣдовательность въ развитіи платоновой философіи и существенная связь ея частей. Ибо ясно, что тѣ философскія и нравственныя убѣжденія, изъ за которыхъ Платонъ полемизировалъ со своими противниками, никакъ не могли быть плодомъ этой полемики, а должны были возникнуть раньше ея.

VII.

Если мы возьмемъ теперь критическую работу XIX столѣтія надъ Платономъ въ ея совокупности, то изъ нея легко выдѣляются нѣсколько пунктовъ, которые по устраненіи частныхъ ошибокъ, односторонностей и увлеченій, слѣдуетъ признать вообще прочно установленными. Укажу на главные, обозначая при каждомъ имя того ученаго, который особенно способствовалъ выясненію даннаго пункта: 1) между діалогами Платона есть внутренняя связь (Шлейермахеръ); 2) основное значеніе принадлежитъ здѣсь отношенію Платона къ Сократу и къ его жизненной судьбѣ (Мункъ); 3) существенная связь платоновыхъ сочиненій не есть отвлеченное единство преднамѣреннаго плана, а органически вытекаетъ изъ взаимоотношенія самостоятельныхъ индивидуальныхъ моментовъ, (Астъ); 4) въ духовномъ развитіи Платона кромѣ основного и важнѣйшаго

*) Естественно допустить, что нѣкоторые философскіе діалоги, писавшіеся безъ всякой публицистической цѣли, могли быть, вслѣдствіе какого нибудь новаго происшествія, полемически заострены и въ этомъ видѣ обнародованы.

вліянія, оказаннаго на него Сократомъ, имѣли значеніе и другія внѣшнія воздѣйствія, между которыми главныя исходили отъ элеатовъ, а потомъ отъ пиѳагорейцевъ (Германъ); 5) умственный міръ Платона не можетъ быть вмѣщенъ въ одно опредѣленное міросозерцаніе, и его взгляды и стремленія имѣютъ лишь то общее направленіе, что постепенно удаляются отъ сократическаго образа мыслей, усвоеннаго имъ въ молодости (Джорджъ Гротъ); 6) Платонъ не былъ отвлеченнымъ теоретикомъ, и его произведенія всегда связаны съ жизненными интересами (Тейхмиллеръ).

Эти шесть тезисовъ, введенные нами въ ихъ должные предѣлы, могутъ быть признаны положительными результатами критики. „Платоническій вопросъ" этимъ, конечно, еще не рѣшается, но мы имѣемъ по крайней мѣрѣ нѣсколько твердыхъ точекъ опоры, обозначающихъ общую почву для дальнѣйшаго его разсмотрѣнія,—достаточно опредѣленныя, хотя и широкія рамки для рѣшенія задачи.

Чтобы правильно понять духовную исторію Платона, отъ которой необходимо зависитъ внутренняя связь и естественный порядокъ его произведеній, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на тотъ мало замѣчаемый и еще менѣе оцѣненный фактъ, что помимо всякихъ вліяній, сократическихъ и иныхъ, мы находимъ у Платона, какъ уже зрѣлаго и самостоятельнаго мыслителя, *два существенно различныхъ* и лишь генетически между собою связанныхъ *міросозерцанія*. Если образъ мыслей Платона вообще называть идеализмомъ, то первое изъ этихъ міровоззрѣній слѣдуетъ обозначить какъ идеализмъ отрѣшенный и пессимистическій, а второе какъ идеализмъ положительный и оптимистическій. Согласно первому „міръ весь во злѣ лежитъ"; для нормальнаго человѣка, то-есть мудраго и справедливаго, сама жизнь есть зло, а смерть—благо; истинный философъ долженъ внутренно умереть для этого міра прежде физической смерти; онъ долженъ отказаться отъ всякихъ практическихъ интересовъ и замкнуться въ себѣ, отнюдь не касаясь дѣлъ общественныхъ,—и всетаки естественная судьба мудреца и праведника въ обществѣ человѣческомъ состоитъ въ томъ, чтобы быть казненнымъ смертью по приговору публичныхъ властей; такому безусловному дуализму *между правдой и дѣйствительною жизнью* соотвѣтствуетъ здѣсь такое же окончательное раздвоеніе между *духомъ и тѣломъ*, *разумнымъ мышленіемъ и чувственнымъ воспріятіемъ*, между *истинно-сущимъ и явленіемъ*: тѣло, чувственность, явленіе суть нѣчто вполнѣ дурное, недостойное, недолжное; тѣло есть гробъ и темница духа, чувственность—обманъ, явленіе—призракъ.

Совершенно другой видъ получаетъ все это согласно второму міровоззрѣнію Платона. Здѣсь міръ весь въ добрѣ лежитъ; онъ

есть произведеніе верховной благости, второй богъ, образъ перваго; всѣ тѣлесные и чувственные предметы образованы высшими духовными („умными") силами, запечатлѣвшими въ нихъ идеальныя нормы бытія; соотвѣтственно этому и общество человѣческое имѣетъ положительное значеніе, оно должно воплощать въ себѣ правду; философъ долженъ не только заниматься дѣлами общественными, но и распоряжаться ими, какъ законодатель и правитель; назначеніе мудреца и праведника—вмѣсто того, чтобы умирать по собственной волѣ и быть убиваемому по волѣ народа и правительства,—состоитъ въ томъ, чтобы царствовать, или по крайней мѣрѣ быть совѣтникомъ и руководителемъ царей.

Прямо согласить эти два міровоззрѣнія нѣтъ никакой возможности. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что Платонъ, уже послѣ смерти Сократа, самостоятельно утвердившись въ опредѣленномъ отношеніи къ міру и жизни, именно въ отношеніи отрицательномъ, безусловно пессимистическомъ, затѣмъ перемѣнилъ его на другое и въ существенныхъ чертахъ противуположное. Если бы дѣло шло о частностяхъ, то можно было бы приписать перемѣну постороннимъ вліяніямъ, личнымъ и общественнымъ. Но мы видимъ переходъ къ принципіально иному міровоззрѣнію, и мы знаемъ, что послѣ Сократа Платонъ не встрѣчалъ лицъ и общественныхъ элементовъ такого высокаго значенія, чтобы они могли изъ него, уже зрѣлаго и оригинальнаго мыслителя, сдѣлать новаго человѣка.

Необходимо признать внутри самого Платона раскрывшійся жизненный факторъ, заставившій его въ опредѣленную эпоху перемѣнить свой взглядъ на міръ и жизнь. И дѣйствительно мы находимъ этотъ внутренній факторъ, художественно изображенный въ двухъ центральныхъ и совершеннѣйшихъ произведеніяхъ Платона—*Фэдръ и Пиршество*,—заполняющихъ ученіемъ о любви видимую пропасть между отрицательнымъ и положительнымъ идеализмомъ Платона. Съ помощью этого ключа мы можемъ представить основные взгляды Платона и совокупность его главныхъ твореній въ ихъ жизненномъ единствѣ. Здѣсь я изложу свое рѣшеніе „Платоническаго вопроса" лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ; болѣе подробнымъ разъясненіемъ и критическимъ оправданіемъ этого рѣшенія будетъ занятъ особый трактатъ въ послѣднемъ томѣ настоящаго изданія.

VIII.

Упоминая объ очевидной противуположности и объ открытой нами связи между двумя самостоятельными и зрѣлыми взглядами Платона на міръ и жизнь, мы уже предполагали у него болѣе ран-

ній несамостоятельный образъ мыслей, вполнѣ опредѣлявшійся общимъ ученіемъ Сократа. Эта начальная ступень умственной жизни нашего философа увѣковѣчена въ той группѣ его діалоговъ, за которыми упрочилось названіе „сократическихъ“. Что они составляютъ самыя раннія произведенія Платона—въ этомъ нѣтъ серьезнаго сомнѣнія. Но когда собственно они написаны? Хотя очень многіе (едва ли не большинство) новѣйшихъ ученыхъ стоятъ за мнѣніе, что Платонъ ничего не писалъ при жизни Сократа, но психологическая несообразность, связанная съ этимъ мнѣніемъ, перевѣшиваетъ въ нашихъ глазахъ тѣ доводы, которыя за него выставляются. Возможно, конечно, что всѣ сократическіе діалоги, приписываемые Платону, вовсе ему не принадлежатъ, но пока это не доказано, слѣдуетъ признавать, что Платонъ написалъ ихъ послѣ своего прочнаго сближенія съ Сократомъ и до смерти учителя. Ясно въ самомъ дѣлѣ, что самый тонъ этихъ діалоговъ былъ бы непремѣнно другой, не могъ бы быть такимъ свѣжимъ, веселымъ, жизнерадостнымъ, если бы они были написаны *вскорѣ послѣ* потрясающей трагедіи 399, а относить ихъ къ позднѣйшимъ временамъ никто, кажется, не рѣшался. Съ другой стороны нельзя относить эти діалоги къ началу знакомства Платона съ его учителемъ, такъ какъ содержаніе ихъ показываетъ, что авторъ вполнѣ освоился, сжился и съ личнымъ характеромъ и съ взглядами Сократа.

Итакъ слѣдуетъ признать, что эти произведенія, если только они написаны Платономъ, принадлежатъ къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни Сократа. Сюда относятся кромѣ мелкихъ діалоговъ по особымъ, преимущественно этическимъ, вопросамъ (*Лахесъ*, *Хармидъ*, *Лизисъ* и нѣкоторые другіе), еще четыре болѣе крупные діалога: *Первый Алкивіадъ*, *Большій Иппій*, *Протагоръ*, *Евтидемъ*, характеризующіе самый духъ Сократова ученія частію положительнымъ образомъ, частію отрицательнымъ—чрезъ сопоставленіе съ духомъ софистики.

Къ сократическимъ діалогамъ примыкаетъ особая тріада произведеній, выдѣляющихся своею ближайшею связью съ трагическимъ концомъ Сократова поприща и соотвѣтственною перемѣной тона: *Евтифронъ*, *Апологія*, *Критонъ*. Эти три произведенія по всей вѣроятности написаны или во время суда надъ Сократомъ и его тюремнаго заключенія, или въ ближайшее время послѣ его смерти. Я не вижу убѣдительныхъ доводовъ противъ мнѣнія Джорджа Грота, что *Апологія* есть записанная или на память воспроизведенная Платономъ (существенно вѣрно по содержанію и формѣ, хотя, разумѣется, безъ буквальной точности) защитительная рѣчь, дѣйствительно сказанная Сократомъ передъ судьями; но совершенно недопустимо

выраженное другими предположеніе, что эта рѣчь заранѣе была написана для Сократа Платономъ,—какъ будто старый мастеръ былъ въ рѣчахъ слабѣе своего молодого ученика.

Смертью Сократа заканчивается вступительная или подготовительная пора внутренней жизни Платона. Онъ получилъ отъ учителя, вполнѣ усвоилъ умомъ и художественно выразилъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ общій руководящій отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни: мы должны жить для познанія и дѣланія того, что само по себѣ хорошо и потому не зависитъ ни отъ внѣшняго авторитета, ни отъ мотивовъ кажущейся выгоды и мнимаго удовольствія; истинная же выгода и подлинное удовольствіе или удовлетвореніе получаются отъ слѣдованія *самому добру*, познаваемому свободною дѣятельностью ума, причемъ склонность людей къ злу вмѣсто добра объясняется лишь незнаніемъ и умственными ошибками. Эта послѣдняя сторона въ ученіи Сократа,—его отрицаніе зла какъ такого придаетъ ему оптимистическій, жизнерадостный характеръ, который однако долженъ былъ исчезнуть изъ настроенія Платона послѣ смерти его учителя.

Смертный приговоръ Сократу за его рѣшимость держаться одного чистаго добра и правды обнаруживалъ въ человѣческой природѣ и жизни такую глубину зла, какую нельзя было объяснить однимъ незнаніемъ и нелогичностью. Потрясающее впечатлѣніе этого событія, не измѣняя сразу главныхъ сократическихъ убѣжденій Платона, должно было сообщить новый характеръ его общему взгляду на міръ и жизнь. Незамѣтнымъ сперва для него самого результатомъ пережитого явилось *первое самостоятельное міровоззрѣніе Платона*.

IX.

Метафизическое ученіе Платона объ умственномъ созерцаніи, объ идеяхъ и идеальномъ космосѣ выводятъ обыкновенно изъ чисто-теоретическихъ запросовъ мысли касательно природы познанія. Такой взглядъ исторически невѣренъ. Фактъ сосредоченія Платона въ извѣстную эпоху на отвлеченныхъ вопросахъ, при чемъ какъ будто отодвигался на задній планъ, а то и вовсе забывался интересъ нравственный, всецѣло занимавшій Сократа,—самый этотъ фактъ требуетъ объясненія, особенно въ виду основанія этическихъ школъ другими сократовцами послѣ смерти учителя. Но дѣло въ томъ, что отрѣшенность Платона отъ практическихъ жизненныхъ задачъ въ пользу чистаго умозрѣнія сама возникла на почвѣ нравственной. Характерный для него теоретическій дуализмъ между истинно-сущимъ и призрачно-бывающимъ или являющимся есть

прежде всего отвѣтъ философскаго ума на нравственный вопросъ, поставленный фактомъ закономѣрнаго убійства праведника за простое исповѣданіе имъ правды. Спрашивается: какъ это возможно? И вотъ отвѣтъ: это возможно и естественно потому, что *тотъ міръ, въ которомъ это бываетъ, не есть настоящій*; его нравственная негодность становится сносною для мысли, если не для чувства, благодаря метофизической неподлинности, или обманчивости самого мірскаго бытія: *понятно, что въ неистинномъ происходитъ недолжное.*

Признанная теоретически несостоятельность этого міра подрываетъ и практическій интересъ къ его дѣламъ. Человѣку, ищущему не призрачныхъ матерьяльныхъ выгодъ и удовольствій, а истинной добродѣтели, *нечего дѣлать* въ этомъ мірѣ, онъ долженъ уйти изъ него, чтобы заниматься чистымъ мышленіемъ истинно-сущаго блага въ ожиданіи болѣе полнаго общенія съ этимъ благомъ въ мірѣ загробномъ. Если же философъ съ наилучшими намѣреніями вмѣшается въ дѣла общественныя, то его неминуемо ждутъ мученія и смерть. Эта новая точка зрѣнія такъ мало было *намѣреннымъ* противорѣчіемъ съ проповѣдью Сократа, что Платонъ заставляетъ его самого высказывать ее съ большимъ краснорѣчіемъ сначала въ *Горгіи*, потомъ въ *Менонѣ*, также во второй книгѣ *Государства* и въ *Фэдонѣ*, чѣмъ и опредѣляется настоящее мѣсто этихъ важныхъ произведеній въ умственной исторіи ихъ автора *).

Въ *Горгіи* съ особенною силою и ясностью выступаетъ нравственная сущность воззрѣнія, сложившагося у лучшихъ учениковъ Сократа послѣ трагической смерти учителя. Главный, съ необычайнымъ одушевленіемъ доказываемый тезисъ этого діалога: зло только въ томъ, чтобы дѣлать зло, а не въ томъ, чтобы его претерпѣвать. Между тѣмъ общее мнѣніе и житейская практика руководятся прямо противоположнымъ принципомъ: всякій боится претерпѣть что нибудь отъ другихъ, хотя бы заслуженно, и никто не боится вредить другимъ, если это можетъ пройти безнаказанно.

Въ *Менонѣ* впервые выступаетъ общее представленіе иного, болѣе истиннаго міра, гдѣ наша предсуществующая душа созерцаетъ подлинныя формы вещей, которыхъ *припоминаніе* (ἀνάμνησις) и есть наше настоящее знаніе. Въ этомъ діалогѣ поставленный сначала практическій вопросъ о добродѣтели сейчасъ же переходитъ въ теоретическій—о природѣ знанія; при этомъ философъ (во-

*) Такъ какъ указанный моментъ въ духовномъ развитіи Платона достаточно ясно и ярко выраженъ въ *Менонѣ, Фэдонѣ, Государствѣ*, а также въ *Феэтетѣ* (см. ниже), то сказанное здѣсь сохраняетъ свою силу и въ томъ случаѣ, если *Горгій* принадлежитъ не Патону, а Антисѳену, что я считаю возможнымъ, хотя едва ли доказуемымъ.

преки основному догмату Сократа историческаго) скептически относится къ своему призванію учить людей добродѣтели, не признавая впрочемъ такой способности и у другихъ предполагаемыхъ наставниковъ нравственности. Смыслъ этого скептицизма (прямо не высказанный) можетъ состоять лишь въ томъ, что *порочные люди неисправимы знаніемъ*. Какъ живое подтвержденіе этой своей мысли, Платонъ вызываетъ на сцену фатальный образъ Анита. Этотъ главный обвинитель Сократа, заявляетъ, что единственные учители добродѣтели суть правительственныя лица, а такъ называемые „мудрецы" (здѣсь онъ не дѣлаетъ различія между Сократомъ и софистами) только зловредные колебатели основъ,—и на вопросъ Сократа, знаетъ ли онъ ихъ, отвѣчаетъ, что не только не знаетъ, но и не желаетъ никогда знать, но считаетъ нужнымъ дѣлать имъ какъ можно больше зла. Онъ не потому ихъ ненавидитъ, что не знаетъ ихъ, а, напротивъ, потому не хочетъ ихъ знать, что ненавидитъ ихъ,—допущеніе принципіально-злой и никакому наученію недоступной воли, не согласное съ сократическою точкою зрѣнія.

Въ *Фэдонѣ* мы находимъ уже вполнѣ опредѣлившуюся философію двухъ міровъ: настоящее отечество для мудреца не этотъ ложный міръ явленій, а тотъ идеальный космосъ истинно-сущихъ и умопостигаемыхъ благъ, къ которому философская душа принадлежала до рожденія и будетъ всецѣло принадлежать по смерти. Отчетливо выражая въ этомъ произведеніи совершившуюся въ немъ умственную перемѣну, Платонъ геніально тутъ же показываетъ и жизненное основаніе этой перемѣны—въ художественномъ изображеніи истиннаго мудреца, умирающаго по злой волѣ земнаго отечества.—Дуализмъ этой фазы Платонова воззрѣнія проявляется здѣсь и въ *безусловномъ противоположеніи души и тѣла*. Душа есть по существу разумное начало, не имѣющее съ тѣломъ внутренней связи. Низшія стороны души—страстная, или раздражительная (τὸ θυμοειδές) и похотливая или пожелательная (τὸ ἐπιθυμητικόν), въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Платона связывающія духовную жизнь съ тѣлесною и занимающія метафизически и психологически равное мѣсто съ разумомъ и лишь этически ему подчиненныя,—эти „части души" въ Фэдонѣ считаются (безъ яснаго между ними различенія) принадлежностью тѣла, внѣшнею для души,—какъ бы оковами, наложенными на нее въ ея тѣлесной темницѣ. Философъ, переходя со смертью въ міръ истинныхъ и вѣчныхъ сущностей, не уноситъ туда съ собою этихъ оковъ; а тѣ души, которыя къ нимъ привыкли и привязались, вмѣсто разумнаго мышленія предаваясь страстямъ и пожеланіямъ, и по смерти не могутъ, отягощенныя этими

оковами, перейти въ идеальный космосъ, а должны блуждать въ приземной сферѣ или вселяться въ худшія животныя тѣла, покуда не очистятся. Метафизическихъ трудностей такого взгляда Платонъ не обсуждаетъ въ Фэдонѣ, но этико-психологическій дуализмъ и отсутствіе трехчастнаго дѣленія души весьма характерны для этого діалога.

Согласно отрицательному, пессимистическому идеализму, истинный философъ, отрѣшенный отъ міра и жизни, видитъ свое призваніе лишь въ томъ, чтобы „созерцать умомъ истинно-сущее“, но такъ какъ прямое умственное созерцаніе въ земныхъ условіяхъ есть дѣло, хоть и возможное, но крайне трудное и рѣдкое, то постоянное занятіе философа заключается въ томъ, чтобы познавать чрезъ понятія то, что относится, или принадлежитъ къ истинно-сущему, т. е. философія сводится къ отчетливому и правильному діалектическому изслѣдованію вопросовъ теоретическихъ. Такое опредѣленіе философа какъ чистаго мыслителя, или теоретика, принципіально установлено въ *Фэдонѣ*, и затѣмъ Платонъ примѣняетъ этотъ принципъ къ дѣлу въ группѣ діалоговъ отвлеченно-теоретическаго характера, завершающихъ періодъ отрѣшеннаго идеализма. Таковы именно: *Кратилъ*—о природѣ словъ, *Өеэтетъ*—о природѣ знанія, *Софистъ*—объ отношеніи сущаго къ не сущему и *Парменидъ*—объ единомъ и многомъ, или объ идеяхъ. Въ *Өеэтетѣ* помѣщена знаменитая рѣчь объ истинномъ философѣ какъ чистомъ теоретикѣ, находящемъ свою свободу и достоинство въ намѣренномъ отчужденіи отъ всего практическаго, дѣлового, житейскаго, какъ „рабскаго“ и унизительнаго. Эта блестящая характеристика окончательно подтверждаетъ сказанное о судьбѣ и призваніи философа въ *Горгіѣ и Фэдонѣ*.

X.

Чѣмъ рѣшительнѣе Платонъ утверждалъ противуположность двухъ міровъ — идеальнаго и чувственнаго, — тѣмъ труднѣе ему было объяснить ихъ фактическую совмѣстность — общая трудность всякаго дуализма. Въ метафизическомъ дуализмѣ Платона она принимала очень тонкій видъ. Реальному міру приписывалось здѣсь только кажущееся, а не настоящее бытіе: это есть нѣчто непрерывно раждающееся и погибающее (т. е. возникающее и исчезающее), по существу же никогда не сущее—*ἀεὶ γιγνόμενον τε καὶ ἀπολλύμενον, ὄντως δε οὐδέποτε ὄν*. Этотъ міръ въ основѣ своей есть прямо небытіе (*το μη ον*). Такъ и называетъ его Платонъ— и неизбѣжно долженъ называть, ибо то, что только *кажется* какъ бы *сущимъ*, очевидно, тѣмъ самымъ *есть не сущее*. Однако мы ощущаемъ себя живущими и дѣйствующими въ этомъ мірѣ и разговариваемъ о немъ, что было бы невозможно, еслибъ онъ представлялъ собою безусловное небытіе, или если бы его вовсе не было. И вотъ въ діалогѣ *Софистъ* доказывается, что не сущее (*το μὴ ὄν*) въ извѣстномъ смыслѣ все таки есть (доказательство облегченное тѣмъ, что греческій языкъ имѣетъ двѣ отрицательныя частицы—*μη* и *ου*). Съ другой стороны въ томъ же діалогѣ и спеціальнѣе въ *Парменидѣ* доказывается, что истинно-сущее не должно пониматься какъ простое и пустое, исключительно тождественное себѣ единство, а что въ немъ есть „одно“ и „многое“, „то-же“ и „другое“,—такъ что если идеальный космосъ въ цѣломъ представляетъ совершенное бытіе, то въ различіяхъ его необходимо присутствуетъ относительное небытіе, поскольку „одно“ есть и *не есть*, „многое“, «то-же“ есть и не есть «другое». Такимъ образомъ между двумя мірами оказывается нѣчто общее, открывается логическая точка соприкосновенія между мыслимымъ небытіемъ въ мірѣ идей и реальнымъ небытіемъ въ мірѣ явленій. Но эта связь слишкомъ отвлеченная и указываетъ лишь на общую *возможность* или *мыслимость* соединенія, а не даетъ его дѣйствительно. Помимо діалектики понятій нужно было найти дѣйствительное начало, посредствующее между двумя мірами и объединяющее ихъ на дѣлѣ.

Жизнь души не исчерпывается противоборствомъ между идеально-теоретическими стремленіями, поднимающими ее въ умопостигаемую область чистыхъ формъ, и матеріяльно-практическими влеченіями, погружающими ее въ темный потокъ обманчиваго „буванія“ (*γένεσις*). Есть въ человѣкѣ фактъ и факторъ, который не можетъ быть сведенъ ни къ одному матерьяльному, ни къ одному духовному началу, а въ нераздѣльности заключаетъ и то и другое. Всякій, испытавшій собственно-человѣческій паѳосъ личной любви, знаетъ, что его нельзя пріурочить по существу ни къ духовнымъ, ни къ плотскимъ потребностямъ—ибо и тѣ и другія могутъ удовлетворяться и помимо этой любви, и что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то особымъ, самостоятельнымъ и серединнымъ, относящимся именно не къ той или другой сторонѣ нашей природы, а къ ея цѣлости, или полнотѣ.

Фактъ такого значенія и объема, не можетъ быть обойденъ философіей, пытающеюся дать окончательный отчетъ въ смыслѣ всего существующаго. Но та философія отрицательнаго дуалистическаго идеализма, тоторая создалась у Платона какъ естественная реакція его высшей природы на аномалію Сократовой смерти, не имѣла въ себѣ мѣста именно для всемірной силы любви. А priori Платонъ съ своей точки зрѣнія, безусловно противополагающей идеальное реаль-

ному, духовное плотскому, никакъ не могъ бы прійти къ признанію и высокой оцѣнкѣ эротическаго состоянія. И если мы находимъ такую оцѣнку и первую, доселѣ не превзойденную, философію любви въ двухъ произведеніяхъ Платона, представляющихъ вершину его творчества, то необходимо принять (и безъ того вполнѣ вѣроятное) предположеніе, что его ученіе о любви было слѣдствіемъ живого личнаго опыта, о которомъ—кромѣ одного, сохраненнаго преданіемъ имени,—мы не имѣемъ никакихъ біографическихъ данныхъ, но который достаточно засвидѣтельствованъ самими этими произведеніями.

Платоновъ *Эросъ*—это слово принято сохранять во избѣжаніе смѣшенія съ *φιλία* Эмпедокла и съ христіанскою *ἀγάπη*—есть переходъ, посредство и связь между двумя мірами, онъ совмѣщаетъ въ себѣ идеальную природу съ чувственною. Какъ конкретное произведеніе *избытка* вѣчно-сущаго и матерьяльной скудости, или *недостатка*, стремящагося къ восполненію, онъ есть начало дѣятельное и страдательное вмѣстѣ, нуждающееся въ совершенной формѣ и ищущее ее, способное принимать ее и сообщать другому. Эросъ не богъ, но нѣчто божественное, посрединѣ между вѣчною и смертною природой, могучій демонъ связывающій небо и землю.

Послѣ того, какъ въ новѣйшей философіи за безусловное начало всего принимались такія абстракціи, какъ *самомышленіе* (Гегель) и *самоволя* (Шопенгауэръ) мы уже не имѣемъ права съ высока относиться къ сравнительно-умѣренному гипостазированію любви у Платона. Но главное здѣсь не въ полу-миѳологическомъ описаніи характера и происхожденія Эроса, а въ опредѣленіи его настоящаго дѣла или призванія въ мірѣ. Дѣло Эроса въ низшемъ его явленіи есть рожденіе тѣлъ, чѣмъ увѣковѣчивается смертная природа растеній и животныхъ по родамъ ихъ. Высшее явленіе Эроса въ душахъ добродѣтельныхъ и истинно-философскихъ также побуждаетъ ихъ къ *рожденію*, но не въ смертномъ „бываніи", а *въ безсмертной красотѣ*. Это требованіе, чтобы любовь рождала въ красотѣ, логически вытекаетъ изъ принципа и прямо высказывается Платономъ, но въ чемъ собственно состоитъ такое духовное рожденіе, мы у него не находимъ. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что высокіе умы ведутся Эросомъ къ созерцанію истинно-сущаго и т. д. Но вопервыхъ созерцаніе не есть рожденіе, а во вторыхъ созерцать истинно-сущее есть собственное дѣло ума, не нуждающееся въ Эросѣ, какъ и самъ Платонъ, говоря въ *Фэдонѣ*, а потомъ въ *Государствѣ* объ умственномъ созерцаніи, вовсе не упоминаетъ о паѳосѣ любви.

Очевидно въ понятіи *духовнаго рожденія*, аналогичнаго рожденію

физическому, Платонъ дошелъ до *предѣла* античнаго міросозерцанія и несмотря на свою геніальность не былъ въ силахъ перейти этотъ предѣлъ. Онъ *отступилъ* передъ высшею задачей бытія, и Эросъ на дѣлѣ остался для него не „раждающимъ въ красотѣ", какъ требуетъ его собственное опредѣленіе, а только созерцающимъ красоту истинно-сущаго и желающимъ, но безсильнымъ воплотить ее. Произошло безмолвное крушеніе личнаго духа въ Платонѣ, но все таки пережитая и передуманная сила любви не осталась для него совершенно безплодною. Благодаря ей онъ уже не могъ вернуться къ тому отрѣшенному идеализму, который равнодушенъ къ жизни и міру. Почувствованная любовь уже сама по себѣ снимаетъ, по крайней мѣрѣ субъективно, безусловную грань между двумя мірами. И для Платона послѣ его эротической эпохи, увѣковѣченной въ *Фэдрѣ и Пиршествѣ*, начинается періодъ *практическаго идеализма*.

XI.

Дѣйствительность вообще и ближайшимъ образомъ человѣческое общество становится для Платона предметомъ не отрицанія и удаленія, а живого интереса, Аномаліи существующаго, несоотвѣтствія дѣйствительности идеальнымъ требованіямъ сознаются по прежнему, но отношеніе философа къ этому противорѣчію измѣняется. Онъ хочетъ практически *противодѣйствовать* злу, *исправлять* мірскія неправды, *помогать* мірскимъ бѣдствіямъ. И такъ какъ противодѣйствіе злу,—въ смыслѣ глубокаго, кореннаго исправленія неправды и помощи въ бѣдствіяхъ чрезъ перерожденіе самого человѣка,—оказалось для него непосильнымъ, то онъ беретъ дѣло съ болѣе доступной, внѣшней стороны—въ смыслѣ *преобразованія* общественныхъ отношеній. И онъ такъ рѣшительно обращается къ этой задачѣ, что не только излагаетъ въ своихъ книгахъ (позднѣйшихъ) о *Государствѣ* обстоятельный планъ нормальнаго общежитія, но и стремится осуществить его практически.

Но отказъ философа отъ высшей идеи духовнаго перерожденія не остался для него безнаказаннымъ. Несмотря на глубину, смѣлость и возвышенность многихъ частныхъ мыслей, общій идеалъ соціальнаго строя у Платона поражаетъ своимъ поверхностнымъ и низменнымъ характеромъ. Вмѣсто исправленія основныхъ аномалій древней жизни мы видимъ ихъ философское узаконеніе. Въ *Политіи* Платона увѣковѣчены: всевластіе государства надъ человѣкомъ, рабство, раздѣленіе между греками и варварами и война между ними—въ качествѣ нормальнаго состоянія. Вмѣсто сближенія дѣйствительности съ безусловнымъ идеаломъ, практическій идеа-

лизмъ Платона представляетъ въ сущности лишь идеализацію извѣстныхъ весьма условныхъ сторонъ и явленій наличной жизни. Намѣренно удаляясь отъ демократическаго строя Аѳинъ, мнимоидеальный строй Платоновой политіи столь же намѣренно приближается къ аристократическому строю Спорты, при чемъ онъ не только не возвышается въ общемъ и существенномъ надъ историческою дѣйствительностью, но иногда падаетъ ниже ея, указывая образцы для человѣка въ дикомъ способѣ жизни по обычаю звѣриному (общность женъ). И на этихъ реальныхъ основахъ: поглощеніи личности обществомъ, рабствѣ, войнѣ и безнравственныхъ отношеніяхъ между полами и поколѣніями—коллегія философовъ путемъ раціональнаго воспитанія должна создать идеальное государство.

Платонъ, какъ сказано, не довольствовался ролью теоретика, а хотѣлъ непремѣнно начать практическое осуществленіе своего плана. Такъ какъ по его убѣжденію нормальнымъ обществомъ должны управлять философы, то онъ естественно обращается къ той философской школѣ, которая изначала имѣла соціальныя стремленія и играла нѣкоторое время видную политическую роль, именно къ пиѳагорейцамъ. Ближайшее знакомство съ ними и съ ихъ ученіемъ сильно отразилось на многихъ пунктахъ новаго теоретическаго его ученія, изложеннаго отчасти въ *Филебѣ* и окончательно въ *Тимеѣ*. Въ общемъ содержаніе этого послѣдняго — метафизическаго и космологическаго сочиненія опредѣляется, какъ и стремленіе Платона къ политической дѣятельности, тою новою точкой зрѣнія, на которую онъ сталъ, признавъ въ Эросѣ связующее начало между дѣйствительнымъ и идеальнымъ бытіемъ. Относясь положительнымъ образомъ (вмѣсто прежнихъ отрицаній) къ общественной жизни въ своемъ *Государствѣ*, онъ соотвѣтственно измѣняетъ и свое отношеніе къ жизни космической въ *Тимеѣ*. О безусловной противуположности истинно-сущаго, вѣчнаго текущимъ обманчивымъ явленіямъ, о безднѣ между двумя мірами нѣтъ болѣе помину. Міръ физическій также имѣетъ свою истинную первооснову въ абсолютномъ благѣ, какъ и міръ идеальный. *Душа міра*—лишь другое, пиѳагорейское названіе для Платонова Эроса—производитъ вещественныя стихіи и тѣла *сообразно идеямъ*, и міръ истинно-сущаго оказывается не противоположностью, а первообразомъ нашей дѣйствительности. Новое стремленіе Платона связывать идеальное съ реальнымъ нашло себѣ подходящій матерьялъ въ математическихъ символахъ пиѳагорейства, гдѣ эти двѣ стороны нераздѣльны.

XII.

Въ политической задачѣ Платона пиѳагорейцы не могли оказать ему прямой поддержки. Ихъ союзъ, давно ослабленный и напуганный демократическими разгромами, не рѣшался болѣе на широкія политическія предпріятія, представляя изъ себѣ нѣчто въ родѣ того невиннаго мистическаго масонства, какимъ оно было у насъ въ Россіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Пиѳагорейцы могли только послужить посредниками для знакомства Платона съ Сиракузскимъ тираномъ Діонисіемъ, въ которомъ философъ думалъ найти подходящее орудіе для своихъ плановъ.

Хотя по прежнимъ понятіямъ Платона тираннія, т. е. монархическая власть, произвольно и насильственно захваченная, изо всѣхъ худыхъ образовъ правленія есть наихудшій, но теперь въ виду отсутствія такой коллегіи философовъ, которая собственными силами могла бы начать исполненіе его преобразовательныхъ замысловъ, онъ прямо заявляетъ, что единственный практическій способъ водворить правду на землѣ есть личное вліяніе мудреца на *удобнаго*—по свойствамъ и обстоятельствамъ своимъ — тирана.

Діонисій Старшій былъ настоящимъ типичнымъ тираномъ, но въ удобствѣ его Платону пришлось усумниться, когда ихъ знакомство кончилось тѣмъ, что Діонисій продалъ философа въ рабство. Не воспользовавшись этимъ урокомъ, Платонъ дѣлаетъ еще двукратную попытку образовать себѣ удобнаго тирана изъ Діонисія Младшаго. И послѣ новыхъ неудачъ онъ не отказывается отъ своей цѣли и лишь вмѣсто Сиракузъ мечтаетъ достигнуть ея на островѣ Критѣ, гдѣ господствующій дорійскій строй кажется ему наиболѣе подходящимъ для его плановъ. Заранѣе составленный имъ мотивированный сводъ Законовъ для будущаго образцоваго государства на Критѣ не только не содержитъ въ себѣ никакого идеальнаго и философскаго элемента, но есть рѣшительное *отреченіе Платона отъ принциповъ Сократа и философіи*.

Въ сочиненіи *Законы* Сократъ не только не является главнымъ дѣйствующимъ или разговаривающимъ лицомъ, но о немъ вовсе нѣтъ помину. Этому внѣшнему отсутствію образа и имени Сократа соотвѣтствуетъ полное отсутствіе его духа въ этомъ произведеніи. Общій характеръ и тонъ здѣсь—низменный и мелочный; на главномъ мѣстѣ—варварское уголовное право съ квалифицированною смертною казнью, съ карательнымъ преслѣдованіемъ чародѣевъ и заклинателей, съ возмутительно-несправедливыми отдѣльными законами, напримѣръ тѣми, которые рабу, не донесшему вла-

стямъ о замѣченныхъ имъ нарушеніяхъ общественнаго благочинія посторонними лицами, грозятъ смертною казнью. Но прямое принципіальное отреченіе Платона отъ смысла его жизни, связанной съ дѣломъ Сократа, заключается въ тѣхъ законахъ, которыми назначается казнь всякому, кто сталъ бы критиковать принятые уставы и положенія, какъ по отношенію къ богамъ, такъ и по отношенію къ порядку общежитія. Такимъ образомъ Платонъ становится здѣсь всецѣло на точку зрѣнія Анита и Мелита, добившихся смертнаго приговора Сократу именно за его свободное критическое отношеніе къ авторитету «города» въ дѣлахъ религіи и общественной нравственности. Утверждая принципъ слѣпой, рабской и лживой вѣры, Платонъ окончилъ свое философское поприще явнымъ отреченіемъ отъ своего философскаго призванія.

Рядомъ съ такими образцами философскаго мышленія и творчества, какъ *Федонъ*, *Федръ и Пиршество*, какъ *Θеэтетъ и Парменидъ* осталось и это темное сочиненіе о законахъ, какъ провиденціальное напоминаніе почитателямъ „божественнаго" Платона, что геніальнѣйшій умъ самъ по себѣ не достаточенъ не только для того, чтобы перейти въ область сверхчеловѣческаго, но и для того, чтобы удержаться на высотѣ уже достигнутой.

Дѣйствительная жизненная исторія Платона, увѣковѣченная въ совокупности его твореній, болѣе всякаго вымысла можетъ быть названа *трагедіей человѣчества*.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СОКРАТИЧЕСКІЕ ДІАЛОГИ.

ΘЕАГЪ

(ИЛИ О МУДРОСТИ)

Собесѣдники: **ДЕМОДОКЪ, СОКРАТЪ, ΘЕАГЪ.**

ѲЕАГЪ.

Дем. Надо бы мнѣ съ тобою, Сократъ, кой о чемъ особо переговорить, ежели тебѣ досужно; а если и не досужно, но не то, чтобъ ужь очень,—удосужься все таки ради меня. Steph. 121.

Сокр. Да я и безъ того незанятъ, а для тебя и подавно. Такъ если хочешь что нибудь сказать,—говори.

Дем. Ну такъ не отойти ли намъ вонъ туда—подъ навѣсъ Зевса Освободителя [1]).

Сокр. Если тебѣ угодно.

Дем. Идемъ же Сократъ.—Со всѣмъ вообще растущимъ, B.
и съ тѣмъ что выростаетъ изъ земли, и съ животными,—какъ съ другими, такъ и съ человѣкомъ,—случается нѣчто одинаковое. А именно, относительно растеній самое легкое для насъ, землѣдѣловъ,—приготовлять все нужное къ насажденію и затѣмъ сама посадка,—а потомъ, когда посѣянное заживетъ своею силой, [2]), тогда начинается ухаживаніе за растущимъ,—тутъ и много дѣла, и тяжело оно, и затруднительно. Тоже самое, кажется мнѣ, бываетъ и относительно людей; отъ собственныхъ своихъ дѣлъ заклю- C.
чаю и о другихъ. Ибо мнѣ самому произвести на свѣтъ этого сына,—назвать ли это насажденіемъ, или дѣторожденіемъ,—было легче всего, а воспитать его—и трудъ и страхъ: все за него опасаешься. Много можно было бы сказать и о прочемъ, но теперешняя его прихоть ужь очень меня пугаетъ. Она нельзя сказать, чтобы неблагородна, а опасна.

---

1) Портикъ Зевса Освободителя (*Διός τοῦ ἐλευθερίου*) въ Керамикѣ, описанъ Павзаніемъ. О томъ, что Сократъ останавливался тамъ для бесѣдъ, упоминаетъ и Ксенофонтъ.

2) Здѣсь въ одномъ греческомъ словѣ *βιῷ* совмѣщаются два оттѣнка, которые можно хорошо передать только тремя русскими словами (заживетъ своею силою).

Вотъ захотѣлось ему у насъ, Сократъ, сдѣлаться мудрымъ.
D. Думается мнѣ, что какіе нибудь его сверстники и земляки [3]),
приходя въ городъ, натолковали ему чего нибудь и смутили
его. Изъ соревнованія съ ними онъ давно мнѣ надоѣдаетъ,
полагая, что я долженъ о немъ позаботиться и снабдить
деньгами кого нибудь изъ софистовъ, который сдѣлалъ бы
его мудрымъ. Мнѣ же о деньгахъ всего меньше печали, но
я думаю, что онъ попадетъ въ немалую опасность тамъ,
122. куда торопится. До сихъ поръ я удерживалъ его увѣщаніями, но больше уже не въ силахъ и считаю за лучшее послушаться его, чтобы онъ, безъ моего вѣдома съ кѣмъ нибудь связавшись, не пропалъ совсѣмъ. Вотъ я теперь изъ за этого и иду, — чтобы свести его съ кѣмъ нибудь изъ слывущихъ софистами. Значитъ ты намъ къ добру повстрѣчался: съ тобою то я больше всѣхъ хотѣлъ бы посовѣтоваться, предпринимая такое дѣло. Такъ если имѣешь что посовѣтовать на основаніи того, что отъ меня слышалъ, — то и можно тебѣ и должно.

B. **Сокр.** Да вѣдь и говорится, Демодокъ, что совѣтъ
— дѣло святое. И если онъ святъ во всякомъ другомъ
случаѣ, то ужь конечно и въ томъ, относительно котораго
ты теперь совѣтуешься; вѣдь изо всего того, что можетъ
рѣшать человѣкъ, нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ
воспитаніе — его собственное и его домашнихъ. Но сперва
согласимся мы съ тобою, что̀ собственно есть по нашему
то, о чемъ мы рѣшаемъ; чтобы не случилось такъ, что я
C. приму это за одно, а ты за другое, и не пришлось бы намъ
потомъ, зайдя далеко въ бесѣдѣ, вдругъ почувствовать насколько мы смѣшны — я, совѣтующій, и ты, спрашивающій совѣта, совсѣмъ не разумѣя одного и того же.

Дем. Я думаю, ты правильно говоришь, Сократъ, — такъ и нужно дѣлать.

Сокр. Говорю-то я и правильно, однако не совсѣмъ, —
такъ немножко перемѣню. Мнѣ пришло на мысль, что вѣдь,
можетъ быть, и этотъ мальчикъ не того желаетъ, что мы
предполагаемъ, а чего нибудь другого, такъ что мы оказались
D. бы еще болѣе нелѣпыми, совѣщаясь объ иномъ. Такъ всего
правильнѣе мнѣ кажется начать съ него, разспросивши,
чего же онъ собственно желаетъ.

[3]) То есть принадлежащіе къ одному съ нимъ подраздѣленію аѳинскаго населенія, — къ демѣ Анагиразіевъ.

Дем. Да, кажется, всего лучше такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Такъ скажи мнѣ, какимъ прекраснымъ именемъ звать этого юношу?

Дем. Ѳеагъ его имя, Сократъ.

Сокр. Прекрасное имя и благочестивое [4]) далъ ты, Демодокъ, своему сыну. — Скажи-ка намъ, о Ѳеагъ, ты же-
лаешь, говоришь ты, стать мудрымъ и требуешь отъ своего
отца ввести тебя въ общеніе съ кѣмъ нибудь, кто сдѣлалъ E.
бы тебя мудрымъ?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. А мудрыми называешь ты свѣдущихъ въ чемъ нибудь, или нѣтъ?

Ѳеагъ. Свѣдущихъ.

Сокр. Что же? Развѣ не далъ тебѣ отецъ твой наученія и наставленія въ томъ, въ чемъ воспитаны другіе сыны благородныхъ отцовъ, какъ то: въ грамотѣ, въ игрѣ на киѳарѣ, въ единоборствѣ и другихъ упражненіяхъ?

Ѳеагъ. Этому то меня обучили.

Сокр. Такъ ты думаешь, что еще недостаетъ какой-то на- 123
уки, относительно которой отцу слѣдуетъ позаботиться о тебѣ.

Ѳеагъ. Я думаю.

Сокр. Что же это за наука? Скажи и намъ, чтобы мы сдѣлали тебѣ угодное.

Ѳеагъ. Онъ это знаетъ, Сократъ, потому что я часто ему сказывалъ; но онъ нарочно такъ тебѣ говоритъ, будто не зная, чего я хочу; потому что онъ и такъ, и сякъ со мною сражается и не хочетъ ни съ кѣмъ меня свести.

Сокр. Но то, что ты прежде ему говорилъ, было какъ
бы сказанное безъ свидѣтелей; теперь же меня сдѣлай сви- B.
дѣтелемъ и передо мной выскажи, что такое эта самая мудрость, которой желаешь? Вотъ видишь ли, если бы ты желалъ той, чрезъ которую люди управляютъ кораблями, и мнѣ случилось бы тебя спросить: о Ѳеагъ, въ какой нуждаясь мудрости, упрекаешь ты отца, что онъ не хочетъ свести тебя съ тѣми, у кого ты бы могъ ей умудриться? Что бы ты мнѣ отвѣчалъ? Какую бы обозначилъ? Не ту ли, которою обладаютъ кормчіе? [5])

[4]) Отъ словъ *θεός* и *ἄζομαι* — значитъ приблизительно то же, что *θεοσεβής* — чтитель Бога, благочестивый.

[5]) *κυβερνητικήν* — здѣсь и далѣе я нахожу лучшимъ употреблять описательныя выраженія, нежели сочинять нарочно слова для понятій, не имѣющихъ самостоятельнаго значенія.

Ѳеагъ. Да.

С. **Сокр**. А если бы ты, желая быть мудрымъ въ той мудрости, посредствомъ которой управляютъ колесницами, изъ за этаго упрекалъ отца, и я опять спросилъ бы тебя, что это за мудрость, какую бы ты назвалъ въ отвѣтъ? Не ту ли, которая принадлежитъ возничимъ?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Ну а та, которой ты теперь желаешь,—что она: безымянная какая нибудь, или имѣетъ имя?

Ѳеагъ. Думаю, что имѣетъ.

Сокр. Что же,—знаешь ли ты ее, но не ея имя? Или также и имя?

Ѳеагъ. И имя также.

Сокр. Какое же оно? Скажи.

D. **Ѳеагъ**. Какое же другое, Сократъ, дастъ ей кто нибудь названіе, кромѣ какъ именно мудрости?

Сокр. Но развѣ и умѣнье возничаго не есть мудрость? Или тебѣ кажется, что это—невѣдѣніе?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. Значитъ мудрость?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Въ чемъ, для какого употребленія? Не для того ли, чтобы знать, какъ править упряжью коней?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. И развѣ умѣнье кормчаго не есть также мудрость?

Ѳеагъ. Мнѣ кажется.

Сокр. И не въ томъ ли она, чтобы знать управленіе кораблями?

Ѳеагъ. Въ томъ самомъ.

Сокр. Ну а та-то, которой ты желаешь, что это за мудрость? Черезъ нее то *чѣмъ* распоряжаться мы научаемся?

Ѳеагъ. Думается мнѣ, что людьми.

Е. **Сокр**. А именно не больными ли?

Ѳеагъ. Ну нѣтъ.

Сокр. Ибо то будетъ медицина. Не такъ ли?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Но можетъ быть ты хочешь той мудрости, чрезъ которую мы умѣемъ распоряжаться поющими въ хорахъ?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. Ибо то будетъ музыка.

Ѳеагъ. Конечно.

Сокр. Но не той ли ты ищешь, чрезъ которую научаемся управлять людьми въ тѣлесныхъ упражненіяхъ?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. Ибо это будетъ гимнастика.

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Такъ какими же, или что дѣлающими людьми научаетъ насъ распоряжаться та мудрость? Попробуй сказать такъ, какъ я тебѣ сейчасъ говорилъ.

Ѳеагъ. Кажется мнѣ, тѣми людьми, что въ городѣ. 124.

Сокр. А развѣ больные не въ городѣ?

Ѳеагъ. Да, но я не о нихъ только говорю, а также и о другихъ, что въ городѣ.

Сокр. Ну понимаю, о какомъ ты говоришь искусствѣ! Ты вѣдь разумѣешь не то, чѣмъ мы научаемся начальствовать надъ жнущими, и собирающими плоды и сажающими растенія, и сѣющими, и молотящими; ибо то искусство земледѣлія. Не такъ ли?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. И не про то, думаю, говоришь, что научаетъ насъ управлять всѣми пилящими, сверлящими, шлифующими и вытачивающими; ибо не будетъ ли это плотническое искусство?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Но, должно быть, ты разумѣешь то, посредствомъ B.
чего научаемся управлять всѣми этими, а также самими мастерами земледѣлія и плотничества и всѣми вообще какъ имѣющими общеполезное дѣло, такъ и вольными людьми [6]), женщинами и мужчинами,—такое-то искусство, должно быть, разумѣешь ты какъ мудрость.

Ѳеагъ. О немъ именно, Сократъ, я и хочу уже давно сказать.

Сокр. Ну такъ скажи и о томъ: Эгистъ, убившій Агамемнона въ Аргосѣ, начальствовалъ ли онъ надъ тѣми, про

---

[6]) *δημιουργῶν καὶ ἰδιωτῶν*—въ такомъ сопоставленіи „деміургъ“ не значитъ просто ремесленникъ, а человѣкъ профессіональный, принадлежащій къ какой нибудь промышленной корпораціи, — пріуроченный къ какому нибудь общему, собирательному труду, а „идіотъ“ въ противуположность этому значитъ человѣкъ „самъ по себѣ“, въ экономическомъ смыслѣ „собственникъ“ „rentier“. Это близко къ этимологіи: *ἴδιος*—свой собственный, отдѣльный, особенный. Понятія „идіота“, какъ „простеца“, „непосвященнаго“, или „профана“, потомъ „невѣжды“, наконецъ „слабоумнаго“ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе и переносное значеніе.

C. кого ты говоришь, то есть надъ всею совокупностью и работающихъ и праздныхъ, и мужчинъ и женщинъ, или надъ кѣмъ нибудь другимъ?

Θеагъ. Нѣтъ, надъ этими самыми.

Сокр. Что же? Пелей, сынъ Эака, во Фѳіи не надъ тѣмъ ли же начальствовалъ?

Θеагъ. Да.

Сокр. А слыхалъ ты, что Періандръ, сынъ Кипсела, сталъ начальствующимъ въ Коринѳѣ?

Θеагъ. Слыхалъ.

Сокр. Начальствующимъ надъ тѣми же всѣми въ своемъ городѣ?

D. **Θеагъ**. Да.

Сокр. Ну а Архелай, сынъ Пердикки, что еще недавно начальствовалъ въ Македоніи, не надъ тѣми ли же самыми онъ по твоему начальствовалъ?

Θеагъ. Полагаю.

Сокр. А Иппій, сынъ Пизистрата, начальствовавшій въ здѣшнемъ городѣ, надъ кѣмъ, думаешь начальствовалъ? Не надъ тѣми ли же?

Θеагъ. Какъ же иначе?

Сокр. Ну, а не сказалъ ли бы ты мнѣ, какое названіе имѣютъ Бакидъ и Сивилла и землякъ нашъ Амфилитъ? [7])

Θеагъ. Какое же другое, Сократъ, какъ не названіе прорицателей?

E. **Сокр**. Правильно говоришь. Но и о тѣхъ попробуй мнѣ такимъ же образомъ отвѣтить, — какое названіе имѣютъ Иппій и Періандръ по свойству самаго ихъ начальствованія?

Θеагъ. Думаю, что названіе тиранновъ, — какое же другое?

Сокр. Такъ тотъ, кто желаетъ начальствовать надъ всѣми людьми въ городѣ, не желаетъ ли онъ того же самаго господства какъ и тѣ — тиранническаго и быть тиранномъ?

Θеагъ. Повидимому такъ.

Сокр. И ты, говоришь, желаешь этого самаго?

Θеагъ. Выходитъ такъ изъ того, что я сказалъ.

---

[7]) Бакидъ (*Βάκις*) и Сивилла (разумѣется Эриѳрейская, единственно извѣстная въ Греціи во времена Платона, — впослѣдствіи ихъ насчитывалось до десяти) — полумиѳическіе образы древняго прорицательства; Амфилитъ — историческое лицо, жившее и прорицавшее въ Аѳинахъ во времена Пизистрата.

Сокр. Ахъ злодѣй! Такъ это желая тиранствовать надъ
нами, ты упрекалъ отца, что онъ не посылалъ тебя къ ка-
кому нибудь учителю—тиранноучителю? А тебѣ, Демодокъ, 125.
не стыдно, что давно зная, чего онъ желаетъ и имѣя куда послать его, чтобы сдѣлать мастеромъ въ той мудрости, которой онъ желаетъ, ты сталъ завидовать ему и не хочешь посылать? Но, видишь, теперь, послѣ того, какъ онъ передо мною тебя обличилъ, посовѣтуемся мы съ тобою сообща, къ кому бы намъ его послать, и чье бы собесѣдованіе могло сдѣлать его мудрымъ тиранномъ?

Дем. Да, ей-богу [8]), Сократъ, непремѣнно посовѣ- B.
туемся: вѣдь о такомъ дѣлѣ нужно совѣщаніе не маловажное.

Сокр. Постой, добрѣйшій! Разспросимъ сперва его самого какъ слѣдуетъ.

Дем. Такъ разспрашивай.

Сокр. Что еслибы намъ воспользоваться немножко Еврипидомъ, о Θеагъ? Ибо Еврипидъ говоритъ гдѣ-то:

Мудры тиранны сообществомъ мудрыхъ [9]).

Такъ еслибы кто спросилъ Еврипида: О Еврипидъ! *въ*
чемъ мудры тѣ, чрезъ сообщество съ которыми бываютъ, C.
говоришь ты, мудры тиранны? Все равно, какъ еслибы онъ сказалъ „мудры земледѣльцы сообществомъ мудрыхъ“, и мы спросили *въ чемъ* мудрыхъ, что бы онъ намъ отвѣтилъ? Не то ли, что мудрыхъ по части земледѣлія?

Θеагъ. Именно это.

Сокр. Или, еслибы онъ сказалъ „мудры повара сообществомъ мудрыхъ“, и мы спросили бы, *въ чемъ* мудрыхъ, что бы онъ намъ отвѣтилъ, какъ не то, что въ дѣлахъ кухонныхъ?

Θеагъ. Да. D.

Сокр. А еслибы сказалъ „мудры борцы сообществомъ мудрыхъ“, и мы спросили, въ чемъ мудрыхъ, не отвѣтилъ ли бы онъ, что въ искусствѣ борьбы?

Θеагъ. Да.

---

[8]) *μὰ Δία*—въ большей части случаевъ я перевожу это русскимъ „ей-богу“, потому что обыкновенный переводъ „клянусь Зевсомъ“ невѣренъ вдвойнѣ: во первыхъ частица *μά* слишкомъ не похожа на глаголъ „клянусь“, а во вторыхъ нельзя простое междометіе передавать цѣлымъ предложеніемъ. Къ тому же понятіе Зевса, какъ верховнаго божества, равносильно въ подобныхъ случаяхъ понятію бога, или боговъ вообще.

[9]) *Σοφοί τύραννοι τῶν σοφῶν συνουσίᾳ*—этотъ стихъ принадлежитъ не Еврипиду, а Софоклу. См. ниже въ „разсужденіи о Θеагѣ“.

Сокр. А коль скоро онъ сказалъ:
Мудры *тиранны* сообществомъ мудрыхъ, то еслибы мы спросили: *въ чемъ* мудрыхъ, разумѣешь ты, Еврипидъ?— что̀ бы онъ молвилъ? что̀ это за искусство?

Θеагъ. Но, ей-богу, я не знаю.

Сокр. А хочешь, я тебѣ скажу?

Θеагъ. Если хочешь.

Сокр. Это то самое, въ чемъ по словамъ Анакреона была знающею Калликрита; или тебѣ неизвѣстна пѣсня?

Θеагъ. Извѣстна.

Сокр. Такъ какъ же? И ты желаешь такого сообщества съ кѣмъ нибудь, кто бы оказался одного ремесла съ Калликритой, дочерью Кіаны, и былъ бы знатокомъ въ искусствѣ тиранніи, какъ про нее сказалъ поэтъ [10]), — чтобы и тебѣ быть тиранномъ надъ нами и надъ городомъ?

Θеагъ. Все ты, Сократъ, шутишь и издѣваешься надо мною.

Сокр. Какъ? развѣ ты не говорилъ, что желаешь той мудрости, чтобы начальствовать надъ всѣми гражданами? А дѣлая это, чѣмъ бы другимъ ты былъ, какъ не тиранномъ?

Θеагъ. Положимъ, я пожелалъ бы сдѣлаться властителемъ—самое лучшее надъ всѣми людьми, а если нѣтъ, то
126. хоть надъ многими; да и ты, я думаю, и всѣ другіе люди, а можетъ быть еще болѣе—стать богомъ; но не объ этомъ желаніи я говорилъ.

Сокр. Но что же это такое, чего ты желаешь? Развѣ не говоришь ты, что желаешь начальствовать надъ гражданами?

Θеагъ. Но не насиліемъ и не такъ, какъ тиранны, а по доброй волѣ, какъ и другіе, почитаемые въ городѣ люди.

Сокр. Не разумѣешь ли, какъ Θемистоклъ и Периклъ и Кимонъ и всѣ, что стали сильными въ дѣлахъ политическихъ?

Θеагъ. Ей-богу, этихъ самыхъ я и разумѣю.

Сокр. Что же? Если бы пришло тебѣ желаніе сдѣ-
B. латься мудрымъ въ ѣздѣ на коняхъ, къ кому подумалъ бы ты обратиться, чтобы стать сильнымъ ѣздокомъ? Къ кому другому, какъ не къ наѣздникамъ?

---

10) Эта пѣсня Анакреона не сохранилась. Очевидно, она была обращена къ какой то наслѣдственной гетерѣ (наслѣдственной,—потому что ея происхожденіе опредѣляется здѣсь не по отцу, а по матери), за которою эротическій поэтъ признавалъ высокую степень искусства въ тиранническомъ обращеніи съ ея обожателями.

Θеагъ. Ей-богу, ни къ кому другому.

Сокр. Но именно къ тѣмъ, которые сильны въ этомъ дѣлѣ, и у кого есть кони и они всегда умѣютъ пользоваться и своими и чужими многими?

Θеагъ. Это ясно.

Сокр. Что же? Еслибы ты захотѣлъ стать умѣлымъ въ стрѣльбѣ, то не думаешь ли, что достигъ бы этого, пойдя къ стрѣлкамъ, у которыхъ есть соотвѣтствующія орудія, и они постоянно употребляютъ въ дѣло много и чужихъ и своихъ стрѣлъ. C.

Θеагъ. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну такъ скажи мнѣ: такъ какъ ты хочешь стать мудрымъ въ дѣлахъ политическихъ, то думаешь ли ты сдѣлаться такимъ, отправляясь къ кому нибудь другому, а не къ этимъ политикамъ, которые и сами сильны въ дѣлахъ политическихъ да и постоянно примѣняютъ силы какъ своего города, такъ и многихъ другихъ, входя въ сношенія и съ эллинскими и съ варварскими городами? Или тебѣ кажется, что станешь мудрымъ въ томъ, въ чемъ они, чрезъ общеніе съ другимъ кѣмъ-нибудь, а не съ ними самими?

Θеагъ. Слыхалъ я, Сократъ, какія ты, говорятъ, про-
износишь рѣчи о томъ, что сыновья этихъ государствен- D.
ныхъ людей нисколько не лучше, чѣмъ сыновья сапожниковъ; и мнѣ кажется, что ты говоришь совершенную истину, насколько я могу понять. Такъ значитъ я былъ бы безуменъ, еслибы думалъ, что кто нибудь изъ этихъ мужей передастъ мнѣ свою мудрость, а собственному своему сыну нисколько не дастъ ею воспользоваться, еслибы онъ, отецъ, вообще былъ способенъ приносить въ этомъ дѣлѣ пользу какому бы то ни было другому человѣку.

Сокр. Ну такъ къ чему же бы ты, превосходнѣйшій, прибѣгнулъ, еслибы у тебя былъ сынъ, и онъ такимъ образомъ приставалъ бы къ тебѣ, говоря, что желаетъ
сдѣлаться хорошимъ живописцемъ, и упрекая тебя, отца, E.
что не хочешь ради этого потратить на него денегъ, а между тѣмъ самъ бы онъ безчестилъ мастеровъ этого дѣла, живописцевъ, и не хотѣлъ бы у нихъ учиться?—или тоже самое съ флейтистами, желая сдѣлаться флейтистомъ, или съ киθаристами? Было бы у тебя куда съ нимъ дѣваться и въ какое другое мѣсто его отправить, не желающаго учиться у этихъ мастеровъ?

Θеагъ. Нѣтъ, ей-богу! 127.

Сокр. Такъ какъ же теперь самъ ты, поступая именно такимъ же образомъ съ твоимъ отцомъ, удивляешься и упрекаешь его, что онъ недоумѣваетъ, что съ тобой дѣлать и куда тебя послать? Вѣдь мы готовы свести тебя съ кѣмъ хочешь изъ Аѳинянъ, превосходныхъ въ дѣлахъ политическихъ, который бы даромъ занимался съ тобою; и ты заразъ и денегъ бы не потратилъ, да и гораздо въ большемъ былъ бы почетѣ передъ многими людьми, нежели имѣя общеніе съ кѣмъ нибудь другимъ.

Ѳеагъ. Ну если такъ, Сократъ, то развѣ и ты не принадлежишь къ превосходнымъ мужамъ? Поэтому если бы ты захотѣлъ быть со мною въ общеніи, съ меня этого достаточно и никого другого не ищу.

B. **Сокр**. Что это ты говоришь, Ѳеагъ?

Дем. Ну говоритъ-то онъ не дурно, Сократъ,—ты бы и меня этимъ обрадовалъ; такъ какъ для меня не можетъ быть большей находки, какъ еслибы ему понравилось сообщество съ тобою, и ты пожелалъ бы имѣть съ нимъ общеніе. Даже стыжусь я сказать, какъ сильно этого хочу. Но я обоихъ васъ прошу—тебя, чтобы ты захотѣлъ съ нимъ сойтись, а тебя, чтобы ты не искалъ сойтись ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ Сократа; и вы меня избавите отъ многихъ
C. и страшныхъ заботъ; такъ какъ теперь я всячески боюсь за него, чтобы не попался онъ кому нибудь другому, кто-бы его развратилъ.

Ѳеагъ. Теперь ужъ, отецъ, за меня не бойся, если только ты въ силахъ убѣдить его, чтобы принялъ общеніе со мною.

Дем. Прекрасно говоришь. Теперь ужъ, Сократъ, слово будетъ къ тебѣ. Ибо я готовъ, коротко говоря, и себя и свое, что ни на есть, предоставить тебѣ въ полную собственность, — все, что только понадобится, такъ сказать,
D. ежели ты приласкаешь этого Ѳеага и облагодѣтельствуешь его, насколько можешь.

Сокр. Не удивляюсь, Демодокъ, твоему усердію, если ты думаешь, что отъ меня онъ можетъ получить наибольшую пользу; ибо я не знаю, о чемъ бы могъ больше стараться человѣкъ, имѣющій умъ, какъ не о своемъ сынѣ, чтобы онъ былъ какъ можно лучше. Но отчего это тебѣ кажется, что я могу больше тебя самого способствовать твоему сыну стать добрымъ гражданиномъ, и откуда онъ
E. взялъ, что я болѣе, чѣмъ ты, былъ бы ему тутъ полезенъ,—

этому я весьма удивляюсь. Вѣдь ты во первыхъ старше меня, затѣмъ ты уже занималъ у Аѳинянъ многія и величайшія начальственныя мѣста и почитаешься у земляковъ твоихъ анагиразіянъ больше всѣхъ, а въ прочемъ городѣ не меньше кого бы то ни было; а во мнѣ ничего такого не усмотритъ ни одинъ изъ васъ. Потомъ, если ужь этотъ Ѳеагъ пренебрегаетъ сообществомъ мужей государственныхъ и ищетъ какихъ то иныхъ, провозглашающихъ себя способными воспитывать молодыхъ людей, — то вѣдь есть здѣсь Продикъ Кеосскій, и Горгій Леонтинецъ, и Полосъ изъ Агригента 128.
и много другихъ, настолько мудрыхъ, что обходя города убѣждаютъ благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ изъ юношей, которымъ общеніе съ кѣмъ угодно изъ гражданъ доступно даромъ,—ихъ они убѣждаютъ, бросивъ прежнія связи, войти въ общеніе съ ними за уплатою весьма большихъ денегъ и еще быть имъ благодарными. Изъ этихъ кого нибудь слѣдовало избрать твоему сыну и тебѣ самому, а не меня; ибо я ничего не знаю въ этихъ благодѣтельныхъ и прекрасныхъ наукахъ, хотя бы и хотѣлъ; я вѣдь и говорю всегда, что B.
я такъ сказать невѣжда во всемъ, кромѣ одной малой науки—любовной. Въ этой то ужь наукѣ я полагаю себя сильнѣе всякаго изъ прежде бывшихъ людей и изъ нынѣшнихъ.

Ѳеагъ. Видишь, отецъ, что Сократъ вовсе, кажется не хочетъ со мною заниматься, при всей моей готовности къ тому, если бы только онъ захотѣлъ; но все это онъ шутя C.
намъ говоритъ. Тогда какъ я знаю между моими сверстниками и немного старшими такихъ, которые прежде, чѣмъ съ нимъ сойтись, ничего не стоили, а послѣ общенія съ нимъ въ малое время оказываются лучше всѣхъ тѣхъ, кого сперва были хуже.

Сокр. А знаешь ли ты, въ чемъ тутъ дѣло, о сынъ Демодока?

Ѳеагъ. Да знаю, ей-богу, что еслибы ты захотѣлъ, то и я буду способенъ стать такимъ, какъ тѣ.

Сокр. Нѣтъ, мой милый, тебѣ неизвѣстно, какъ это D.
бываетъ, но я тебѣ растолкую. Дѣло въ томъ, что начиная съ дѣтства сопровождаетъ меня по божьему опредѣленію нѣчто демоническое. Это какой-то голосъ, который, когда является, всегда даетъ мнѣ знакъ удержаться отъ того, что хочу дѣлать, но никогда ни къ чему меня не побуждаетъ. И тоже самое, когда кто нибудь изъ друзей мнѣ что нибудь сообщаетъ, и я услышу голосъ, онъ отклоняетъ отъ пред-

пріятія и не позволяетъ дѣлать; я вамъ представлю на это свидѣтелей. Хармида[11]) здѣшняго вѣдь вы знаете, красавца, сына Главконова? Такъ вотъ онъ сообщилъ мнѣ какъ то, что хочетъ выступить на бѣговое состязаніе въ Немеѣ; и только что онъ началъ говорить, что хочетъ подвизаться, какъ былъ мнѣ голосъ. И я его отговаривалъ и сказалъ, что „среди твоей рѣчи слышенъ былъ мнѣ этотъ
E. самый демоническій голосъ, и ты не выступай на состязаніе“. А можетъ быть, сказалъ онъ, тебѣ дается лишь знакъ, что я не одержу побѣды, но если я и не буду побѣдителемъ, то упражняясь это время, все таки получу пользу. Сказавши это, выступилъ на бѣгахъ. Ну такъ стоитъ его са-
129. мого послушать о томъ, что съ нимъ случилось отъ этого упражненія[12]). А то, если хотите, спросите Тимархова брата Клитомаха, что сказалъ ему Тимархъ, когда шелъ на смерть вопреки демону,—онъ и Еваѳлъ скоробѣжецъ, что принялъ Тимарха какъ бѣглеца; скажетъ вамъ Клитомахъ, что тотъ сказалъ ему....

Ѳеагъ. Что же?

Сокр. „О Клитомахъ“, сказалъ онъ, „мнѣ вотъ теперь приходится умирать, потому что я не захотѣлъ послушаться Сократа“. А о чемъ это собственно сказалъ Тимархъ,—я
B. объясню. Когда на пиру всталъ Тимархъ и Филимонъ, сынъ Филимонидовъ, намѣреваясь убить Никія, сына Героскамандрова, знали о замыслѣ только они двое, но Тимархъ, вставая, сказалъ мнѣ: „вотъ что, Сократъ! вы-то пейте, мнѣ же должно кой-куда отправиться; но приду немного позднѣе, если удастся“. А мнѣ былъ голосъ, и я сказалъ ему: „Никоимъ образомъ, говорю, не вставай,—мнѣ данъ тотъ обычный знакъ, демоническій“. И онъ остался. И нѣкоторое время спустя, опять собрался идти и говоритъ:
C. „все-таки иду, Сократъ“. Опять слышу голосъ, и опять принудилъ его остаться. Въ третій разъ, желая отъ меня скрыться, всталъ, ничего мнѣ не говоря, и утаился выждавъ, когда я былъ занятъ чѣмъ то другимъ; и такимъ образомъ удалился и совершилъ то, изъ за чего и долженъ былъ умереть. Оттого то онъ и сказалъ своему брату то, что я вамъ

---

11) Дядя Платона, Сократовъ ученикъ. См. діалогъ его имени.

12) Дѣло идетъ повидимому, о происшествіи общеизвѣстномъ въ свое время, но въ дошедшей до насъ литературѣ никакихъ указаній на него не находится.

теперь передалъ,—что ему приходится умирать, потому что мнѣ не повѣрилъ[13]). А вотъ еще о сицилійскихъ дѣлахъ D.
вы отъ многихъ бы услышали, что я сказалъ о погибели войска[14]). И о прошедшихъ то событіяхъ можно слышать отъ тѣхъ, кому они извѣстны; но опытъ можно теперь же сдѣлать надъ моимъ знаніемъ, есть ли въ немъ что нибудь. Дѣло въ томъ, что при отправленіи Саппіона[15]), красавца, на войну былъ мнѣ тотъ знакъ, а онъ теперь съ Ѳразилломъ идетъ воевать противъ Ефеса и Іоніи. Такъ вотъ я и думаю, что или онъ умретъ, или постигнетъ его что нибудь къ этому близкое, да и за все предпріятіе я сильно боюсь[16]).

Это все я тебѣ разсказалъ къ тому, что отъ силы этого E.
моего демона зависитъ и все касательно сообщества людей вступающихъ со мною въ сношенія. Ибо многимъ она противится, и такіе не могутъ получить никакой пользы отъ занятій со мною, какъ и мнѣ не способно съ ними заниматься; а многимъ, хотя быть со мною не препятствуетъ эта сила, но пользы они отъ этого не получаютъ никакой. А кому въ общеніи со мною помогаетъ демоническая сила,—это тѣ, кого и ты знаешь,—тѣ, что сейчасъ же оказываютъ быстрые успѣхи. И опять изъ этихъ успѣвающихъ нѣкоторые имѣютъ прочную и пребывающую пользу; многіе же въ то время, 130.
какъ со мною,—удивительно успѣваютъ, а когда оставятъ меня, снова ничѣмъ не отличаются отъ всякаго. Это именно испыталъ какъ то Аристидъ, сынъ Лизимаха, сына Аристидова. Обращаясь со мною, онъ очень много преуспѣлъ въ малое время; потомъ случился ему какой то походъ, и онъ отправился въ плаваніе; а вернувшись, нашелъ между прочимъ въ общеніи со мною Ѳукидида[17]) сына Мелезіева, сына Ѳукидидова. Ѳукидидъ же этотъ наканунѣ озлобился B.
на меня изъ за какого то разговора. Такъ вотъ увидавши меня, Аристидъ, послѣ того какъ поздоровался и поговорилъ о другомъ, — „А Ѳукидидъ-то, слышно, важничаетъ что-то передъ тобою, Сократъ, и бранится, какъ будто онъ что-ни-

---

13) О лицахъ этого происшествія и о самомъ происшествіи ничего, кромѣ сообщаемаго здѣсь, неизвѣстно.

14) Разумѣется неудачный походъ Аѳинянъ въ Сицилію въ 415 г. до Р.Х.

15) Лицо неизвѣстное.

16) Разумѣется пораженіе Ѳразилла при Ефесѣ уничтожившее результаты его побѣдоноснаго похода въ Самосъ и Малую Азію въ 410 г. до Р.Х.

17) Аристидъ и Ѳукидидъ — соименные внуки знаменитаго государственнаго человѣка и знаменитаго историка; о нихъ говорится въ діалогѣ Лахесъ (см. ниже).

будь значитъ".—Такъ оно въ самомъ дѣлѣ, говорю. А онъ: „Что-же? Развѣ онъ не знаетъ, прежде чѣмъ ему сойтись съ тобою, что онъ былъ за человѣчишка?"—Кажется, нѣтъ, говорю, ей-богу!—„Но и со мною самимъ, говоритъ, смѣш-
С. ное дѣло, Сократъ!"—Что такое? говорю.—Да то, говоритъ, что прежде, чѣмъ отплыть, я былъ способенъ разсуждать съ любымъ человѣкомъ и оказывался не хуже кого бы то ни было въ рѣчахъ, такъ что я и гонялся за сообществомъ самыхъ даровитыхъ людей; а теперь, напротивъ того, бѣгу, какъ только почую кого нибудь образованнаго: такъ я стыжусь своей собственной негодности".—Что же говорю: внезапно потерялъ ты эту силу, или по немногу?—„По немногу, говоритъ.—А когда она была при тебѣ, говорю,—
Д. имѣлъ ли ты ее отъ моего наученія, или какимъ нибудь другимъ способомъ?—„Скажу тебѣ, Сократъ", говоритъ: „оно хотя невѣроятно, ей-богу, но истинно. Дѣло въ томъ, что я отъ тебя никогда ничему не научился, какъ ты самъ знаешь; преуспѣвалъ же, когда бывалъ вмѣстѣ съ тобою, хотя бы только въ одномъ домѣ, а не въ одной комнатѣ; но больше, когда и въ одной комнатѣ. И, казалось мнѣ, гораздо больше, когда въ той же самой комнатѣ я смотрѣлъ на тебя говорящаго,—больше, чѣмъ ежели смотрѣлъ въ дру-
Е. гую сторону. А всего больше и полнѣе преуспѣвалъ я, когда сидѣлъ съ тобою рядомъ, прижимаясь къ тебѣ и трогая тебя. Теперь же, сказалъ онъ, все это состояніе утекло совсѣмъ.

Таково-то, Θеагъ, сообщество со мною. Если угодно божеству, ты очень много и скоро преуспѣешь, а нѣтъ,—такъ нѣтъ. Смотри же, не вѣрнѣе ли для тебя будетъ воспитываться у тѣхъ, кто сами владѣютъ тою пользой, которую они приносятъ людямъ, нежели у меня подвергаться случайности?

131. **Θеагъ**. Мнѣ кажется, Сократъ, сдѣлать намъ такъ: испытать этого демона, находясь въ общеніи другъ съ другомъ. И если онъ намъ позволитъ,—тѣмъ лучше; если же нѣтъ, мы тотчасъ же посовѣтуемся, что намъ дѣлать—обратиться ли мнѣ къ другому, или же попробовать уговорить это самое являющееся у тебя божество молитвами и жертвами и всѣмъ другимъ, что изъяснятъ гадатели.

Дем. Ничего на это не возражай мальчику, Сократъ,—вѣдь хорошо говоритъ Θеагъ.

Сокр. Ну если вамъ кажется, что такъ нужно дѣлать, будемъ дѣлать такъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ΘЕАГѢ.

Естественный „объективный" порядокъ для передачи платоновыхъ твореній требуетъ начинать съ діалоговъ сократическихъ, представляющихъ зерно всего послѣдующаго. Въ нихъ болѣе или менѣе художественно увѣковѣчено и то, что впервые двинуло внутреннюю жизнь Платона (личность и бесѣды Сократа), и то, какъ подъ прямымъ дѣйствіемъ этого могучаго толчка сложился ранній и основной образъ мыслей нашего философа. Нѣтъ дѣльныхъ сомнѣній и въ томъ, что сократическіе діалоги и по времени написанія предшествуютъ прочимъ. Эти соображенія сохраняютъ свою силу и въ томъ случаѣ, если нѣкоторые, или даже всѣ сократическіе діалоги не принадлежатъ Платону. Во всякомъ случаѣ они вмѣстѣ съ ксенофонтовыми *Απομνημονεύματα* составляютъ единственный первоисточникъ для знакомства съ сократовымъ ученіемъ и вообще съ тою умственною атмосферой, въ которой сложилось міросозерцаніе Платона.

Что начинать нужно съ діалоговъ сократическихъ, объ этомъ нѣтъ вопроса; но спрашивается, можно ли въ рядъ сократическихъ діалоговъ Платона ставить и при томъ на первомъ мѣстѣ такое произведеніе, какъ *Θеагъ*, которое по рѣшительному мнѣнію многихъ авторитетныхъ критиковъ XIX вѣка не только не написано Платономъ, но принадлежитъ позднѣйшему времени? Общій краткій отвѣтъ на разрушительныя притязанія школьной критики данъ мною выше, а его подробное примѣненіе къ отдѣльнымъ діалогамъ войдетъ въ заключительный трактатъ при концѣ нашего изданія. Въ теперешнемъ разсужденіи я имѣю въ виду: 1) оцѣнить діалогъ по существу; 2) указать тѣ частныя черты въ немъ, которыя свидѣтельствуютъ о его подлинности или во всякомъ случаѣ о его принадлежности къ эпохѣ Сократа и Платона, и 3) объяснить, почему я считаю болѣе удобнымъ (ни о чемъ, кромѣ сравнительнаго

удобства тутъ не можетъ быть рѣчи) начинать именно съ *Ѳеага* рядъ сократическихъ діалоговъ.

Еще замѣчу предварительно, что *единогласному* признанію подлинности Ѳеага со стороны древнихъ авторовъ, о немъ упоминавшихъ, противостоитъ въ новѣйшей критикѣ не единогласіе, а лишь большинство голосовъ. Довольно почтенное меньшинство, согласно съ древними, защищаетъ этотъ діалогъ какъ настоящее, хотя конечно второстепенное, произведеніе Платона. Сюда принадлежатъ: Зохеръ (см. выше), Кнебель (въ пролегоменахъ къ своему изданію *Ѳеага)*, Мюллеръ (въ своемъ изданіи Платона), Голленбергъ (въ статьѣ Über die Kritik des Theages въ Zeitschrift für das Gymnasialwesen, Cobet (Novae lectiones, Lugd. Batav. 1858) и Джорджъ Гротъ (см. выше).

I.

Богатый земледѣлецъ изъ Аттики приводитъ въ Аѳины своего подростка сына, хорошо имъ воспитаннаго, но не удовлетвореннаго обычнымъ знаніемъ грамоты, музыки и гимнастики и желающаго научиться какой-то особой мудрости, о которой ему наговорили его сверстники. Отецъ радъ, что встрѣтился съ Сократомъ, котораго онъ особенно уважаетъ, и можетъ съ нимъ посовѣтоваться. Сократъ вступаетъ въ бесѣду съ юношей и по обычаю своему доводитъ его до сознанія, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, чего собственно хочетъ. На ироническій совѣтъ Сократа обратиться къ софистамъ, которые за деньги научаютъ всякой мудрости, и сынъ и отецъ отвѣчаютъ заявленіемъ, что не желаютъ лучшаго наставника, чѣмъ самъ Сократъ, но тотъ объясняетъ, подтверждая примѣрами, что успѣхъ его наставничества зависитъ не отъ его воли, а отъ какой-то провиденціальной силы сопровождающей его съ дѣтства и рѣшающимъ образомъ дѣйствующей какъ въ его собственныхъ дѣлахъ, такъ чрезъ него и въ дѣлахъ людей, входящихъ съ нимъ въ какія нибудь отношенія. По предложенію Ѳеага онъ соглашается испытать расположеніе этой силы въ настоящемъ дѣлѣ.

Такая тема вполнѣ соотвѣтствуетъ роду сократическихъ діалоговъ Платона, и вопросъ можетъ быть только объ исполненіи. Оно безукоризненно со стороны характеристики лицъ и положеній, сразу очерченныхъ живо и ярко. Вотъ почтенный Демодокъ, человѣкъ хотя погруженный въ дѣла сельскохозяйственныя, но не лишенный какъ и большинство Аѳинянъ, охоты къ умствованію и краснобайству. Говоря съ умнымъ человѣкомъ, онъ выражается не просто, а щеголяетъ болѣе или менѣе невпопадъ совершенно новыми, только что гдѣ нибудь подслушанными словечками (такъ въ самомъ началѣ *ἰδιολογήσασθαι*). Вмѣсто того, чтобы прямо сказать о дѣлѣ, онъ начинаетъ съ довольно куріознаго обобщенія, къ которому онъ, очевидно, пришелъ не безъ умственныхъ усилій, и которое онъ сообщаетъ не безъ торжественности. Но по непривычкѣ къ краснорѣчію онъ при душевномъ волненіи спотыкается въ рѣчи, путается и безъ толку повторяетъ ничего не значущія слова: *διὰ βραχέων εἰπεῖν*, *ἐμβραχυ*. Живо схвачено въ діалогѣ положеніе этого отца, который достаточно вкусилъ отъ современной ему образованности, чтобы уважать стремленіе своего сына къ высшему знанію, (*ἐστι γὰρ οὐκ ἀγεννής*) и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя свою неспособность различить здѣсь истинный путь отъ ложныхъ, боится этой неизвѣстности и жадно хватается за Сократа, къ которому этотъ неиспорченный демагогами селякъ чувствуетъ инстинктивное влеченіе, увѣренный, что тотъ не научитъ дурному его сына. Онъ даже стыдится сказать (*αἰσχύνομαι λέγειν*), какъ сильно онъ желаетъ, чтобы именно Сократъ взялся довершить образованіе его мальчика.

Демодокъ рѣшительно производитъ впечатлѣніе живого лица. Точно также и Сократъ здѣсь есть тотъ настоящій Сократъ, котораго мы знаемъ изъ лучшихъ діалоговъ Платона и изъ Ксенофонтовыхъ „памятныхъ записокъ“, съ его всегдашнею готовностью прилагать свое „повивальное искусство“ къ принятію умственныхъ младенцевъ, стремящихся на свѣтъ Божій, съ его неподражаемою ироніей, съ его насмѣшливою почтительностью и глубокимъ презрѣніемъ къ профессіональнымъ блудодѣямъ мысли—софистамъ и наконецъ съ его вѣрой въ особое провиденціальное дѣйствіе божественой, или „демонической“ силы для него и черезъ него.

Живымъ представляется намъ и юный Ѳеагъ съ его высокимъ честолюбіемъ, нетерпѣливымъ требованіемъ того мудренаго „секрета“, который долженъ дать ему въ руки истину и могущество, съ его досадой на отца за старческую „отсталость“ и на Сократа за его шутливое отношеніе къ желаніямъ юноши. Замѣтимъ, что Ѳеагъ есть лицо историческое и что извѣстные о немъ факты подходятъ къ его изображенію въ нашемъ діалогѣ *).

*) О Ѳеагѣ Платонъ говоритъ въ *Апологіи* Сократа 33 E. и въ *Государствѣ* VI, 496 B., какъ о юношѣ весьма честолюбивомъ, но болѣзненномъ,

II.

Въ смыслѣ художественнаго разговора въ лицахъ Ѳеагъ есть произведеніе удачное, достойное *начинающаго* Платона. Композиція этой картинки довольно интересна, ея колоритъ, экспрессія отдѣльныхъ фигуръ показываютъ замѣчательнаго живописца, будущаго мастера, но рисунокъ неумѣлый, мѣстами совсѣмъ ученическій. Говоря безъ метафоръ, развитіе тѣхъ мыслей, которыя составляютъ содержаніе Ѳеага, очень слабо, иногда какъ будто противорѣчиво, чѣмъ и объясняются, хотя не оправдываются пренебрежительные и даже бранчивые отзывы нѣмецкой критики объ этомъ діалогѣ.

Особенно слабъ въ діалектическомъ отношеніи весь длинный разговоръ о тираннахъ (124 С—126). Никакой дѣйствительной внутренней связи этого разговора съ предыдущимъ нѣтъ. Отъ Ѳеага, ищущаго „мудрости" требуется отвѣтъ на вопросъ, *какой* именно мудрости онъ ищетъ, чтó это за мудрость (*τίς ἐστιν αὕτη ἡ σοφία, ἧς ἐπιθυμεῖς*)? Сократическимъ методомъ юноша приводится къ нѣкоторому общему опредѣленію этой практической „мудрости" по сферѣ ея приложенія, а именно это есть умѣнье или искусство управлять или начальствовать (*ἄρχειν*) цѣлымъ обществомъ гражданъ—въ отличіе отъ другихъ родовъ и видовъ „мудрости", научающихъ управлять или безсловесными предметами, какъ корабль, упряжь коней, или хотя и людьми, но не въ ихъ всесторонней совокупности, образующей гражданское общество, а по какимъ нибудь спеціальнымъ занятіямъ и отношеніямъ. До сихъ поръ все въ порядкѣ. Затѣмъ логически открывались два пути: или теоретическій—продолжать рѣшеніе вопроса по существу т.-е. спрашивать, въ чемъ же собственно состоитъ эта политическая мудрость, это искусство государственнаго управленія; или же путь практическій — рѣшеніе вопроса, къ кому обратиться за этою мудростью, кто ея настоящіе учителя? Сократъ потомъ и приходитъ къ этому второму вопросу, но прежде онъ дѣлаетъ непонятный логическій скачекъ въ сторону, заводя рѣчь о тиранахъ. Это могло бы имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы его собесѣдникъ прежде призналъ, или по крайней мѣрѣ далъ поводъ считать себя признающимъ, что тираны

вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ отказаться отъ политической дѣятельности, къ которой стремился и отдаться исключительно философскимъ занятіямъ. Онъ умеръ во время суда надъ Сократомъ.

обладаютъ искомою политическою мудростью, или суть настоящіе, нормальные правители общества. Но никакого повода къ такому предположенію нѣтъ. Вѣдь раньше, когда шла рѣчь о различныхъ видахъ „мудрости" или практическаго умѣнья, оба собесѣдника одинаково разумѣли подъ кормчими, возничими, врачами и т. д. людей дѣйствительно обладающихъ соотвѣтственными искусствами, настоящихъ мастеровъ своего дѣла, а не всякаго, кто только захочетъ взяться за это дѣло, рискуя его испортить своею неумѣлостью; подъ „возничимъ", напримѣръ, оба собесѣдника одинаково разумѣли человѣка, имѣющаго призваніе и пріобрѣтшаго умѣнье править лошадьми, а не перваго встрѣчнаго сумасброда, который заберетъ возжи въ руки, чтобы разбить голову себѣ и своимъ сѣдокамъ. Объ этомъ не нужно было особо и говорить въ діалогѣ, такъ какъ Сократъ заранѣе обусловилъ всякую „мудрость" въ какомъ нибудь дѣлѣ *знаніемъ* этого дѣла, и Ѳеагъ сейчасъ же съ этимъ согласился (*σοφοὺς δὲ καλεῖς πότερον τοὺς ἐπιστήμονας..... ἢ τοὺς μή;—Τοὺς ἐπιστήμονας ἔγωγε*).

Если такъ, то и въ той „мудрости", которой искалъ Ѳеагъ, дѣло шло о *знаніи* государственнаго управленія, а не о фактѣ обладанія властью, и можно было далѣе спрашивать, въ чемъ состоитъ это знаніе и кто можетъ ему научить, но не было ни малѣйшаго повода говорить о людяхъ, управляющихъ городомъ *не по знанію*, а *по случаю и насилію*. Внутренней связи здѣсь нѣтъ никакой, а внѣшняя вся держится на одномъ словѣ начальствовать (*ἄρχειν*), причемъ Сократъ діалога обнаруживаетъ грубое ignoratio elenchi, забывая, что рѣчь шла не о *начальствованіи*, а о той *„мудрости"* (т.-е. умѣньи, или знаніи), *посредствомъ которой* желательнымъ образомъ начальствуютъ (*σοφία ᾗ ἄρχουσι*).

Если бы платоновъ Сократъ имѣлъ здѣсь въ виду проводить для правительственной мудрости то обычное ему различеніе между дѣломъ, совершаемымъ по знанію и безъ знанія, то ему слѣдовало бы ввести это различеніе уже въ первые примѣры и противопоставить настоящихъ, т.-е. знающихъ возничихъ, кормчихъ, врачей такимъ, которые знанія не имѣютъ, а дѣйствуютъ на обумъ, или наудачу. Однако въ *Ѳеагѣ* Сократъ этого различія нигдѣ не проводитъ, и основательно. Ибо разъ въ началѣ діалога признано, что дѣло идетъ о той мудрости, которая есть знаніе, то ясно что во всѣхъ ея видахъ разумѣются только *знающіе* дѣятели, но если такъ, то и въ той политической мудрости, которой ищетъ Ѳеагъ, дѣло идетъ объ

управленіи по знанію, слѣдовательно о какихъ нибудь тираннахъ, владѣющихъ не въ силу знанія, а въ силу удачнаго захвата, говорить не было логическаго повода.

Какъ сама тема введена противно логикѣ, такъ не логиченъ здѣсь и ходъ разсужденія. Изъ того, что *нѣкоторые* правители городовъ, перечисленные Сократомъ, были самовольными похитителями власти и назывались тираннами, можно ли вывести какое нибудь общее заключеніе о дѣлѣ градоправленія? Противъ указанія на *этого* рода правителей Ѳеагъ уже имѣлъ заранѣе готовое возраженіе: но я вѣдь говорю не о такихъ случайныхъ и негодныхъ правителяхъ, а о тѣхъ, что правятъ должнымъ образомъ и съ знаніемъ дѣла. Но прежде чѣмъ вложить въ уста Ѳеага этотъ заранѣе ясный отвѣтъ, авторъ діалога заставляетъ Сократа въ два пріема, продолжительно и безтолково ломиться въ открытую дверь.

Цитаты изъ поэтовъ въ логическомъ отношеніи сдѣланы не къ стати. Ясно, что говоря о сообществѣ мудрыхъ, которое умудряетъ даже тирановъ, поэтъ разумѣлъ мудрость *вообще*, какъ добродѣтель, а не какую нибудь спеціальную тиранническую мудрость,—понятіе, котораго нелѣпость была, конечно, такъ же очевидна для поэта и для Ѳеага, какъ и для самого Сократа, не имѣвшаго слѣдовательно никакого разумнаго предлога спрашивать: *въ чемъ* мудрыхъ? И точно также тиранническое искусство анакреоновской гетеры ничѣмъ не связано логически съ понятіемъ мудраго общественнаго управленія. Самъ Ѳеагъ замѣчаетъ, что Сократъ шутитъ, и дѣйствительно мѣсто о Калликритѣ имѣетъ шутливый характеръ. Но и все разсужденіе о тиранахъ нельзя назвать серьезнымъ; однако для хорошей сократической шутки оно, помимо своей неумѣстности, слишкомъ длинно.

III.

Очень рѣзкую критику большинства ученыхъ, начиная съ Шлейермахера, вызываетъ послѣдняя часть діалога—о сократовомъ „демонѣ“. Въ этой критикѣ есть справедливыя указанія, но вполнѣ съ нею согласиться я не нахожу возможнымъ. Несомнѣнно, что благодаря этому новому предмету, интересъ діалога двоится. Но нѣчто подобное мы видимъ и въ другихъ произведеніяхъ Платона, особенно въ лучшемъ изъ нихъ—Пиршествѣ. Здѣсь первоначальный предметъ бесѣды—характеристика Эроса - замѣняется въ концѣ другимъ—характеристикою

Сократа. Въ *Ѳеагѣ* разсужденіе о мудрости переходитъ въ разсказы о „демонѣ“ Сократа. Въ обоихъ діалогахъ,—которые, конечно, нельзя сравнивать въ другихъ отношеніяхъ,— есть однако внутренняя связь между ихъ началомъ и концомъ. Въ *Пиршествѣ* рѣчь пьянаго Алкивіада, его разсказъ о томъ, какъ относился къ нему Сократъ, и характеристика самого Сократа представляютъ собою художественное поясненіе къ рѣчи Діотимы объ Эросѣ. Въ *Ѳеагѣ* между двумя темами діалога („мудрость“ и „демонъ“ Сократа) можно указать связь другого рода.

Никакого окончательнаго опредѣленія „мудрости“ въ нашемъ діалогѣ не находится, и нѣтъ повода предполагать, чтобы такое опредѣленіе имѣлось здѣсь въ виду. Задача автора могла быть и, какъ ясно изъ діалога взятаго въ цѣломъ, дѣйствительно была только *подготовительная:* указать по крайней мѣрѣ нѣкоторый признакъ истинной, сократической, „мудрости“,—а именно, что пріобрѣтеніе этой мудрости помимо общихъ условій всякаго человѣческаго дѣла имѣетъ еще одно особое условіе, независящее отъ сознательной воли человѣка, хотя бы самого Сократа, который можетъ успѣшно наставлять людей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это допускаетъ то „демоническое нѣчто“, которое, говоритъ онъ, „божьею судьбою съ малолѣтства сопровождаетъ меня“. Такимъ образомъ разсказы о демонѣ совершенно умѣстно заканчиваютъ діалогъ, и общая композиція *Ѳеага* никакъ не можетъ быть признана безсмысленною, или неискусною.

Но что сказать о самомъ содержаніи этихъ разсказовъ? Критики, признающіе *Ѳеага* подлогомъ, главное основаніе для своего мнѣнія находятъ именно въ этихъ „баснословныхъ выдумкахъ“, о демонѣ, противорѣчащихъ по ихъ увѣренію свидѣтельствамъ о томъ же предметѣ у подлиннаго Платона. Еще Шлейермахеръ думалъ, что покончилъ съ *Ѳеагомъ* на трехъ страничкахъ. Распространяться въ доказательствахъ подложности этого діалога, по его мнѣнію, нѣтъ надобности, такъ какъ „читатели Платона, обладающіе нѣкоторымъ критическимъ смысломъ и знаніемъ дѣла, и сами найдутъ основаніе“. Но послѣ Шлейермахера явились и такіе ученые изслѣдователи Платона, которые, обладая не только нѣкоторымъ, но и довольно значительнымъ критическимъ смысломъ и знаніемъ дѣла, нашли однако въ *Ѳеагѣ* рѣшительныя основанія не за подложность, а за подлинность этого діалога. Я разумѣю въ особенности Зохера и Джорджа Грота, изъ коихъ второй къ тому же будучи на полъ вѣка моложе Шлейермахера, въ свое

„знаніе дѣла“ включалъ и хорошое знакомство съ тою огромною литературой по „Платоновскому вопросу“, которая накопилась въ Германіи за эти полъ вѣка. Итакъ опрометчивое предрѣшеніе вопроса знаменитымъ переводчикомъ Платона можетъ считаться кассированнымъ: adhuc sub judice lis est.

IV.

Каждая изъ существенныхъ чертъ, съ которыми является „демонъ“ въ *Θеагѣ*, можетъ быть подтверждена другими свидѣтельствами, какъ и будетъ у насъ показано при разборѣ соотвѣтственныхъ мѣстъ (особенно въ *Апологіи* и въ *Θеэтетѣ*). Болѣе важное недоумѣніе вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что сами эти характерныя черты „демона“ какъ бы собранныя въ *Θеагѣ*, находятся въ видимомъ несогласіи между собою, такъ что вмѣсто мнимаго противорѣчія между разсказами *Θеага* и другими извѣстіями приходится говорить о дѣйствительныхъ различіяхъ между свидѣтельствами въ самомъ *Θеагѣ*. И нужно еще удивляться, что новѣйшая критика, не объявила различные разсказы діалога о демонѣ произведеніями различныхъ авторовъ, сшитыми вмѣстѣ какимъ нибудь неумѣлымъ писакой.

Но хотя на самомъ дѣлѣ нѣтъ сомнѣній въ томъ, что *Θеагъ*, или во всякомъ случаѣ всѣ разсказы о демонѣ въ немъ принадлежатъ одному и тому же автору, но также несомнѣнно и то, что этотъ одинъ авторъ даетъ намъ въ этихъ разсказахъ три различныя представленія о „демонѣ“ Сократа.

Это есть *во первыхъ* какой-то *знакъ*, повидимому внутренній голосъ, всегда отрицательнаго характера, а именно предостерегающій самого Сократа, а черезъ него также и другихъ людей, находящихся съ нимъ въ общеніи, отъ совершенія какихъ нибудь опасныхъ, или пагубныхъ дѣйствій, но никогда не побуждающій ни къ какому положительному поступку. Къ этому явленію „демона“ какъ предостерегающаго голоса относятся случаи съ Хармидомъ, съ Тимархомъ, съ Саппіономъ, а также— вопреки тенденціозному недоумѣнію нѣкоторыхъ критиковъ—и то, что говорится о сицилійскомъ походѣ, ибо изъ контекста явствуетъ, что въ этомъ походѣ участвовали какіе нибудь друзья или знакомые Сократа, къ которымъ и относилось ближайшимъ образомъ демоническое предостереженіе. Примѣнительно къ желанію тѣхъ или другихъ людей идти въ ученики къ Сократу демоническій знакъ могъ давать только одно изъ двухъ показаній: когда онъ являлся, Сократу не слѣдовало

принимать ищущаго въ свое общеніе, а когда знака не было, онъ могъ это дѣлать, не опасаясь ничего неблагопріятнаго для себя и для этого человѣка,—третьяго указанія по самому существу дѣла здѣсь не могло быть, всякія различія въ видахъ и степеняхъ явленія логически исключены.

Но *во-вторыхъ* о демонѣ говорится въ нашемъ діалогѣ какъ о какой то силѣ не только отказывающей нѣкоторымъ въ своемъ содѣйствіи относительно усвоенія ими Сократова ученія и нравственнаго вліянія, но также дающей другимъ это содѣйствіе *въ большей или меньшей степени*, такъ что являются въ этомъ отношеніи различныя категоріи лицъ, изъ коихъ четыре главныя прямо указываются, а именно: 1) лица, отъ которыхъ „демонъ“ предостерегаетъ Сократа, 2) тѣ, къ которымъ онъ относится безразлично, 3) тѣ, которыхъ онъ поддерживаетъ въ ихъ совершенствованіи *постоянно* и 4) тѣ, которые успѣваютъ лишь временно, пока находятся въ ближайшемъ личномъ общеніи съ Сократомъ. Эти различія поставлены въ прямую зависимость отъ дѣйствія „демонической силы“, но въ чемъ собственно эта зависимость, или это дѣйствіе состоитъ,— совершенно не видно: ясно только, что „демонъ“ сообразуется съ индивидуальными особенностями тѣхъ или другихъ лицъ. Таково второе представленіе о Сократовомъ „демонѣ“ въ *Θеагѣ*, но и на этомъ нашъ діалогъ не останавливается.

Незамѣтнымъ образомъ является новое представленіе, и мы узнаемъ *въ третьихъ*. что дѣйствіе демона сверхъ личныхъ свойствъ того или другого ученика опредѣляется также и *физическими* условіями пространственной близости, зрительнаго и осязательнаго соотношенія даннаго лица съ Сократомъ. Такимъ образомъ прежній неуловимый *отрицательный знакъ* превращается наконецъ въ дѣятельную и притомъ *духовно-тѣлесную силу*,—въ родѣ жизненнаго магнетизма.

Что указанныя три представленія разнородны, не выводятся изъ одного начала и что никакой связи и никакого перехода между ними въ *Θеагѣ* не указано—это безспорно. Но есть ли между ними настоящее противорѣчіе или несовмѣстимость?

Дѣло идетъ о нѣкоторыхъ особыхъ явленіяхъ загадочнаго характера и происхожденія. Критика не имѣетъ права предполагать, чтобы описываемое здѣсь „нѣчто демоническое“ (*δαιμόνιον τι*) было одно и тоже, или проявлялось всегда одинаково. Конечно, для того, чтобы разнородныя явленія обозначить однимъ и тѣмъ же названіемъ, нужно чтобы у нихъ были все-

таки общіе признаки, но эти признаки въ настоящемъ случаѣ очень широки, чему соотвѣтствуетъ и неопредѣленность самого названія—„*что-то* божественное“, „*то* демоническое“. Отличительные признаки этого демоническаго, общіе всѣмъ случаямъ, состояли только въ томъ, что оно, будучи совершенно осмысленно и цѣлесообразно, не зависѣло однако отъ сознательнаго разума и намѣренія самого Сократа, а ощущалось имъ какъ чье то дѣйствіе, идущее *черезъ него*, но *не отъ него*. Подъ такой признакъ могло подходить весьма разнородное содержаніе. Теперь, небходимо различить фактъ отъ попытокъ теоріи. Люди близкіе къ Сократу видѣли эту „демоническую“ сторону въ личности и жизни Сократа и слышали о разныхъ случаяхъ ея проявленія отъ него самого и отъ другихъ. Естественно у нихъ являлись попытки дать отчетъ во всемъ этомъ, объединить явленія въ одной общей формулѣ, и столь же естественно, что эти попытки бывали неудачны, что формула не покрывала всѣхъ фактовъ. Всякій знаетъ, какъ трудно однимъ опредѣленіемъ выразить сущность чего нибудь дѣйствительнаго, даннаго въ опытѣ. А тутъ опытъ былъ совершено особенный, сложный и тонкій. Немудрено поэтому, что вмѣсто настоящаго опредѣленія явленія посредствомъ существеннаго признака, выставлялся какой нибудь случайный, но часто повторявшійся, или почему нибудь болѣе замѣченный признакъ, который однако могъ и отсутствовать въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ оказывалось какъ будто противорѣчіе, но это было лишь несоотвѣтствіе между неудачною формулой и фактами подъ нее подводимыми, что нисколько не говоритъ противъ достовѣрности самихъ фактовъ.

Именно такое впечатлѣніе производитъ относящаяся къ „демону“ часть нашего діалога. Здѣсь мы имѣемъ сначала попытку, общаго опредѣленія этого „демона“ (*ἔστι γάρ τι θείᾳ μοίρᾳ παρεπόμενον ἐμοὶ ἐκ παιδὸς ἀρξάμενον δαιμόνιον. ἔστι δὲ τοῦτο φωνή, ἣ ὅταν γένηται, ἀεί μοι σημαίνει, ὃ ἂν μέλλω πράττειν, τούτου ἀποτροπήν, προτρέπει δὲ ουδέποτε. καὶ ἐάν τίς μοι τῶν φίλων ἀνακοινῶται καὶ γένηται ἡ φωνή, ταυτόν τοῦτο ἀποτρέπει καὶ οὐκ ἐᾷ πράττειν*). А затѣмъ разсказывается рядъ фактовъ все болѣе и болѣе уклоняющихся отъ этого опредѣленія, перерастающихъ такъ сказать и рвущихъ его по швамъ.

Если признать то, что мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, а именно, что Θеагъ есть произведеніе *начинающаго* Платона, то одинаково будетъ понятна и незрѣлость діалектики и живость и свѣжесть разсказовъ, быть можетъ только что

слышанныхъ авторомъ отъ самого учителя, или отъ товарищей учениковъ. Мнимыя противорѣчія въ этихъ разсказахъ исчезаютъ, какъ только мы допустимъ, — а этого допущенія все равно избѣжать нельзя, — что первое опредѣленіе „демона“ есть только неудачная и невыдержанная попытка, какія встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Платону. А независимо отъ ошибочнаго обобщенія, въ самихъ фактахъ нѣтъ никакого противорѣчія. Изъ того, что „божественное“ или „демоническое“ въ Сократѣ проявлялось весьма часто чрезъ особое *предостерегающее* и слѣдовательно въ такихъ случаяхъ *отрицательное* предчувствіе, или „голосъ“, никакъ не слѣдуетъ, чтобы не могло быть чего нибудь провиденціальнаго и инстинктивнаго и въ положительныхъ отношеніяхъ Сократа къ его ученикамъ, въ различной степени его вліянія на нихъ, и точно также нѣтъ основанія исключать указанія на совершенно особенную, со всѣмъ его существомъ связанную, а потому и физически ощутительную обаятельность Сократа.

V.

Изъ предыдущаго общаго разбора ясно, что существенныя достоинства *Θеага*, — къ которымъ слѣдуетъ еще причислить хорошій платоновскій слогъ, *) — не перевѣшиваются его недостатками, между которыми нѣтъ такихъ, которые препятствовали бы приписать этотъ діалогъ *начинающему* Платону, т. е. включить его въ число подлинныхъ сократическихъ діалоговъ нашего философа. Теперь въ подтвержденіе этой общей оцѣнки я укажу на нѣкоторыя частности, которыя хотя не составляютъ логически-обязательныхъ доказательствъ подлинности діалога, однако на непредубѣжденнаго читателя производятъ непосредственное впечатлѣніе жизненной правды, исключающее во всякомъ случаѣ предположеніе о *позднѣйшей* поддѣлкѣ. Я имѣю въ виду два первые разсказа, относящіеся къ „демону“—

*) Отвергающая этотъ діалогъ критика отмѣтила только четыре отступленія отъ платоновой терминологіи, и то сомнительныя. А именно: два выраженія въ начальной рѣчи Демодока — *ἰδιολογήσασθαι* и *δοκῶ μοι*, — но еще Діонисій Галикарнасскій (Ars Rhetor. ed. Reisk. 405) замѣтилъ, что Платонъ нарочно приписалъ Демодоку особенности языка, приличныя его положенію; затѣмъ указывается на не платоновское употребленіе въ одномъ мѣстѣ слова *εὐθύ* и въ другомъ *ὁμοῦ*, — что едвали можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Шлейермахеръ, столь порицающій содержаніе *Θеага*, замѣчаетъ, что *по формѣ* въ этомъ діалогѣ достаточно много подлинно платоновскаго.

случай съ извѣстнымъ Хармидомъ и случай съ неизвѣстнымъ Тимархомъ,—и еще ссылку на Еврипида въ первой части діалога.

Чтобы показать юному Ѳеагу значеніе своего „демона", Сократъ прежде всего ссылается на то, что случилось съ Хармидомъ, когда онъ не послушался сократова предостереженія относительно участія своего въ немейскихъ играхъ. Но что именно случилось—остается неизвѣстнымъ: объ этомъ, говорить Сократъ, стоитъ послушать его самого.—Что же это значитъ? Нѣкоторые критики готовы предположить, что авторъ діалога, начавши свой анекдотъ, не съумѣлъ его докончить, т. е. что онъ былъ идіотомъ, что не помѣшало ему однако создать произведеніе, въ которомъ всѣ древніе и многіе новые критики узнавали геній Платона; во всякомъ случаѣ писатель такъ удачно „сочинившій" собесѣдниковъ этого діалога могъ всегда присочинить окончаніе къ начатому имъ несложному анекдоту, и почему онъ этого не сдѣлалъ остается безъ объясненія. Но оно очень просто, если принять, что этотъ сочинитель былъ самъ Платонъ, или по крайней мѣрѣ его современникъ, имѣвшій въ виду читателей, знавшихъ Хармида и происшествіе, бывшее съ нимъ на немейскихъ играхъ. Но что это происшествіе было связано съ невниманіемъ Хармида къ сократову демону,—это естественно могло и не быть извѣстнымъ внѣ ближайшаго къ Сократу кружка, а потому нашъ авторъ и сообщаетъ этотъ фактъ, за остальными подробностями, не относящимися къ его темѣ, отсылая къ самому Хармиду. Все это было бы немыслимо со стороны автора позднѣйшаго, говорящаго о событіяхъ далекихъ и не имѣющаго права предполагать, что его читателямъ извѣстно, или легко можетъ стать извѣстнымъ, что́ именно случилось съ человѣкомъ, давно сошедшимъ съ исторической сцены, не сохранивъ въ глазахъ потомства того интереса, какой онъ могъ имѣть для современниковъ.

Точно также непонятный при гипотезѣ позднѣйшаго подлога разсказъ о Тимархѣ является совершенно простымъ и естественнымъ если видѣть въ авторѣ діалога современника Сократа. Такъ какъ дѣло идетъ о предумышленномъ и заранѣе условленномъ убійствѣ гражданина и о послѣдовавшей за тѣмъ смерти убійцы, то, конечно, современники хорошо знали, въ чемъ было дѣло и ни Сократу, ни автору діалога не нужно было распространяться о мотивахъ трагедіи: достаточно было указать, какъ и въ предъидущемъ примѣрѣ, на немногимъ из-

вѣстную зависимость печальнаго событія отъ невниманія Тимарха къ указаніямъ Сократова „демона" *).

Если при нашемъ предположеніи современнаго Сократу автора совершенно цѣлесообразною является ссылка на событія близкія и настолько знакомыя читателямъ, что достаточно было лишь намека на фактическую сторону, то при другомъ предположеніи выходитъ такая несообразность: какой-то позднѣйшій суевѣрный мистикъ сочиняетъ тенденціозное псевдоэпиграфическое произведеніе съ единственною цѣлью убѣдить въ особомъ сверхъестественномъ значеніи сократова демона—и какъ средство убѣжденія приводитъ „разговоры, содержаніе коихъ читателю неизвѣстно". Можетъ быть, впрочемъ, авторъ *Ѳеага* поступилъ такъ странно не по крайней глупости, а, напротивъ, по крайнему лукавству: онъ предусматривалъ, что его методъ недосказанныхъ анекдотовъ съ глухими указаніями невѣдомыхъ событій произведетъ впечатлѣніе реальной правды на иныхъ позднѣйшихъ читателей и воспользовался этимъ, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе.

Впрочемъ этотъ „негодный фальсификаторъ" пошелъ еще далѣе въ своемъ хитроуміи и притворствѣ. Онъ нарочно отъискиваетъ у подлиннаго Платона ошибочную цитату изъ трагика и списываетъ эту ошибку въ своемъ діалогѣ, чтобы казаться болѣе похожимъ на настоящаго Платона! Я говорю о стихѣ

σοφοὶ τύραννοι τῶν σοφῶν συνουσίᾳ,

который Платонъ въ своемъ сочиненіи о *Государствѣ* (VIII, 568 A) приписываетъ Еврипиду, тогда какъ этотъ стихъ въ дѣйствительности принадлежитъ Софоклу (въ его Аяксѣ Локрійскомъ). Въ *Ѳеагѣ* мы находимъ тотъ же стихъ, также ошибочно приписанный Еврипиду. Еслибы контекстъ, въ которомъ помѣщена эта ошибочная ссылка въ двухъ произведеніяхъ имѣлъ что нибудь общее,—еслибы въ *Ѳеагѣ* 125 говорилось о томъ же, о чемъ въ *Государствѣ*, 568,—тогда, конечно, легко было бы допустить, что авторъ *Ѳеага*, передавая это мѣсто изъ *Государства*, списалъ и ошибочную цитату. Но такъ какъ на са-

*) Одинъ критикъ замѣчаетъ, что Сократъ представленъ здѣсь въ очень дурной компаніи. Но во первыхъ, не зная мотивовъ Тимархова предпріятія, мы не можемъ судить, насколько дурная была эта компанія, во вторыхъ особагo пуризма въ выборѣ собесѣдниковъ еще никто не замѣчалъ у историческаго Сократа, и наконецъ въ третьихъ изъ самаго разсказа видно, что Тимархъ скрывалъ свой замыселъ отъ Сократа.

момъ дѣлѣ между содержаніемъ этихъ двухъ мѣстъ нѣтъ совсѣмъ никакой внутренней связи и зависимости, то выходитъ, что неизвѣстный авторъ *Ѳеага* нарочно обращался къ Платонову *Государству* для того только, чтобы выписать именно одну эту *невѣрную* цитату. Что сказать о критикѣ, которая отцѣживаетъ комаровъ въ родѣ *εὐθύ*, или *ὁμοῦ* и спокойно глотаетъ такого верблюда! *). Между тѣмъ вполнѣ естественно, что Платонъ цитировавшій поэтовъ по памяти,—разъ вообразивши, что этотъ стихъ принадлежитъ Еврипиду, и не имѣвъ случая замѣтить своего заблужденія, остался съ нимъ на всю жизнь, а потому и при другомъ случаѣ повторилъ ту же ошибку.

Такимъ образомъ если характеръ разсказовъ о Хармидѣ и Тимархѣ заставляетъ насъ видѣть въ авторѣ *Ѳеага* человѣка близкаго къ сообщаемымъ фактамъ, т. е. современника Платона, то свойство ошибочной цитаты указываетъ въ этомъ авторѣ самого Платона.

VII.

Нѣкоторые древніе по свидѣтельству Діогена Лаэртія (III, 59—61) полагали, что изученіе Платона слѣдуетъ начинать именно съ *Ѳеага*. Само по себѣ такое мнѣніе имѣетъ достаточныя основанія. Въ этомъ діалогѣ мы находимъ настоящее, прагматическое, такъ сказать, предисловіе или вступленіе къ Платону. Здѣсь въ очень малыхъ и общихъ, однако довольно яркихъ, очертаніяхъ представленъ какъ бы первый *набросокъ* той жизненной картины, которая развертывается въ другихъ твореніяхъ философа. Всѣ главныя историческія данныя здѣсь ясно *намѣчены*. Сократъ уже на лицо—не по имени только, а въ живомъ, хотя и зачаточномъ образѣ. И съ нимъ два необходимые элементы его жизненной среды, двѣ главныя основы его дѣланія—добрый по природѣ и инстиктивно тяготѣющій къ Сократу, но нетвердый въ мысляхъ и рѣшеніяхъ аѳинскій народъ въ лицѣ почтеннаго Демодока, а съ нимъ и другой ближайшій объектъ Сократа,— ищущее его прямыхъ воздѣйствій юношество въ такомъ хорошемъ экземплярѣ какъ Ѳеагъ. А на заднемъ планѣ, какъ роковой фонъ будущей картины, двѣ темныя силы: враги и губители народа—властолюбивые демагоги—тираны, а съ ними надуватели и развратители юношества—софисты. И если провиденціальный геній, дѣйствующій черезъ Сократа, не отмѣтитъ юношу Ѳеага какъ избранника, попадетъ онъ въ школу продажныхъ обманщиковъ и будетъ рукоплескать Аниту, или Мелиту, а добродушный Демодокъ подастъ свой голосъ за обвиненіе.

*) Честь рожденія этого верблюда принадлежитъ, кажется, Шлейермахеру. Другіе критики, отрицательно относящіеся къ *Ѳеагу*, какъ напримѣръ, Штальбаумъ, указывая на фактъ одной и той же ошибки въ *Ѳеагѣ* и *Государствѣ*, стыдливо воздерживаются отъ всякаго объясненія.

Противъ моего взгляда на діалогъ Ѳеагъ какъ на подходящій, хотя, разумѣется непреднамѣренный *прологъ* ко всему Платону могутъ быть сдѣланы два возраженія: 1) въ этомъ діалогѣ нѣтъ никакого указанія на характерныя для Платона метафизическія ученія объ идеяхъ, безсмертіи души и т. д. Но такихъ указаній нѣтъ вообще въ *сократическихъ* діалогахъ, а между тѣмъ начинать все-таки принято съ одного изъ нихъ. Мы видимъ въ Ѳеагѣ прологъ не къ метафизикѣ Платона, а ко всему его творенію въ цѣломъ, и такой прологъ не есть тоже, что table des matières. 2) Съ характеромъ общаго вступленія несогласна сравнительная обстоятельность, съ которою здѣсь говорится о „демонѣ" Сократа. Но этому таинственному ключарю и привратнику сократовой школы, закрывавшему и открывавшему входъ въ нее,—гдѣ же и отвести ему особое мѣсто, какъ не въ преддверіи? Вѣдь и помимо *Ѳеага* можно доказать, что самъ Сократъ въ этомъ провиденціальномъ руководствѣ видѣлъ первое условіе всего своего жизненнаго и философскаго дѣланія. А въ такомъ случаѣ это условіе должно замѣтно выступить уже въ самомъ началѣ платоновой эпопеи.

Независимо отъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ представленій о природѣ этого „демона" и Сократъ и Платонъ видѣли въ немъ выраженіе той основной истины, что всякое дѣло внутренняго усовершенствованія человѣка зависитъ не отъ людского произвола, не отъ преходящихъ добрыхъ желаній, а отъ чего то болѣе важнаго и глубокаго, чѣмъ мы не можемъ распоряжаться, а съ чѣмъ должны сообразоваться. Есть болѣе важный, чѣмъ мы сами *хозяинъ* въ нашемъ внутреннемъ дому,— есть у всѣхъ, хотя явственно онъ говоритъ только такимъ исключительнымъ людямъ какъ Сократъ—для блага ихъ собственнаго и чужого.

Эта, самая основная мысль всего міросозерцанія, общаго Сократу и Платону, составляетъ сущность *Ѳеага* и указываетъ ему мѣсто въ началѣ всего ряда платоновыхъ діалоговъ.

Я не хочу придавать преувеличеннаго значенія вопросу о порядкѣ размѣщенія діалоговъ. Но такъ какъ неизбѣжно все-таки держаться какого нибудь опредѣленнаго порядка, то лучше,

чтобы онъ былъ возможно болѣе осмысленнымъ. Поэтому я началъ съ *Θеага*; слѣдующее мѣсто по праву принадлежитъ *Первому Алкивіаду*, — не по внутреннему его достоинству какъ отдѣльно взятаго произведенія — и онъ, какъ *Θеагъ*, долженъ быть отнесенъ къ третьестепеннымъ діалогамъ, — а по его вводящему, пропедевтическому характеру относительно платоновыхъ твореній взятыхъ въ цѣломъ.

ПЕРВЫЙ АЛКИВІАДЪ

(ИЛИ О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢКА)

Собесѣдники: СОКРАТЪ, АЛКИВІАДЪ.

ПЕРВЫЙ АЛКИВІАДЪ.

Сокр. Думаю, ты удивляешься, сынъ Клинія, что, въ 103.
то время какъ другіе уже покинули тебя, одинъ только я, начавши ухаживать за тобою раньше прочихъ, до сихъ поръ не оставляю тебя, и тогда какъ тѣ постоянно осаждали тебя своими разговорами, я одинъ втеченіе столькихъ лѣтъ даже не заговаривалъ съ тобою; и не человѣческія соображенія были тому причиною, но какое то демоническое препятствіе, значеніе котораго ты сейчасъ и узнаешь.
Теперь же я пришелъ къ тебѣ потому, что этого препят- B.
ствія не стало, да надѣюсь и впредь его не будетъ. Наблюдая за тобою втеченіе этого времени, я кажется понялъ ясно, въ какое положеніе сталъ ты относительно ухаживающихъ за тобою; сколько ихъ ни было, и сколь ни были они высокаго мнѣнія о себѣ, не нашлось изъ нихъ ни одного, кто бы не бѣжалъ отъ тебя, потому что ты самъ превзошелъ ихъ всѣхъ своихъ высокомѣріемъ; а почему
ты сталъ высокомѣренъ, это я хочу объяснить тебѣ. Ты 104.
говоришь, что ни въ комъ и никогда не нуждаешься; все, чѣмъ ты обладаешь, начиная съ тѣла и кончая душой,— таково, что тебѣ нечего еще желать; а именно: во первыхъ, ты думаешь, что превосходишь всѣхъ красотою и ростомъ,—и для всякаго очевидно, что въ этомъ ты не ошибаешься; во-вторыхъ, тебѣ кажется, что родъ твой знатнѣйшій во всемъ городѣ, этомъ величайшемъ изъ всѣхъ
эллинскихъ городовъ, что много здѣсь у тебя знатныхъ дру- B.
зей и родственниковъ по отцу, которые въ случаѣ нужды могутъ поддержать тебя, что родные твоей матери такъ же многочисленны и знатны. Но важнѣе ихъ всѣхъ по твоему—Периклъ, сынъ Ксантиппа, которому отецъ вашъ завѣщалъ быть опекуномъ надъ тобою и твоимъ братомъ, и

который можетъ дѣлать все, что ему угодно, нетолько въ
этомъ городѣ, но и во всей Элладѣ, и даже за ея предѣ-
лами имѣетъ большое значенiе у многихъ великихъ наро-
C. довъ. Напомню еще о твоемъ богатствѣ; впрочемъ этимъ-
то ты кажется менѣе всего гордишься. И вотъ, надутый
всѣмъ этимъ, ты подавилъ своимъ величiемъ поклонниковъ,
а они, будучи слабѣе, не выдержали, и это отъ тебя не
скрылось; а потому я хорошо знаю, что ты удивляешься,
по какимъ соображенiямъ я не отступаюсь отъ любви и на
что надѣясь, остаюсь, когда другiе бѣжали.

D. **Алк**. Ты по всей вѣроятности не знаешь, Сократъ, что
предупредилъ меня немногимъ; вѣдь я намѣревался самъ
пойти къ тебѣ съ этимъ самымъ и допроситься, чего ты отъ
меня хочешь и на что глядя, не отстаешь отъ меня, вся-
чески стараясь быть тамъ, гдѣ я бываю. Право я удивляюсь,
въ чемъ тутъ дѣло, и очень былъ бы радъ узнать это.

Сокр. Ну такъ, если ты говоришь, что очень желаешь
узнать, то будешь слушать меня какъ подобаетъ, со внима-
нiемъ, а я буду говорить такъ, какъ будто бы ты былъ го-
товъ выслушать меня до конца.

Алк. Ну да, конечно; говори же.

E. **Сокр**. Берегись однако! можетъ статься, что насколько
мнѣ трудно было начать, настолько трудно будетъ и кон-
чить.

Алк. Да говори же, добрякъ, а я ужъ буду слушать.

Сокр. Видно приходится говорить. Конечно для уха-
живающаго не легко обращаться къ человѣку, который
ни въ чемъ не уступаетъ тѣмъ, которые за нимъ ухажи-
ваютъ; все таки нужно отважиться высказать мою мысль.
Еслибы я видѣлъ, Алкивiадъ, что ты довольствуешься всѣмъ
тѣмъ, что я сейчасъ перечислилъ, и намѣреваешься про-
жить однимъ этимъ, вѣдь я давно бы бросилъ свою любовь,
105. по крайней мѣрѣ самъ я въ этомъ увѣренъ; нѣтъ, теперь
я буду обвинять тебя за другiе твои помыслы, и ты уви-
дишь изъ этого, что я все время не переставалъ слѣдить
за тобою. А именно мнѣ сдается, что если бы кто-нибудь
изъ боговъ сказалъ тебѣ: предпочитаешь ли ты, Алкивiадъ,
оставаться живымъ, обладая тѣмъ, что у тебя есть, но не
имѣя возможности прiобрѣсти бóльшаго, или сейчасъ же уме-
реть? Сдается мнѣ, что ты предпочелъ бы умереть. А въ
какую надежду ты живешь, я тебѣ скажу. Ты думаешь, что
B. какъ только появишься передъ аѳинскимъ народомъ,—а это

должно случиться на дняхъ,—какъ только появишься, такъ
и докажешь Аѳинянамъ, что ты достоинъ того, чтобы тебя
почитали болѣе, чѣмъ Перикла или кого другого изъ когда-
либо родившихся, и, доказавши это, получишь величайшую
власть въ городѣ, а ужъ если здѣсь будешь силенъ, то
также и въ остальной Элладѣ, и нетолько въ Элладѣ, но и
у всѣхъ варваровъ, сколько ихъ ни живетъ съ нами на
одномъ материкѣ; и еслибы тотъ же самый богъ опять ска-
залъ тебѣ, что ты можешь царствовать здѣсь, въ Европѣ, C.
но перейти дальше въ Азiю и заняться тамошними дѣлами
тебѣ нельзя, опять-таки, сдается мнѣ, ты не захотѣлъ бы
жить и при этомъ одномъ,—не имѣя, словомъ, возможности
наполнить всю вселенную своимъ именемъ и своею силою.
И я не думаю, чтобы кромѣ Кира и Ксеркса ты вообще
считалъ кого-нибудь достойнымъ упоминанiя. А что такова
твоя надежда, это мнѣ хорошо извѣстно, и я это говорю
вовсе не въ шутку. Но, можетъ быть, сознавая, что я го-
ворю правду, ты всетаки спросишь меня: какое же это,
Сократъ, однако имѣетъ отношенiе къ той причинѣ, по ко- D.
торой ты не оставляешь меня въ покоѣ и которую ты обѣ-
щалъ сказать? О милое дитя Клинiя и Диномахи, отвѣчу
я тебѣ, такое это имѣетъ отношенiе, что безъ меня тебѣ
невозможно привести въ исполненiе всѣ эти замыслы; вотъ
какую силу по моему имѣю я для тебя и для твоихъ дѣлъ,
и вотъ почему, кажется, богъ и не дозволялъ мнѣ прежде
разговаривать съ тобою, а я разумѣется ждалъ, пока онъ
позволитъ [1]); потому что, какъ ты на многое разсчитываешь E.
относительно города, такъ и я надѣюсь войти въ большую
силу у тебя, доказавши, что я очень драгоцѣненъ для тебя
и что дать тебѣ могущество, къ которому ты стремишься,
не способенъ ни опекунъ, ни родственникъ и никто другой,
кромѣ меня одного,—конечно если только Богъ поможетъ [2]).
Когда ты былъ моложе и не преисполнился еще такими на-
деждами, богъ, какъ мнѣ казалось, удерживалъ меня отъ
разговора съ тобой, чтобы я не понапрасну разговаривалъ;
теперь позволилъ: теперь ты меня послушаешь. 106.

Алк. Теперь, Сократъ, какъ ты началъ говорить, ты

---

[1]) Указанiе на Сократова „демона“, о которомъ см. выше, въ *Ѳеагѣ* и
въ разсужденiи о *Ѳеагѣ*,

[2]) *μετὰ τοῦ θεοῦ μέντοι*. Здѣсь „демонъ“ Сократа разумѣется не какъ
отрицательный только, возбраняющiй голосъ, а какъ положительно *со-
дѣйствующая*, или помогающая сила, какою онъ является въ концѣ *Ѳеага*.

кажешься мнѣ еще гораздо страннѣе, чѣмъ когда молча слѣдилъ за мною. Тебѣ ужъ въ точности извѣстно, о чемъ я думаю и о чемъ не думаю, и еслибы я сталъ возражать, это нисколько не помогло бы мнѣ разубѣдить тебя. Ну положимъ; но если бы я даже какъ нельзя болѣе былъ занятъ подобными планами, какимъ же образомъ осуществятся они черезъ тебя, а безъ тебя не могутъ будто бы осуществиться? Есть у тебя что сказать?

B. **Сокр**. Не думаешь ли, что я въ состояніи произнести одну изъ тѣхъ пространныхъ рѣчей, которыя ты привыкъ выслушивать [3])? Нѣтъ ужъ, куда мнѣ! но доказать тебѣ, что твое положеніе именно таково, я всетаки могъ бы, если бы ты захотѣлъ въ одномъ только немножко помочь мнѣ.

Алк. Да если оно не трудно, то конечно хочу.

Сокр. А трудно ли тебѣ отвѣчать на вопросы?

Алк. Это не трудно.

Сокр. Ну такъ отвѣчай.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Стало быть я буду спрашивать, предполагая въ тоже время, что ты имѣешь тѣ самые замыслы, которые я тебѣ приписываю?

C. **Алк**. Пусть будетъ по твоему, только бы мнѣ узнать, что такое ты станешь говорить.

Сокр. Ну такъ вотъ. Ты намѣреваешься, какъ я говорилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени предстать предъ Аѳинянами въ качествѣ совѣтчика. Но что, еслибы въ ту самую минуту, какъ ты собирался бы взойти па трибуну, я остановилъ бы тебя и сказалъ: Алкивіадъ, о чемъ такое совѣщаются Аѳиняне, что ты поднялся съ мѣста и хочешь предложить имъ свой совѣтъ? Надо полагать о чемъ-нибудь такомъ, что тебѣ лучше извѣстно, чѣмъ имъ? Что бы ты на это отвѣтилъ?

D. **Алк**. Я бы сказалъ, конечно, что они совѣщаются о томъ, что мнѣ лучше извѣстно, чѣмъ имъ.

Сокр. То есть, что знаешь, въ томъ ты и хорошій совѣтникъ?

Алк. Не иначе, разумѣется.

Сокр. Но вѣдь ты можешь знать или то, чему научился отъ другихъ, или то, что самъ открылъ?

Алк. Конечно больше ничего не остается.

---

[3]) Намекъ на софистовъ.

Сокр. Но возможно ли, чтобы ты научился чему-нибудь отъ другихъ или самъ открылъ, не желая ни учиться, ни изслѣдывать?

Алк. Нѣтъ, невозможно.

Сокр. А теперь скажи мнѣ, могъ ли бы ты желать изучить или открыть что-нибудь, если бы думалъ, что это уже извѣстно тебѣ?

Алк. Разумѣется нѣтъ.

Сокр. Стало быть было время, когда ты считалъ неизвѣстнымъ для себя то, что теперь, по твоему, ты знаешь? E.

Алк. Непремѣнно было.

Сокр. Однако же и я приблизительно знаю, чему ты научился, а если что-нибудь ускользнуло отъ моего вниманія, то назови мнѣ это. Учился ты, помнится, читать и писать, играть на киѳарѣ, бороться, а учиться играть на флейтѣ не захотѣлъ [4]). Вотъ и все, въ чемъ ты свѣдущъ; развѣ только утаилось отъ меня, что ты еще гдѣ-нибудь чему-нибудь учился; но мнѣ кажется, что ты ни ночью, ни днемъ не выходилъ такъ, чтобы я этого не замѣтилъ.

Алк. Да нѣтъ же, никакихъ другихъ уроковъ я не бралъ.

Сокр. А если такъ, то не въ томъ-ли случаѣ обратишься ты къ Аѳинянамъ съ указаніями, когда они будутъ 107.
совѣщаться о буквахъ, о томъ, какъ слѣдуетъ правильно писать?

Алк. Ну нѣтъ, ей-богу!

Сокр. Значитъ когда будутъ совѣщаться объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Вовсе нѣтъ.

Сокр. О гимнастикѣ тоже вѣдь не говорятъ обыкновенно въ собраніи.

Алк. Конечно не говорятъ.

Сокр. О чемъ же, наконецъ, должны совѣщаться Аѳиняне, чтобы дать тебѣ случай предложить свой совѣтъ? Ужь конечно не о строительномъ искусствѣ.

Алк. Само собою разумѣется.

Сокр. Потому именно, что архитекторъ присовѣтуетъ B.
въ этомъ дѣлѣ получше тебя?

Алк. Ну да.

---

[4]) Не желая портить себѣ лицо, потому что игра на флейтѣ требовала слишкомъ большого раздуванія щекъ.

Сокр. И точно такъ же не объ искусствѣ прорицанія?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому что прорицатель опытнѣе въ этомъ, чѣмъ ты?

Алк. Да.

Сокр. Будь онъ низкаго роста или высокаго, красивъ или дуренъ, знатнаго происхожденія или незнатнаго.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Потому, полагаю, что каждый разъ совѣтъ есть дѣло знающаго (а не богатаго)?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А будетъ ли ихъ совѣтчикъ богатъ или бѣденъ, это для аѳинянъ совершенно безразлично, разъ они ста-
C. нутъ совѣщаться о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы граждане были здоровѣе; но они постараются чтобы совѣтчикомъ у нихъ тутъ былъ врачъ.

Алк. Весьма естественно.

Сокр. Такъ о чемъ же должны совѣщаться Аѳиняне, чтобы ты могъ по праву предстать предъ ними со своимъ совѣтомъ?

Алк. О собственныхъ своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Ты хочешь сказать—о постройкѣ судовъ, о томъ какого рода корабли надобно имъ строить для себя?

Алк. Нѣтъ, я не объ этомъ, Сократъ.

Сокр. Потому, полагаю, что ты не свѣдущъ въ кораблестроеніи; по этой, или по какой другой причинѣ?

D. **Алк**. Именно по этой.

Сокр. Такъ въ совѣщаніи ихъ о *какихъ* же собственныхъ дѣлахъ, думаешь ты (могъ-бы ты участвовать)?

Алк. О войнѣ, Сократъ, или о мирѣ, или о какомъ-нибудь другомъ общественномъ дѣлѣ.

Сокр. Стало быть, когда они будутъ совѣщаться о томъ, съ кѣмъ нужно заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, и какимъ способомъ.

Алк. Да.

Сокр. Не слѣдуетъ ли, по твоему, воевать именно съ тѣмъ непріятелемъ, съ которымъ намъ лучше воевать, чѣмъ не воевать?

Алк. Конечно.

E. **Сокр**. И тогда именно, когда это лучше?

Алк. Да ужъ понятно.

Сокр. И столько времени, сколько лучше?

Алк. Разумѣется.

Сокр. А что, если бы у Аѳинянъ зашла рѣчь о томъ, съ кѣмъ нужно бороться всѣмъ тѣломъ и съ кѣмъ однѣми руками, и какъ за это приниматься, кто бы въ этомъ дѣлѣ присовѣтовалъ лучше, ты или преподаватель гимнастики?

Алк. Преподаватель гимнастики.

Сокр. А скажи-ка, на что глядя, преподаватель гимнастики сталъ бы указывать, съ кѣмъ нужно бороться всѣмъ тѣломъ и съ кѣмъ не нужно, когда именно и какъ за это приниматься? Говорю то же, что и прежде не съ тѣмъ ли нужно бороться всѣмъ тѣломъ, съ кѣмъ лучше бороться именно такимъ способомъ?

Алк. Ну да.

Сокр. И развѣ не столько времени, сколько лучше? 108.

Алк. Сколько лучше.

Сокр. И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. Но вѣдь сообразно тому же и поющій долженъ во время пѣнія играть на киѳарѣ и двигаться тѣломъ?

Алк. Долженъ конечно.

Сокр. Тогда, разумѣется, когда это выходитъ лучше?

Алк. Да.

Сокр. И столько времени, сколько лучше?

Алк. Именно.

Сокр. И вотъ, разъ ты нашелъ *лучшее* въ обоихъ B.
случаяхъ—и въ игрѣ на киѳарѣ и въ единоборствѣ, то что же ты разумѣешь подъ этимъ лучшимъ? Въ единоборствѣ подъ лучшимъ я разумѣю то, что *гимнастично*, а ты какъ назовешь то же самое по отношенію къ игрѣ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Такъ постарайся вторить за мною. За себя-то я уже кажется отвѣтилъ, что мое *лучшее* есть то, что вполнѣ правильно, вполнѣ же правильнымъ бываетъ то, что сообразно съ искусствомъ. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. А искусствомъ въ моемъ случаѣ была гимнастика?

Алк. Она самая.

Сокр. *Лучшее* же по отношенію къ единоборству я C.
назвалъ *гимнастичнымъ*?

Алк. Да, назвалъ

Сокр. И хорошо назвалъ?

Алк. Мнѣ кажется, хорошо.

Сокр. Ну и ты разсуждай подобнымъ же образомъ; вѣдь и тебѣ не мѣшало бы умѣть хорошо объясняться. Напередъ скажи, что это за искусство правильно играть на киѳарѣ, пѣть и двигаться тѣломъ? Какъ называется все это, вмѣстѣ взятое? Все еще не можешь сказать?

Алк. Да нѣтъ же.

Сокр. Ну догадайся такимъ образомъ: кто тѣ богини, которымъ принадлежитъ это искусство?

Алк. Ты говоришь о музахъ, Сократъ?

D. **Сокр**. Именно; такъ смотри, какое названіе получило отъ нихъ наше искусство?

Алк. Мнѣ кажется ты говоришь про музыку?

Сокр. Да, говорю; какъ же назвать то, что сообразно съ ея правилами? Подобно тому, какъ я назвалъ сообразное съ правилами гимнастики, какъ назовешь ты сообразное съ правилами музыки? Каковымъ оно бываетъ?

Алк. Музыкальнымъ, мнѣ кажется.

Сокр. Хорошо говоришь. Ну а что же ты разумѣешь подъ тѣмъ лучшимъ, которое относится и къ веденію войны
E. и къ заключенію мира? Сейчасъ ты назвалъ лучшее относительно двухъ случаевъ, въ одномъ назвалъ его болѣе *музыкальнымъ*, въ другомъ болѣе *гимнастичнымъ*; вотъ и теперь относительно этого случая постарайся назвать лучшее.

Алк. Совсѣмъ не могу.

Сокр. Но вѣдь это же стыдно. Если бы ты разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь о пищѣ и давалъ совѣтъ, утверждая, что одна пища лучше другой, что лучше принимать её въ такое-то время и въ такомъ то количествѣ, и еслибы тебя потомъ спросили: „что ты разумѣешь подъ лучшимъ, Алкивіадъ?“—Ты бы сумѣлъ отвѣтить: „лучше то, что здоровѣе“, хотя и не выдаешь себя за врача; но тебѣ какъ-будто не кажется стыдно не умѣть отвѣтить, на вопросъ о томъ, въ чемъ ты считаешь себя свѣдующимъ и о чемъ намѣренъ по-
109. давать совѣты въ качествѣ знатока. Или это не стыдно?

Алк. Очень даже.

Сокр. Въ такомъ случаѣ подумай и постарайся отвѣтить, къ чему клонится „лучше“ въ дѣлѣ заключенія мира; а также въ дѣлѣ объявленія войны, когда слѣдуетъ съ кѣмъ-нибудь воевать?

Алк. Но вѣдь и думаю, да не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, на какое зло мы жалуемся и какъ называемъ его, если объявляемъ войну, всякій разъ, какъ намъ случается воевать?

Алк. Это я знаю; мы жалуемся на то, что насъ въ B.
чемъ-нибудь обманываютъ, притѣсняютъ и обираютъ.

Сокр. Постой! Какимъ образомъ претерпѣваемъ мы все подобное? Постарайся указать разницу въ томъ, какъ это бываетъ въ одномъ случаѣ и какъ въ другомъ?

Алк. Не думаешь ли ты о различіи между тѣмъ, когда это бываетъ справедливо и когда несправедливо?

Сокр. Объ этомъ самомъ.

Алк. Ну въ этомъ-то отношеніи бываетъ полная противоположность.

Сокр. Итакъ, съ кѣмъ же ты посовѣтуешь Аѳинянамъ вести войну: съ тѣми, которые поступаютъ несправедливо, или съ тѣми, которые дѣйствуютъ справедливо?

Алк. Удивительно, что это ты такое спрашиваешь! C.
Если бы кому и пришло въ голову, что нужно воевать съ поступающими справедливо, то онъ не признался бы въ этомъ.

Сокр. Потому что это беззаконно полагаю.

Алк. Безъ сомнѣнія, да къ тому же и некрасиво.

Сокр. А потому и ты въ своихъ рѣчахъ будешь имѣть въ виду это самое (т. е. справедливость)?

Алк. Непремѣнно.

Сокр. И вотъ то „лучшее“, которое, какъ я говорилъ, нужно имѣть въ виду, рѣшая вопросъ о томъ, воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и когда, не есть ли это „лучшее“ болѣе справедливое? Какъ по твоему?

Алк. Мнѣ кажется, что такъ.

Сокр. Что же это однако, мой милый Алкивіадъ? Или D.
самъ ты не замѣчаешь, что вовсе не свѣдущъ въ этомъ, или я не замѣтилъ, какъ ты изучалъ этотъ предметъ и ходилъ къ учителю, который научилъ тебя распознавать, что справедливо; кто же онъ такой, этотъ учитель? Укажи мнѣ его и представь ему, чтобы я могъ брать у него уроки.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Да нѣтъ же, клянусь богомъ, покровителемъ нашей дружбы, въ глазахъ котораго я менѣе всего желалъ бы оказаться клятвопреступникомъ; если только можешь, E.
назови, кто онъ такой.

Алк. А что если не могу? Или ты думаешь, что ина-

че мнѣ ужъ и нельзя было узнать что справедливо и что нѣтъ?

Сокр. Конечно можно было, но не иначе, какъ если бы ты самъ открылъ это.

Алк. Значитъ ты полагаешь, что самъ я не могъ открыть этого?

Сокр. И очень могъ бы, если бы искалъ.

Алк. Стало быть ты не допускаешь, чтобы я могъ искать?

Сокр. Конечно могъ бы, если бы думалъ, что это неизвѣстно тебѣ.

Алк. Ну такъ что же, развѣ не было времени, когда бы я такъ думалъ?

Сокр. Вотъ это пожалуй, недурно сказано [5])! Можешь ли однако указать время, когда бы ты не считалъ для себя из-
110. вѣстнымъ, что справедливо и что несправедливо? Въ прошломъ году, положимъ, ты только еще изслѣдывалъ и не думалъ, что уже знаешь? Или, можетъ быть, думалъ? Смотри, отвѣчай правду, чтобы намъ не попусту разговаривать.

Алк. Нѣтъ, я думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ же ли было и въ позапрошломъ, и три, и четыре года тому назадъ?

Алк. Все тоже.

Сокр. А раньше того ты былъ ребенкомъ, не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. Ну а тогда-то конечно думалъ, что знаешь; это мнѣ ужъ достовѣрно извѣстно.

Алк. Почему такъ?

B. **Сокр.** Когда ты былъ ребенкомъ, часто слыхалъ я тебя въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, во время игры въ бабки, или во что-нибудь другое, какъ ты говаривалъ кому нибудь изъ дѣтей: „негодяй!“ „несправедливый“ „нечестно поступаешь!“ И ты произносилъ это твердо и самоувѣренно, а вовсе не такъ, какъ если бы недоумѣвалъ, что̀ справедливо и что несправедливо. Развѣ не правду я говорю?

Алк. Но что же мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда со мною поступали нечестно?

Сокр. Ты спрашиваешь, что слѣдовало дѣлать въ томъ

---

[5]) Т. е. хорошо только по скромной формѣ.

случаѣ, когда бы ты не различалъ, поступали ли съ тобой честно или нечестно?

C. **Алк.** Да нѣтъ же, видитъ Зевесъ, что я не то-что различалъ, но зналъ навѣрное, что со мною нечестно поступали.

Сокр. Стало быть, какъ видно, и будучи еще ребенкомъ ты считалъ себя свѣдущимъ въ томъ, что̀ справедливо и что несправедливо.

Алк. И нетолько считалъ, но и въ самомъ дѣлѣ зналъ это.

Сокр. Когда же ты это узналъ? Конечно ужь не въ то время, когда думалъ, что знаешь.

Алк. Нѣтъ, разумѣется.

Сокр. Въ какое же время ты считалъ себя несвѣдущимъ въ этомъ? Какъ ни ищи, тебѣ вѣдь не найти такого времени.

Алк. Не найти, Сократъ, видитъ Зевсъ!

D. **Сокр.** Стало быть ты знаешь это не потому, чтобы самъ открылъ.

Алк. Совсѣмъ не потому.

Сокр. Но вѣдь сейчасъ говорилъ, что никогда и не учился этому; если же и самъ не открывалъ, и отъ другихъ не научился, то какъ и откуда ты это знаешь!

Алк. Сдается, что я отвѣтилъ тебѣ невѣрно, будто бы потому знаю, что самъ открылъ.

Сокр. А то какъ же?

Алк. Думаю, что научился этому такъ же, какъ и всѣ прочіе.

Сокр. Опять мы возвращаемся къ тому же. Отъ кого научился? Укажи пожалуста.

E. **Алк.** Отъ народа.

Сокр. Если отъ народа, то неважный же у тебя нашелся учитель.

Алк. А что, развѣ онъ не способенъ научить?

Сокр. Только не шашечной игрѣ, а это полегче, чѣмъ искусство различать правду. Какъ, ты съ этимъ не согласенъ?

Алк. Согласенъ.

Сокр. Что же выходитъ? На болѣе легкое онъ не способенъ, а на болѣе трудное способенъ?

Алк. Да, я такъ думаю; на многое другое онъ способенъ, гораздо болѣе важное, чѣмъ игра въ шашки.

111. **Сокр**. Что же это такое?

Алк. Напримѣръ, отъ него я научился эллинской рѣчи и право, кромѣ этого учителя, котораго ты назвалъ неважнымъ, не могу указать никого другого.

Сокр. Ну, славнѣйшій мой, въ этомъ-то дѣлѣ народъ отличный наставникъ, и не безъ основанія всѣ хвалятъ его искусство.

Алк. А почему?

Сокр. Потому, что онъ обладаетъ въ этомъ случаѣ свойствомъ, которое необходимо имѣть всякому хорошему учителю.

Алк. Что ты разумѣешь подъ этимъ?

B. **Сокр**. Да развѣ ты не знаешь, что долженъ напередъ самъ узнать то, чему собираешься учить другого? Или не такъ?

Алк. Разумѣется такъ.

Сокр. А знающіе что-нибудь согласны между собой и не спорятъ другъ съ другомъ о томъ, что они знаютъ?

Алк. Нѣтъ, не спорятъ.

Сокр. Если же люди разногласятъ въ чемъ-нибудь между собою, скажешь ли ты, что они знаютъ это?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. И могутъ ли они быть въ томъ наставниками?

Алк. Ни въ какомъ случаѣ.

Сокр. А думаешь ли ты, что возможно разногласіе въ народѣ относительно того, чтò называется камнемъ и что называется палкой? Если ты спросишь объ этомъ, не ска-
C. жутъ ли всѣ одно и то же, и, если захотятъ взять палку или камень, не обратятся ли всѣ къ одному и тому же? Не то же ли самое случится и относительно всего подобнаго? Вотъ приблизительно, чтò значатъ твои слова объ эллинской рѣчи, не правда ли?

Алк. Ничего другого.

Сокр. Но если мы сказали, что отдѣльныя лица всегда согласны другъ съ другомъ и думаютъ одно и то же о такихъ предметахъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что и государства въ подобныхъ случаяхъ не спорятъ между собою и не утверждаютъ разнаго объ одномъ и томъ же?

Алк. Конечно нѣтъ.

D. **Сокр**. Слѣдовательно народъ по всей справедливости можетъ быть названъ хорошимъ наставникомъ въ такихъ предметахъ.

Алк. Да.

Сокр. А потому, если бы мы захотѣли обучить когонибудь такимъ предметамъ, то поступили бы правильно, пославши его къ этому учителю.

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. А ну какъ если бы мы пожелали узнать не только чтò такое люди или чтò такое лошади, но и какіе изъ нихъ способны къ бѣгу и какіе нѣтъ, неужели и поэтому народъ былъ бы въ состояніи научить насъ?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. А разъ въ народѣ не бываетъ на этотъ счетъ единомыслія, вотъ тебѣ и достаточное свидѣтельство, что онъ не свѣдущъ по этой части и не можетъ быть названъ E.
дѣльнымъ наставникомъ.

Алк. Да ужъ безъ сомнѣнія.

Сокр. Ну а если бы мы захотѣли узнать нетолько, чтò такое люди, но также еще, какіе изъ нихъ здоровые и какіе больные, неужели народъ оказался бы подходящимъ для насъ наставникомъ?

Алк. Разумѣется нѣтъ.

Сокр. И доказательствомъ, что народъ плохой наставникъ въ этомъ предметѣ, служитъ для тебя то обстоятельство, что ты не видишь въ немъ единомыслія по этому предмету?

Алк. Да, это самое.

Сокр. Какъ же теперь намъ быть? Или тебѣ кажется, 112.
что въ народѣ всѣ согласны между собою и никогда не сомнѣваются относительно того, какіе люди или поступки справедливы и какіе нѣтъ?

Алк. Ну ужъ это всего менѣе,—ей-богу, Сократъ!

Сокр. Скорѣе наоборотъ, что по такимъ вопросамъ люди очень расходятся между собою?

Алк. Въ высшей степени расходятся.

Сокр. И едва ли тебѣ случалось видѣть или слышать, чтобы люди разошлись между собою по вопросу о томъ, кто здоровъ и кто боленъ, такъ сильно, что стали бы сражаться изъ-за этого и убивать другъ друга.

Алк. Конечно не случалось.

Сокр. А до чего они доходятъ, когда поднимется во- B.
просъ о справедливости, если ты самъ не видалъ, то навѣрное, отъ многихъ слышалъ объ этомъ, въ томъ числѣ и отъ Гомера. И Одиссею ты конечно слыхалъ, и Иліаду.

Алк. Да ужь безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А не о томъ ли говорятъ эти пѣсни, какъ люди пререкались между собою изъ-за справедливости?

Алк. Да, о томъ.

Сокр. А изъ этихъ пререканій возникали побоища и
С. смертоубійства у Ахеянъ съ Троянцами, у Одиссея съ женихами Пенелопы.

Алк. Это правда.

Сокр. Думаю также, что Аѳиняне и Лакедемонцы, и Беотійцы, погибшіе при Танагрѣ, сражались и убивали другъ друга только потому, что повздорили при рѣшеніи вопроса о томъ, что справедливо, и что несправедливо; то же самое потомъ при Коронеѣ, гдѣ въ числѣ другихъ погибъ и отецъ твой Клиній. Развѣ не такъ?

Алк. Это правда.

D. **Сокр**. Скажемъ ли мы теперь, что эти люди знаютъ то, въ чемъ они разногласятъ между собою такъ сильно, что причиняютъ другъ другу самыя крайнія бѣдствія?

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Стало быть не сослался ли ты на такихъ учителей, о которыхъ самъ же говоришь, что они несвѣдущи?

Алк. Какъ видно.

Сокр. Возможно ли въ такомъ случаѣ, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ зналъ, что справедливо и что нѣтъ, разъ ты въ этомъ такъ нетвердъ, и если оказывается, что самъ ты этого никогда не открылъ, а отъ другихъ тоже не научился?

Алк. Судя по тому, что ты говоришь, я не въ состояніи этого знать.

E. **Сокр**. Вотъ опять, Алкивіадъ, не хорошо ты сказалъ.

Алк. А что такое?

Сокр. Да что будто бы я это говорю.

Алк. А какъ же, развѣ не ты говорилъ, что я ничего не знаю относительно справедливаго и несправедливаго?

Сокр. Конечно не я.

Алк. Значитъ я?

Сокр. Ты.

Алк. Какимъ же это образомъ?

Сокр. А вотъ какимъ. Если я тебя спрошу, что больше, одинъ или два? не скажешь ли ты: разумѣется два.

Алк. Да, скажу.

Сокр. Насколько больше?

Алк. На единицу.

Сокр. Кто же изъ насъ теперь говоритъ, что два боль- 113.
ше одного на единицу?

Алк. Я.

Сокр. Но вѣдь я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Да.

Сокр. Кто же оказывается утверждающимъ это, я ли, спрашивающій тебя, или ты, отвѣчающій мнѣ?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ бы тебя, изъ какихъ буквъ состоитъ слово „Сократъ“, а ты бы отвѣтилъ кто бы изъ насъ назвалъ эти буквы?

Алк. Я.

Сокр. Ну вотъ! вообще говоря, когда бываетъ заданъ вопросъ и на него полученъ отвѣтъ, кто тутъ изъ двухъ есть утверждающій: тотъ, кто спрашиваетъ, или тотъ, кто отвѣчаетъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, тотъ, кто отвѣчаетъ.

Сокр. Но вѣдь сейчасъ-то все время не я ли тебя B.
спрашивалъ?

Алк. Да.

Сокр. Не ты ли отвѣчалъ мнѣ?

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. Кто же изъ насъ, въ такомъ случаѣ, говорилъ все то, что было говорено?

Алк. Очевидно я, Сократъ; такъ выходитъ изъ всего предыдущаго.

Сокр. А говорили мы о томъ, что сынъ Клинія, прекраснѣйшій Алкивіадъ, не знаетъ, что̀ такое справедливость, но думаетъ, что знаетъ, и намѣренъ явиться въ народное собраніе съ цѣлью подать Аѳинянамъ совѣтъ о томъ, чего онъ не знаетъ. Не объ этомъ ли мы говорили?

Алк. Повидимому объ этомъ. C.

Сокр. И вотъ, Алкивіадъ, я скажу, какъ у Еврипида: видно, отъ себя самого, а не отъ меня услыхалъ ты это[6]), не я это говорилъ, а ты, и меня напрасно обвиняешь; къ

---

[6]) Слова Федры въ трагедіи Еврипида „Ипполитъ“ (ст. 353):

Кормилица. Ты влюблена, дитя мое? Въ кого же?

Федра. Мнѣ все равно, кто онъ, сынъ Амазонки...

Кормилица. Какъ, въ Ипполита?!

Федра. Отъ себя ты слышишь.

тому же ты очень хорошо говорилъ. Право же ты затѣялъ безразсудное предпріятіе, превосходнѣйшій мой,—учить тому, чего не знаешь и чего не постарался узнать.

D. **Алк**. Я думаю, Сократъ, Аѳинянамъ и прочимъ Эллинамъ рѣдко приходится совѣщаться о томъ, что справедливо; обыкновенно считается, что такія вещи ясны сами по себѣ, а потому, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, они думаютъ больше о томъ, что для нихъ полезнѣе. Но по моему, справедливое и полезное совсѣмъ не одно и тоже; напротивъ многіе извлекали пользу для себя, совершая самые несправедливые поступки, а съ другой стороны, поступавшіе справедливо не получали отъ этого никакой выгоды.

E. **Сокр**. Пожалуй допустимъ, что полезное и справедливое совсѣмъ разныя вещи, но къ чему же это для тебя? Или ты снова считаешь себя свѣдущимъ въ томъ, что̀ именно полезно людямъ и почему полезно?

Алк. А почему бы мнѣ не знать этого, если только опять ты не станешь спрашивать меня, какимъ образомъ я открылъ, да отъ кого научился.

Сокр. Какъ ты право это чудно говоришь! Случится тебѣ сказать что-нибудь не такъ, и можно было бы опровергнуть тебя съ помощью прежнихъ доводовъ, а ты ужь ждешь чего-то новаго, надѣешься услыхать другіе доводы, какъ будто бы старые износились какъ платье и не годятся для тебя, а нужно, чтобы тебѣ представили доказательство
114. совершенно свѣжее и не бывшее въ употребленіи. Но я не обращаю вниманія на эту уловку и спрашиваю тебя попрежнему: если ты знаешь, что̀ полезно и что́ вредно, то откуда ты получилъ свои свѣдѣнія, и кто былъ твоимъ учителемъ? причемъ я включаю въ этотъ свой вопросъ и всѣ прежніе. Но вѣдь ясное дѣло, что ты натолкнешься на то же самое, что говорилъ раньше, только не натолкнешься на доказательство того, будто бы самъ научился различать полезное, ни того, будто бы тебя другіе этому научили. Принимая же во вниманіе твою пресыщенность и зная, что одинаковыя
B. разсужденія не по вкусу тебѣ, я оставлю вопросъ о томъ, знаешь ты или нѣтъ, что полезно для Аѳинянъ; а вотъ почему бы тебѣ самому не показать относительно справедливаго, полезно ли оно или нѣтъ? Если хочешь, спрашивай меня, какъ я тебя спрашивалъ, а то изложи отъ себя.

Алк. Но я не увѣренъ, Сократъ, въ состояніи ли произнесть рѣчь въ твоемъ присутствіи.

Сокр. Ну, мой милый! представь себѣ что я народное собраніе, что я народъ; вѣдь и тамъ тебѣ придется убѣждать каждаго отдѣльно, не правда ли?

Алк. Придется.

Сокр. Такъ вотъ видишь ли, разъ ты знаешь что-нибудь, то можешь одинаково разъяснить это и каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, подобно грамматисту, который обучаетъ буквамъ одновременно и многихъ и каждаго от- C.
дѣльно.

Алк. Да.

Сокр. Не такъ же ли и числамъ обучаетъ каждаго и могихъ одновременно одинъ и тотъ же человѣкъ?

Алк. Да.

Сокр. А именно свѣдущій въ этомъ, учитель ариѳметики?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Стало-быть и ты въ состояніи научить каждаго тому, чему можешь научить многихъ?

Алк. По всей вѣроятности.

Сокр. Но очевидно только тому, что самъ знаешь?

Алк. Да.

Сокр. Не въ томъ ли и вся разница между говорящимъ въ обществѣ, подобномъ нашему, и ораторомъ въ D.
народномъ собраніи, что первый обращается къ каждому лицу отдѣльно, а второй съ тѣмъ же самымъ обращается къ совокупности такихъ лицъ?

Алк. Пожалуй.

Сокр. Ну такъ смѣлѣй же! Разъ повидимому все равно, убѣждать ли одного человѣка или многихъ, то попробуй сначала на мнѣ и постарайся доказать, что справедливость иногда не приноситъ пользы.

Алк. Какой ты однако злой, Сократъ.

Сокр. Я такъ золъ, что намѣренъ сейчасъ доказать тебѣ противное тому, въ чемъ ты не захотѣлъ убѣдить меня.

Алк. Ну говори.

Сокр. Только ты отвѣчай на вопросы. E.

Алк. Нѣтъ, ужь лучше самъ говори.

Сокр. Какъ, ты не желаешь убѣдиться вполнѣ?

Алк. Конечно въ высшей степени желаю.

Сокр. Но если ты самъ скажешь: „да, это такъ“, не будетъ ли это значить, что ты вполнѣ убѣдился?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну такъ отвѣчай, и пока не услышишь отъ себя самого, что справедливость полезна, никому другому на слово не вѣрь.

Алк. Не буду, буду только отвѣчать; авось это не повредитъ мнѣ.

115. **Сокр**. Да ты право прорицатель! Ну, отвѣчай мнѣ. Изъ справедливыхъ поступковъ, говоришь ты, одни приносятъ пользу, другіе нѣтъ?

Алк. Да.

Сокр. А что если я такъ спрошу: нѣкоторые изъ нихъ красивы, другіе нѣтъ?

Алк. О чемъ собственно ты спрашиваешь?

Сокр. Я хочу спросить: приходилось ли тебѣ видѣть, чтобы кто-нибудь поступалъ хотя и справедливо, но некрасиво?

Алк. Нѣтъ, не приходилось.

Сокр. Напротивъ все справедливое въ то же время прекрасно?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Теперь скажи мнѣ относительно прекраснаго, все ли прекрасное есть добро, или одно бываетъ добромъ, другое зломъ?

Алк. Что касается меня, Сократъ, то я полагаю, что прекрасное иногда оказывается зломъ.

Сокр. А некрасивое оказывается добромъ?

B. **Алк**. Да.

Сокр. Не имѣешь ли ты въ виду такого случая: напримѣръ нерѣдко бываетъ на войнѣ, что одни, защищая своихъ друзей или родственниковъ, сами получаютъ раны и умираютъ, другіе же, не исполнивъ своего долга и никому не оказавши помощи, уходятъ съ поля битвы невредимыми.

Алк. Вотъ именно.

Сокр. Итакъ, оказаніе помощи въ этомъ случаѣ ты называешь прекраснымъ поступкомъ со стороны готовности спасти тѣхъ, кого долгъ повелѣваетъ спасать, т. е. со стороны мужества, не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. И въ то же время ты считаешь это зломъ, принимая въ соображеніе смерть и увѣчья, не такъ ли?

Алк. Да. C.

Сокр. Такъ развѣ мужество и смерть не разныя вещи?

Алк. Конечно разныя.

Сокр. Не въ одномъ и томъ же, стало быть, отношеніи помощь друзьямъ есть что-то прекрасное и въ то же время есть зло?

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Ну такъ посмотри, не окажется ли, что по скольку что нибудь прекрасное прекрасно, по стольку оно есть добро, какъ и въ нашемъ случаѣ. Вѣдь ты согласился, что помогать прекрасно, по скольку въ этомъ обнаруживается мужество, а теперь разсмотри: само мужество, есть ли оно добро или зло. Подумай-ка, чего бы ты пожелалъ для себя, добра или зла?

Алк. Добра.

Сокр. И притомъ хотѣлъ бы имѣть его какъ можно побольше? D.

Алк. Да.

Сокр. Меньше же всего хотѣлъ бы, чтобы его у тебя отняли?

Алк. А то какъ же?

Сокр. Ну а какъ ты смотришь на мужество, на что бы ты его промѣнялъ?

Алк. Да я бы и жить не захотѣлъ, если бы предстояло быть трусомъ.

Сокр. Потому что трусость кажется тебѣ послѣднимъ изъ золъ.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Какъ видно равносильнымъ смерти?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно жизнь и мужество прямо противоположны смерти и трусости?

Алк. Да.

Сокр. И одного ты желалъ бы болѣе всего, а другого всего менѣе? E.

Алк. Да.

Сокр. Не потому ли, что одно считаешь наилучшимъ изо всего, другое наихудшимъ?

Алк. Ну да.

Сокр. Итакъ, оказаніе помощи друзьямъ на войнѣ ты

считаешь прекраснымъ со стороны добра, производимаго мужествомъ?

Алк. Очевидно.

Сокр. А зломъ ты называешь это со стороны зла, причиняемаго смертью?

Алк. Да.

Сокр. Но въ такомъ случаѣ не правильнѣе ли обозначить обѣ стороны дѣла такимъ образомъ: разъ ты назвалъ что-нибудь зломъ съ той стороны гдѣ есть зло, то не слѣ-
116. дуетъ ли назвать это добромъ съ той стороны, гдѣ есть добро.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И поскольку это есть добро, по стольку оно и прекрасно, а по скольку зло, постольку и гадко.

Алк. Да.

Сокр. А потому говорить, что помощь, оказываемая друзьямъ на войнѣ есть нѣчто прекрасное, но въ то же время зло, не то же ли самое, что утверждать: хотя это и добро, однако зло.

Алк. Мнѣ кажется, что ты говоришь правду.

Сокр. Ничто, стало быть, прекрасное, поскольку оно прекрасно, не можетъ быть зломъ, и ничто гадкое, поскольку оно гадко, не можетъ быть добромъ.

B. **Алк**. Повидимому.

Сокр. Разсуди еще такъ: кто прекрасно ведетъ себя, тому хорошо?

Алк. Да

Сокр. А кому хорошо, тотъ счастливъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Не отъ того ли счастливъ, что обладаетъ извѣстнымъ добромъ?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. А получается это добро посредствомъ хорошей и прекрасной жизни?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть хорошо себя чувствовать есть добро?

Алк. Конечно.

Сокр. И оно же вѣдь прекрасно?

Алк. Да.

C. **Сокр**. И вотъ у насъ попрежнему добро и прекрасное являются однимъ и тѣмъ же.

Алк. Повидимому.

Сокр. Итакъ, изъ того, что мы сейчасъ говорили, слѣдуетъ, что, разъ мы признаемъ что-нибудь прекраснымъ, то же самое признаемъ мы за добро.

Алк. Необходимо.

Сокр. Теперь скажи мнѣ, полезно или не полезно добро?

Алк. Полезно.

Сокр. А помнишь ли, въ чемъ мы сошлись относительно справедливости?

Алк. Въ томъ, кажется, что кто поступаетъ справедливо, тотъ непремѣнно поступаетъ прекрасно.

Сокр. А совершая прекрасное, онъ совершаетъ добро?

Алк. Да.

Сокр. Добро же полезно? D.

Алк. Да.

Сокр. Итакъ, Алкивіадъ, что справедливо, то полезно.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну и что же, не ты ли это говоришь, и не я ли спрашиваю?

Алк. Пожалуй что такъ.

Сокр. И вотъ, если-бы кто-нибудь, полагая для себя извѣстнымъ, что такое справедливость, всталъ во время засѣданія и началъ бы давать совѣты все равно кому,—Аѳинянамъ, Пепаріѳянамъ [7],—и говорилъ бы, что справедливое
бываетъ иногда зломъ, что бы тебѣ оставалось дѣлать какъ E.
не смѣяться надъ нимъ, разъ ты находишь, что если что-нибудь справедливо, то и полезно?

Алк. Видятъ боги, Сократъ, что я не понимаю даже того, что говорю, и совсѣмъ точно дуракъ; пока ты спрашиваешь, мнѣ то одно начинаетъ казаться, то другое.

Сокр. А тебѣ неизвѣстно, мой милый, что это съ тобой происходитъ?

Алк. Совсѣмъ не знаю.

Сокр. Если-бы кто-нибудь спросилъ тебя, сколько у тебя глазъ, два или три, сколько рукъ, двѣ или четыре, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, неужели ты отвѣчалъ бы то такъ, то сякъ? Не отвѣчалъ ли бы ты всегда одинаково?

Алк. Теперь ужь я боюсь за себя, а всетаки думаю, 117
что говорилъ бы одно и тоже.

---

7) Пепаріѳъ—ничтожный островокъ изъ группы Цикладъ.

Сокр. Потому что ты хорошо это знаешь, не по этой ли причинѣ?

Алк. Думаю, что по этому самому.

Сокр. Такъ о чемъ ты поневолѣ отвѣчаешь противорѣчиво,—ясно, что этого ты не знаешь.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но вѣдь ты признался, что путаешься въ своихъ отвѣтахъ относительно того, что̀ справедливо и что несправедливо, что прекрасно и что гадко, что полезно и что нѣтъ, что такое зло и что такое добро, — не ясно ли отсюда, что ты путаешься именно потому, что ничего этого не знаешь?

B. **Алк.** Мнѣ кажется.

Сокр. Да всегда ли оно такъ бываетъ? Разъ кто-нибудь чего-нибудь не знаетъ, неужели онъ непремѣнно долженъ путаться въ своихъ мысляхъ объ этомъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Что ты, да развѣ ты знаешь, какъ взойти на небо?

Алк. Ей-ей не знаю.

Сокр. Ну и что же, бываетъ у тебя какое-нибудь колебаніе въ мысляхъ насчетъ этого?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А извѣстна ли тебѣ причина этого, или мнѣ самому сказать?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина та, мой милый, что, не зная этого, ты и не думаешь, что знаешь.

C. **Алк.** Что это опять ты хочешь сказать?

Сокр. Разберемъ-ка сообща. Когда ты чего-нибудь не знаешь и притомъ сознаешь, что не знаешь, бываетъ ли у тебя какое-нибудь колебаніе въ подобномъ случаѣ? Напримѣръ относительно приготовленія пищи. вѣдь ты знаешь отлично, что ты этого не знаешь?

Алк. О, безъ сомнѣнія!

Сокр. Станешь ли ты разсуждать и недоумѣвать о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ приготавливать ее, или предоставишь это знатоку дѣла?

Алк. Конечно предоставлю.

Сокр. А плывя на кораблѣ и не умѣя управлять имъ, станешь ли разсуждать и недоумѣвать о томъ, куда нужно

вести руль, къ себѣ или отъ себя, или же преспокойно предоставишь это рулевому? D.

Алк. Безъ сомнѣнія предоставлю рулевому.

Сокр. Значитъ у тебя не бываетъ никакого сомнѣнія, когда ты не знаешь чего-нибудь, если только при этомъ ты сознаешь, что не знаешь?

Алк. Кажется не бываетъ.

Сокр. Понимаешь ли теперь, что и во всякомъ дѣлѣ ошибки происходятъ отъ такого незнанія, когда, не зная чего-нибудь, думаютъ, что знаютъ?

Алк. Что это еще ты хочешь сказать?

Сокр. Не тогда ли принимаемся мы за дѣло, когда думаемъ, что оно намъ извѣстно?

Алк. Да. E.

Сокр. А если кто думаетъ, что не знаетъ дѣла, не передаетъ ли его другому?

Алк. Конечно.

Сокр. И этого рода люди, при всемъ своемъ незнаніи никогда не впадаютъ въ ошибки не потому ли именно, что полагаются на другихъ.

Алк. Да.

Сокр. Кто же, въ такомъ случаѣ, дѣлаетъ ошибки? Полагаю, что не тотъ, кто знаетъ.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Но если мы исключимъ знающихъ, а изъ незнающихъ тѣхъ, которые сознаютъ, что не знаютъ, останутся ли у насъ еще кромѣ незнающихъ, но думающихъ, что знаютъ?

Алк. Нѣтъ, останутся только эти 118

Сокр. Вотъ это самое незнаніе, или постыднѣйшее невѣжество, и не есть ли причина золъ?

Алк. Да.

Сокр. И не тогда ли оно всего зловреднѣе и постыднѣе, когда касается самаго важнаго?

Алк. Еще бы!

Сокр. А можешь ли ты указать что-нибудь, что было бы важнѣе справедливости, красоты, добра, пользы?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. Но вѣдь ты, какъ самъ говоришь, не твердъ именно въ этомъ?

Алк. Да.

Сокр. Если же не твердъ, то не ясно ли изъ преды-

дущаго, что ты нетолько не знаешь самаго важнаго, но въ то же время думаешь, что знаешь?

B. **Алк**. Похоже на то.

Сокр. Ай-ай, Алкивіадъ, въ какомъ ты очутился состояніи! Я даже боюсь назвать его, а слѣдуетъ; къ тому же мы тутъ одни Ты погрязъ, мой хорошій, въ самомъ крайнемъ невѣжествѣ, какъ обличаетъ тебя и смыслъ разговора и ты самъ себя; вотъ почему ты и бросаешься въ политику, не успѣвъ еще окончить ученья. Случилось же это не съ тобою однимъ, но и вообще съ большинствомъ тѣхъ людей, которые занимаются дѣлами нашего города,
C. исключая очень немногихъ, пожалуй въ томъ числѣ и твоего опекуна Перикла.

Алк. А говорятъ, Сократъ, что онъ не самъ собою дошелъ до мудрости, но пользовался обществомъ многихъ мудрыхъ людей,—и Пиѳоклида, и Анаксагора; даже теперь, въ такомъ возрастѣ, онъ съ тою же цѣлью постоянно пользуется обществомъ Дамона [8]).

Сокр. Ну такъ что же? Развѣ ты видалъ, чтобы человѣкъ, умудренный въ чемъ нибудь, не былъ въ состояніи сдѣлать таковымъ и другого? Напримѣръ тотъ, кто научилъ тебя грамотѣ, и самъ былъ ея знатокомъ, и тебя сдѣлалъ такимъ, и всякаго другого, кого только захотѣлъ; развѣ не такъ?

Алк. Да, это такъ.

D. **Сокр**. Не можешь ли и ты стало быть, научившись отъ него этой мудрости, научить ей другого?

Алк. Да, могу.

Сокр. Не то же ли самое слѣдуетъ сказать о киѳаристѣ, о преподавателѣ гимнастики?

Алк. Конечно.

Сокр. Значитъ это хорошее доказательство умѣнья, когда человѣкъ, умѣлый въ какомъ-нибудь дѣлѣ, въ состояніи и другого сдѣлать умѣлымъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Какъ же теперь намъ быть относительно Перикла,—можешь ли ты сказать, кого Периклъ сдѣлалъ мудрымъ? Возьми хотя-бы его сыновей.

---

[8]) Анексагоръ — знаменитый философъ, другъ Перикла, Еврипида и, можетъ быть, Сократа; Пиѳоклидъ — мало-извѣстный философъ пиѳагореецъ; Дамонъ—музыкантъ и поэтъ.

Алк. Такъ что же, Сократъ, если оба сына Перикла E.
оказались дураками?

Сокр. Ну возьми брата своего Клинія.

Алк. Опять-таки Клинія, человѣка сумашедшаго!

Сокр. Клиній не въ своемъ умѣ, сыновья у Перикла оказались дураками, а на твой то счетъ какое намъ выдумать оправданіе? Почему онъ ничего не дѣлаетъ, видя тебя въ такомъ состояніи?

Алк. Тутъ ужь, кажется, я виноватъ своимъ невниманіемъ.

Сокр. Такъ найди вообще кого-нибудь изъ Аѳинянъ, 119
или иностранцевъ, свободнаго человѣка или раба, кто бы сдѣлался мудрѣе отъ общенія съ Перикломъ, какъ я, напримѣръ, относительно Зенона могу назвать тебѣ Пиѳодора сына Исолохова, и Каллія, сына Калліадова [9]); оба они, заплативъ Зенону по сту минъ, сдѣлались знаменитыми мудрецами.

Алк. Право не могу найти.

Сокр. Ну, оставимъ это. Что же, однако, ты намѣренъ дѣлать съ собою? Думаешь ли оставаться въ теперешнемъ состояніи, или намѣренъ какъ-нибудь заняться собою? B

Алк. Общій совѣтъ, Сократъ! Вѣдь я понимаю, что ты говоришь, и согласенъ съ тобою; наши общественные дѣятели, кромѣ немногихъ, въ самомъ дѣлѣ, кажется, необразованы.

Сокр. Къ чему это?

Алк. Будь они образованы, всякому, кто захотѣлъ бы соперничать съ ними, пришлось бы выступать противъ нихъ, какъ противъ атлетовъ, изучивши напередъ дѣло и послѣ нѣкоторыхъ упражненій; а теперь, когда при государственныхъ дѣлахъ стоятъ самые простые люди, съ какой стати буду я упражняться и затруднять себя изученіемъ дѣла? Я вѣдь нисколько не сомнѣваюсь, что благодаря природнымъ C
дарованіямъ далеко опережу ихъ всѣхъ.

Сокр. Ай-ай, какъ ты это говоришь, славнѣйшій мой! До чего несоотвѣтственно со всѣмъ твоимъ видомъ и съ прочими твоими свойствами!

Алк. Что ты хочешь этимъ сказать, Сократъ?

Сокр. Мнѣ прискорбно за тебя и за мою любовь, Алкивіадъ.

---

[9]) Философы, вполнѣ неизвѣстные. Зенонъ—знаменитый глава элейской школы.

Алк. Это почему?

Сокр. Да если ты нашелъ, что состязаніе твое—со здѣшними людьми.

Алк. А то съ кѣмъ же еще?

D. **Сокр**. Пристало ли спрашивать объ этомъ человѣку, который высоко себя почитаетъ?

Алк. Что ты такое говоришь? Да развѣ не съ ними предстоитъ мнѣ состязаться?

Сокр. Но если-бы ты вздумалъ управлять тріерой, готовою вступить въ сраженіе, развѣ для тебя достаточно было бы превосходить однихъ матросовъ въ морскомъ дѣлѣ? Считая и это необходимымъ, не обратилъ ли бы ты въ то же время своего вниманія на дѣйствительныхъ соперниковъ, а не на соратниковъ только; этихъ-то ты безъ сомнѣнія долженъ превосходить на столько, чтобы не считать ихъ достойными соревнованія съ тобой; но, стоя выше ихъ, вмѣстѣ съ ними сражаться противъ общихъ враговъ, если только въ самомъ дѣлѣ ты намѣреваешься совершить какой-нибудь прекрасный подвигъ, достойный и нашего города и тебя самого.

Алк. Да я дѣйствительно намѣреваюсь.

Сокр. А если такъ, то очень это тебя достойно удовольствоваться превосходствомъ надъ одними своими воинами и упустить изъ виду непріятельскихъ вождей, не стараясь упражняться для борьбы съ ними и не желая превзойти ихъ!

120 **Алк**. О какихъ непріятеляхъ говоришь ты, Сократъ?

Сокр. И тебѣ неизвѣстно, что нашъ городъ въ постоянной войнѣ съ Лакедемонянами и съ великимъ царемъ? [10]).

Алк. Это правда.

Сокр. И такъ, разъ ужъ ты намѣреваешься стоять во главѣ города, пожалуй хорошо бы ты сдѣлалъ, если бы думалъ, что тебѣ предстоитъ борьба съ лакедемонскими и персидскими царями.

Алк. Похоже, что ты говоришь правду.

Сокр. Да нѣтъ, добрѣйшій, куда ужь! Тебѣ бы только
B. смотрѣть на перепелятника Мидія и людей, подобныхъ ему, этихъ неучей, которые, оставаясь въ душѣ *бритыми* рабами, какъ сказали бы женщины, и не успѣвъ еще отра-

[10]) т. е. персидскимъ.

стить волосъ, [11]) берутся за государственныя дѣла только для того, чтобы льстить городу на своемъ варварскомъ нарѣчіи, а не управлять имъ. Разъ ты имѣешь въ виду этихъ самыхъ людей, то конечно тебѣ нечего заботиться о себѣ, не нужно изучать того, что подлежитъ изученію, если го-
товишься къ такой борьбѣ, нечего упражняться въ томъ, C.
что требуетъ упражненія и вообще нѣтъ надобности приступать къ государственнымъ дѣламъ, всячески заранѣе подготовившись къ этому.

Алк. Положимъ, Сократъ, что это правда, но въ то же время я нахожу, что лакедемонскіе начальники и персидскій царь ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ.

Сокр. Однако, славнѣйшій мой, подумай, что это ты сказалъ.

Алк. А что?

Сокр. Вопервыхъ, въ какомъ случаѣ, по твоему, тебѣ
нужнѣе заняться собою, въ случаѣ, если ты боишься ихъ D.
и находишь ихъ сильными, или въ обратномъ случаѣ?

Алк. Очевидно, если нахожу сильными.

Сокр. Такъ ужъ не думаешь ли ты, что, занявшись собою, ты этимъ повредишь себѣ?

Алк. Ни въ какомъ случаѣ,—напротивъ получу отъ этого большую пользу.

Сокр. И такъ, вотъ уже одно зло, къ которому приводитъ твое предположеніе, да еще какое зло-то!

Алк. Это правда.

Сокр. А во-вторыхъ, посмотри, не окажется ли оно ложнымъ, насколько мы въ состояніи судить объ этомъ.

Алк. Изъ чего же это видно?

Сокр. Не естественно ли, чтобы лучшіе отъ природы
люди происходили скорѣе изъ знатныхъ, чѣмъ изъ незнат- E.
ныхъ родовъ?

Алк. Очевидно изъ знатныхъ.

Сокр. Стало быть у людей благороднаго происхожденія, если они къ тому же и хорошо воспитаны, есть все, что нужно для полной добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. И такъ, сравнимъ наши преимущества съ преимуществами царей лакедемонскихъ и персидскихъ, и прежде

[11]) Мидій—извѣстный спортсменъ, осмѣянный Аристофаномъ въ „Птицахъ“. Рабы не имѣли права носить длинные волосы.

всего посмотримъ, худшаго ли они происхожденія, чѣмъ мы
Не извѣстно ли всѣмъ, что одни происходятъ отъ Геракла,
другіе отъ Ахемена, и что оба рода, геракловъ и ахеме-
новъ, восходятъ къ Персею, сыну Зевса?
121 **Алк**. А нашъ родъ восходитъ къ Еврисаку, Сократъ,
родъ же Еврисака къ Зевсу.
Сокр. А нашъ родъ восходитъ къ Дедалу, благород-
ный Алкивіадъ, а Дедалъ произошелъ отъ Гефеста, сына
Зевсова; только ихъ-то предки изъ поколѣнія въ поколѣ-
ніе, начиная съ Зевса, царили, подобно имъ самимъ, одни
надъ Аргосомъ и Лакедемоніей, другіе надъ Персіей, а то
и надъ всей Азіей, какъ напримѣръ въ настоящее время;
B. мы же съ тобой и сами — частные люди, и отцы наши
всегда были такими же, и можешь себѣ представить, до
чего бы ты былъ смѣшонъ, если бы тебѣ пришлось назвать
Ксерксову сыну Артаксерксу своихъ предковъ и ихъ владѣ-
нія: Саламинъ, родину Еврисака, или Эгину, отечество
Эака, который жилъ еще раньше. Но смотри, какъ бы намъ
не оказаться ниже ихъ не только по происхожденію, но и
по воспитанію. Развѣ тебѣ не извѣстно, что въ Лакедемо-
ніи такое придаютъ значеніе царскому роду, что, въ виду
государственнаго интереса ефоры насколько возможно обе-
регаютъ царскихъ женъ, боясь, какъ бы не явилось слу-
C. чайно царя изъ другого рода, помимо рода гераклидовъ; а
повелителя Персіи ставятъ настолько выше, что никому и
въ голову не приходитъ, чтобы наслѣдникъ могъ произойти
отъ кого-нибудь другого, помимо него; и вотъ почему одинъ
только страхъ оберегаетъ жену великаго царя. Когда же у
него родится первенецъ, предназначенный къ верховной
власти, то вопервыхъ бываетъ праздникъ во всей странѣ,
въ которомъ участвуютъ всѣ будущіе подданные новорож-
деннаго, а кромѣ того и потомъ ежегодно въ тотъ же день
вся Азія приноситъ жертвы по случаю рожденія своего
D. царя. А нашего рожденія, Алкивіадъ, даже и сосѣди что-
то не замѣчаютъ, какъ говорится въ комедіи [12]). Послѣ
этого за ребенкомъ ходитъ не какая-нибудь простая нянька,
но лучшіе изъ придворныхъ евнуховъ, которымъ, между
прочимъ, вмѣнено въ обязанность стараться объ исправле-
ніи и усовершенствованіи членовъ младенца, чтобы онъ вы-

[12]) Въ комедіи драматурга Платона, отъ сочиненій котораго оста-
лись только отрывки.

шелъ какъ можно красивѣе; и это занятіе доставляетъ имъ
большой почетъ. Съ семилѣтняго возраста наслѣдники пре-
стола пріучаются къ обращенію съ лошадьми и начинаютъ хо- E.
дить на охоту. На пятнадцатомъ году ихъ передаютъ такъ назы-
ваемымъ царскимъ педагогамъ, четыремъ пожилымъ персамъ,
которыхъ считаютъ лучшими во всей странѣ: одинъ изъ
нихъ самый мудрый, другой самый правдивый, третій са-
мый разсудительный и четвертый самый храбрый. Одинъ
научаетъ своего воспитанника магіи Зороастра, сына Ор-
музды, т. е. тому какъ надо служить богамъ, а также 122
всѣмъ придворнымъ порядкамъ; самый правдивый научаетъ
быть справедливымъ втеченіе всей жизни; самый разсуди-
тельный — не отдаваться всецѣло никакому наслажденію,
чтобы пріучиться сохранять свободу и быть въ самомъ дѣлѣ
царемъ, господствуя прежде всего надъ собственными стра-
стями, а не рабствуя предъ ними; самый храбрый воспиты-
ваетъ изъ него человѣка безстрашнаго и смѣлаго, какъ бы
подразумѣвая, что бояться значитъ быть рабомъ. Къ тебѣ
же, Алкивіадъ, Периклъ приставилъ въ воспитатели самаго
негоднаго отъ дряхлости изъ домашнихъ рабовъ — ѳракійца B.
Зопира. Привелъ бы я еще много другого о воспитаніи и
образованіи твоихъ соперниковъ, не будь это только слиш-
комъ длинно, да къ тому же и сказаннаго вполнѣ доста-
точно, чтобы дать понятіе объ остальномъ, что съ этимъ
связано.

О твоемъ же, Алкивіадъ, рожденіи, воспитаніи, обра-
зованіи, равно какъ и о всякомъ другомъ Аѳинянинѣ, про-
сто напросто никто не безпокоится, кромѣ развѣ того, кто
ухаживаетъ за тобою. А если ты вздумаешь посмотрѣть на
богатства Персовъ, на ихъ роскошь, одежды, влачащіеся
иматіи [13]), притиранія, многочисленныя свиты прислужни-
ковъ и на прочее великолѣпіе и потомъ посмотришь на C.
себя, тебѣ покажется стыднымъ, насколько во всемъ этомъ
ты отстаешь отъ нихъ. Съ другой стороны, вспомнивъ раз-
судительность и благонравіе Лекедемонянъ, ихъ обходитель-
ность, привѣтливость, простоту, душевное величіе, поряд-
ливость, храбрость, выносливость, трудолюбіе, страсть къ
соревнованію и славолюбіе, ты опять-таки покажешься самъ

[13]) *ἱμάτιον*—верхняя одежда. Слишкомъ длинный подолъ былъ
признакомъ роскоши и франтовства. Алкивіадъ носилъ иматій, „какъ-
то особенно“, по сообщенію схоліаста.

D. себѣ младенцемъ во всемъ этомъ. Но можетъ быть ты имѣешь
въ виду (и тутъ) *богатство* и думаешь значить что-нибудь въ
этомъ отношеніи,—такъ разберемъ и это и посмотримъ, от-
даешь ли ты себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Взгляни
только на богатства Лакедемонянъ, и ты увидишь, что мы
далеко имъ уступаемъ. Здѣсь всякому извѣстно и не мо-
жетъ быть спора о томъ, насколько они богаты землями, и
собственными и находящимися въ Мессеніи, принимая во
вниманіе нетолько количество, но и качество земли, число
E илотовъ и другихъ рабовъ, въ особенности огромное коли-
чество лошадей и всякаго другого скота, что пасется на
горахъ Мессеніи. Но и помимо всего этого, одного золота
и серебра въ частномъ владѣніи во всей Элладѣ не найти
столько сколько его въ одномъ Лакедемонѣ. Въ самомъ
дѣлѣ, съ какого времени идетъ оно туда отъ всѣхъ Элли-
новъ, нерѣдко же и отъ варваровъ, за то оттуда никуда
127 не выходитъ точь въ точь какъ говоритъ лисица льву въ
баснѣ Эзопа: слѣды денегъ, идущихъ по направленію къ
Лакедемону, видны ясно, обратныхъ же слѣдовъ никто
нигдѣ не видалъ, изъ чего можно заключить, что и въ
этомъ отношеніи тамошніе жители много богаче осталь-
ныхъ Эллиновъ а между ними богаче всѣхъ царь, по-
тому что изъ этихъ денегъ самыя большія полученія и
чаще всего приходятся на долю царей, да и оброкъ, вы-
плачиваемый царямъ Лакедемонянами довольно-таки зна-
чителенъ.

B. Но богатства Лакедемонянъ велики сравнительно съ
прочими Эллинами, сравнительно же съ богатствами Пер-
совъ и царя ихъ, они ничто. Слышалъ я отъ одного до-
стовѣрнаго человѣка [14]). ѣздившаго къ царю, какъ онъ
разсказывалъ, что ему пришлось ѣхать втеченіе цѣлаго дня
по довольно обширной и плодородной области, которую та-
мошніе люди называютъ „поясомъ царицы“; онъ говорилъ,
что есть и другая область, называемая „покрываломъ“, и
C. еще много прекрасныхъ и плодородныхъ мѣстностей, назна-
ченныхъ для наряда царицы, и каждая изъ нихъ носитъ
названіе той или другой его части. А потому я полагаю,
что еслибы кто-нибудь сказалъ Амистридѣ, женѣ Ксеркса,
матери теперешняго царя: „съ твоимъ сыномъ помышляетъ

[14]) Предполагаютъ, что отъ Ксенофонта, безъ особыхъ основаній для этого.

соперничать сынъ Диномахи, у которой весь нарядъ стоитъ
приблизительно не больше 50 минъ, а у него самого нѣтъ
и 300 плеѳровъ земли въ Ерхіи“, полагаю она пришла бы
въ недоумѣніе, на что могъ бы разсчитывать этотъ Алки- D.
віадъ, помышляя о борьбѣ съ ея Артаксерксомъ, и думаю
сказала бы на это: „онъ разсчитываетъ не на что дру-
гое, какъ на прилежаніе и мудрость; вѣдь только это счи-
тается важнымъ у Эллиновъ“. Но еслибы она узнала, что
этому самому Алкивіаду, затѣвающему такое предпрі-
ятіе, не минуло еще и двадцати лѣтъ, что онъ совер-
шенно необразованъ, а сверхъ всего, когда *любящій
другъ* говоритъ ему, что надо сначала заняться собою, по-
учиться и поупражняться и тогда только выступать на E.
борьбу съ царемъ, то онъ, въ отвѣтъ на все это, гово-
ритъ, что не желаетъ, что съ него будетъ и того, что
есть,—узнавши это, полагаю, она опять удивилась бы и
спросила: „на что же разсчитываетъ этотъ мальчуганъ?“ и
еслибы мы отвѣтили: „на свой ростъ, красоту, богатство,
знатность, прирожденныя душевныя свойства“, она приняла
бы насъ за сумашедшихъ, сопоставивъ все это съ тѣмъ,
что она привыкла видѣть у себя. Думаю и Лампидо, дочь
Леотихида, жена Архидама и мать Агиса [15]), и та удиви- 124
лась бы, принявъ во вниманіе силу этихъ мужей, бывшихъ
отъ роду царями, еслибы ты, несмотря на свое дурное вос-
питаніе, вздумалъ состязаться съ ея сыномъ. Неужели же
тебѣ не кажется стыднымъ, что жены нашихъ непріятелей
знаютъ лучше насъ самихъ, какими мы должны быть, чтобы
отважиться напасть на нихъ? Нѣтъ, мой милый, послушайся
меня и дельфійской надписи, познай самого себя, а также B.
и то, что намъ придется имѣть дѣло какъ разъ съ этими
противниками, вовсе же не съ тѣми, о которыхъ ты дума-
ешь, и что мы возьмемъ верхъ надъ ними только при боль-
шомъ стараніи и съ помощью искусства. Если же у тебя
не будетъ ни того, ни другого, то не будешь ты и знаме-
нитъ между Эллинами и варварами, чего, мнѣ кажется, ты
желаешь такъ страстно, какъ никто другой ничего другого
не желаетъ.

Алк. Но о чемъ же должны мы стараться, Сократъ?
можешь ты объяснить? Вѣдь совсѣмъ похоже на то, что
ты сказалъ правду.

[15]) Рѣчь идетъ о спартанскихъ царяхъ.

C. **Сокр.** Да. Но только теперь общій совѣтъ, какимъ бы способомъ стать намъ какъ можно лучше? Я не хотѣлъ сказать, что тебѣ нужно позаботиться о своемъ образованіи, а мнѣ о своемъ не нужно; вѣдь у меня передъ тобою только одно преимущество.

Алк. Какое?

Сокр. А то, что мой опекунъ лучше и умнѣе твоего.

Алк. Кто онъ такой, Сократъ?

Сокр. Богъ, тотъ самый богъ, Алкивіадъ, который не позволялъ мнѣ раньше нынѣшняго дня разговаривать съ тобою; на него-то я и разсчитываю, говоря, что ты получишь славу не черезъ кого иного, какъ черезъ меня.

D. **Алк.** Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Положимъ; но тутъ ужъ я говорю правду, что намъ нужно позаботиться о себѣ; лучше сказать, всѣмъ людямъ это нужно, но намъ съ тобой и подавно.

Алк. Относительно меня ты не ошибаешься.

Сокр. Да и относительно себя тоже.

Алк. Что же намъ слѣдуетъ дѣлать?

Сокр. Не лѣниться и не отступать назадъ, дружище.

Алк. Да ужъ это было бы неприлично.

Сокр. Конечно неприлично, а нужно намъ сообща разсмотрѣть дѣло. И такъ, отвѣчай мнѣ. Мы вѣдь сказали, что хотимъ быть самыми превосходными людьми, не такъ ли?

E. **Алк.** Да.

Сокр. Въ какой добродѣтели?

Алк. Очевидно въ той, которою отличаются всѣ хорошіе люди.

Сокр. Чѣмъ хорошіе?

Алк. Очевидно дѣлами своими.

Сокр. Какими? не верховою ли ѣздой?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Потому что въ такомъ случаѣ мы обратились бы за совѣтомъ къ наѣздникамъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Значитъ ты имѣешь въ виду морское дѣло?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому что въ такомъ случаѣ мы обратились бы за совѣтомъ къ морякамъ?

Алк. Да.

Сокр. Какія же дѣла? что за люди совершаютъ ихъ?

Алк. Я разумѣю тѣхъ изъ Аѳинянъ, которые считаются хорошими гражданами [16]).

Сокр. А подъ хорошими у тебя разумѣются смыслящіе 125
въ чемъ-нибудь, или несмыслящіе?

Алк. Смыслящіе.

Сокр. И кто въ чемъ смыслитъ, тотъ и хорошъ въ этомъ отношеніи?

Алк. Да.

Сокр. А кто не смыслитъ, тотъ дуренъ?

Алк. Разумѣется, не иначе.

Сокр. Что же ты скажешь о сапожникѣ, смыслитъ онъ что-нибудь въ шитьѣ сандалій?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть онъ хорошъ въ этомъ отношеніи?

Алк. Хорошъ.

Сокр. Ну а въ шитьѣ верхней одежды онъ тоже смыслитъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Стало быть онъ дуренъ въ этомъ отношеніи? B.

Алк. Да.

Сокр. Выходитъ слѣдовательно, что одинъ и тотъ же человѣкъ и хорошъ и дуренъ.

Алк. Повидимому.

Сокр. Да развѣ ты думаешь, что хорошіе люди могутъ быть въ то же время дурными?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. Такъ кого же ты разумѣешь подъ хорошими гражданами?

Алк. Я разумѣю тѣхъ гражданъ, которые способны управлять.

Сокр. Только не лошадьми же, полагаю?

Алк. Разумѣется нѣтъ.

Сокр. Значитъ людьми?

Алк. Да.

Сокр. Больными?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Такъ плывущими на кораблѣ?

Алк. Да нѣтъ же.

---

[16]) *καλοὶ κἀγαθοί*—буквально „прекрасные и добрые“. Этотъ особый греческій терминъ въ точности непереводимъ. Русское слово „хорошій“ имѣетъ по крайней мѣрѣ то удобство, что оно означаетъ и прекрасное и доброе.

Сокр. Такъ работающими въ полѣ?

Алк. Нѣтъ.

C. **Сокр**. Значитъ ничего не дѣлающими? или дѣлающими что-нибудь?

Алк. Дѣлающими.

Сокр. Что именно? Постарайся сказать такъ, чтобъ и я понялъ.

Алк. Я говорю о людяхъ, которые находятся въ общеніи между собою и пользуются другъ другомъ, словомъ какъ мы живемъ въ государствахъ.

Сокр. Стало быть ты имѣешь въ виду гражданъ, способныхъ управлять людьми, которые пользуются другими людьми?

Алк. Да.

Сокр. Напримѣръ способныхъ управлять старшими на судахъ, которые предводительствуютъ гребцами?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Не потому ли, что это дѣло кормчаго?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Въ такомъ случаѣ способныхъ управлять флей-
D. тистами, которые руководятъ пѣвцами и танцовщицами хора?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Не потому ли, что это дѣло начальника хора?

Алк. Ужь конечно.

Сокр. Но въ чемъ же пользуются другъ другомъ люди, управлять которыми способны по твоему хорошіе граждане?

Алк. Я говорю о гражданахъ, способныхъ управлять людьми, участвующими въ политическомъ союзѣ и дѣйствующими сообща.

Сокр. Что же это за искусство? Опять я спрошу у тебя тоже, что и раньше спрашивалъ: какое искусство научаетъ управлять людьми, участвующими въ плаваніи на кораблѣ?

Алк. Искусство кормчаго.

E. **Сокр**. А какое искусство научаетъ управлять людьми, участвующими въ хорѣ, о чемъ сейчасъ было говорено?

Алк. То самое, которое ты только-что назвалъ,— искусство начальника хора.

Сокр. Ну а какъ ты назовешь умѣнье управлять людьми, участвующими въ политическомъ союзѣ?

Алк. Я, Сократъ, называю это предусмотрительностью [17]).

Сокр. Какъ такъ, развѣ искусство кормчаго кажется тебѣ опрометчивостью?

Алк. Разумѣется нѣтъ.

Сокр. Значитъ и это тоже предусмотрительность?

Алк. Да, мнѣ кажется.

Сокр. Направленная къ тому, чтобы сохранить плы- 126
вущихъ на кораблѣ?

Алк. Ты хорошо говоришь.

Сокр. Ну а въ твоемъ-то дѣлѣ къ чему направлена эта предусмотрительность?

Алк. Къ лучшему устроенію и сохраненію города.

Сокр. А что должно быть и чего не должно быть для того, чтобы городъ лучше сохранялся и лучше былъ устроенъ? Положимъ ты бы спросилъ у меня: „что должно быть и чего не должно быть для того, чтобы тѣло находилось въ лучшемъ состояніи и лучше сохранялось“?—я отвѣтилъ бы тебѣ, что должно быть здоровье и не должно быть болѣзни. Не такъ-ли и по твоему?

Алк. Да B.

Сокр. И если-бы ты еще спросилъ у меня: „когда глаза находятся въ лучшемъ состояніи“? — я сказалъ бы точно такъ же: при существованіи зрѣнія и при отсутствіи слѣпоты, а уши находятся въ лучшемъ состояніи и показываютъ лучшій уходъ за ними въ томъ случаѣ, когда есть слухъ и отсутствуетъ глухота.

Алк. Вѣрно.

Сокр. Какъ же теперь относительно города? Что должно быть и чего не должно быть для того, чтобы онъ находился въ лучшемъ состояніи, лучше былъ устроенъ и показывалъ бы, что о немъ особенно заботятся?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, должна быть любовь C.
между его гражданами, а ненависть и раздоры должны отсутствовать.

Сокр. Подъ любовью ты разумѣешь единомысліе или разномысліе?

Алк. Единомысліе.

Сокр. А съ помощью какой науки приходятъ города къ единомыслію насчетъ чиселъ?

---

17) *Εὐβουλία*-букв. *благосовѣтіе*—и противуположное *ἀβουλία*—*безсовѣтіе*.

Алк. Благодаря ариѳметикѣ.

Сокр. Но вѣдь съ ея же помощью и частныя лица приходятъ на счетъ этого къ единомыслію?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть благодаря ей же и въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно мы не находимъ разныхъ мыслей объ этомъ предметѣ?

Алк. Конечно.

Сокр. А благодаря какому искусству каждый человѣкъ отдѣльно не думаетъ различно о томъ, что будетъ длиннѣе,
D. локоть или пядь? Не благодаря ли искусству измѣренія?

Алк. Чему же другому?

Сокр. И не только каждый отдѣльно не думаетъ объ этомъ различно, но и другъ съ другомъ, и даже государства между собою всегда согласны относительно этого?

Алк. Конечно.

Сокр. А касательно вѣса не то ли же самое?

Алк. То же самое.

Сокр. О какомъ же единомысліи ты-то говоришь? какого предмета оно касается, и какое искусство приводитъ къ нему? И одинаково ли это искусство какъ для государства, такъ и для частныхъ лицъ, какъ для каждаго въ отдѣльности, такъ и для каждаго въ соединеніи съ другимъ?

Алк. Само собою разумѣется, что одинаково.

E. **Сокр**. Что же это за единомысліе такое? Отвѣчай смѣлѣе и постарайся назвать его.

Алк. Я подразумѣваю любовь и единомысліе, которыя бываютъ, когда отецъ съ матерью любятъ сына, братъ брата и жена мужа.

Сокр. Но думаешь ли ты, Алкивіадъ, что можетъ быть единомысліе у мужа съ женою относительно пряжи шерсти, когда мужъ въ этомъ ничего не понимаетъ, а жена понимаетъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Да и не должно его быть, потому что это женское дѣло.

Алк. Разумѣется.

127 **Сокр**. А можетъ ли жена быть въ единомысліи съ мужемъ относительно службы оплита [18]), которой она не проходила?

[18]) Оплитъ—тяжело вооруженный.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Потому, скажешь ты опять-таки, что это дѣло мужское?

Алк. Скажу.

Сокр. Стало быть ты самъ же говоришь, что бываютъ женскія, а бываютъ и мужскія дѣла?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Слѣдовательно въ такихъ дѣлахъ не можетъ быть единомыслія между женами и мужьями?

Алк. Не можетъ.

Сокр. А потому не можетъ быть и любви, развѣ только любовь означаетъ, по твоему, единомысліе.

Алк. Повидимому нѣтъ.

Сокр. Итакъ, поскольку жены дѣлаютъ свое дѣло, онѣ не могутъ быть любимы мужьями.

Алк. Мнѣ кажется. B.

Сокр. И мужья, поскольку дѣлаютъ свое дѣло, не могутъ быть любимы женами.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Стало быть и въ государствахъ, поскольку каждый занятъ своимъ, постольку не можетъ быть и порядка въ управленіи?

Алк. А я, Сократъ, думаю наоборотъ.

Сокр. Да какъ же ты можешь это думать, если любви-то нѣтъ? Вѣдь мы сказали, что только при ней государства управляются хорошо, а иначе никоимъ образомъ?

Алк. Но мнѣ кажется, что въ государствахъ любовь можетъ быть и тогда когда всякій дѣлаетъ свое дѣло. C.

Сокр. Сейчасъ это не казалось тебѣ, какъ же теперь-то ты говоришь совсѣмъ другое? Единомыслія нѣтъ, а любовь есть? Или, по твоему, возможно единомысліе относительно того, что однимъ извѣстно, другимъ же неизвѣстно?

Алк. Нѣтъ невозможно.

Сокр. Съ другой стороны, дѣлая каждый свое дѣло, люди живутъ подобающимъ образомъ или неподобающимъ?

Алк. Конечно подобающимъ образомъ.

Сокр. Стало быть когда граждане въ государствѣ живутъ подобающимъ образомъ, то любви между ними не бываетъ?

Алк. Опять мнѣ кажется, Сократъ, что непремѣнно должна быть.

Сокр. Скажи же мнѣ на милость, что ты разумѣешь D.

подъ единомысліемъ или подъ любовью, которыя мы должны знать и о которыхъ должны подавать полезные совѣты, если хотимъ быть хорошими людьми? Никакъ я право не могу понять, что это за любовь такая, или въ комъ она бываетъ; потому что послушать тебя, она въ одних и тѣхъ же людяхъ то бываетъ, то не бываетъ.

Алк. Видятъ боги, Сократъ, что я самъ не понимаю, что говорю, и повидимому давно уже нахожусь въ постыднѣйшемъ положеніи, самъ того не замѣчая.

Сокр. Нечего однако приходить въ отчаяніе. Вѣдь
E. еслибы тебѣ было пятьдесятъ лѣтъ, и ты бы въ первый разъ замѣтилъ это, тогда конечно тебѣ трудно было бы заняться собою; но теперь ты какъ разъ находишься въ томъ самомъ возрастѣ, когда уже слѣдуетъ это замѣтить.

Алк. А что мнѣ нужно дѣлать, Сократъ, разъ я замѣчаю свое положеніе?

Сокр. Отвѣчать на вопросы, Алкивіадъ, и тогда, съ божьей помощью, мы почувствуемъ себя много лучше, если только можно довѣрять сколько-нибудь моей способности предсказывать.

Алк. За мною дѣло не станетъ.

Сокр. Ну такъ вотъ. Что значитъ заниматься собою?
128 Чего добраго мы можемъ и ошибиться иной разъ, воображая, что занимаемся собою, когда мы вовсе не этимъ занимаемся. Когда же человѣкъ занимается самимъ собою, не тогда ли, когда занимается тѣмъ, что составляетъ его принадлежность?

Алк. По моему да.

Сокр. Какъ же это однако? Когда человѣкъ занимается своими ногами? Развѣ тогда, когда занятъ тѣмъ, что составляетъ принадлежность ногъ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Но вѣдь ты же называешь что-нибудь принадлежностью руки? Напримѣръ, не скажешь ли ты, что кольцо есть принадлежность пальца, а не какой-нибудь другой части человѣческаго тѣла?

Алк. Конечно скажу.

Сокр. Не то же ли самое и обувь по отношенію къ ногамъ?

B. **Алк**. Да.

Сокр. Такъ развѣ, занимаясь обувью, мы занимаемся ногами?

Алк. Я что-то не понимаю, Сократъ.

Сокр. Да какъ же, Алкивіадъ! Употребляешь ты выраженіе: правильно заниматься чѣмъ-нибудь?

Алк. Употребляю.

Сокр. Такъ не тогда ли ты говоришь, что кто-нибудь правильно занимается чѣмъ-нибудь, когда онъ улучшаетъ то самое, чѣмъ занимается!

Алк. Да, тогда.

Сокр. А какое искусство улучшаетъ обувь?

Алк. Сапожное.

Сокр. Стало быть обувью мы занимаемся посредствомъ сапожнаго искусства?

Алк. Да. C.

Сокр. А ногами посредствомъ этого же самого искусства или посредствомъ того, которое улучшаетъ ноги?

Алк. Посредствомъ послѣдняго.

Сокр. Ноги же мы улучшаемъ не посредствомъ ли того искусства, посредствамъ котораго улучшаемъ и все остальное тѣло?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Не будетъ ли это гимнастика?

Алк. Она самая.

Сокр. Слѣдовательно посредствомъ гимнастическаго искусства мы занимаемся ногами, а посредствомъ сапожнаго тѣмъ, что составляетъ принадлежность ногъ?

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. И посредствомъ той же гимнастики занимаемся руками, а посредствомъ ювелирнаго искусства тѣмъ, что составляетъ принадлежность руки?

Алк. Да.

Сокр. И посредствомъ той же гимнастики занимаемся вообще тѣломъ, а посредствомъ тканья и другихъ искусствъ
тѣмъ, что составляетъ принадлежность тѣла? D.

Алк. Безъ малѣйшаго сомнѣнія.

Сокр. Итакъ, посредствомъ одного искусства мы занимаемся тѣмъ, что составляетъ принадлежность чего-нибудь, а посредствомъ другого самою этой вещью.

Алк. Очевидно.

Сокр. Стало быть, занимаясь тѣмъ, что составляетъ твою принадлежность, ты не самимъ собою занимаешься.

Алк. Никоимъ образомъ.

Сокр. Потому что не одинаковы искусства, съ по-

мощью которыхъ кто-нибудь занимается самимъ собою и тѣмъ, что составляетъ его принадлежность.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Вотъ и скажи мнѣ, съ помощью какого искусства могли бы мы заняться самими собою?

Алк. Не умѣю сказать тебѣ.

E. **Сокр**. Но въ одномъ-то по крайней мѣрѣ мы съ тобою согласны, что не съ помощью того искусства, которое занимается принадлежащими намъ предметами и улучшаетъ ихъ, а съ помощью того, которое улучшало бы насъ самихъ.

Алк. Это правда.

Сокр. А могли-бы мы знать, какое искусство улучшаетъ обувь, если-бы не знали, чтò такое сама обувь?

Алк. Нѣтъ, это было-бы невозможно.

Сокр. А также и того, какое искусство улучшаетъ кольца если-бы не знали, чтò такое кольцо?

Алк. Вѣрно.

Сокр. А въ такомъ случаѣ будемъ-ли мы когда-нибудь въ состояніи знать, какое искусство улучшаетъ насъ самихъ, не зная въ тоже время, чтò такое мы сами?

129 **Алк**. Это невозможно.

Сокр. Итакъ, легко-ли теперь по твоему „познать себя самого", и простоватъ-ли былъ тотъ, кто помѣстилъ это изреченіе на пиѳійскомъ храмѣ, или это дѣло трудное и не всякому по плечу?

Алк. Часто мнѣ казалось, Сократъ, что это доступно для всякаго, а иногда казалось, что это очень трудно.

Сокр. Но легко-ли это, Алкивіадъ, или не легко, только дѣло наше стоитъ такъ: узнавши это, мы скоро можемъ узнать, какъ намъ заняться самими собою, а пока не знаемъ одного, не можемъ узнать и другого.

Алк. Это вѣрно.

B. **Сокр**. Вотъ что я тебѣ скажу: какъ-бы намъ найти сáмое *самò*, потому-что тогда мы скоро бы нашли, чтò такое мы сами; находясь же въ невѣдѣніи относительно перваго, мы не въ состояніи найти и второе.

Алк. Правильно ты говоришь.

Сокр. Погоди немножко, ради Зевса! Съ кѣмъ ты теперь разговариваешь? Не со мною ли?

Алк. Ни съ кѣмъ другимъ.

Сокр. Значитъ и я говорю съ тобою?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть Сократъ есть тотъ, кто говоритъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Алкивіадъ же—тотъ, кто слушаетъ?

Алк. Да.

Сокр. И значитъ Сократъ говоритъ съ помощью словъ?

Алк. А то какъ же? C.

Сокр. Говорить же и пользоваться словами по твоему одно и то же?

Алк. Конечно.

Сокр. Но то, чѣмъ кто-нибудь пользуется, и самъ пользующійся развѣ одно и то же?

Алк. Что ты хочешь этимъ сказать?

Сокр. А вотъ что: сапожникъ, напримѣръ, рѣжетъ кожу ножомъ, сѣчкой и другими орудіями.

Алк. Ну да.

Сокр. Стало быть рѣжущій и пользующійся—одно, а то, чѣмъ рѣжущій пользуется—другое.

Алк. Да какъ же иначе?

Сокр. Не выходитъ ли подобнымъ же образомъ, что киѳаристъ—одно, а то, на чемъ онъ играетъ—другое?

Алк. Да.

Сокр. Это самое я сейчасъ и имѣлъ въ виду, когда спрашивалъ тебя, не кажется ли тебѣ, что то, чѣмъ кто-нибудь пользуется, и самъ пользующійся не одно и то же. D

Алк. Да, мнѣ кажется.

Сокр. Какъ же мы теперь скажемъ о сапожникѣ, рѣжетъ ли онъ только орудіями или также и руками?

Алк. И руками.

Сокр. Стало быть и ими пользуется?

Алк. Да.

Сокр. Не пользуется ли сапожникъ также и глазами, когда рѣжетъ?

Алк. Пользуется.

Сокр. Но мы съ тобой согласились, что пользующійся и то, чѣмъ онъ пользуется, не одно и то же?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть сапожникъ и киѳаристъ—одно, а руки и глаза, которыми они работаютъ,—другое? E

Алк. Очевидно.

Сокр. Но вѣдь и всѣмъ тѣломъ пользуется человѣкъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А не было ли у насъ рѣшено, что само пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, не одно и то же?

Алк. Да, было.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ не есть то же, что его собственное тѣло?

Алк. Повидимому нѣтъ.

Сокр. А тогда что же такое человѣкъ?

Алк. Не могу сказать тебѣ.

Сокр. Но это-то ты сказать можешь, что онъ есть то самое, что пользуется тѣломъ?

Алк. Да, конечно.

130 **Сокр**. Что же пользуется тѣломъ, какъ не душа?

Алк. Ничто другое.

Сокр. И стало быть управляетъ имъ?

Алк. Да.

Сокр. А вотъ чего, я думаю, никто уже не станетъ оспаривать...

Алк. Чего?

Сокр. Того, что человѣкъ непремѣнно есть что-нибудь одно изъ трехъ.

Алк. А именно?

Сокр. Что онъ или душа, или тѣло, или то и другое, взятое какъ одно цѣлое.

Алк. Что же еще-то?

Сокр. Но вѣдь мы согласились, что человѣкъ есть то самое, что управляетъ тѣломъ?

Алк. Согласились.

B. **Сокр**. Такъ не тѣло ли управляетъ самимъ собою?

Алк. Ни въ какомъ случаѣ.

Сокр. Потому что, какъ мы сказали, имъ самимъ управляютъ?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть оно едва ли то, чего мы ищемъ?

Алк. Нѣтъ, не похоже.

Сокр. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, душа и тѣло, взятыя вмѣстѣ, управляютъ тѣломъ, и это-то и есть человѣкъ?

Алк. Весьма правдоподобно.

Сокр. Какъ разъ всего менѣе, потому-что, если изъ двухъ одно не участвуетъ въ управленіи, то и цѣлому, состоящему изъ этихъ двухъ, никакъ не способно управлять.

Алк. Вѣрно.

Сокр. Но если человѣкъ не есть ни тѣло, ни соединеніе души и тѣла, то думаю для него остается одно изъ C.
двухъ; или онъ совсѣмъ ничто, а если что-нибудь, то не иное что, какъ душа.

Алк. Это несомнѣнно.

Сокр. Итакъ, нуждаешься ли ты еще въ болѣе ясномъ доказательствѣ того, что душа есть не что иное, какъ самъ человѣкъ?

Алк. Право же нѣтъ, мнѣ кажется и этого вполнѣ достаточно.

Сокр. Положимъ оно далеко отъ совершенства, но съ насъ довольно и посредственнаго доказательства; въ совершенствѣ-то мы узнаемъ это только тогда, когда рѣшимъ вопросъ, оставленный нами въ сторонѣ, какъ требующій D.
слишкомъ большого изслѣдованія.

Алк. Какой такой вопросъ?

Сокр. А что раньше-то говорили, что напередъ слѣдовало бы разсмотрѣть са́мое *само́*, а вмѣсто того мы теперь разсмотрѣли одно только частное, что́ оно такое, и пожалуй этого будетъ достаточно, потому что едва ли мы найдемъ въ себѣ что-нибудь главнѣе души.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А потому не хорошо ли намъ такъ считать, что, обращаясь другъ къ другу со словами, мы разговариваемъ съ тобою душа съ душой?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы и говорили не- E.
много раньше, что Сократъ разговариваетъ при помощи словъ съ Алкивіадомъ, обращаясь со словами не къ наружности его разумѣется, а къ самому Алкивіаду, то есть къ душѣ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Стало быть душу указываетъ намъ познать тотъ, кто совѣтуетъ познать себя самого.

Алк. Повидимому. 131

Сокр. И потому кто знаетъ относящееся къ тѣлу, знаетъ только свое, а не себя самого.

Алк. Это вѣрно.

Сокр. Вѣдь ни одинъ врачъ, по скольку онъ врачъ, ни одинъ преподаватель гимнастики, поскольку онъ преподаватель гимнастики, не знаютъ самихъ себя.

Алк. Да, не похоже на то.

Сокр. Стало быть земледѣльцы и другіе рабочіе очень далеки отъ того, чтобы узнать самихъ себя. Очевидно, что по своимъ занятіямъ они не могутъ знать и того, что составляетъ принадлежность ихъ самихъ, но только предметы еще дальше отъ нихъ самихъ стоящіе; вѣдь они знаютъ
В. только то, что имѣетъ отношеніе къ тѣлу и служитъ ему.

Алк. Правду ты говоришь.

Сокр. А потому, если познаніе самого себя есть признакъ разумности, никто изъ этихъ людей не можетъ быть разумнымъ въ силу одного своего ремесла.

Алк. И по моему это такъ.

Сокр. Вотъ почему ремесла эти считаются грубыми, и заниматься ими недостойно благороднаго человѣка.

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. Итакъ, я снова тебѣ скажу: кто заботится о тѣлѣ, заботится о томъ, что ему принадлежитъ, а не о себѣ самомъ.

Алк. Пожалуй что и такъ.

С. **Сокр**. А ужъ кто заботится о деньгахъ, тотъ заботится и не о себѣ самомъ, и не о томъ, что ему принадлежитъ, но о томъ, что еще менѣе касается его.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И кто занимается денежными дѣлами, тотъ, значитъ, занимается не своими дѣлами.

Алк. Вѣрно.

Сокр. Стало быть, кто влюбился въ тѣло Алкивіада, тотъ влюбился не въ Алкивіада а въ нѣчто изъ принадлежащаго Алкивіаду.

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. А кто любитъ твою душу, не тебя ли любитъ?

Алк. Непремѣнно такъ, это выходитъ изъ всего сказаннаго.

Сокр. И вотъ любящій твое тѣло не удаляется ли отъ тебя, какъ только оно начинаетъ увядать?

Алк. Кажется.

D. **Сокр**. А любящій душу не остается ли при ней до тѣхъ поръ, пока она не перестаетъ улучшаться?

Алк. Естественно.

Сокр. Вотъ и я не отхожу отъ тебя и остаюсь съ тобою, когда тѣло твое уже начало вянуть и когда прочіе всѣ ушли отъ тебя.

Алк. И ты хорошо дѣлаешь, Сократъ; и впередъ не уходи отъ меня.

Сокр. А ты постарайся быть какъ можно лучше.

Алк. Я-то постараюсь.

Сокр. Такъ вотъ оно что оказывается: у Клиніева сына Алкивіада нѣтъ, да повидимому и никогда не было Е.
иныхъ любящихъ друзей, кромѣ одного, и это „единственное утѣшеніе“ [19]) его никто иной, какъ Сократъ, сынъ Софрониска и Фэнареты.

Алк. Правда.

Сокр. Не говорилъ ли ты, что, явившись къ тебѣ, я предупредилъ тебя немногимъ, потому-что ты самъ хотѣлъ притти ко мнѣ, желая узнать, почему я одинъ не отстаю отъ тебя?

Алк. Да, говорилъ.

Сокр. Такъ вотъ оно почему, потому что я одинъ люблю тебя, прочіе же любили не тебя, а только твое, но твое начинаетъ уже вянуть, самъ же ты еще только 132
расцвѣтаешь, и я теперь не оставлю тебя, развѣ въ томъ случаѣ, если аѳинскій народъ испортитъ тебя и лишитъ тебя твоей красоты. А я очень боюсь, какъ бы ты у насъ не испортился, влюбившись въ народъ; вѣдь со многими изъ Аѳинянъ случилась эта бѣда, и все съ отмѣнными людьми. Посмотрѣть на него, онъ куда какъ хорошъ, народъ великаго Ерехтея, [20]), только нужно видѣть его раздѣтымъ. А потому не забудь предосторожности, о которой я тебѣ говорилъ.

Алк. Какой предосторожности?

Сокр. Поупражняйся сначала, дорогой мой и не ина- В.
че приступай къ городскимъ дѣламъ, какъ изучивъ сначала то, что для этого требуется, чтобы не попасть въ бѣду, не имѣя этого предохранительнаго средства въ рукахъ.

Алк. Мнѣ кажется ты хорошо говоришь, Сократъ, но постарайся все-таки объяснить, какимъ бы способомъ могли мы заняться самими собой?

Сокр. Да вѣдь съ этимъ-то мы раньше уже покончи-

[19]) Изъ разговора няни Эвриклеи съ Телемакомъ:

— Зачѣмъ въ невѣдомую, чуждую землю стремишься
Ты, утѣшеніе наше единое?

(*Одиссея, II, 365, перев. Жуковскаго*).

[20]) Ерехтей—легендарный аѳинскій царь. (см. Иліаду, II, 547).

ли; какъ ни какъ, а мы пришли же къ соглашенію относительно того, что такое мы сами, все же затрудненіе у насъ было только въ томъ, чтобы не промахнуться какъ-нибудь и не заняться чѣмъ-нибудь другимъ вмѣсто себя самихъ.

Алк. Это вѣрно.

C. **Сокр**. А затѣмъ мы говорили, что слѣдуетъ позаботиться о душѣ и постоянно имѣть въ виду одно это.

Алк. Ясно.

Сокр. Заботу же о тѣлѣ и о деньгахъ предоставить другимъ.

Алк. Непремѣнно.

Сокр. Но какимъ бы способомъ узнать намъ точнѣе, что такое душа? Вѣдь узнавши это, мы повидимому будемъ знать и себя самихъ. Бога ради, неужели мы съ тобой не понимаемъ смысла упомянутой дельфійской надписи, такъ хорошо выраженнаго?

Алк. Что ты подразумѣваешь, Сократъ?

D. **Сокр**. А вотъ я скажу тебѣ, какой, по моему, смыслъ скрывается въ словахъ этой надписи и въ совѣтѣ, который она даетъ намъ. Очень можетъ статься, что наглядное объясненіе ея не въ чемъ иномъ, какъ въ зрѣніи.

Алк. Какимъ это образомъ?

Сокр. Подумай-ка самъ. Если бы совѣтъ этотъ былъ обращенъ не къ человѣку, а къ его глазу: „смотри на себя самого", какъ бы мы это поняли? не поняли бы такъ, что нужно смотрѣть въ какой-нибудь предметъ, въ которомъ глазъ могъ бы увидѣть себя самого?

Алк. Очевидно.

Сокр. Ты догадываешься, что это за предметъ, смотрясь въ который, мы можемъ увидать и себя самихъ и нашъ глазъ?

E. **Алк**. Совершенно ясно, Сократъ, что это зеркало или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Сокр. Правильно ты говоришь; но вѣдь и въ самомъ глазу, которымъ мы смотримъ, есть нѣчто подобное?

Алк. Конечно.

Сокр. Значитъ ты себѣ представляешь, что когда смо-
133 тришь прямо въ чей-нибудь глазъ, то въ немъ, какъ въ зеркалѣ, появляется лицо, и это мѣсто въ глазу мы называемъ зрачкомъ, какъ бы маленькимъ изображеніемъ смотрящаго. [21])

[21]) *Зрачекъ*—уменьшительное отъ *зракъ* (образъ); греческое слово *Κόρη*

Алк. Это вѣрно.

Сокр. Слѣдовательно глазъ видитъ себя тогда, когда, смотря на другой глазъ, вперяется взоромъ въ лучшую его часть, ту самую посредствомъ которой онъ видитъ.

Алк. Очевидно.

Сокр. А если будетъ смотрѣть на другую часть человѣка или вообще на что-нибудь другое, что не похоже въ этомъ отношеніи на глазъ, то онъ не увидитъ себя самого.

Алк. Это правда. B.

Сокр. Итакъ, если глазъ хочетъ видѣть себя самого, то онъ долженъ смотрѣться въ глазъ, въ глазу же въ то самое мѣсто, въ которомъ заключена сила глаза, сила же эта есть зрѣніе.

Алк. Вотъ именно.

Сокр. А въ такомъ случаѣ, милый мой Алкивіадъ, если душа хочетъ узнать самоё себя, не должна ли и она смотрѣть въ душу, и именно въ то мѣсто души, въ которомъ заключена ея сила, или на что-нибудь другое, подобное этому?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ. C.

Сокр. Но можемъ ли мы сказать, что въ душѣ есть что-нибудь главнѣе той ея части, черезъ которую она познаетъ и мыслитъ?

Алк. Нѣтъ, не можемъ.

Сокр. Стало быть эта часть души подобна чему-то божественному, и кто смотритъ въ нее и узнаетъ все божественное, тотъ и себя самого всего больше можетъ познать этимъ способомъ.

Алк. Повидимому.

Сокр. Но вѣдь мы согласны, что знать себя самого значитъ быть разсудительнымъ?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Не зная же самихъ себя и не имѣя разсудительности, можемъ ли мы знать, что въ насъ хорошо и что дурно?

Алк. Какъ же это возможно, Сократъ? D.

Сокр. Тебѣ вѣроятно кажется невозможнымъ не зная

означаетъ и зрачекъ, и куклу. Съ чтеніемъ, предложеннымъ Шлейермахеромъ, и которое, повидимому, одобряетъ М. Шанцъ, трудно согласиться.

Алкивіада, въ то же время знать, что то-то и то-то принадлежитъ Алкивіаду?

Алк. Совершенно невозможно, ей-богу!

Сокр. И о томъ, что намъ принадлежитъ, можемъ ли мы знать, что оно принадлежитъ именно намъ, разъ мы не знаемъ самихъ себя?

Алк. Да какимъ же образомъ?

Сокр. Не зная же намъ принадлежащаго, можемъ ли знать то, что принадлежитъ самому этому?

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Стало быть мы не очень-то правильно поступили, согласившись недавно, что существуютъ люди, которые знаютъ не себя самихъ, а только то, что имъ при-
E. надлежитъ, и еще такіе, которые знаютъ только то, что принадлежитъ принадлежащему имъ, потому что знать себя самого, знать свое и знать то, что принадлежитъ своему, все это повидимому дѣло одного и того же знанія и одного и того же человѣка.

Алк. Пожалуй.

Сокр. А изъ этого слѣдуетъ, что кто не знаетъ своего, тотъ не знаетъ и чужого.

Алк. Несомнѣнно.

Сокр. Не зная чужого, не будетъ знать и того, что относится къ государствамъ.

Алк. Необходимо.

Сокр. И потому такой человѣкъ не можетъ быть государственнымъ дѣятелемъ.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Да и домашнимъ хозяйствомъ онъ не будетъ въ состояніи заниматься.

134 **Алк.** Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не будетъ онъ даже понимать того, что дѣлаетъ.

Алк. Да ужъ конечно не будетъ.

Сокр. А ничего не понимая, не сдѣлаетъ ли онъ ошибокъ?

Алк. Еще бы!

Сокр. Но дѣлая ошибки не будетъ ли онъ терпѣть неудачи и въ своихъ и въ общественныхъ дѣлахъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Но не жалокъ ли такой человѣкъ?

Алк. И очень даже.

Сокр. А тѣ, кого касаются его поступки?

Алк. И эти жалки.

Сокр. Слѣдовательно невозможно быть счастливымъ, не будучи разумнымъ и хорошимъ.

Алк. Никакъ не возможно. B.

Сокр. Стало быть дурные люди жалки?

Алк. И очень жалки.

Сокр. А потому перестаетъ быть жалкимъ не тотъ, кто разбогатѣлъ, но кто пріобрѣлъ мудрость.

Алк. Очевидно.

Сокр. Итакъ, Алкивіадъ, для благоденствія городовъ вовсе не требуется стѣнъ, кораблей, верфей, ни въ большихъ размѣрахъ, ни въ большомъ количествѣ, если при всемъ этомъ отсутствуетъ добродѣтель.

Алк. Конечно не требуется.

Сокр. Но если ты хочешь вести городскія дѣла какъ слѣдуетъ, съ честью, ты долженъ привить гражданамъ добродѣтель. C.

Алк. Не иначе.

Сокр. Но можетъ ли кто-нибудь привить другимъ то, чего самъ не имѣетъ?

Алк. Никакимъ образомъ.

Сокр. Сначала, стало быть, слѣдуетъ пріобрѣсть добродѣтель тебѣ самому, равно какъ и всякому, кто намѣренъ заботливо управлять не только самимъ собою и своими частными дѣлами, но и дѣлами города со всѣмъ, что его касается.

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. Итакъ, не преобладаніе и возможность дѣлать что захочется долженъ ты поставить цѣлью для себя и для своего города, но справедливость и разсудительность.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Живя вмѣстѣ съ городомъ справедливо и разсу- D.
дительно, вы будете жить такъ, какъ это пріятно богамъ,

Алк. По всей вѣроятности.

Сокр. И вы будете всматриваться при этомъ въ то божественное и ясное, о`которомъ мы сейчасъ говорили.

Алк. Очевидно.

Сокр. Но смотрясь въ это божественное, вы увидите и узнаете, что такое вы сами и въ чемъ ваше благо.

Алк. Да.

Сокр. И тогда не пойдетъ ли все у васъ какъ слѣдуетъ и не будетъ ли вамъ удача во всемъ?

Е. **Алк.** Да, будетъ.

Сокр. Но я охотно поручусь, что въ такомъ случаѣ вы будете счастливы.

Алк. Да ты ужь вѣрная порука!

Сокр. Поступая же несправедливо, смотрясь въ безбожное и тёмное, вы, какъ и слѣдуетъ, будете дѣлать все, подобное этому, не зная самихъ себя.

Алк Пожалуй что такъ.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, милый мой Алкивіадъ, еслибы отдѣльный человѣкъ, или—все равно—цѣлый городъ имѣлъ возможность дѣлать все, что вздумается, а ума бы не имѣлъ, что̀ бы изъ этого произошло? Напримѣръ если бы больной, не имѣя врачебныхъ познаній, имѣлъ возможность дѣлать все, чего хочется, и при этомъ былъ бы такъ са-
135 моволенъ, что никто не смѣлъ бы остановить его, что̀ бы тогда могло произойти? Не разрушилось ли бы его тѣло, какъ и слѣдуетъ ожидать?

Алк. Это правда.

Сокр. А на кораблѣ, еслибы у кого-нибудь была возможность дѣлать все, что придетъ въ голову, а ума и искусства управлять кораблемъ не хватило бы, не ясно ли тебѣ представляется, что случилось бы съ нимъ самимъ и со всѣми плывущими?

Алк. Конечно представляется: всѣ бы они погибли.

Сокр. То же самое бываетъ и съ городомъ, и со вся-
В. кимъ правительствомъ, со всякой властью: какъ только исчезаетъ въ нихъ добродѣтель, слѣдомъ являются несчастія.

Алк. Неизбѣжно.

Сокр. Не къ тираніи стало быть, нужно вамъ стремиться, тебѣ и твоему городу, но къ добродѣтели.

Алк. Правду говоришь.

Сокр. А пока ея нѣтъ, то не только-что ребенку, а и взрослому лучше быть подъ управленіемъ болѣе добродѣтельнаго человѣка, чѣмъ самому управлять.

Алк. Повидимому лучше.

Сокр. А если лучше, то и прекраснѣе?

Алк. Да.

Сокр. И если прекраснѣе, то и пристойнѣе?

Алк. Какъ же иначе!

Сокр. Стало быть всему злому пристойно быть въ С.
рабствѣ. Потому что такъ лучше.

Алк. Да.

Сокр. Значитъ зло нераздѣльно съ рабствомъ.

Алк. Какъ видно.

Сокр. А добро нераздѣльно съ свободой.

Алк. Да.

Сокр. Не нужно ли поэтому избѣгать рабства, мой другъ?

Алк. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. Теперь ясно ли для тебя, въ какомъ ты находишься состояніи, въ состояніи ли свободы, или въ какомъ-нибудь въ другомъ?

Алк. Для меня это черезчуръ ясно.

Сокр. Ну а знаешь ли, какъ выйти изъ этого самаго, въ чемъ ты теперь находишься и чего я не хочу называть, говоря о такомъ славномъ мужѣ?

Алк. Знаю. D.

Сокр. А какъ?

Алк. Не иначе, какъ если только ты захочешь, Сократъ.

Сокр. Не хорошо говоришь, Алкивіадъ.

Алк. А какъ же нужно сказать?

Сокр. Если богъ захочетъ.

Алк. Ну хорошо. А еще я скажу тебѣ, Сократъ, что намъ придется помѣняться мѣстами, я займу твое, а ты мое; съ этого дня не бывать уже тому, чтобы ты ходилъ за мною, но я буду ходить за тобою.

Сокр. О благородный мой! значитъ моя любовь вполнѣ
уподобится аисту, если крылатый Эросъ, котораго она взлелѣяла въ тебѣ въ свою очередь станетъ служить ей. [20]) Е.

Алк. Такъ оно и есть, и съ этой же минуты я стану заботиться о справедливости.

Сокр. Желалъ бы я тебѣ устоять въ этомъ до конца; и не потому, чтобы не довѣрялъ я твоимъ способностямъ, а глядя на силу города, боюсь я, а ну какъ онъ возьметъ верхъ надо мною и надъ тобою.

---

[20]) Аисты, какъ извѣстно, доставляютъ пищу своимъ престарѣлымъ родителямъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ПЕРВОМЪ АЛКИВІАДѢ.

I.

Я уже говорилъ (въ предварительномъ очеркѣ) объ одномъ обстоятельствѣ, затрудняющемъ распредѣленіе діалоговъ Платона въ послѣдовательномъ порядкѣ, именно о томъ, что многіе діалоги (изъ болѣе обширныхъ, я думаю, почти всѣ) не имѣютъ въ настоящемъ своемъ видѣ единства состава, а каждый изъ нихъ, передѣлывавшійся и дополнявшійся въ различныя эпохи (какъ самимъ авторомъ, такъ, можетъ быть, и другими лицами) долженъ бы былъ по частямъ занять два, три (и болѣе) различныя мѣста въ цѣломъ ряду Платоновыхъ твореній. Но такъ какъ при отсутствіи безспорнаго и общепринятаго рѣшенія „платоновскаго вопроса" (и платоновскихъ вопросовъ) такое разрываніе и разбрасываніе этихъ произведеній во имя той или другой гипотезы, было бы крайнимъ безчинствомъ, какого не дозволялъ себѣ еще ни одинъ издатель текста и ни одинъ переводчикъ,—то по неволѣ приходится во всякій отдѣлъ помѣщать и такіе діалоги, которые, какъ мы убѣждены, лишь частью своею принадлежатъ къ нему, — и тѣмъ самымъ исключать изъ другихъ отдѣловъ что нибудь изъ того, что должно бы войти въ нихъ. Такъ приходится поступить и относительно *Перваго Алкивіада*, который въ полномъ своемъ составѣ написанъ Платономъ по моему мнѣнію не одинъ разъ, а три: сначала въ юности (около двадцатипятилѣтняго его возраста) затѣмъ въ зрѣлую пору его философской дѣятельности (40—50 лѣтъ) и наконецъ въ послѣднее время его долголѣтней жизни; и только первою, основною своею частью принадлежитъ это произведеніе къ діалогамъ сократическимъ.

Но написано ли оно Платономъ? На какомъ основаніи можемъ мы это утверждать съ увѣренностью, когда существу-

ютъ древнія свидѣтельства, что діалоги съ именемъ Алкивіада были написаны и другими извѣстными учениками Сократа, а именно Антисѳеномъ, Евклидомъ, Фэдономъ и Эсхиномъ?*) Не странно ли было бы, что всѣ они пропали безслѣдно, а до насъ дошли цѣлыхъ два діалога этого имени, яко бы написанные Платономъ, относительно котораго однако нѣтъ близкихъ къ его времени положительныхъ указаній, чтобы онъ вообще писалъ какой нибудь діалогъ съ именемъ Алкивіада?

Еслибы у насъ была только первая часть нашего діалога т. е. (послѣ вступленія) этическое разсужденіе о необходимомъ для дѣятельности знаніи должнаго, или наилучшаго и о тождествѣ полезнаго съ добрымъ и прекраснымъ, или достойнымъ (103—119), то слѣдовало бы признать, что хотя такое произведеніе могло само по себѣ принадлежать и Платону въ его сократическіе годы, но не меньшую во всякомъ случаѣ вѣроятность имѣло бы и авторство одного изъ названныхъ его соучениковъ. Но связь этой части діалога съ двумя другими—съ разсказомъ о преимуществахъ Персидскихъ и Лакедемонскихъ царей, а затѣмъ съ разсужденіемъ о самопознаніи и о безтѣлесной душѣ какъ истинной сущности человѣка, при чемъ съ особою выразительностью ставится, хотя и не рѣшается крайне отвлеченный онтологическій вопросъ о самомъ понятіи „самого" или самости—*φέρε δή, τίν' ἂν τρόπον εὑρεθείη αὐτὸ τὸ αὐτό*; (129 B, также 130 D)—связь сократической части діалога съ явно-несократическимъ его продолженіемъ и окончаніемъ не позволяетъ приписать его *цѣликомъ* ни одному изъ упомянутыхъ авторовъ. Вообще три главные отдѣла діалога (о второстепенныхъ вставкахъ и передѣлкахъ я пока не говорю) представляютъ слишкомъ большую разнородность по существу, отношеніе къ предметамъ и умственный интересъ въ нихъ слишкомъ опредѣленно мѣняется, чтобы можно было допустить, что весь діалогъ написанъ въ одно данное время и выражаетъ собою одно и тоже состояніе мысли, одну и ту же стадію философскаго развитія. А съ другой стороны эти три части настолько искусно связаны между собою въ общемъ построеніи, и цѣлый діалогъ настолько удовлетворяетъ требованіямъ литературнаго единства, что никакъ нельзя видѣть въ немъ механическую компиляцію позднѣйшаго книжника, соединившаго вмѣстѣ три произведенія разныхъ авторовъ, разныхъ временъ и даже школъ. *Первый Алкивіадъ*, очевидно, написанъ однимъ авторомъ, но авторомъ, мѣнявшимъ

*) Эсхинъ—не ораторъ.

свои точки зрѣнія и передѣлывавшимъ свои произведенія сообразно такимъ перемѣнамъ. Что это подходитъ къ Платону и что слѣдовательно нашъ діалогъ можетъ быть приписанъ ему *весь* (чего нельзя сказать ни объ Антисѳенѣ, ни объ Евклидѣ, ни о Фэдонѣ, ни объ Эсхинѣ)—это несомнѣнно. Но болѣе того: если мы обратимъ вниманіе на самое содержаніе тѣхъ *различныхъ* точекъ зрѣнія которыя выступаютъ въ трехъ частяхъ *Алкивіада*, то должны будемъ сказать, что не только этотъ діалогъ *могъ* быть написанъ Платономъ, но что *никѣмъ*, кромѣ Платона, онъ *не могъ* быть написанъ, потому что эти различные взгляды совпадаютъ какъ разъ съ тѣми перемѣнами въ образѣ мыслей, которыя дѣйствительно испыталъ Платонъ и которыя *независимо* отъ *Перваго Алкивіада* засвидѣтельствованы другими, *безспорными* произведеніями нашего философа.

II.

Трагическая смерть Алкивіада въ 404 г. до Р. Х. и возбужденные ею толки дали *вѣроятно* поводъ юному Платону написать небольшой „сократическій" діалогъ (основная часть теперешняго), связанный съ именемъ и личностью его знаменитаго и злополучнаго товарища. Живой въ то время интересъ такой темы скоро доставилъ *вѣроятно* этому діалогу общую извѣстность, и *это*, *быть можетъ*, побуждало Платона возвращаться впослѣдствіи къ этому незрѣлому (въ его первоначальномъ видѣ) произведенію раннихъ лѣтъ, съ цѣлью его улучшенія и дополненія,—что, впрочемъ, и вообще соотвѣтствовало его, засвидѣтельствованному древностью, отношенію къ своимъ писаніямъ. Двѣ такія переработки оставили свои явные слѣды въ нашемъ діалогѣ: послѣдняя его часть о чистомъ самопознаніи, о душѣ какъ противуположной тѣлу и о *самомъ* „самомъ" несомнѣнно принадлежитъ къ его зрѣлому возрасту, когда значительное время спустя послѣ смерти Сократа интересъ діалектико-метафизическій, или онтологическій рѣшительно возобладалъ въ немъ надъ интересомъ этическимъ въ смыслѣ Сократа, Много лѣтъ послѣ этого, въ эпоху духовнаго упадка, приблизительно въ то время когда писались *Законы*,—Платонъ еще разъ вернулся къ дѣтищу своей юности и одряхлѣвшею рукой вставилъ между двумя частями діалога третью: ребяческое разглагольствіе о благородствѣ и о богатствѣ Персидскихъ и Спартанскихъ царей.

Такова, въ двухъ словахъ, была на мой взглядъ исторія

этого діалога. Здѣсь есть нѣчто гипотетическое, мною и подчеркнутое. Я говорю „вѣроятно" и „быть можетъ", когда по недостатку положительныхъ данныхъ нельзя *доказать* и даже едвали можно *доказывать*, что дѣло было такъ, или не такъ. Но есть здѣсь нѣчто такое, что можно утверждать если не какъ доказанное, то во всякомъ случаѣ какъ доказуемое на основаніи сравнительнаго разбора діалога въ его содержаніи. А именно я думаю, что можно такимъ образомъ утверждать отмѣченный мною трехчастный составъ *Перваго Алкивіада* и вытекающее отсюда заключеніе объ авторствѣ Платона. Для полнаго оправданія моего взгляда требуется подробное сопоставленіе второй и третьей части нашего діалога съ тѣми безспорными произведеніями Платона, къ эпохѣ которыхъ я отношу двукратную дополнительную обработку *Алкивіада*, въ особенности съ *Законами*—для второй части (по теперешнему порядку изложенія) и съ *Фэдономъ* и средними книгами *Государства*—для третьей. Такому сопоставленію во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣйшее мѣсто—въ концѣ всего нашего труда надъ Платономъ. А теперь не въ видѣ окончательнаго рѣшенія вопроса, а лишь въ видѣ болѣе опредѣленной и мотивированной его постановки, я долженъ во первыхъ расчленить нашъ діалогъ по существу, или различить въ немъ такъ сказать три *внутренніе* слоя мысли; а во вторыхъ указать и нѣкоторые внѣшніе признаки свидѣтельствующіе о сложности его состава. Въ виду того, что теперешній искусственный порядокъ частей въ переработанномъ діалогѣ не совпадаетъ съ ихъ внутреннею связью и генетическою послѣдовательностью, то во избѣжаніе путаницы при употребленіи словъ первая, вторая, третья, мы будемъ обозначать основную часть діалога буквою А, главное прибавленіе (о самопознаніи и душѣ)—B, а позднѣйшую вставку (о царяхъ)—C. *).

---

*) Такъ какъ дѣло идетъ о дополнительной работѣ литературной, а не о механическихъ прибавкахъ, то разумѣется возможно разграниченіе частей лишь съ допущеніемъ нѣкоторой черезполосности. Къ части *A* (сократической) принадлежитъ діалогъ съ начала (*103*) до словъ (включительно): *Εἶεν. τί οὖν διανοεῖ περὶ σαυτοῦ; πότερον ἐᾶν ὡς νῦν ἔχεις, ἢ ἐπιμέλειάν τινα ποιεῖσθαι;* (*119*) Далѣе конецъ той же части *A* разбитый на два кусочка, находится на *124* начиная отъ словъ Алкивіада *τίν 'οὖν χρὴ τὴν ἐπιμέλειαν, ὦ Σώκρατες, ποιεῖσθαι;* и до словъ Сократа (включительно): *Οὐκ ἀπορρητέον οὐδὲ μαλακιστέον, ὦ ἑταῖρε* (этотъ отрывокъ можно обозначить какъ *ac*) — и затѣмъ наконецъ на *135* отъ словъ: *ἐὰν βούλῃ σύ, ὦ Σώκρατες* и до словъ *'Αλλὰ οὕτως ἔχει, και ἄρξομαί γε ἐντεῦθεν της δικαιοσύνης ἐπιμέλεσθαι* (отрывокъ *ab*). Часть *B* діалога (метафизическая) послѣ нѣсколькихъ словъ,

III.

Въ части A нашего діалога главная мысль имѣетъ чисто-сократическій характеръ. Это — мысль о справедливости какъ основаніи правильнаго и преуспѣвающаго общества или гражданства. Движущій интересъ бесѣды есть та самая этико-политическая идея, которой служилъ Сократъ,— убѣжденіе, что достойная и благополучная жизнь человѣческаго общества должна опредѣляться не безсознательною вѣрой въ авторитетъ отечественныхъ преданій и уставовъ, а также и не эманципированнымъ своекорыстіемъ безпринципной личности, а только тѣмъ, что познано разумомъ и совѣстью какъ справедливое по существу, какъ подлинная правда.

Молодого Алкивіада, надѣющагося первенствовать въ аѳинскомъ гражданствѣ въ силу своихъ внѣшнихъ преимуществъ, Сократъ сначала рядомъ вопросовъ, наполовину ироническихъ, убѣждаетъ въ ничтожествѣ этихъ преимуществъ по отношенію къ его цѣли, потому что во всякомъ дѣлѣ имѣетъ голосъ только *знающій* это дѣло—будь онъ великъ или малъ ростомъ, знатнаго, или темнаго происхожденія, красивъ или уродливъ, богатъ или бѣденъ (*ἐάν τέ γε σμικρός ἢ μέγας ἤ, ἐάν τε καλός ἢ αἰσχρός, ἔτι τε γενναῖος ἢ ἀγεννὴς... Εἰδότος γάρ οἶμαι περὶ ἑκάστου ἡ συμβουλή καὶ οὐ πλουτοῦντος*); затѣмъ Алкивіадъ вынужденъ признать, что въ дѣлѣ общественнаго управленія то, что нужно знать для цѣлесообразной дѣятельности, есть *справедливость* или правда, — различіе между правымъ и неправымъ; и наконецъ Сократъ доводитъ своего собесѣдника до желаннаго нравственнаго кризиса—до сознанія, что онъ находится въ „постыднѣйшемъ невѣжествѣ“ — относительно того одного, что ему нужно знать—именно справедливости; его невѣжество сугубое и самое зловредное для него и для другихъ: не зная, что такое справедливость, онъ думаетъ, что знаетъ. Изъ этого плачевнаго состоянія можетъ его вывести только онъ, Сократъ, пророкъ нравственнаго сознанія, послушный божественнымъ внушеніямъ совѣсти, а не какой нибудь политикъ вродѣ Перикла, блистательный, но безплодный, и не умо-

---

вставленныхъ для связи, идетъ отъ словъ *φαμὲν γὰρ δὴ ὡς ἄριστοι βούλεσθαι γενέσθαι* (*124*) и до конца діалога съ исключеніемъ лишь только что указаннаго отрывка изъ заключенія части *A* (о смыслѣ этаго перемѣщенія см. ниже).—Часть *C* (о царяхъ) связанная съ *A* въ серединѣ стр. *119*, занимаетъ сплошь стр. 120, 121, 122, 123 и на 124 связывается съ *ac*.

зрительный діалектикъ вродѣ Зенона,—котораго впрочемъ Сократъ не отстраняетъ прямо, а уничтожаетъ ироническимъ замѣчаніемъ, что Пиѳодоръ сынъ Исолоха и Каллій сынъ Каліада, заплативши Зенону по сту минъ, стали знаменитыми мудрецами.

Первоначальная тема діалога исчерпана вполнѣ по существу къ началу стр. 119; ясно различимые куски первоначальнаго художественнаго *заключенія*, разбитаго вставками и дополненіями, сохранились, какъ было выше упомянуто и какъ мы сейчасъ покажемъ, въ двухъ мѣстахъ теперешняго діалога. Исчерпанная въ основной части сократическая тема о знаніи справедливаго смѣняется въ дополненіи B совершенно другою и лишь внѣшнимъ, хотя весьма искуснымъ образомъ къ ней привязанною темой о самопознаніи путемъ умозрѣнія. Взглядъ совсѣмъ не сократическій. Подъ тѣмъ познаніемъ самого себя, которое предписано дельфійскимъ оракуломъ, историческій Сократъ разумѣлъ вовсе не углубленіе отвлеченной мысли въ метафизическую сущность души, а нравственное обращеніе на себя, требующее отдать себѣ ясный отчетъ въ своемъ душевномъ состояніи относительно добра и зла, вѣдѣнія и невѣдѣнія. Въ выясненіи этого требованія вся сущность діалога *A*, и діалогъ B очевидно вводитъ новую точку зрѣнія. Но дѣло въ томъ, что эта новая точка зрѣнія, не будучи нисколько сократическою, есть несомнѣнно платоническая, на ней безспорно стоялъ нашъ философъ, когда писалъ *Ѳэдона* и метафизическія части *Государства*, и если бы приходилось выбирать между *A* и *B* нашего діалога, то слѣдовало бы скорѣе признать авторство Платона для *B*, такъ какъ *A* въ отдѣльности взятое, никакихъ специфически платоновскихъ особенностей не представляетъ и могло бы быть написано и другимъ ученикомъ Сократа, тогда какъ B носитъ яркій платоническій отпечатокъ, чѣмъ и объясняется пристрастіе неоплатониковъ къ этому діалогу. Но выбирать между его частями съ точки зрѣнія подлиннаго авторства Платона намъ не приходится. Прежде чѣмъ быть творцомъ метафизическаго идеализма, Платонъ, какъ ученикъ Сократа, несомнѣнно былъ моралистомъ нравственнаго сознанія и слѣдовательно нѣтъ надобности отрицать его авторство для чисто-моральной части діалога; да нѣтъ и возможности отрицать, если признавать его авторомъ части метафизичсской,—ибо ни самому Платону, ни другому какому нибудь писателю не было причины искусно спаивать позднѣйшія произведенія Платона съ *чужимъ* сократическимъ діалогомъ: тутъ могла быть только работа са-

мого Платона надъ своимъ собственнымъ раннимъ произведеніемъ.

IV.

Дѣло еще яснѣе относительно вставки *C*. Она тоже сдѣлана не механически, видна литературная работа писателя опытнаго,—но уже ослабѣвшаго. Онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ происшедшей съ нимъ духовной перемѣнѣ, и въ чисто-моральный діалогъ, дополненный раньше идеалистическимъ разсужденіемъ, вставляетъ длинное отступленіе, продиктованное одолѣвшимъ его духомъ бытового аристократическаго консерватизма. Разумѣется, если бы мы не имѣли цѣлаго обширнаго сочиненія Платона, внушеннаго тѣмъ же самымъ духомъ, то читая разсказъ о Персахъ и Лакедемонянахъ въ *Первомъ Алкивіадѣ*, мы сказали бы: это совсѣмъ не платонично, этого не могъ написать Платонъ. Но зная двѣнадцать книгъ *Законовъ*, мы должны сказать: такъ какъ Платонъ въ старости дѣйствительно написалъ въ *этомъ* родѣ еше нѣчто худшее, еще менѣе „платоничное", то тѣмъ болѣе могъ написать это. А такъ какъ никому кромѣ самого Платона не могло придти въ голову старательно перерабатывать морально-идеалистическій діалогъ, вплетая въ него анти-моральную и анти-идеальную экскурсію въ духѣ Платоновыхъ *Законовъ*, то приходится признать, что вставка *C* не только можетъ принадлежать Платону, но и дѣйствительно принадлежитъ ему.

А что это есть въ самомъ дѣлѣ позднѣйшая вставка, что между C и обѣими другими частями діалога есть такая разнородность *по существу*, которая не позволяетъ отнести ея составленіе къ одной и той же, именно ранней эпохѣ Платона, какъ это полагаютъ ученые, защищающіе подлинность *Перваго Алкивіада*, (напр. Штальбаумъ и Джорджъ Гротъ),—въ этомъ всего легче убѣдиться, сопоставивъ то, что сказано въ этихъ трехъ частяхъ объ одномъ и томъ же конкретномъ предметѣ—богатствѣ и знатности. Въ *A* Сократъ не столько доказываетъ, сколько указываетъ какъ нѣчто безспорное, *безполезность* богатства и т. п. для нравственно-политическихъ задачъ человѣка: въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, важно только *знаніе* дѣла, а не какія бы то ни было внѣшнія преимущества. Въ *B* отрицательное отношеніе къ этимъ преимуществамъ высказывается гораздо рѣзче: различая *самого* человѣка, именно душу, отъ того, что не есть онъ самъ, а только принадлежитъ ему, именно тѣло, и признавая важнымъ только первое, Сократъ упоминаетъ еще о третьемъ родѣ предметовъ, которые не суть ни самъ человѣкъ, ни то, что принадлежитъ ему,—ни душа, ни тѣло, а только имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ тѣлу. Люди, занимающіеся этого рода вещами, куда входятъ богатство и прочія внѣшнія принадлежности жизни, суть люди *самые жалкіе*. Тутъ, конечно, нѣтъ противорѣчія съ тѣмъ, что говорится въ *A*, а только мотивированное усиленіе отрицательнаго отношенія. Но что же мы находимъ о томъ же предметѣ въ *C*? Знатность и богатство (*на ряду* и *на равныхъ правахъ* съ хорошимъ воспитаніемъ) выставляются какъ такія существенныя и великія преимущества чужеземныхъ правителей, что Алкивіадъ ради этаго долженъ подумать о своемъ неудовлетворительномъ состояніи и о пріобрѣтеніи способовъ къ успѣшному соперничеству, и это послѣ того, какъ въ самомъ началѣ діалога Сократъ замѣтилъ (въ частности относительно богатства), что и Алкивіадъ при всемъ своемъ невѣжествѣ, понимаетъ его ничтожность, и зная себя богатымъ, не очень-то этимъ гордится. Читая панегирикъ персидскимъ и спартанскимъ царямъ за ихъ знатность и богатство, нельзя не замѣтить, что авторъ говоритъ объ этомъ въ тонѣ почтительнаго удивленія. Но есть ли хоть какая нибудь логическая и психологическая возможность для одного и того же человѣка *въ одно и тоже время* относиться къ одному и тому же предмету съ полнымъ равнодушіемъ, съ глубокимъ презрѣніемъ и съ благоговѣніемъ? Для одного и того же человѣка это возможно только въ различныя эпохи его духовнаго развитія, и такъ какъ съ другой стороны несомнѣнно, что у Платона *были* такія эпохи, такъ какъ несомнѣнно, что авторъ *сократическихъ* діалоговъ къ внѣшнимъ преимуществамъ относился съ равнодушіемъ, авторъ *Ѳэдона* и *Ѳеэтета*—съ презрѣніемъ, а авторъ *Законовъ*—съ благоговѣніемъ, то совершенно необходимо заключить, что если первый *Алкивіадъ* написанъ Платономъ, то часть *A* написана въ его сократическую эпоху, *B*—въ эпоху отрицательнаго, или отрѣшеннаго идеализма, а *C*—въ эпоху дряхлости, когда писались *Законы*.

V.

Я сказалъ, что діалогъ въ теперешнемъ его видѣ сохранилъ слѣды передѣлокъ, которыя авторъ производилъ надъ нимъ. Пока укажу два такіе слѣда, которые кажутся мнѣ достаточными. Это вопервыхъ предпослѣдняя фраза всего діалога, произносимая Алкивіадомъ—*Ἀλλὰ οὕτως ἔχει, καὶ ἄρξομαί γε ἐντεῦθεν*

τῆς δικαιοσύνης ἐπιμέλεσθαι. Такимъ образомъ Алкивіадъ съ своей стороны заканчиваетъ всю бесѣду обѣщаніемъ заботливо заниматься *справедливостью*. Между тѣмъ во всей предыдущей, завершительной части (наше *B*), составляющей около половины всего діалога, о справедливости (δικαιοσύνη) собственно нѣтъ рѣчи *)—это есть тема лишь первой, предварительной части діалога, а въ этой говорится о самопознаніи нашего существа, или души посредствомъ умственнаго созерцанія ея внутренней природы,—почему древніе схоліасты и обозначили весь діалогъ, какъ трактующій о *природѣ человѣка*. Дѣйствительно, если принять его какъ цѣлое, то общій ходъ мысли въ немъ можетъ быть кратко выраженъ такъ: желающій съ толкомъ управлять дѣлами общественными, долженъ знать справедливость; но нельзя знать справедливость, т. е. правильное отношеніе между людьми, если не знать, что такое самъ человѣкъ или сущность души, а это есть задача познанія умозрительнаго; какъ политика сводится къ этикѣ, такъ этика—къ метафизикѣ, которая и есть настоящая задача истинно-свободныхъ людей, прочіе же всѣ должны быть рабами Ясно, что послѣ такого разсужденія заключительное обѣщаніе Алкивіада заниматься справедливостью является, какъ говорятъ, ни къ селу, ни къ городу. Откуда же оно взялось? Дѣло очень просто, если отнести это заключеніе къ первоначальному чисто-сократическому и этическому діалогу, котораго тема есть дѣйствительно *справедливость*. А почему она поставлена въ концѣ переработаннаго діалога, гдѣ ей вовсе не мѣсто — это объяснится съ достаточнымъ правдоподобіемъ если обратить вниманіе на предшествующую словомъ Алкивіада фразу Сократа о крылатомъ Эротѣ. При переработкѣ діалога Платонъ изъ артистическихъ соображеній могъ желать сохранить прежнее заключеніе ради этаго художественнаго образа, причемъ легко могла остаться неизглаженною и непосредственно за этимъ образомъ слѣдующая фраза о справедливости, вполнѣ умѣстная прежде, и неумѣстность которой въ заключеніи новаго метафизическаго разсужденія могла и не обратить на себя авторскаго вниманія, какъ она и до сихъ поръ оставалась незамѣтною для множества критиковъ.

Второй яркій слѣдъ дополнительной работы автора относится къ вставкѣ *C*. Заставивъ Алкивіада сознаться въ его

*) Она только разъ мимоходомъ упоминается, и то не самостоятельно, а въ сочетаніи съ другимъ понятіемъ σωφροσύνη.

„постыднѣйшемъ невѣжествѣ“, изъ котораго его не можетъ вывести опекунъ его Периклъ, Сократъ спрашиваетъ: „что же ты относительно себя думаешь? оставаться ли такъ, какъ ты теперь, *или же какъ нибудь позаботиться?*“ (приложить какую нибудь заботу—ἢ ἐπιμέλειάν τινα ποιεῖσθαι;) уклоняясь отъ прямого отвѣта, Алкивіадъ начинаетъ говорить о необразованности аѳинскихъ политическихъ дѣятелей и этимъ даетъ поводъ Сократу распространиться въ похвалахъ персидскимъ и спартанскимъ царямъ, а затѣмъ послѣ этаго длиннаго отступленія, прерванная рѣчь возобновляется на томъ же выраженіи „позаботиться“ или „приложить заботу“ (ἐπιμέλειαν ποιεῖσθαι): „какую же тутъ нужно, спрашиваетъ Алкивіадъ, *приложить заботу*, Сократъ? Можешь это изъяснить? Ибо совсѣмъ похоже на то, что ты сказалъ правду“. Слова: „какую же тутъ нужно приложить заботу?“ точка въ точку соотвѣтствуютъ находящимся за нѣсколько страницъ словамъ Сократа: „оставаться ли такъ, какъ ты теперь, или же приложить какую нибудь заботу?“ Считать это соотвѣтствіе случайнымъ тѣмъ менѣе правдоподобно, что вѣдь и безъ того эпизодъ о царяхъ по содержанію своему есть очевидная вставка. Ясно теперь, что эта вставка сдѣлана между приведенными словами Сократа и прямымъ на нихъ отвѣтомъ Алкивіада, причемъ конецъ вставки изложенъ такъ, чтобы можно было его связать съ возобновленнымъ разговоромъ объ ἐπιμέλεια.

Древніе послѣдователи нашего философа очень высоко цѣнили *Перваго Алкивіада*, въ которомъ они видѣли настоящія Пропилеи всей платоновой мудрости. Едва-ли не каждый изъ такъ называемыхъ неоплатониковъ считалъ своимъ долгомъ написать свой комментарій къ этому діалогу. До насъ дошли комментаріи Прокла и Олимпіодора младшаго (изданы въ 20 хъ годахъ дважды: Крейцеромъ въ Германіи и Кузеномъ во Франціи). Разумѣется особое вниманіе неоплатониковъ діалогъ заслужилъ благодаря своей части *B*, хотя сохранившійся комментарій Прокла къ сожалѣнію не доходитъ до конца.

Въ XIX вѣкѣ первыми противниками нашего діалога, какъ со стороны его достоинства, такъ и со стороны его подлинности, явились Шлейермахеръ и Астъ, а не менѣе авторитетными защитниками—Зохеръ, Штальбаумъ, К. Ф. Германъ, Штейнгартъ. На трехчастный составъ діалога критика, насколько мнѣ извѣстно, не обращала до сихъ поръ достаточнаго вниманія.

Оцѣнка этого діалога въ его цѣлости была бы неумѣстна

въ отдѣлѣ сократическихъ діалоговъ. Я еще вернусь къ нему въ связи съ *Федономъ*, *Государствомъ* и *Законами*. А теперь могу сказать лишь два слова о первой, сократической части *(А)*. По существенному своему содержанію, она представляетъ ближайшій шагъ сократической мысли послѣ *Өеага*. Здѣсь дается первое опредѣленіе той общественной мудрости или умѣлости, о которой тамъ говорится какъ объ истино-желанномъ, но безъ всякаго собственнаго опредѣленія. Изъ *Перваго Алкивіада (А)* мы узнаемъ, что это есть *справедливость* или *умѣнье различать правое и неправое*, причемъ справедливое утверждается какъ тождественное доброму, прекрасному и полезному. Діалектическая аргументація, на которой основывается это тождество, обнаруживаетъ начинающаго мыслителя, похожаго въ этой области на ребенка, который пріучается ходить. Однако виденъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ *Өеагомъ*: грубыхъ логическихъ промаховъ, какъ тамъ, я не нахожу въ *Алкивіадѣ*. Можетъ быть они были сглажены при послѣдующей переработкѣ діалога. Двусмысленность греческаго выраженія *εὖ πράττειν*, которое можетъ значить „дѣйствовать хорошо", и вмѣстѣ съ тѣмъ „чувствовать себя хорошо"— не играетъ, я думаю, той роли въ разсужденіи Сократа о справедливомъ и полезномъ, которую приписываютъ ей критики и не превращаетъ этого разсужденія въ софистику. Дѣло въ томъ, что оба смысла *εὖ πράττειν* по праву участвуютъ въ аргументаціи Сократа (на стр. 116). Такъ какъ Алкивіадъ уже заявилъ, что гадкое поведеніе, напр., трусливое, онъ счелъ бы для себя величайшимъ несчастіемъ и ни за что на свѣтѣ не согласился бы выдать друзей въ опасности, то Сократъ имѣетъ право разсуждать съ нимъ такимъ образомъ: кто совершаетъ справедливый и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный (*καλὸν* въ противоположность гадкому — *αἰσχρόν*) поступокъ, напр., съ опасностью жизни помогаетъ другу въ битвѣ, тотъ не только *дѣлаетъ добро* (*εὖ πράττει* въ одномъ смыслѣ), но и чувствуетъ себя хорошо или благополучно (*εὖ πράττει* въ другомъ смыслѣ), — *ему* въ этомъ случаѣ *хорошо*, такъ какъ въ противномъ случаѣ, еслибы онъ струсилъ и выдалъ друга, ему самому было бы гадко. Итакъ справедливый и прекрасный поступокъ есть не только *добро* (для другого), но и *благо* (благополучіе, хорошее состояніе) для самаго дѣйствующаго. Но благо (въ этомъ смыслѣ) и польза — одно и то же. Слѣдовательно всякій справедливый поступокъ, будучи не только добромъ, но какъ прекрасный, или непостыдный (honestum) будучи благомъ, тѣмъ самымъ полезенъ. Разумѣется такой аргу-

ментъ неубѣдителенъ для тѣхъ, которые не считаютъ для себя величайшимъ несчастіемъ трусить и выдавать друзей. Значитъ разсужденіе Сократа неполно, но софизма и игры словами въ немъ нѣтъ.

Не раздѣляя восхищенія неоплатониковъ *Первымъ Алкивіадомъ*, слѣдуетъ признать, что этотъ діалогъ, котораго принадлежность Платону кажется мнѣ въ силу приведенныхъ соображеній несомнѣнною и который по своей первоначальной темѣ долженъ быть обозначенъ не *περὶ φύσεως ἀνθρώπου* (о природѣ человѣка), а *περὶ δικαιοσύνης*—о справедливости,—имѣетъ свое опредѣленное мѣсто въ ряду сократическихъ діалоговъ.—

Прежде всего съ этической точки зрѣнія мы должны быть *справедливы* или исполнять наши обязанности относительно другихъ. Кто эти другіе? Только люди, или еще кто нибудь? Значеніе религіознаго элемента въ философіи Сократа и Платона достаточно указываетъ на то, что изъ нашихъ обязанностей къ другимъ не могутъ быть здѣсь исключены боги. За *Өеагомъ*, указывающимъ, что самое занятіе нашею нравственною задачей обусловлено содѣйствіемъ *божества*, и за *Первымъ Алкивіадомъ*, указывающимъ сущность этой задачи въ *справедливости*, естественно слѣдуетъ *Второй Алкивіадъ*, гдѣ рѣчь идетъ о справедливомъ отношеніи къ богамъ или о правильной *молитвѣ*.

ВТОРОЙ АЛКИВІАДЪ

(ИЛИ О МОЛИТВѢ).

Собесѣдники: СОКРАТЪ, АЛКИВІАДЪ.

ВТОРОЙ АЛКИВІАДЪ.

Сокр. Никакъ ты идешь къ богу [1]) молиться, Алкивіадъ? 138.

Алк. Конечно, Сократъ.

Сокр. Да ты и смотришь угрюмо, — потупился въ землю, какъ будто что обдумываешь.

Алк. Ну чтоже тутъ обдумывать, Сократъ!

Сокр. Величайшую думу, какъ мнѣ кажется, Алкивіадъ. B.
Скажи въ самомъ дѣлѣ, ради Зевса, развѣ ты не полагаешь, относительно боговъ, что когда мы ихъ о чемъ просимъ, бываетъ такъ, что одно они даютъ, а другого нѣтъ, и однимъ даютъ, а другимъ нѣтъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не кажется ли тебѣ, что нужно много предусмотрительности, чтобы не намолить себѣ великихъ золъ, вмѣсто благъ, если богамъ случится быть въ томъ расположеніи, въ которомъ они даютъ, чего бы кто ни попросилъ? Какъ вотъ напримѣръ Эдипъ молился, говорятъ, чтобы сыновья его *подѣлили вотчину мѣдью*, [2]) и имѣя воз- C.
можность молиться объ отвращеніи существующихъ бѣдствій, вымолилъ себѣ и другія сверхъ нихъ. Да притомъ не только тѣ бѣды, о которыхъ онъ молилъ, исполнились, но изъ нихъ еще вышли другія многія и страшныя, о которыхъ надо ли говорить порознь?

---

1) *Πρός τὸν θεόν*—съ членомъ, слѣдовательно въ опредѣленномъ смыслѣ, какъ у насъ говорятъ: „къ Пречистой“, „къ Чудотворцу“.

2) *Χαλκῷ*—мѣдью, т. е. мѣднымъ оружіемъ. Переводить прямо „оружіемъ“ ослабило бы древнее изреченіе, а ставить для ясности вмѣсто мѣди желѣзо значило бы навязывать классическому писателю анахронизмъ, такъ какъ во времена Эдипа желѣзное оружіе еще не было въ употребленіи.

Алк. Но вѣдь ты же, Сократъ, сказалъ о сумасшедшемъ человѣкѣ; потому что кто же, думаешь ты, будучи въ здравомъ умѣ, рѣшился бы молиться о такихъ вещахъ?

Сокр. Такъ сумашествіе кажется тебѣ противоположнымъ смышлености?

Алк. Конечно.

D. **Сокр**. А не кажется ли тебѣ, что люди бываютъ несмыслящими и смыслящими?

Алк. Бываютъ.

Сокр. Ну такъ посмотримъ, какіе это. Вѣдь мы согласны, что есть безсмысленные, и есть смыслящіе, и еще иные—сумасшедшіе.

Алк. Согласны.

Сокр. И еще бываютъ здоровые?

Алк. Бываютъ.

Сокр. А другіе—больные?

139. **Алк**. Конечно.

Сокр. И вѣдь это не одни и тѣ же?

Алк. Разумѣется.

Сокр. А нѣтъ ли еще другихъ, которые не находятся ни въ томъ, ни въ этомъ состояніи?

Алк. Ну ужь нѣтъ!

Сокр. Такъ какъ необходимо человѣку быть или больнымъ, или не больнымъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну а насчетъ смышлености и безсмыслія не тоже ли мнѣніе у тебя?

Алк. Что ты хочешь сказать?

Сокр. Кажется ли тебѣ, что нужно быть или смыслящимъ, или несмыслящимъ—или же есть посрединѣ третье состояніе, которое дѣлаетъ человѣка ни смыслящимъ, ни

B. безсмысленнымъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Значитъ необходимо одно изъ двухъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. А ты вѣдь, помнишь, согласился, что сумасшествіе противуположно смышлености?

Алк. Да.

Сокр. А также, что нѣтъ никакого средняго третьяго состоянія, дѣлающаго человѣка ни смыслящимъ, ни безсмысленнымъ?

Алк. Согласился и съ этимъ.

Сокр. Ну а какъ же одной вещи могутъ быть прямо противуположны двѣ?

Алк. Никоимъ образомъ.

Сокр. Такъ пожалуй безсмысліе и сумасшествіе будутъ одно и тоже? [3])

C.

Алк. Кажется.

Сокр. Такъ правильно бы мы сказали, говоря, что всѣ несмыслящіе сумасшествуютъ; ну хоть изъ твоихъ сверстниковъ, еслибы оказались нѣкоторые несмыслящими, какъ и дѣйствительно оказываются, а также и изъ старшихъ? Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ ради Зевса; развѣ не думаешь ты, что изъ жителей здѣшняго города смыслящихъ мало, а много безсмысленныхъ, которыхъ ты вотъ называешь сумасшедшими?

Алк. Да.

Сокр. Такъ ты думаешь, что мы могли бы благодушествовать въ общежитіи со столькими сумасшедшими, и не поплатились бы за это побоями, толчками и всѣмъ, что D. обычно продѣлываютъ сумасшедшіе? Но посмотри-ка, мой милый, такъ ли оно бываетъ.

Алк. Какъ бы это въ самомъ дѣлѣ было, Сократъ? Потому что оно, кажется, не такъ бываетъ, какъ я думалъ.

Сокр. И мнѣ кажется, что не такъ. Но посмотримъ вотъ на что.

Алк. На что, говоришь ты?

Сокр. Сейчасъ тебѣ скажу. Предполагаемъ вѣдь мы, что нѣкоторые бываютъ больны. Или нѣтъ?

Алк. Конечно, предполагаемъ.

E. **Сокр**. Ну такъ кажется ли тебѣ, что больному необходимо болѣть подагрой, или горячкой, или офталміей? Или, напротивъ, ты думаешь, что и не страдающій ничѣмъ изъ этого, можетъ болѣть другою болѣзнью: ихъ вѣдь много, а не тѣ однѣ.

Алк. Думаю, такъ.

Сокр. Ну, а не кажется ли тебѣ, что всякая офталмія есть болѣзнь?

---

[3]) Одобряемое Штальбаумомъ замѣчаніе Бёкка, что здѣсь имѣется въ виду извѣстный стоическій парадоксъ ὅτι πᾶς ἄφρων μαίνεται и что слѣдовательно діалогъ принадлежитъ позднѣйшему времени, было бы справедливо, если бы можно было доказать, что стоики первые пришли къ этому парадоксу, а не унаслѣдовали его отъ Платонова современника и соперника Антисѳена.

Алк. Да.

Сокр. А не есть ли и всякая болѣзнь—офталмія?

Алк. Ну этого я не думаю; недоумѣваю только, въ чемъ тутъ дѣло?

140. **Сокр**. Но если ты обратишь ко мнѣ свое вниманіе, то разсматривая это вдвоемъ [4]), пожалуй, и отыщемъ, что слѣдуетъ.

Алк. Но я обращаю вниманіе, Сократъ,—насколько могу.

Сокр. Не согласились ли мы, что всякая офталмія есть болѣзнь, но не всякая болѣзнь есть офталмія?

Алк. Согласились.

Сокр. И, кажется мнѣ, правильно согласились. Вѣдь и горячечные всѣ, я думаю, больны, но не у всѣхъ больныхъ горячка, не у всѣхъ подагра, не у всѣхъ и офталмія;
B. ибо хотя все это болѣзни, но, какъ говорятъ тѣ, кого мы называемъ врачами, различается дѣйствіе этихъ болѣзней. Ибо всѣ онѣ и не похожи между собою и не сходнымъ образомъ дѣйствуютъ, но каждая по своей собственной силѣ, а болѣзни-то онѣ всѣ равно. Какъ мы предполагаемъ, что есть ремесленники; или нѣтъ?

Алк. Конечно, есть.

Сокр. Каковы сапожники, плотники, ваятели и множество другихъ, которыхъ, нужно ли и называть порознь?
C. Ну они и подѣлили между собою ремесло по частямъ, и всѣ они—ремесленники, но не всѣ плотники, не всѣ—сапожники, не всѣ—ваятели, а всѣ они—ремесленники.

Алк. Разумѣется.

Сокр. Ну вотъ такъ же раздѣлено и безсмысліе, и тѣхъ, кто имѣетъ большую его часть, мы называемъ сумасшедшими, а тѣхъ, у кого поменьше,—слабоумными и пришибленными, а желающіе давать самыя благовидныя имена, то называютъ ихъ фантазерами [5]), то простодушными, а то безобидными, или наивными, или безотвѣтными.
D. Если поищешь, то найдешь и много другихъ названій. И все это есть безсмысліе, но съ различіемъ, какъ и то, что мы нашли между художествомъ и художествомъ, между болѣзнью и болѣзнью. Или какъ тебѣ кажется?

---

[4]) Оборотъ рѣчи *σύν τε δύο σκεπτομένω* взятъ изъ Иліады X, 224—*σύν τε δύ' ἐρχομενω*.

[5]) Буквально *великодушными—μεγαλοψύχους*. По русски такой евфемизмъ для обозначеніе глупцовъ вообще не употребителенъ.

Алк. По моему—такъ.

Сокр. Ну такъ отсюда вернемся опять назадъ. Вѣдь уже въ началѣ разсужденія задача наша была въ томъ, чтобы разсмотрѣть, кто такое собственно несмыслящіе и смыслящіе. Ибо мы согласились, что такіе бываютъ. Или нѣтъ?

Алк. Да, согласились.

Сокр. Такъ не полагаешь ли ты, что смыслящіе тѣ, E.
которые знаютъ, что нужно дѣлать и говорить?

Алк. Да.

Сокр. Которые же несмыслящіе? Вѣдь тѣ, что не знаютъ ни того, ни другого?

Алк. Именно они.

Сокр. А не зная ни того, ни другого, они вѣдь сами не замѣчаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ то, чего не должно?

Алк. Это явно.

Сокр. Такъ изъ этихъ-то людей, Алкивіадъ, былъ, го- 141.
ворилъ я, и Эдипъ. Найдешь нынѣшнихъ многихъ, и не возбужденныхъ гнѣвомъ, какъ тотъ, и думающихъ, что просятъ себѣ не золъ, а благъ. Тотъ вѣдь какъ не просилъ блага, такъ и не думалъ, что просилъ; а есть и такіе иные, съ кѣмъ случается обратное. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что ты первый, еслибъ явился тебѣ тотъ богъ, къ которому ты идешь и прежде, чѣмъ ты о чемъ нибудь помолился, спросилъ, довольно ли съ тебя стать властителемъ надъ Аѳинами; и если-бы ты почелъ это плохимъ, и не важнымъ,—приба- B.
вилъ: и надъ всѣми Эллинами; а видя, что тебѣ будетъ и этого мало, если не предоставитъ тебѣ всей Европы, предоставилъ бы не только это, но и то, чтобы сегодня же по твоей волѣ всѣ люди почувствовали, что Алкивіадъ, сынъ Клинія, есть властелинъ, — тогда то, я думаю, ты отошелъ бы отъ него чрезвычайно обрадованный, какъ будто пріобрѣлъ величайшія блага.

Алк. Я думаю, Сократъ, и всякій другой также, еслибы съ нимъ случилось такое.

Сокр. Но въ обмѣнъ за жизнь-то свою [6]), ты не захотѣлъ C.
бы пріобрѣсти области всѣхъ Эллиновъ и варваровъ и господства надъ ними?

Алк. Ну, обмѣна-то такого, полагаю, не захотѣлъ бы. Да

---

[6]) Букв. *за душу то свою—ἀντί γε τῆς σῆς ψυχῆς*.

и какъ захотѣть, когда не пришлось бы нисколько этимъ воспользоваться?

Сокр. Ну а если приходилось бы пользоваться злымъ и вреднымъ образомъ? И тутъ не захотѣлъ бы?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Вотъ видишь, какъ небезопасно и принимать
это наобумъ, если даютъ, и самому вымаливать, — когда
D. можно повредить себѣ такимъ образомъ, а то и вовсе ли-
шиться жизни. Вѣдь обо многихъ можно бы разсказать,
которые желали тираннической власти и старались добыть
ее, какъ будто добраго дѣла, а черезъ эту самую власть
вызвали противъ себя заговоръ и потеряли жизнь. Слышалъ
ты, полагаю вчерашнія и позавчерашнія происшествія [7])
что наложникъ македонскаго тиранна Архелая, любившій
власть не меньше, чѣмъ тотъ наложника, — убилъ своего
E. любовника, чтобы быть властелиномъ и человѣкомъ блажен-
нымъ, но послѣ того какъ онъ продержалъ власть три или
четыре дня, другіе нѣкоторые, сговорившись, покончили съ
нимъ.

Смотри и между нашими гражданами, — это ужь мы не
отъ другихъ слыхали, а сами знаемъ, какъ свидѣтели, — тѣ,
которые желали военачальствованія и уже получили его, —
142. иные изъ нихъ и теперь еще въ изгнаніи изъ этаго города,
а иные и жизнь скончали; а и тѣ, что всего лучше, каза-
лось бы, устроились, и они, пройдя черезъ много опасно-
стей и страховъ не только во время своего командованія,
но и по возвращеніи домой, осаждаемые доносчиками, ни
чуть не меньшую выдерживали осаду, чѣмъ отъ непріятелей,
такъ что иные изъ нихъ желали бы скорѣе оставаться безъ
B. военачальствованія, нежели военачальствовать. Еслибы еще
опасности и труды приносили пользу, то былъ бы въ нихъ
какой нибудь смыслъ: а то совсѣмъ наоборотъ. Тоже самое
найдешь ты и относительно дѣтей: молились иные, чтобы
родились у нихъ дѣти, а какъ родились, такъ (родители)
подвергались величайшимъ несчастіямъ и огорченіямъ. По-
тому что одни, у которыхъ дѣти до конца были негодными,

7) *Χθιζά τε καὶ πρωϊζά* — гомерическое выраженіе (Ил. II, 303). — Упоминаніе о смерти македонскаго царя Архелая въ бесѣдѣ Сократа съ начинающимъ свое поприще Алкивіадомъ есть анахронизмъ, ибо Архелай былъ убитъ въ 399 г. — въ годъ смерти Сократа и послѣ смерти Алкивіада. Такіе и еще большіе анахронизмы встрѣчаются и въ безспорныхъ діалогахъ Платона, напр., въ *Пиршествѣ*.

всю жизнь проводили въ скорбяхъ; а другіе, у которыхъ
они вышли удачными, но были отняты несчастными слу- C.
чаями, — и эти не меньше тѣхъ подверглись бѣдствію и
хотѣли бы, чтобы ихъ дѣти лучше вовсе не рождались. И
однако, хотя такимъ образомъ все это и многое другое по-
добное вполнѣ ясно, — рѣдко найти, чтобы кто нибудь или
отъ даруемаго удержался, или имѣя получить черезъ молитву,
пересталъ молиться. Большинство не отказалось бы ни отъ
тиранніи, если бы она давалась въ руки, ни отъ военa-
чальствованія, ни отъ многаго другого, что, когда оно есть, D.
болѣе вредитъ, чѣмъ пользуетъ, но и молились бы, — когда
этаго нѣтъ, — чтобы оно сталось. Немного же спустя за-
тягиваютъ иногда палинодію, отмаливаясь отъ того, о чемъ
прежде молили. Я вотъ и недоумѣваю, не по напрасну-ли
въ самомъ дѣлѣ люди обвиняютъ боговъ, говоря будто отъ
нихъ имъ бываетъ зло; сами же они своимъ — сказать-ли —
дерзновеніемъ, или безразсудствомъ — *сверхъ рока бѣду добываютъ* [8]).

Такъ значитъ, Алкивіадъ, уменъ былъ тотъ поэтъ, который, имѣя дѣло съ несмыслящими какими то, я думаю, друзьями и видя, что они и дѣйствія свои и молитвы обращаютъ на то, что не было лучшимъ, а только принималось ими за лучшее, сочинилъ для нихъ всѣхъ сообща одну молитву; а именно онъ говоритъ такъ:

Все благое, Царь Зевсъ, — мы молимъ о томъ, иль не молимъ, — 143.
Дай; а зло отврати, хотя-бъ мы его и просили [9]).

Мнѣ кажется что это сказалъ поэтъ прекрасно и неопровержимо; ты же, если имѣешь что въ умѣ противъ этого, — не умолчи.

Алк. Трудно, Сократъ, противорѣчить прекрасно
сказанному. Это ужь я теперь понимаю, какихъ большихъ
золъ причиною бываетъ для людей невѣдѣніе, когда бла-
годаря ему мы, какъ оказывается, сами того не замѣчая, B.

8) *ὑπὲρ μόρον ἄλγε' ἔχουσι*. Здѣсь авторъ діалога приводитъ съ легкими видоизмѣненіями и съ вставкою своихъ словъ — слѣдующіе три стиха изъ Одиссеи (I, 32—34).

Смертные нынѣ, — увы! — сколь тяжко боговъ обвиняютъ.
Всякое зло, говорятъ, отъ насъ бываетъ; — а сами
Лишь дерзновеньемъ своимъ сверхъ рока бѣду добываютъ!

9) Стихи неизвѣстнаго автора, находящіеся (съ нѣкоторыми варіантами) въ древнѣйшихъ сборникахъ анѳологіи.

и дѣлаемъ, и что всего хуже, вымаливаемъ себѣ самое дурное; чего никто бы и не подумалъ, но всякій, казалось бы, способенъ для себя самого молиться о наилучшемъ, а не о наихудшемъ: вѣдь послѣднее въ самомъ дѣлѣ было бы болѣе похоже на проклятіе, чѣмъ на молитву.

Сокр. Но можетъ быть, почтеннѣйшій, найдется человѣкъ, мудрѣе насъ съ тобой, который скажетъ, что мы не-
C. правильно говоримъ, порицая такъ наобумъ невѣдѣніе, если не прибавимъ, что невѣдѣніе объ иныхъ вещахъ и для иныхъ людей и въ иныхъ отношеніяхъ,—добро, какъ для другихъ—зло.

Алк. Какъ это ты говоришь? Развѣ есть хоть какое нибудь дѣло, которое для кого бы то ни было и въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ лучше было бы не знать, чѣмъ знать?

Сокр. Мнѣ кажется; а тебѣ нѣтъ?

Алк. Нѣтъ, ей-богу!

Сокр. Но вѣдь и этаго я отъ тебя не услышу, чтобы ты хотѣлъ сдѣлать съ своею матерью то, что, говорятъ, сдѣлалъ Орестъ съ своею, и Алкмеонъ, и если были еще
D. другіе, дѣлавшіе такія дѣла.

Алк. Говори лучше, ради бога, Сократъ!

Сокр. Не тому долженъ ты это сказать, Алкивіадъ, кто говоритъ, что ты не хотѣлъ бы этого совершить, а скорѣе тому, кто сказалъ бы противуположное, если тебѣ въ такой мѣрѣ страшнымъ кажется это дѣло, что даже и говорить о немъ не слѣдуетъ по пустому. Думаешь-ли ты, что Орестъ, еслибы онъ былъ уменъ и зналъ, что ему лучше дѣлать, дерзнулъ бы совершить что нибудь подобное?

E. **Алк**. Конечно, нѣтъ.

Сокр. И никто другой, я думаю?

Алк. Нѣтъ, разумѣется.

Сокр. Такъ, оказывается, что незнаніе наилучшаго и не знать наилучшее есть зло[10].

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Зло этому человѣку и всѣмъ инымъ, не такъ ли?

Алк. Полагаю.

[10] Такое, слишкомъ голое, тождесловіе объясняется по всей вѣроятности ошибкою въ спискахъ. Утверждать, какъ дѣлаетъ Штальбаумъ, что scriptor ipse videtur haec adjecisse, ut sententia majore verborum ambitu exsplendesceret—можно было бы только *доказавши* сперва что этотъ scriptor—какой нибудь совсѣмъ плохой писака.

Сокр. Засимъ обдумаемъ еще и вотъ что. Еслибы ты сейчасъ вдругъ вздумалъ,—полагая, что это всего лучше, —взявъ кинжалъ, пойти къ дверямъ Перикла, твоего опекуна и друга, и спросить, дома ли онъ, въ намѣреніи убить 144.
именно его, а никого другого,—а тѣ[11]) сказали бы, что онъ дома.. Я, разумѣется, не говорю, что ты захочешь сдѣлать что нибудь такое; но я разумѣю, еслибы ты счелъ это нужнымъ,—вѣдь ничто не мѣшаетъ незнающему наилучшаго прити иной разъ и къ такому мнѣнію, чтобы считать самое худшее за самое лучшее,—или тебѣ не кажется?

Алк. Совершенно такъ.

Сокр. Ну такъ если бы ты вошелъ внутрь и видя его B.
самого, не узналъ бы его и подумалъ бы, что это кто нибудь другой,—рѣшился ли бы ты все таки его убить?

Алк. Нѣтъ, не думаю, ей богу![12]).

Сокр. Потому что вѣдь не всякаго встрѣчнаго (имѣлъ ты въ этомъ намѣреніи), а именно того кого хотѣлъ,—не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ значитъ, если бы ты и много разъ предпринималъ, но всегда, какъ только доходило бы до исполненія, ты не узнавалъ бы Перикла, то никогда и не напалъ бы на него.

Алк. Конечно.

Сокр. Ну а думаешь ли ты, что Орестъ напалъ бы когда нибудь на свою мать, если бы такимъ же образомъ не узналъ ея?

Алк. Не думаю.

Сокр. Потому что вѣдь и онъ не всякую встрѣчную C.
женщину и не чью бы то ни было мать замышлялъ убить, а свою собственную.

Алк. Вѣрно.

Сокр. Итакъ не знать въ такихъ случаяхъ — лучше для людей такимъ образомъ расположенныхъ и имѣющихъ такія мнѣнія.

[11]) То есть слуги, или другія лица, встрѣченныя въ дверяхъ Периклова дома.

[12]) Здѣсь Штальбаумъ и безпрекословно слѣдующій за нимъ Карповъ видятъ помимо грубости примѣра, логическую несообразность съ предъидущимъ и увѣряютъ, что авторъ діалога, „потерялъ нить мысли". Ясно только, что оба почтенные ученые этой нити не уловили. Авторъ же діалога вовсе ея не терялъ, а лишь немного растянулъ. Ниже въ нашемъ „разсужденіи" она будетъ стянута.

Алк. Кажется, что такъ.

Сокр. Такъ видишь, что незнаніе нѣкоторыхъ вещей и для нѣкоторыхъ лицъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть благо, а не зло, какъ тебѣ только что казалось.

Алк. Видимо такъ.

D. **Сокр.** Если хочешь теперь обдумать еще слѣдующее,
то оно можетъ быть покажется тебѣ нелѣпымъ.

Алк. Что же собственно, Сократъ?

Сокр. Да что выходитъ, такъ сказать, что пріобрѣтеніе другихъ знаній если кто ихъ пріобрѣтетъ безъ знанія наилучшаго, рѣдко приноситъ пользу, большею же частію вредитъ тому, кто ихъ имѣетъ. Подумай о томъ: не кажется-ли тебѣ необходимымъ, что, собираясь что нибудь дѣлать или говорить, мы сперва должны или думать, что знаемъ или въ самомъ дѣлѣ знать то, что мы рѣшаемся
E. говорить, или дѣлать.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ вотъ и публичные ораторы или зная, что посовѣтовать, или думая что знаютъ, каждый разъ совѣтуютъ намъ—одни о войнѣ и мирѣ, другіе о сооруженіи
145. стѣнъ или устройствѣ гаваней; однимъ словомъ, что бы
ни дѣлалъ городъ относительно ли другого города или относительно себя,—все дѣлается по совѣту ораторовъ.

Алк. Правду говоришь.

Сокр. Смотри теперь и слѣдующее, если только осилю. Вѣдь ты называешь однихъ разумными, а другихъ неразумными [13])?

Алк. Называю.

Сокр. И большинство то вѣдь—неразумными, а немногихъ—разумными.

Алк. Такъ.

Сокр. И вѣдь смотря на что нибудь называешь ты такъ и тѣхъ и другихъ?

Алк. Да.

B. **Сокр.** Того что ли называешь ты разумнымъ, кто
умѣетъ совѣтовать безъ того, чтобы знать, что изъ двухъ и когда лучше?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. И не того, думаю, кто воевать то умѣетъ, но

---

[13]) φρονίμους τε καὶ ἄφρονας (какъ и 138 D—139 D, 140 E). Варьирую переводъ синонимами.

безъ знанія того, когда лучше и сколько времени лучше; вѣдь такъ?

Алк. Да.

Сокр. Также и не того назовешь ты разумнымъ, кто умѣетъ кого нибудь убить, или лишить денегъ, или довести до изгнанія изъ отечества—все это безъ того, чтобы знать, когда это лучше и кого лучше?

Алк. Опять таки нѣтъ.

Сокр. А тотъ значитъ (признается тобою за разумнаго), C.
кто умѣетъ что нибудь изъ этого, если при томъ сопутствуетъ знаніе наилучшаго,—а оно вѣдь было тоже самое, что и знаніе полезнаго; такъ вѣдь?

Алк. Да.

Сокр. Его то мы и назовемъ разумнымъ человѣкомъ и потребнымъ совѣтникомъ и для города и для себя самого; а кто не таковъ, тому дадимъ противуположныя названія. Или тебѣ какъ кажется?

Алк. По моему именно такъ.

Сокр. Ну а если кто умѣетъ ѣздить верхомъ, или стрѣлять изъ лука, или вотъ биться на кулакахъ или бороть-
ся, или что нибудь изъ другого упражненія, или иное что D.
изъ того, чему научаемся чрезъ искусство, какъ называешь того, кто знаетъ лучшее сообразно искусству? По части верховой ѣзды—ѣздокомъ, не правда-ли?

Алк. Да.

Сокр. А того, полагаю, кто по части кулачнаго боя—бойцомъ, а по части игры на флейтѣ,—флейтистомъ, и прочее, конечно, подобно этому. Или какъ иначе?

Алк. Нѣтъ, именно такъ.

Сокр. Ну, а кажется ли тебѣ, что знатокъ подобныхъ вещей есть по необходимости человѣкъ разумный? Или скажемъ, что до этого далеко?

Алк. Далеко, ей-богу! E.

Сокр. И каково же, думаешь, было бы государство, состоящее изъ хорошихъ стрѣлковъ и флейтистовъ, да еще атлетовъ и другихъ искусниковъ, а къ нимъ бы примѣшались тѣ, о комъ мы только что сказали,—знающіе самое дѣло войны и самое дѣло убійства, къ тому же еще риторы, выдувающіе политическіе пузыри,—и всѣ они безъ
вѣдѣнія о наилучшемъ и безъ человѣка, знающаго, когда 146.
и относительно кого лучше пользоваться каждымъ изъ этихъ мастеровъ?

Алк. Скверное, думаю, было бы это государство, Сократъ!

Сокр. Особливо, думаю, сказалъ бы ты это, когда увидѣлъ бы, какъ каждый изъ нихъ соревнуетъ съ другимъ въ честолюбіи и почитаетъ собственное занятіе за главное дѣло въ государствѣ, *да самъ себя самого достигнетъ, будучи превосходнѣйшимъ*[14]),—говорю про наилучшее относительно искусства, — а то, что есть наилучшее для города и для него самого, онъ большею частью пропускаетъ мимо, потому, думаю, что довѣрился мнѣнію безъ
B. ума[15]). Когда же дѣло находится въ такомъ положеніи, не правильно ли бы мы сказали, говоря, что такое государство полно многой смуты и беззаконія?

Алк. Конечно, правильно, ей-богу!

Сокр. Вѣдь не казалось ли намъ необходимо, что мы должны сперва считать себя знающими, или и въ самомъ дѣлѣ знать то, что мы рѣшаемся дѣлать, или говорить?

Алк. Казалось.

Сокр. А также, что если кто дѣлаетъ то, что знаетъ,
C. или считаетъ себя знающимъ, и привходитъ понятіе полезнаго, то выгодно будетъ и городу и ему самому?

Алк. Какъ же нѣтъ?

Сокр. А въ противномъ случаѣ, думаю,—ни городу ни ему самому?

Алк. Конечно.

Сокр. Что же? Теперь тебѣ такъ же кажется или какъ нибудь иначе?

Алк. Нѣтъ, также.

Сокр. А не говорилъ ли ты, что большинство называешь неразумными, немногихъ же разумными?

Алк. Говорилъ.

Сокр. А не говоримъ ли мы опять, что большинство дѣлаетъ промахи относительно наилучшаго, такъ какъ, полагаю, оно большею частью безъ ума довѣряетъ мнѣнію?

---

14) Стихъ изъ трагедіи, приводимый Платономъ также въ діалогѣ *Горгій*.

15) *ἄνευ νοῦ δόξῃ*—противуположеніе *мнѣнія уму* какъ началу истиннаго познанія характеризуетъ гнозеологію Платона въ зрѣлую эпоху его философской дѣятельности. Но здѣсь эти термины принимаются въ своемъ общемъ значеніи безъ всякаго отношенія къ вопросу гнозеологическому, а потому ихъ присутствіе не можетъ считаться доказательствомъ поздняго происхожденія этого діалога.

Алк. Говоримъ, конечно. D.

Сокр. Значитъ выгодно для множества людей и не знать ничего и не думать, что знаютъ, такъ какъ они были бы болѣе склонны дѣлать то, что знали бы, или что воображали бы знать, а дѣлая это, приносили бы болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Алк. Самую истину говоришь ты.

Сокр. Такъ видишь, когда я сказалъ, что обладаніе другими знаніями, если кто обладаетъ ими безъ познанія E.
о наилучшемъ, рѣдко бываетъ на пользу, большею же частью вредитъ имѣющему такія знанія,—не оказалось ли, что я говорилъ въ самомъ дѣлѣ правильно?

Алк. Если тогда мнѣ и не казалось, то теперь кажется, Сократъ.

Сокр. Значитъ и городъ, и душа, желающая жить правильно, должны держаться этого знанія безхитростно, какъ больной врача, или какъ желающій вѣрно плыть— какого нибудь кормчаго, потому что безъ этого знанія чѣмъ 147.
сильнѣе поддуваетъ вѣтеръ удачи, — въ пріобрѣтеніи ли денегъ, въ укрѣпленіи ли тѣла, или въ чемъ либо другомъ изъ такихъ вещей, тѣмъ больше, какъ видно, промаховъ происходитъ отсюда по необходимости. Кто, въ самомъ дѣлѣ, обладаетъ такъ называемою многоученостью[16]) и многохудожествомъ, а въ томъ (главномъ) знаніи оказывается сиротою, тотъ увлекаемый каждою изъ прочихъ спеціальностей[17]) не справедливо ли въ самомъ дѣлѣ подвергается многой непогодѣ, и какъ бы остающійся въ морѣ B.
безъ кормчаго, не долгое время протянетъ свою жизнь? Такъ что и сюда, мнѣ кажется подойдетъ слово поэта, который порицая кого то, говоритъ, что много вещей онъ узналъ, но дурно все это узналъ онъ[18]).

Алк. Да въ чемъ же, Сократъ подходитъ здѣсь изреченіе поэта? Мнѣ кажется, что онъ сказалъ это совсѣмъ не къ дѣлу.

Сокр. И очень къ дѣлу; но и онъ, мой милый, говоритъ загадками, какъ и другіе поэты—почти всѣ. Ибо по

---

16) Вѣроятно имѣется вь виду изреченіе Гераклита *πολυμαθία νοῦν οὐ διδάσκει*—многоученость уму не научаетъ.

17) *ἀγόμενος δε ὑπό μιᾶς ἑκάστης τῶν ἄλλων*—слово „спеціальность", хотя и непріятное при переводѣ древняго автора, всего прямѣе и яснѣе передаетъ здѣсь смыслъ текста.

18) Стихъ изъ приписываемой Гомеру поэмы Маргитъ.

природѣ своей вся поэзія загадочна, и не перваго встрѣч-
C. наго дѣло ее растолковывать; а когда еще при такой ея
природѣ овладѣетъ она человѣкомъ завистливымъ и жела-
ющимъ не показывать, а всего болѣе скрывать свою муд-
рость, чрезвычайно труднымъ дѣломъ оказывается понять,
что собственно разумѣетъ каждый изъ этихъ поэтовъ. Вѣдь
не думаешь же ты, что Гомеру, божественнѣйшему и муд-
рѣйшему поэту, было неизвѣстно, что *знать* нельзя дур-
D. но [19]); вѣдь это онъ говоритъ про Маргита, что тотъ много
зналъ, но дурно все зналъ. Но онъ говоритъ, я думаю,
загадочно, вводя „дурно" вмѣсто „дурное", и „зналъ" вмѣсто
„знать"; такое сочетаніе словъ выходитъ вонъ изъ метра,
но заключаетъ въ себѣ то самое, что онъ хочетъ сказать,
а именно, что тотъ зналъ много вещей, но что къ худу
было для него знать все это [20]). А тутъ уже ясно, что
когда для него было худо знать много, то плохой онъ былъ
человѣкъ, — если только должно вѣрить нашимъ прежнимъ
словамъ.

E. **Алк.** Но я такъ и полагаю, Сократъ. А то съ тру-
домъ бы я повѣрилъ другимъ какимъ нибудь словамъ, если
не вѣрить этимъ.

Сокр. И правильно полагаешь.

Алк. И опять таки я полагаю, что такъ [21]).

Сокр. Но смотри, ради Зевса! Вѣдь ты видишь, ко-
нечно, въ чемъ тутъ недоумѣніе, и какое оно большое;
кажется мнѣ, что и ты принялъ въ немъ участіе. Пере-
кидываясь вверхъ и внизъ, ты совсѣмъ ни на чемъ не
останавливаешься, и то, что тебѣ всего болѣе казалось
вѣрнымъ, и отъ того ты отказываешься, и оно уже не
148. кажется тебѣ такимъ. Значитъ, если-бы еще и теперь тотъ
богъ, къ которому ты идешь, явившись тебѣ, спросилъ,
прежде чѣмъ тебѣ молить о чемъ либо, удовлетворитъ-ли
тебя исполненіе чего нибудь изъ того, о чемъ говорено

---

[19]) Греческое *ἐπίσταμαι, ἐπιστήμη* имѣетъ, особенно въ философскомъ словоупотребленіи, опредѣленный смыслъ *достигнутаго* знанія, которое, очевидно, можетъ имѣться, или не имѣться на лицо, но не можетъ быть дурнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы говоримъ о плохомъ знаніи, грекъ не употребилъ бы слова *ἐπιστήμη*.

[20]) Т. е. что для него это было дѣло *дурное*.

[21]) *Πάλιν αὖ μοι δοκεῖ* — эти слова, совершенно ненужныя для разсужденія, соотвѣтствуютъ, кажется, характеру капризнаго и балованнаго ребенка, который иногда долженъ проявляться въ геніальномъ Алкивіадѣ.

въ началѣ, или самому тебѣ предоставилъ предметъ мо-
литвы, что же бы ты думалъ принять изъ даруемаго имъ
или по собственному почину вымолить, чтобы воспользо-
ваться случаемъ?

Алк. Но, ей богу, мнѣ нечего тебѣ такъ съ разу ска-
зать, Сократъ; но мнѣ кажется — это было бы глупо [22]),
и нужна по истинѣ большая осторожность, чтобы не вымо- B.
лилъ себѣ кто нечаянно золъ, думая о благахъ и не приш-
лось бы ему потомъ черезъ немного времени, какъ и ты
говорилъ, затягивать палинодію, отмаливаясь, отъ того,
что сперва вымолилъ.

Сокр. Такъ не былъ ли болѣе насъ знающимъ тотъ
поэтъ, котораго мы и въ началѣ рѣчи помянули, когда онъ
просилъ (бога) отвращать бѣдствія и отъ тѣхъ, кто ихъ
выпрашиваетъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Вотъ и Лакедемоняне, Алкивіадъ, соревнуя ли
съ этимъ поэтомъ, или и сами такъ надумавши, и част- C.
нымъ образомъ, и публично, всегда молятся подобною же
молитвою, прося боговъ придать имъ самимъ *къ доброму
прекрасное*; больше же этого никто не слыхалъ, чтобы они
молились. Поэтому то они до настоящаго времени никому
не уступаютъ въ счастьи. А если и случалось съ ними,
что не все бывало благополучно, то это не черезъ ихъ
молитву: отъ боговъ, вѣдь, думаю, зависитъ дать и то, о
чемъ кто нибудь проситъ, и противуположное этому. Хочу D.
же разсказать тебѣ и кое-что другое, что слыхалъ отъ
стариковъ. Когда у Аѳинянъ и Лакедемонянъ произошла
распря, приключались нашему городу всегда неудачи и на
землѣ и на морѣ, какъ только дѣло доходило до битвы,
и никогда мы не могли одолѣть. Досадуя на это и недо-
умѣвая, какой бы способъ найти для отвращенія насто- E.
ящихъ золъ, Аѳиняне, посовѣтовавшись между собою, при-
знали за самое лучшее послать къ Аммону и спросить его
объ этомъ, а еще и о томъ, почему боги даютъ побѣду
Лакедемонянамъ болѣе, чѣмъ, намъ, Аѳинянамъ, тогда какъ
мы, говорили они, изо всѣхъ Эллиновъ приносимъ самыя
многочисленныя и прекрасныя жертвы, украсили святилища
обильными дарами, какъ никто другой, каждый годъ отправ-

---

[22]) Т. е. было бы глупо *съ разу* что нибудь принять, или чего нибудь просить.

ляли къ богамъ драгоцѣннѣйшія и благоговѣйнѣйшія по-
149. минки[23]) и вносили денегъ больше, чѣмъ всѣ прочіе Эллины вмѣстѣ. Лакедемоняне же, говорили они, никогда не заботились ни о чемъ такомъ, но такъ небрежно относятся они къ богамъ, что даже увѣчныхъ животныхъ закалаютъ каждый разъ въ жертву, и во всемъ прочемъ гораздо скуднѣе чтутъ боговъ, чѣмъ мы, хотя денегъ имѣютъ нисколько не меньше нашего города. Когда они это сказали и спросили, что имъ нужно дѣлать, чтобы найти
B. избавленіе отъ настоящихъ золъ, ничего другого не отвѣтилъ пророкъ, — ясно что богъ не дозволялъ, — но воззвавши сказалъ онъ: „Аѳинянамъ такъ говоритъ Аммонъ: благорѣчіе Лакедемонянъ, говоритъ, вмѣняетъ онъ въ большее, чѣмъ всѣ жертвоприношенія Эллиновъ“. Столько сказалъ онъ, ничего дальше. А подъ „благорѣчіемъ“, кажется ничего другого не разумѣлъ богъ, какъ ту ихъ молитву: она вѣдь и въ самомъ дѣлѣ весьма отличается отъ другихъ.
C. Ибо прочіе Эллины, одни — выставляя золоторогихъ быковъ, другіе — одаряя боговъ вкладами, молятъ о чемъ случится, будь оно добро, будь оно зло. Такъ что боги, слыша ихъ дурныя молитвы, не принимаютъ эти великолѣпныя присылки и жертвы. Нѣтъ! большая, мнѣ кажется, нужна осторожность и осмотрительность, — что когда говорить и чего нѣтъ. Найдешь ты и у Гомера другія близкія къ этимъ слова. Именно онъ говоритъ, что Трояне, ставши станомъ,

D. Полныя тутъ гекатомбы безсмертнымъ богамъ совершили,
И вѣтры съ поля несли запахъ въ небо
Сладостный но изъ него безсмертные части не взяли,
Не восхотѣли: весьма омерзѣлъ Иліонъ имъ священный,
Омерзѣлъ и Пріамъ и народъ копьеносца Пріама[24]).

E. Такъ что не для чего имъ было, омерзѣвши богамъ, приносить жертвы и дары понапрасну. Ибо нѣтъ того, я думаю, у боговъ, чтобы они побуждались къ перемѣнамъ дарами, подобно злому лихоимцу; но и мы говоримъ глупое слово, считая себя превосходящими Лакедемонянъ въ такихъ вещахъ. Да и страшно вѣдь было бы, еслибы на
150. дары наши и жертвы смотрѣли боги, а не на душу, —

[23]) Обрядовыя посольства съ дарами въ различныя знаменитыя святилища.

[24]) Эти стихи, не сохранившіеся въ спискахъ Иліады, вставлены теперь изъ нашего діалога въ Il. VIII, 548.

благочестивъ ли кто и праведенъ. На это, полагаю, смотрятъ они гораздо больше, чѣмъ на тѣ драгоцѣнныя присылки и жертвоприношенія, которыя ничто не мѣшаетъ ежегодно совершать и такому — частному-ли лицу, или городу, — который много погрѣшилъ противъ боговъ и много противъ людей. Они же, не будучи мздоимцами, презираютъ все это, какъ говоритъ богъ и пророкъ божій. Вѣдь и у боговъ, и у людей, имѣющихъ умъ, особенно почитаются справедливость и разсудительность. А разсудительны и B.
справедливы одни знающіе, что должно дѣлать и говорить и относительно боговъ и относительно людей. Желалъ бы я и отъ тебя услыхать, что ты имѣешь въ умѣ насчетъ этого.

Алк. Но мнѣ-то, Сократъ, не иначе это представляется, чѣмъ тебѣ и богу; да и не подобало-бы мнѣ голосовать противъ бога.

Сокр. А не помнишь-ли, какъ ты говорилъ, что находишься въ большомъ недоумѣніи, какъ бы не вымолить себѣ нечаянно золъ, думая, что они — благо? C.

Алк. Помню.

Сокр. Такъ видишь, что не безопасно тебѣ идти къ богу съ молитвою, чтобы не случилось такъ, что услыша тебя худо молящагося, онъ совсѣмъ не приметъ этой жертвы, да еще пожалуй попадетъ тебѣ и что нибудь другое. Такъ мнѣ и кажется, что самое лучшее — пребывать въ безмолвіи; потому что воспользоваться молитвою Лакедемонянъ ты, я думаю, не захочешь по высокомѣрію — это вѣдь самое прекрасное изъ именъ для неразумія; — значитъ необходимо ждать, пока кто не научится, какъ должно D.
относиться къ богамъ и людямъ.

Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ? И кто будетъ наставникъ? Ужь очень пріятно мнѣ было-бы, кажется, видѣть этого человѣка, кто онъ такой.

Сокр. Тотъ онъ, кому о тебѣ забота. Но кажется мнѣ, подобно тому какъ говоритъ Гомеръ, что Аѳина сняла Діомеду мглу съ глазъ,

Дабы онъ зналъ хорошо и бога и смертнаго мужа,[25])
такъ и тебѣ должно сперва снять съ души мглу, которая E.
теперь ее покрываетъ, а потомъ уже предложить то, по-

[25]) Homeri Il V, 127.

средствомъ чего ты имѣешь познать, что̀ зло и что̀ добро, такъ какъ теперь, мнѣ кажется, ты еще не въ силахъ.

Алк. Пускай снимаетъ, если хочетъ, мглу, или что другое; такъ какъ я готовъ ничего не избѣгать изъ предписаннаго имъ, кто бы ни былъ тотъ человѣкъ, лишь бы мнѣ сдѣлаться лучшимъ.

151. **Сокр.** Да и онъ удивительно какую имѣетъ къ тебѣ склонность.

Алк. Ну такъ и жертвоприношеніе всего лучше, мнѣ кажется, отложить на то время.

Сокр. Да и правильно тебѣ кажется: это вѣрнѣе, чѣмъ дерзновенно подвергаться такой опасности.

Алк. Но какъ же, Сократъ? Вотъ этотъ вѣнокъ, за то, что ты, кажется, прекрасно мнѣ посовѣтовалъ, возложу-ка я на тебя! Богамъ же и вѣнки, и все прочее, что
B. полагается, дадимъ когда я увижу, что приходитъ тотъ день. А придетъ онъ не черезъ долгое время, если они захотятъ.

Сокр. Принимаю я это, да и все другое, что бы ты ни далъ, съ удовольствіемъ бы увидѣлъ себя принимающимъ [26]). Какъ сдѣлалъ Креонъ у Еврипида [27]): видя Тирезія съ вѣнками и слыша, что онъ одержалъ первую побѣду надъ непріятелемъ чрезъ свое искусство, — „въ
C. добрый знакъ беру, сказалъ, побѣдные вѣнки твои: вѣдь въ бурѣ мы обрѣтаемся, какъ и знаешь ты“, — такъ и я это присужденіе твое почитаю предзнаменованіемъ. Вѣдь я, полагаю, нахожусь не въ меньшей бурѣ, чѣмъ Креонъ, и хотѣлъ бы стать побѣдителемъ надъ любящими тебя.

---

[26]) Выраженіе безъ сомнѣнія крайне изысканное, заставляющее думать объ искаженіи текста.

[27]) Eurip. Phoeniss. 865 sqq.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ВТОРОМЪ АЛКИВІАДѢ.

I.

Этотъ діалогъ со стороны своего достоинства и своей подлинности вызвалъ еще болѣе сильныя и болѣе единодушныя, но зато и болѣе справедливыя нападенія, нежели *Өеагъ*. Помимо (незамѣтныхъ въ переводѣ) неправильностей грамматическихъ, объяснимыхъ отчасти невѣрностью списковъ, слѣдуетъ указать на серьезные недостатки изложенія: неискусные, чисто-внѣшніе переходы отъ одного предмета рѣчи къ другому, а вмѣстѣ съ этимъ неестественныя, многословныя и безвкусныя фразы; затѣмъ поражаетъ какая-то разбросанность аргументаціи, отсутствіе въ ней яснаго единства и сосредоточенной силы. Хотя на ряду съ этимъ есть мѣста, которыя даже такой строгій критикъ, какъ Шлейермахеръ, признаетъ удачными подражаніями Платону, можно сказать вообще, что, въ противуположность *Өеагу* недостатки этого діалога со стороны изложенія не покрываются его достоинствами.

Замѣтимъ еще, что *Второй Алкивіадъ* не имѣетъ въ свою пользу тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ свидѣтельствъ, которыя говорятъ за подлинность двухъ предшествующихъ діалоговъ. Со стороны внѣшней нѣтъ у него единогласнаго мнѣнія древнихъ, ибо какъ сообщаетъ Аѳеней (X, 506) нѣкоторые приписывали это произведеніе Ксенофонту. Хотя это совсѣмъ не вѣроятно въ виду бросающейся въ глаза разницы въ стилѣ и манерѣ между достовѣрными твореніями этого писателя и нашимъ діалогомъ, но здѣсь важно, что уже древніе сомнѣвались въ его принадлежности Платону. Въ пользу нея и въ самомъ діалогѣ мы не находимъ такихъ указаній, какія нашли въ двухъ предъидущихъ (см. выше „Разсужденіе о *Өеагѣ*“ и „разсужденіе о *Первомъ Алкивіадѣ*“). И въ новѣйшей литературѣ единствен-

ный, кажется, авторитетный писатель, оставившій это произведеніе за Платономъ — Джорджъ Гротъ — можетъ въ защиту своего мнѣнія указать лишь на то, что отдѣльные доводы противниковъ не имѣютъ рѣшающаго значенія; такъ противъ аргумента, основаннаго на вопіющемъ анахронизмѣ съ македонскимъ царемъ Архелаемъ (см. выше), Гротъ справедливо указываетъ на еще болѣе вопіющій анахронизмъ въ *Пиршествѣ*, гдѣ разграбленіе Мантинеи, случившееся черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ смерти Сократа, упоминается въ его разговорѣ съ лицами еще ранѣе его умершими. Но когда Гротъ увѣряетъ, что отрицая подлинность *Второго Алкивіада*, логически необходимо отрицать и подлинность *Перваго*, такъ какъ здѣсь имѣютъ силу тѣже самыя основанія, то онъ очевидно ошибается. За подлинность *Перваго Алкивіада* говоритъ, помимо прочаго, указанное мною обстоятельство точнаго соотвѣтствія между тремя слоями мысли въ этомъ діалогѣ и тремя стадіями философскаго развитія несомнѣнно пройденными Платономъ (и никѣмъ другимъ изъ близкихъ къ нему философскихъ писателей). Изъ такого соотвѣтствія несомнѣнно, кажется, вытекаетъ, что то произведеніе написано Платономъ и притомъ въ три пріема—въ три различныя эпохи его жизни. Между тѣмъ во *Второмъ Алкивіадѣ* ничего подобнаго и вообще никакого внутренняго признака его принадлежности Платону не замѣчается. Поэтому подложность этого діалога, т. е. ошибочность мнѣнія о его принадлежности Платону, хотя и не доказана прямо и положительно, должна быть признана въ высочайшей степени вѣроятною, и этотъ діалогъ какъ твореніе Платона—въ высочайшей степени сомнительнымъ.

II.

Если принадлежность *Второго Алкивіада* Платону весьма сомнительна, то никакой нѣтъ вѣроятности и въ томъ, чтобы это произведеніе принадлежало Ксенофонту въ виду различія слога, или Антисѳену въ виду различія мысли,—въ мѣстахъ, относящихся къ благамъ жизни, Антисѳенъ не скрылъ бы характерной для него вражды ко всякому эвдемонизму (см. ниже). Слѣдуетъ ли признать болѣе вѣроятнымъ что этотъ діалогъ написанъ однимъ изъ прочихъ сократовцевъ, о которыхъ извѣстно, что они писали бесѣды съ именемъ Алкивіада, или что онъ есть произведеніе болѣе поздняго писателя, для рѣшенія этого во-

проса я сейчасъ укажу нѣкоторыя основанія въ содержаніи діалога, а подробное обсужденіе его съ точки зрѣнія особенностей языка предоставляю спеціалистамъ-филологамъ.

Право этого произведенія на опредѣленное мѣсто въ ряду сократическихъ діалоговъ я основываю не на его авторѣ и не на качествахъ изложенія, а на его содержаніи. Если-бы даже было доказано, что этотъ діалогъ не написанъ ни Платономъ, ни какимъ либо другимъ сократовцемъ, ни вообще кѣмъ либо изъ ихъ современниковъ, то все-таки онъ въ своемъ содержаніи выражаетъ образъ мыслей сократическій и остается для насъ однимъ изъ незамѣнимыхъ памятниковъ этого образа мыслей по опредѣленному предмету. Вѣдь разсужденіе о молитвѣ въ нашемъ діалогѣ представляетъ по содержанію болѣе подробное развитіе того мнѣнія, которое дѣйствительно высказывалъ Сократъ по свидѣтельству Ксенофонта въ первой книгѣ „Памятныхъ записокъ“: „и молился онъ къ богамъ, чтобы они просто давали благое (ἁπλῶς τἀγαθὰ διδόναι), такъ какъ боги прекраснѣйшимъ образомъ знаютъ, что́ есть благо въ каждомъ случаѣ; а вымаливающіе золота или серебра, или власти или другого чего изъ таковыхъ, нисколько не отличаются, полагалъ онъ, отъ тѣхъ, кто просилъ бы объ игрѣ въ кости, или о сраженіи, или о чемъ нибудь другомъ, чего исходъ явно неизвѣстенъ. Жертвы же кто приноситъ малыя отъ малаго (достатка), ничѣмъ, думалъ онъ, не уступаетъ приносящимъ многія и великія отъ многаго и большаго. Ибо и для боговъ, говорилъ онъ, было бы неладно, еслибы великимъ жертвамъ радовались они больше, чѣмъ малымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ приносимое дурными людьми часто оказывалось бы угоднѣе имъ, чѣмъ приносимое хорошими; да и людямъ не стоило бы жить, еслибы приношенія злыхъ были угоднѣе богамъ, чѣмъ приношенія добрыхъ; но онъ полагалъ, что боги наиболѣе радуются почитанію воздаваемому имъ со стороны благочестивѣйшихъ“. (Xenoph. Memor. кн. I, гл. III, 2, 3). Штальбаумъ, никогда не упоминающій о неизвѣстномъ авторѣ *Второго Алкивіада* безъ какого нибудь браннаго эпитета, признаетъ однако за его главною мыслію совершенно сократическій характеръ: „et materia quidem operis talis est, quam si praeclarus aliquis Socratis discipulus sibi tractandam sumserit, profecto nemo miretur“; и далѣе: „sed quanquam *principalis* haec libri *sententia prorsus socratica est*, tamen“ и т. д. А если никакой praeclarus Socratis discipulus не оставилъ намъ подобающаго разсужденія

на эту важную тему, то за нашимъ діалогомъ при всѣхъ его дѣйствительныхъ недостаткахъ во всякомъ случаѣ остается значеніе древнѣйшаго трактата о молитвѣ, обсуждающаго этотъ предметъ въ смыслѣ и по методу Сократа, хотя бы авторъ и былъ не прямымъ его ученикомъ и не очень искуснымъ діалектикомъ и писателемъ.

III.

Отрицательная оцѣнка нашего діалога со стороны новѣйшей *) критики не ограничивается однако справедливыми, хотя и преувеличенными нападками на изложеніе и языкъ. Допуская сократическій характеръ темы, эта критика находитъ въ ея развитіи отдѣльныя мысли, противорѣчащія смыслу сократова ученія. Главнымъ образомъ указываютъ на двѣ такія мысли: на то, что боги могутъ по произволу исполнять и не исполнять человѣческихъ прошеній, а также могутъ подъ вліяніемъ молитвъ исполнять дурныя и вредныя желанія людей; и затѣмъ на уже упомянутое причисленіе къ подлиннымъ благамъ такихъ вещей, какъ жизнь, здоровье, спокойствіе. Что касается до боговъ, то несомнѣнно признавая правящій міромъ Высшій Разумъ, Сократъ вовсе не отождествлялъ съ нимъ всѣ божества отечественной религіи, существованіе и силы которыхъ онъ однако допускалъ, хотя различные миѳы о нихъ и могъ относить къ вымысламъ народа и поэтовъ. Разбираться въ этихъ миѳахъ онъ отказывался, на основаніяхъ, конечно, сходныхъ съ тѣми, которыя влагаетъ въ его уста Платонъ въ началѣ *Ѳэдра*. Если Сократъ, сомнѣваясь въ достовѣрности Гомеровой и Гезіодовой миѳологіи вѣрилъ однако въ Эскулапа (см. *Ѳэдонъ*) и въ своего демона **), то онъ вѣрилъ конечно и въ другія божества, не выдуманныя, хотя разукрашенныя суевѣріемъ и поэзіей, какъ напримѣръ, въ Діониса, въ Арея, или въ Афродиту. А вѣря въ нихъ, могъ ли онъ однако приписы-

---

*) „Новѣйшей" въ смыслѣ весьма относительномъ—по сравненію съ древними. Я имѣю особенно въ виду труды ученыхъ первой половины XIX вѣка. Что же касается до критики новѣйшей въ строгомъ смыслѣ, или *самоновѣйшей*, то у нея совсѣмъ особыя задачи, и такими діалогами какъ Алкивіадъ, или Ѳеагъ, она вовсе не занимается, принимая на вѣру отрицательную оцѣнку прежнихъ критиковъ. О самоновѣйшихъ рѣшеніяхъ платоновскаго вопроса будетъ у насъ подробно говорено на своемъ мѣстѣ.

**) О демонѣ Сократа см. ниже, особенно въ разсужденіяхъ объ *Апологіи* и *Ѳеэтетѣ*.

вать ихъ дѣйствіямъ совершенную разумность и совершенную доброту? Опьяненіе, война, любовныя удовольствія — не были сами по себѣ зломъ для Сократа, но могли ли они выражать для него само добро? Ясно, что уже и для Сократа между человѣкомъ и Божествомъ какъ абсолютнымъ началомъ существовалъ, хотя и въ смутныхъ очертаніяхъ посредствующій міръ космическихъ и провиденціальныхъ силъ—боговъ и демоновъ, всегда могучихъ, но не всегда совершенныхъ по разуму и волѣ. Эта посредствующая область между чистымъ Божествомъ и смертными особенно интересовала греческую философію, какъ извѣстно, въ эпоху новоплатониковъ, но зародышъ такого пониманія народной религіи существовалъ, конечно, у Сократа, какъ и въ болѣе ранней философіи. И могъ ли онъ ручаться за постоянно должное отношеніе демоническихъ силъ къ человѣку? Для него какъ *вѣрующаго моралиста* по преимуществу тутъ важно было одно: чтобы *самъ человѣкъ должнымъ образомъ* относился къ этимъ силамъ, чтобы онъ не обращался къ нимъ съ безумными или недостойными требованіями. Важно, чтобы молитва человѣка была разумною и доброю, а исполнятъ, или не исполнятъ ее боги, или *какъ* исполнятъ, это уже касается ихъ и какъ независящее отъ воли человѣка не должно его и занимать. *Сократическому* діалогу о молитвѣ не слѣдуетъ быть ни теологическою ни метафизическою *теоріей* реально-духовнаго взаимоотношенія и взаимодѣйствія между низшими и высшими существами, а слѣдуетъ быть лишь этическимъ разъясненіемъ *должной* или *справедливой* молитвы. Такое разъясненіе, при всѣхъ недостаткахъ формы сократическое по существу, мы и находимъ во Второмъ Алкивіадѣ.

Что касается до несогласнаго съ ученіемъ Сократа эвдемонизма, который нѣкоторые критики указываютъ въ нашемъ діалогѣ, то въ этомъ указаніи во первыхъ видно невѣрное пониманіе критиками главнаго относящагося сюда мѣста (141 D — 142 B), которое берется ими въ догматическомъ и безотносительномъ смыслѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно представляетъ лишь argumentum ad hominem. Говоря о разныхъ властолюбцахъ и честолюбцахъ, которые всякими способами, между прочимъ и *молитвою къ богамъ* добиваются правительственной и военачальнической власти Сократъ становится на ихъ точку зрѣнія и показываетъ, что они не достигаютъ той цѣли, которую имѣли въ виду, именно своекорыстнаго и себялюбиваго житейскаго удовлетворенія, куда несомнѣнно

входятъ и физическая жизнь, и здоровье и душевное спокойствіе. Сократъ заключаетъ такъ: труды и опасности, которымъ подвергаются люди ищущіе власти и начальствованія, имѣли бы еще какой нибудь смыслъ (*εἶχεν ἄν τινα λόγον*), еслибы вели къ желанной пользѣ, но такъ какъ они къ ней не ведутъ, то ясно, что во всякомъ случаѣ и для этихъ людей безсмысленно стараться и молиться о внѣшнихъ успѣхахъ, при которыхъ обыкновенно теряется то, ради чего они для этихъ людей желательны; о безотносительной же цѣнности жизни, здоровья и спокойствія здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи. А во вторыхъ и главнымъ образомъ—по какому праву критика предполагаетъ у Сократа непремѣнно отрицательное отношеніе къ эвдемонизму и непризнаніе за благо такихъ вещей какъ жизнь, здоровье, покой? Онъ не признавалъ ихъ безусловнымъ, высшимъ, или окончательнымъ благомъ, но никакъ не отнималъ у нихъ всякаго значенія: подъ условіемъ исполненія нравственныхъ требованій все это есть благо, или желаемое, или нѣкоторая цѣль дѣятельности. Безусловнымъ отрицателемъ эвдемонизма былъ не Сократъ, а лишь одинѣ изъ сократовцевъ — Антисѳенъ. Но и прямой противникъ Антисѳена, Аристиппъ, родоначальникъ эвдемонизма какъ ученія былъ ученикомъ того же Сократа, и этотъ фактъ неопровержимо показываетъ, что самъ Сократъ не былъ ни эвдемонистомъ, ни антиэвдемонистомъ, что ни тотъ ни другой взглядъ не исчерпываетъ сократической мудрости. Изъ того, что въ діалогѣ *Горгій* мы находимъ крайнюю, чисто-антисѳеновскую вражду ко всякому эвдемонизму, слѣдуетъ только, что этотъ діалогъ при всемъ своемъ превосходствѣ *менѣе сократиченъ*, нежели *Второй Алкивіадъ* при всѣхъ его недостаткахъ и что если *Горгій* принадлежитъ не Антисѳену, а Платону, то значитъ была у Платона эпоха, когда онъ былъ вполнѣ единомысленъ съ Антисѳеномъ. А что до нашего діалога, то рѣчь идетъ теперь не о его авторѣ, какъ и не о сравнительномъ литературномъ достоинствѣ этого произведенія, а только о его сократическомъ характерѣ, противъ котораго и болѣе прямые признаки нѣкотораго эвдемонизма чѣмъ то, что читается въ указанномъ мѣстѣ, не составляли бы никакого аргумента.

IV.

Кромѣ двухъ главныхъ возраженій по существу находятъ еще противорѣчивымъ и несократичнымъ разсужденіе о знаніи, какъ возможномъ условіи зла. Что это разсужденіе изложено

въ діалогѣ безъ достаточной сжатости и сосредоточенности—это правда. Но по существу оно и логично и сократично. Вотъ ходъ мысли. Для надлежащей молитвы, какъ и для надлежащаго исполненія каждаго дѣла нужно знаніе. Но *всякое* ли знаніе? Этотъ дальнѣйшій вопросъ мотивированъ совершенно по сократовски указаніемъ отдѣльныхъ примѣровъ, когда *незнаніе* было, или могло быть предпочтительнѣе знанія. Отсюда различеніе двухъ видовъ знанія: *фактическаго*, которое можетъ быть иногда желательнымъ, а иногда нежелательнымъ и слѣдовательно само по себѣ не есть добро; и *этическаго*, или знанія о наилучшемъ,—знанія, которое всегда желательно, или само по себѣ есть добро. Въ дальнѣйшемъ разсужденіи понятіе фактическаго знанія распространяется также на всѣ спеціальныя, техническія умѣнья, которыя сами по себѣ, безъ знанія окончательной цѣли дѣятельности, не только безполезны, но могутъ быть вредны и пагубны. Этимъ достаточно опредѣляется общій выводъ діалога: для разумной и справедливой молитвы необходимо знаніе, но не знаніе какъ фактическая освѣдомленность и какъ техническая умѣлость, а знаніе той окончательной цѣли, которой должны служить и свѣдѣнія и умѣнья, — т. е. знаніе истиннаго добра. Такое разсужденіе, кажется мнѣ, могло быть написано однимъ изъ учениковъ Сократа лишь до выдѣленія различныхъ направленій въ этой школѣ, слѣдовательно до смерти общаго учителя. Есть, конечно, отвлеченная возможность позднѣйшей поддѣлки, но она невѣроятна: кому былъ интересъ поддѣлываться подъ общую первоначальную точку зрѣнія Сократа, уже не представлявшуюся никакою школою? А если это не поддѣлка, то здѣсь нужно признать ранняго, еще не выдѣлившагося ученика Сократа, хотя по другимъ причинамъ мало вѣроятія чтобы этотъ ученикъ былъ Платонъ. Необходимо, кажется, также признать, что текстъ этого діалога по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, которыя могли быть совершенно случайными, подвергся болѣе обыкновеннаго порчѣ отъ переписчиковъ.

Знаніе, которое утверждается въ этомъ діалогѣ есть по существу знаніе добра; по формѣ оно должно быть дискурсивною, отчетливою, сознательною дѣятельностью ума въ отличіе отъ безотчетнаго, непосредственно-интуитивнаго и инстинктивнаго, безсознательнаго творчества поэтовъ. Такова тема слѣдующаго діалога *Іонъ*, которая естественно примыкаетъ къ тому, что во *Второмъ Алкивіадѣ* говорится *о поэзіи*. (147 BCD).

ІОНЪ

(ИЛИ ОБЪ ИЛІАДѢ).

Собесѣдники: СОКРАТЪ, ІОНЪ.

ІОНЪ.

Сокр. Здравствуй, Іонъ! Откуда это ты теперь къ намъ прибылъ? Или изъ дому,—изъ Ефеса? Steph. I, 530.

Іонъ. Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ, а изъ Епидавра, съ празднествъ Асклепія. [1])

Сокр. Не учреждаютъ ли Епидавріяне и состязаніе рапсодовъ въ честь бога?

Іонъ. Конечно, какъ и по другимъ искусствамъ.

Сокр. Ну, что же? Состязался и ты у насъ [2])? И какъ состязался?

Іонъ. Первую награду мы получили, Сократъ!

Сокр. Вотъ это хорошо! Смотри, чтобы и на Панаѳинеяхъ [3]) намъ тоже быть побѣдителями. B.

Іонъ. Да такъ и будетъ, если богъ захочетъ.

Сокр. Правду сказать, Іонъ, часто завидовалъ я вамъ рапсодамъ изъ-за вашего искусства, потому что оно требуетъ отъ васъ и по части тѣлеснаго убранства всегда являться въ самомъ красивомъ видѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ завидно и то, что вамъ необходимо имѣть постоянно дѣло какъ съ другими многими и хорошими поэтами, такъ и особенно съ Гомеромъ, лучшимъ и божественнѣйшимъ изъ поэтовъ, чтобы изучать его мысль, а не только слова. Вѣдь нельзя же стать рапсодомъ, если не смыслишь сказаннаго C. поэтомъ; такъ какъ рапсодъ долженъ сдѣлаться толковате-

---

1) Епидавръ--главное мѣсто почитанія Асклепія (Эскулапа) съ знаменитымъ храмомъ и игрищами.

2) ἠγωνίζου τι ἡμῖν; въ томъ смыслѣ какъ говорится: „ты *у насъ* молодецъ!"—соотвѣтствуетъ слегка ироническому и покровительственному тону Сократа по отношенію къ Іону.

3) Знаменитыя аѳинскія празднества въ честь богини-покровительницы города.

лемъ мысли поэта для слушающихъ, а это невозможно хорошо дѣлать, не зная того, что говоритъ поэтъ. Вотъ это все и завидно.

Іонъ. Правду говоришь, Сократъ, это-то мнѣ и доставляло всего больше труда въ моемъ искусствѣ, и я думаю, что прекраснѣе всѣхъ людей говорю о Гомерѣ, такъ что ни Метродоръ Лампсакенецъ, ни Стезимбротъ Θазіецъ, ни
D. Главконъ, ни другой кто изъ когда либо бывшихъ не можетъ сказать столько и такихъ прекрасныхъ мыслей о Гомерѣ, какъ я. [4])

Сокр. Хорошо говоришь, Іонъ; ясно вѣдь, что ты не будешь такъ зложелателенъ, чтобы не показать этого мнѣ.

Іонъ. Да и стоитъ послушать, Сократъ, какъ я разукрасилъ Гомера, — такъ, что я считаю себя достойнымъ того, чтобы Гомериды [5]) увѣнчали меня золотымъ вѣнцомъ.

531. **Сокр** Да я еще доставлю себѣ досугъ чтобы послушать тебя; а теперь вотъ на что отвѣть мнѣ: силенъ-ли ты по части одного Гомера, или также по части Гезіода и Архилоха?

Іонъ. Никоимъ образомъ, но только по части одного Гомера: кажется мнѣ, что этого достаточно.

Сокр. Но есть вѣдь и такое, о чемъ Гомеръ и Гезіодъ говорятъ одно и тоже?

Іонъ. И много такого, я думаю.

Сокр. Такъ развѣ объ этомъ ты лучше растолковалъ бы то, что говоритъ Гомеръ, нежели то, что Гезіодъ?

Іонъ. Да одинаково хорошо, Сократъ, — то о чемъ они говорятъ одно и тоже.

B. **Сокр.** Ну, а о чемъ они говорятъ не одно и тоже? Напримѣръ объ искусствѣ гаданія говоритъ что нибудь Гомеръ, а также и Гезіодъ?

Іонъ. Конечно.

Сокр. Такъ что же? То, что одинаково и то, что различно говорятъ объ искусствѣ гаданія эти два поэта, кто

[4]) Метродоръ изъ Лампсака и Стезимбротъ съ Θазоса (о немъ говорится между прочимъ у Ксенофонта. Sympos III, 6) были не рапсоды, а ученые знатоки и комментаторы Гомера, и для хвастливости Іона характеристично, что онъ превозносится надъ такими людьми, не довольствуясь соревнованіемъ съ подобными ему декламаторами.

[5]) Подъ Гомеридами, т. е. родичами Гомера слѣдуетъ разумѣть здѣсь всѣхъ спеціальныхъ знатоковъ и любителей Гомерической поэзіи.

бы лучше растолковалъ: ты, или кто нибудь изъ хорошихъ гадателей?

Іонъ. Кто нибудь изъ гадателей.

Сокр. А если бы ты былъ гадатель, то будучи способенъ объяснить одинаково сказанное, развѣ ты не умѣлъ бы растолковывать и различно сказанное?

Іонъ. Ясно, что умѣлъ бы.

Сокр. Такъ какъ же теперь ты по части Гомера силенъ, C.
а по части Гезіода—нѣтъ, а также и прочихъ поэтовъ. Развѣ Гомеръ говоритъ о другихъ вещахъ, нежели о чемъ всѣ прочіе поэты? Развѣ не распространялся онъ бо́льшею частью о войнѣ и о взаимныхъ сношеніяхъ людей добрыхъ и злыхъ, частныхъ лицъ и должностныхъ, и о богахъ, — какъ они обращаются между собою и съ людьми, — и о небесныхъ явленіяхъ и о тѣхъ, что въ Преисподней [6]), и о происхожденіи боговъ и героевъ? Не объ этомъ ли Гомеръ создалъ D.
свои поэмы?

Іонъ. Правду говоришь, Сократъ.

Сокр. Что же? Развѣ не о томъ же самомъ и другіе поэты?

Іонъ. Да, Сократъ, но не одинаково съ Гомеромъ.

Сокр. Или хуже?

Іонъ. Да и гораздо.

Сокр. А Гомеръ—лучше?

Іонъ. Да ужь получше, ей-богу!

Сокр. Ну, Іонъ, милый ты человѣкъ [7]), а когда по части счисленія многіе разсуждаютъ, и одинъ скажетъ всѣхъ лучше, вѣдь распознаетъ кто нибудь хорошо говорящаго?

Іонъ. Полагаю.

Сокр. Тотъ ли самый, кто узнаетъ и дурно говорящихъ, E.
или другой?

Іонъ. Тотъ самый, конечно.

Сокр. А не есть ли это тотъ, кто владѣетъ ариѳметическимъ искусствомъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Что же? Когда при разговорѣ многихъ о полез-

[6]) *Ἅιδου*—слово Преисподняя по своей неопредѣленности болѣе соотвѣтствуетъ античному смыслу, нежели обрусѣлый Адъ.

[7]) *ὦ φίλη κεφαλὴ Ἴων*—на буквальный переводъ этого выраженія я не могъ рѣшиться несмотря на примѣръ Фета, который въ одѣ Горація на смерть Квинтилія Вара слова (desiderium) tam *cari capitis* перевелъ (печаль) по *милой головѣ*.

ныхъ для здоровья кушаньяхъ, какія они, одинъ кто нибудь скажетъ всѣхъ лучше, два ли разныхъ знатока будутъ распознавать, кто сказалъ лучше и кто—хуже, или одинъ и тотъ же?

Іонъ. Ну ясно, что тотъ же самый.

Сокр. Кто же онъ? Какое ему имя?

Іонъ. Врачъ.

Сокр. Такъ не скажемъ ли мы вообще, что тотъ же самый всегда будетъ знать относительно многихъ, говорящихъ объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, кто изъ нихъ хо-
532. рошо говоритъ, и кто дурно; или если не узнаетъ дурно говорящаго, ясно, что не узнаетъ и хорошо говорящаго— объ одномъ и томъ же.

Іонъ. Такъ.

Сокр. Значитъ тотъ же самый бываетъ силенъ по части обоихъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Ну а ты развѣ не заявляешь, что и Гомеръ и другіе поэты, между ними и Гезіодъ и Архилохъ, говорятъ о томъ же самомъ, только не одинаково, но одинъ хорошо, а другіе—хуже?

Іонъ. И правду говорю.

Сокр. Такъ если ты хорошо говорящаго знаешь, то
B. зналъ бы и хуже говорящихъ, именно, что они хуже говорятъ.

Іонъ. Казалось бы.

Сокр. Значитъ, о любезнѣйшій, мы не погрѣшимъ, признавая Іона одинаково сильнымъ по части Гомера и по части прочихъ поэтовъ, такъ какъ онъ самъ соглашается, что одинъ и тотъ же судья подобаетъ для всѣхъ говорящихъ объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, поэты же почти всѣ сочиняютъ объ одномъ и томъ же.

Іонъ. Что же тутъ за причина, Сократъ, что когда кто нибудь разговариваетъ о другомъ поэтѣ, я и вниманія
C. не обращаю и не могу ничего дѣльнаго прибавить, но попросту дремлю, а какъ только кто нибудь упомянетъ о Гомерѣ, такъ сейчасъ пробуждаюсь и внимательно слушаю и нахожу въ изобиліи что сказать?

Сокр. Нетрудно это объяснить, дружище, но всякому ясно что ты неспособенъ говорить о Гомерѣ посредствомъ искусства и знанія; потому что еслибы ты имѣлъ эту способность черезъ искусство, ты былъ бы способенъ говорить

и обо всѣхъ другихъ поэтахъ; поэтическое искусство вѣдь есть нѣчто цѣлое. Или нѣтъ?

Іонъ. Цѣлое.

Сокр. И вѣдь если взять и другое какое нибудь искус- D.
ство какъ цѣлое, не выйдетъ ли одинъ и тотъ же способъ разсмотрѣнія относительно всѣхъ искусствъ? Желаешь ты отъ меня услышать, Іонъ, какъ я это разумѣю?

Іонъ. Да ей-богу, Сократъ, и очень желаю: радъ послушать васъ, мудрецовъ.

Сокр. Хотѣлъ бы я, чтобъ ты говорилъ правду, Іонъ; но мудрецы-то вы, рапсоды и лицедѣи, и тѣ, чьи поэмы вы поете, а я ничего другого не говорю, кромѣ истины, какъ оно подобаетъ человѣку непосвященному [8]). Вотъ и
насчетъ того, о чемъ я тебя теперь спрашивалъ, гляди, E.
какъ не важно и простовато и всякому доступно то, что я сказалъ, именно что если взять цѣлое искусство, то одно и то же будетъ разсмотрѣніе. Ну возьмемъ въ порядкѣ; вѣдь живопись есть нѣкоторое искусство,—въ цѣломъ?

Іонъ. Да.

Сокр. А вѣдь много живописцевъ, и бываютъ они хорошіе и дурные?

Іонъ. Конечно.

Сокр. Ну а видалъ ты хоть кого нибудь, кто былъ бы по части Полигнота, сына Аглаофонтова, силенъ показать, что онъ хорошо пишетъ и что нѣтъ, а относительно дру-
гихъ живописцевъ этого не могъ бы? И когда кто нибудь 533.
показываетъ произведенія другихъ живописцевъ, онъ дремлетъ и недоумѣваетъ и не имѣетъ, что отъ себя сказать; когда же о Полигнотѣ — или о комъ хочешь другомъ, но только объ одномъ единственномъ изъ живописцевъ—нужно ему высказать мнѣніе, тогда онъ пробуждается и становится внимательнымъ, и находитъ въ себѣ много, чего сказать.

Іонъ. Нѣтъ, ей-богу, такого-то я не видалъ.

Сокр. Ну, а насчетъ ваянія, видалъ ты кого-нибудь,
кто относительно Дэдала, сына Метіонова, или Епейя [9]), B.
сына Панопова, или Ѳеодора Самосскаго [10]), или другого

---

[8]) *ἰδιώτην ἄνθρωπον*—здѣсь означаетъ человѣка непрофессіональнаго, непосвященнаго въ особыя условія даннаго дѣла.

[9]) Строитель знаменитаго коня, послужившаго къ взятію Трои греками.

[10]) Полумиѳическій художникъ, начавшій примѣнять металлургію къ ваянію.

какого нибудь *одного* ваятеля, былъ бы силенъ истолковать, что̀ тотъ хорошо изваялъ, относительно же произведеній другихъ ваятелей недоумѣвалъ бы и впадалъ въ дремоту, не имѣя, что̀ сказать?

Іонъ. Нѣтъ, ей-богу,—и такого не видывалъ.

Сокр. Но вѣдь, я думаю, ни въ игрѣ на флейтѣ, ни на киѳарѣ, ни въ искусствѣ пѣнія съ киѳарой, ни въ искусствѣ рапсодіи никогда не видалъ ты такого человѣка, который былъ бы силенъ толковать объ Олимпѣ [11]), или о Ѳа-
C. мирѣ [12]), или объ Орфеѣ, или о Фемiѣ [13]), иѳакійскомъ рапсодѣ, относительно же Іона Ефесскаго недоумѣвалъ бы и не могъ бы отъ себя ничего сказать о томъ, что̀ онъ хорошо распѣваетъ и что̀ нѣтъ.

Іонъ. Не имѣю ничего тебѣ противъ этого сказать, Сократъ; но *это* я въ себѣ самомъ сознаю, что относительно Гомера я говорю прекраснѣе всѣхъ людей и съ легкостью, да и всѣ другіе заявляютъ, что я хорошо говорю, а относительно прочихъ поэтовъ—нѣтъ. Вотъ и разбери, что это такое.

D. **Сокр**. И разбираю, и тебѣ готовъ объяснить, въ чемъ тутъ дѣло по моему: толковать хорошо о Гомерѣ—это вѣдь у тебя не искусство, о чемъ я и сейчасъ говорилъ, а божественная сила, которая тебя двигаетъ, какъ въ томъ камнѣ, что Еврипидъ назвалъ магнитомъ, а народъ называетъ гераклейскимъ [14]). Дѣло въ томъ, что этотъ самый камень не только тянетъ желѣзныя кольца, но и влагаетъ въ кольца
E. силу, чтобы они могли дѣлать тоже самое, что и камень—тянуть другія кольца, такъ что иногда виситъ большая цѣпь изъ тянущихъ другъ друга желѣзныхъ колецъ, а у нихъ у всѣхъ сила зависитъ отъ того камня. Такъ же и Муза—боговдохновенными-то дѣлаетъ (людей) сама, а черезъ этихъ

---

11) Пѣвецъ изъ до-историческихъ временъ.

12) Тоже,—по преданію первый началъ играть на киѳарѣ безъ сопровождающаго пѣнія.

13) Древній пѣвецъ, который упоминается у Гомера (Одисс. XVII, 262) и слѣдовательно можетъ быть названъ рапсодомъ не въ собственномъ смыслѣ этого слова, равно какъ и предыдущіе.

14) Магнитъ—отъ города Магнезіи. Такъ какъ обильная магнитами Гераклея (лидійская) находилась по близости отъ Магнезіи, то одинъ новѣйшій комментаторъ усматриваетъ въ словахъ Сократа насмѣшку надъ Еврипидомъ, который такимъ легкимъ способомъ отличалъ свою рѣчь отъ простонародной. Однако не безъ причины еврипидовскій терминъ остался, а простонародный исчезъ.

боговдохновенныхъ привѣшивается цѣпь другихъ восторженныхъ. Вѣдь не посредствомъ искусства (дѣйствуютъ) и всѣ хорошіе творцы былинъ, но будучи боговдохновенными и одержимыми, производятъ они всѣ эти прекрасныя творенія, и пѣснотворцы хорошіе точно также,—какъ кори-
бантствующіе [15]) пляшутъ будучи не въ своемъ умѣ, такъ 534.
и пѣснотворцы не въ своемъ умѣ творятъ эти прекрасныя пѣсни, но когда войдутъ въ дѣйствіе лада и размѣра, то опьяненные и одержимые точно вакханки, которыя черпаютъ изъ рѣкъ медъ и молоко въ состояніи одержимости,—а пока въ своемъ умѣ, то нѣтъ [16]),—такъ и душа пѣснотвор-
цевъ производитъ то, что мы отъ нихъ слышимъ [17]). Вѣдь B.
говорятъ же намъ поэты, что въ нѣкихъ садахъ и рощахъ Музъ собираютъ они изъ медоточивыхъ источниковъ [18]) и приносятъ намъ тѣ пѣсни, какъ пчелы и такъ же, какъ онѣ, летая; и правду говорятъ; потому что легкое существо поэтъ и крылатое и священное [19]), и творить онъ способенъ не прежде, чѣмъ станетъ боговдохновеннымъ и изступленнымъ и потеряетъ присутствіе ума; а пока владѣетъ умомъ, никакой человѣкъ не способенъ творить и прорицать. Такъ какъ не въ силу искусства творятъ они и говорятъ многое и прекрасное о разныхъ предметахъ, какъ
вотъ ты о Гомерѣ, а въ силу божьяго назначенія, то каждый C.
способенъ хорошо творить только то, къ чему его возбуж-

---

15) *οἱ κορυβαντιῶντες*—люди въ изступленномъ состояніи, предающіеся безсознательнымъ и невольнымъ тѣлодвиженіямъ, прыгающіе и пляшущіе по образцу *корибантовъ*—священнослужителей оргіастическихъ культовъ Фригіи и Крита.

16) Для вакханокъ впавшихъ въ гипнотическое состояніе, вода превращалась въ медъ и молоко; психологическую достовѣрность такого явленія незьзя отрицать послѣ опытовъ новѣйшихъ ученыхъ съ фактами внушенія и гипноза.

17) *ὅπερ αὐτοί λέγουσι*—отклоняюсь отъ буквальной точности перевода, въ виду двусмысленности въ текстѣ.

18) *ἀπὸ κρηνῶν μελιῤῥύτων ἐκ Μουσῶν κήπων τινῶν καὶ ναπῶν δρεπόμενοι τὰ μέλη*—и здѣсь я долженъ былъ нѣсколько отступить отъ буквы, по которой выходитъ, что поэты *срываютъ* (*δρεπόμενοι*) свои пѣсни съ медоточивыхъ источниковъ (*ἀπὸ κρηνῶν μελιῤῥύτων*) — несообразность еще усиленная сравненіемъ съ пчелами, такъ какъ ясно, что пчелы собираютъ медъ съ цвѣтовъ, а не съ источниковъ. Еслибы можно было въ текстѣ вмѣсто этихъ источниковъ или ключей (*κρηνων*) предположить лиліи (*κρινων*), то все это прекрасное мѣсто было бы вполнѣ безукоризненно.

19) Какъ пчелы, которыя были посвящены Зевсу.

даетъ Муза,—одинъ диѳирамбы [20]), иной хвалебныя пѣсни,
тотъ плясовыя, этотъ былины, а кто—ямбы [21]), а въ про-
чихъ родахъ каждый изъ нихъ плохъ. Слѣдовательно не
искусствомъ они это производятъ, а божьею силой, такъ
какъ еслибы они по искусству умѣли хорошо говорить въ
одномъ родѣ, то и во всѣхъ другихъ; потому то Богъ, отни-
мая у нихъ умъ, употребляетъ ихъ себѣ въ служители,
D. какъ и прорицателей и гадателей божественныхъ, чтобы мы
слушающіе знали, что не эти люди, которые не въ своемъ
умѣ, говорятъ такія важныя вещи, а что говорящій есть
самъ богъ, черезъ нихъ же онъ гласитъ къ намъ. Вели-
чайшее же тому свидѣтельство—Тиннихъ Халкидіецъ, кото-
рый никогда не произвелъ никакого другого стихотворенія,
стоющаго упоминанія, кромѣ того пэана [22]), что всѣ поютъ,—
едва-ли не прекраснѣйшую изъ всѣхъ пѣсенъ и прямо,
какъ онъ самъ говоритъ, находку Музъ. Вотъ въ немъ-то,
E. мнѣ кажется, богъ всего болѣе показалъ намъ, чтобы мы
не сомнѣвались, что не человѣческое имѣютъ свойство и
не отъ людей происходятъ тѣ прекрасныя творенія, а боже-
ское и отъ боговъ, поэты же ничто иное, какъ толмачи
боговъ, одержимые тѣмъ, въ чьей власти кто находится.
535. Чтобы это показать, богъ нарочно пропѣлъ самую прекрас-
ную пѣснь черезъ самаго плохого поэта. Или тебѣ не ка-
жется, что я правду говорю, Іонъ?

Іонъ. Видитъ Зевсъ, мнѣ кажется, что правду; потому что ты какъ то захватываешь меня за душу своими словами, Сократъ, и мнѣ представляется, что именно божьимъ назначеніемъ хорошіе поэты передаютъ намъ (внушенное имъ) отъ боговъ.

Сокр. Ну а вы, рапсоды, не передаете ли полученное отъ поэтовъ?

Іонъ. И въ этомъ правду говоришь.

Сокр. Такъ не становитесь ли вы толмачами толмачей?

Іонъ. Совершенно такъ.

B. **Сокр**. Ну повѣдай же мнѣ и вотъ что, Іонъ, и не скрой,
о чемъ спрошу тебя. Когда ты хорошо скажешь былину

[20]) Восторженныя, первоначально вакхическія пѣсни — отъ одного изъ названій Вакха *Διϑύραμβος* (вѣроятно огреченное семитическое слово).

[21]) Язвительныя и насмѣшливыя стихотворенія, для которыхъ употреблялся размѣръ изъ двусложныхъ стопъ ⌣—сохранившій за собой это названіе.

[22]) Хвалебный гимнъ въ честь Аполлона.

и наиболѣе поразишь зрителей [23]),— Одиссея ли ты поешь
какъ онъ прыгаетъ на порогъ, является женихамъ и высы-
паетъ стрѣлы передъ ногами, или Ахилла, устремляющагося
на Гектора, или что нибудь жалостное объ Андромахѣ, или
о Гекубѣ, или о Пріамѣ—находишься ли ты тогда въ своемъ
умѣ, или же становишься внѣ себя и тебѣ кажется, что
душа твоя въ восторженномъ состояніи присутствуетъ при C.
тѣхъ самыхъ дѣлахъ, о которыхъ ты сказываешь,—въ Итакѣ
ли они, или въ Троѣ, или гдѣ бы ни происходили былины?

Іонъ. Какое это ясное для меня доказательство привелъ ты, Сократъ! Потому что не скрываясь, скажу тебѣ: когда я передаю что нибудь жалостное, слезами наполняются гла-за мои, когда же страшное, или ужасное, прямо волосы встаютъ отъ страха, и сердце прыгаетъ.

Сокр. Такъ что же, Іонъ? Сказали бы мы, что въ D.
своемъ умѣ тотъ человѣкъ, который, стоя изукрашенный
въ пестромъ платьѣ и золотыхъ вѣнкахъ, плакалъ бы меж-
ду жертвенными пиршествами и празднествами [24]), не поте-
рявши ничего изъ этаго, или впадалъ бы въ страхъ среди
болѣе чѣмъ двадцати тысячъ дружелюбныхъ людей, когда
никто не обираетъ и не обижаетъ его?

Іонъ. Ну,—видитъ Зевсъ!—не совсѣмъ то въ своемъ умѣ, Сократъ, коли ужь правду сказать.

Сокр. А вѣдь ты знаешь, что и многихъ изъ зрителей вы дѣлаете точно такими же изступленными?

Іонъ. И прекрасно знаю; потому что я каждый разъ E.
смотрю съ помоста, какъ они плачутъ и испуганно тара-
щутъ глаза и поражены сообразно разсказу. Вѣдь и слѣ-
дуетъ мнѣ очень обращать на нихъ вниманіе; такъ какъ
ежели я ихъ заставлю плакать, то самъ буду смѣяться,
получая деньги, а ежели заставлю смѣяться, то самъ, ли-
шившись денегъ, заплачу.

Сокр. Такъ ты знаешь, что этотъ самый зритель есть крайнее изъ тѣхъ колецъ, о которыхъ я говорилъ, что они получаютъ силу отъ магнита другъ черезъ друга? А сред-

[23]) *τοὺς ϑεωμένους*—зрителей, а не слушателей, потому что мимика рапсодовъ дѣлала изъ ихъ исполненія болѣе сценическое представленіе, нежели чтеніе.

[24]) *ἐν ϑυσίαις καὶ ἑορταῖς*—въ жертвахъ и праздникахъ. Праздничныя жертвоприношенія имѣли по преимуществу характеръ радостныхъ пиршествъ, почему о нихъ и упоминается здѣсь для контраста плачущему рапсоду.

536. нее кольцо—ты рапсодъ и лицедѣй, первое же—самъ поэтъ;
божество же черезъ всѣхъ нихъ влечетъ душу людей, куда
хочетъ, прицѣпляя силу отъ одного къ другому. И какъ
у того камня, (такъ и здѣсь) виситъ большущая цѣпь хо-
ристовъ, учителей хора и подъ-учителей, привѣшенныхъ
съ боку къ тѣмъ кольцамъ, что прицѣплены къ Музѣ. [25])
И одинъ изъ поэтовъ зависитъ отъ одной Музы, другой—
отъ другой. Зависимость же эту мы называемъ *одержи-*
B. *мостью*. И это близко къ дѣлу: потому что (поэтъ) *дер-*
жится (Музой). [26]) А къ этимъ первымъ кольцамъ—по-
этамъ, къ каждому привязаны опять другіе вдохновляющіеся
имъ: одни Орфеемъ, другіе Мусеемъ, большинство же одер-
жимо и держимо Гомеромъ, одинъ изъ коихъ и ты, Іонъ;
тобою владѣетъ Гомеръ, и когда кто нибудь поетъ изъ
другого стихотворца, ты спишь и недоумѣваешь, что̀ ска-
зать, а какъ только затянетъ кто нибудь пѣснь этого поэта,
сейчасъ пробуждается, и пляшетъ твоя душа, и много чего
C. находишь сказать; потому что не въ силу искусства и не
въ силу знанія говоришь ты о Гомерѣ то, что говоришь,
а въ силу божьей доли и одержанія; какъ пляшущіе по
корибантски имѣютъ острый слухъ [27]) лишь къ пѣснѣ того
бога, которымъ они одержимы, и подъ эту пѣсню легко
находятъ и тѣлодвиженія и слова, а на другія не обра-
щаютъ никакого вниманія, такъ и ты, Іонъ, когда про
Гомера кто помянетъ, изобилуешь (рѣчью), а когда про дру-
гихъ — недоумѣваешь. Причина того, о чемъ меня спра-
D. шиваешь,—почему относительно Гомера ты богатъ мыслями
и словами, а относительно другихъ нѣтъ,—и есть именно
то, что ты сильный хвалитель Гомера не чрезъ искусство,
а чрезъ божью долю.

Іонъ. Хотя хорошо говоришь ты, Сократъ, но я бы удивился, если бы ты настолько хорошо говорилъ, чтобы убѣдить меня, что я хвалю Гомера какъ одержимый и безумствующій. Да и думается мнѣ, что я не показался бы тебѣ такимъ, еслибы ты послушалъ меня говорящаго объ Гомерѣ.

Сокр. И охотно послушаю, но только не прежде, чѣмъ
E. ты мнѣ отвѣтишь вотъ на что: изъ предметовъ, о кото-

[25]) Термины прекраснаго сравненія (Муза — магнитъ — поэты — желѣзныя кольца) здѣсь нѣсколько перемѣшаны, но смыслъ рѣчи ясенъ.

[26]) Игра словами *κατέχεται—ἔχεται*, весьма не чуждая Платону.

[27]) *αἰσθάνονται ὀξέως* (adverb.)—букв. ощущаютъ остро́.

рыхъ говоритъ Гомеръ, про какой именно хорошо говоришь,—вѣдь не про всѣ же, конечно?

Іонъ. Твердо знай, Сократъ, что про всякій безъ-исключенія! [28])

Сокр. Не про такіе же однако предметы, которыхъ ты-то не знаешь, Гомеръ же говоритъ о нихъ?

Іонъ. А это какіе же такіе, про которые Гомеръ говоритъ, а я вдругъ не знаю?

Сокр. А развѣ не говоритъ Гомеръ часто и много о 537
различныхъ искусствахъ? Напримѣръ объ искусствѣ управ-
лять колесницами—если вспомню слова, скажу тебѣ.

Іонъ. Да я скажу: я то вѣдь помню.

Сокр. Такъ скажи мнѣ, что говоритъ Несторъ Антилоху своему сыну, уговаривая его быть осмотрительнымъ при поворотѣ на бѣгахъ въ честь Патрокла.

Іонъ. Самъ же,—говоритъ онъ,—

Самъ же ты, въ кузовѣ стоя, подайся немного всѣмъ тѣломъ B.
Влѣво отъ быстрыхъ коней и хлесни свою правую лошадь,
Голосомъ громкимъ окликни и возжи ослабь ей немедля.
Лѣвая въ тоже мгновенье пусть цѣпь огибаетъ вплотную,
Такъ чтобъ казалось тебѣ, будто ось колеса ее тронетъ
Но осторожнѣе будь, берегись, не задѣть бы о камень. [29])

Сокр. Довольно. Вотъ эти то слова, Іонъ, правильно C.
ли говоритъ Гомеръ, или нѣтъ, — который же изъ двухъ
лучше бы узналъ; врачъ, или возничій?

Іонъ. Возничій, разумѣется.

Сокр. Потому ли, что онъ владѣетъ этимъ искусствомъ, или по чему нибудь другому?

Іонъ. Не иначе, какъ отъ искусства.

Сокр. Такъ не каждому ли изъ искусствъ отдано богомъ въ завѣдываніе одно какое нибудь дѣло? Вѣдь не такъ бываетъ, чтобы то, что мы знаемъ чрезъ мореплавательное искусство, мы знали бы и чрезъ врачебное.

Іонъ. Нѣтъ, разумѣется.

Сокр. Ни того не бываетъ, чтобы познаваемое чрезъ врачебное искусство познавалось и черезъ зодчество.

Іонъ. Нѣтъ, разумѣется.

Сокр. Такъ вѣдь и относительно всѣхъ искусствъ: что̀ D.
мы познаемъ чрезъ одно искусство, того не познаемъ чрезъ

[28]) *περί ουδενός ὅτου οὔ*.

[29]) Il. XXIII, 335—340. (перев. Н. Минскаго).

другое. Но вотъ что сперва мнѣ отвѣть: скажешь ли ты, что бываетъ искусство и искусство?

Іонъ. Да.

Сокр. Значитъ, какъ я въ своемъ разсужденіи, когда различны предметы того или этого познанія, то и завѣдующія этими предметами искусства называю различно,—такъ и ты?

Іонъ. Да.

E. **Сокр**. Потому что, если есть у насъ какое нибудь познаніе однихъ и тѣхъ же предметовъ, то съ чего же бы намъ говорить, что вотъ одно, а вотъ другое, когда съ обѣихъ сторонъ познавалось бы одно и тоже? Какимъ способомъ я знаю напримѣръ, что вотъ этихъ пальцевъ—пять, и ты такимъ же способомъ, какъ я, знаешь объ этомъ то же самое; и еслибы я тебя спросилъ, знаемъ ли мы съ тобою одно и то же посредствомъ того же самаго искусства, именно ариѳметическаго, или посредствомъ разнаго, ты, конечно, сказалъ бы, что посредствомъ того же самаго.

Іонъ. Да.

538. **Сокр**. Такъ вотъ — о чемъ я тебя раньше собирался спросить—скажи теперь: относительно ли *всѣхъ* искусствъ тебѣ такъ кажется, что посредствомъ того же самаго искусства необходимо познавать то же самое, а посредствомъ другого—не тоже, но если искусство иное, то необходимо и познаются чрезъ него другіе предметы?

Іонъ. Такъ мнѣ кажется, Сократъ.

Сокр. Значитъ, кто не владѣетъ какимъ-нибудь искусствомъ, тотъ и не будетъ способенъ хорошо знать то, что излагается или производится въ этомъ искусствѣ?

B. **Іонъ**. Правду говоришь.

Сокр. Ну, а относительно тѣхъ стиховъ, что ты сказалъ, кто лучше узнаетъ, хорошо ли говоритъ Гомеръ, или нѣтъ,—ты, или возничій?

Іонъ. Возничій.

Сокр. Потому что ты-то рапсодъ, а не возничій.

Іонъ. Да.

Сокр. Рапсодированіе же есть другое искусство—не то, что управленіе колесницами?

Іонъ. Да.

Сокр. А если другое, то и вѣдаетъ другіе предметы.

Іонъ. Да.

C. **Сокр**. Ну, а что же, когда Гомеръ говоритъ, какъ раненому Махаону Несторова прислужница Гекамеда дала выпить укрѣпляющей смѣси, и говоритъ онъ такъ:

> Козьяго сыру она съ виномъ прамнійскимъ смѣшала,
> Мѣдною теркой тотъ сыръ натеревъ и мукою осыпавъ [30]),—

вотъ въ этомъ правильно ли говоритъ Гомеръ, или нѣтъ, какимъ искусствомъ распознать, какъ слѣдуетъ: врачебнымъ, или рапсодическимъ?

Іонъ. Врачебнымъ.

Сокр. Ну, а когда говоритъ Гомеръ:

> Въ бездну нырнула богиня, какъ грузъ упадаетъ свинцовый,
> Если, привязанный къ рогу степного быка, онъ стремится
> Быстро ко дну и приноситъ погибель прожорливымъ рыбамъ [31],). D.

тутъ какъ скажемъ: которому искусству болѣе слѣдуетъ судить, что это онъ говоритъ и хорошо ли говоритъ, или нѣтъ – рыболовному искусству, или рапсодическому?

Іонъ. Ясно, Сократъ, что рыболовному.

Сокр. Смотри теперь, еслибы ты былъ спрашивающимъ и спрашивалъ бы меня: Такъ какъ ты вотъ, Сократъ, для E.
этихъ искусствъ находишь у Гомера то, что каждому изъ нихъ слѣдуетъ разбирать, ну такъ найди мнѣ и для гадателя и искусства гаданія, что ему слѣдуетъ быть въ состояніи распознавать, хорошо ли, или плохо оно сочинено, – смотри, какъ легко и вѣрно я тебѣ отвѣчу. Не разъ вѣдь и въ Одиссеѣ онъ (объ этомъ) разсказываетъ, какъ напримѣръ и то, что говоритъ женихамъ гадатель Ѳеоклименъ изъ рода Меламподидовъ:

> Вы злополучные, горе вамъ, горе! невидимы стали 539.
> Главы мнѣ ваши во мглѣ, и невидимы ваши колѣна;
> Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
> . . . .
> Вотъ привидѣньями въ бездну Эреба бѣгущими, полны
> Сѣни и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходитъ
> Страшная тѣнь, и подъ ней вся земля покрывается мракомъ [32]) B.

Часто же и въ Иліадѣ, какъ напримѣръ при сраженіи у стѣнъ: и тамъ онъ говоритъ

> Птица явилась имъ слѣва, орелъ, въ поднебесьи парящій,
> Съ чудищемъ страшнымъ въ когтяхъ, со змѣей обагренною кровью;

[30]) Ibid., XI, 639.

[31]) Ibid., XXIV, 80—82.

[32]) Odyss. XX, 351—3, 355—7.

Та извивалась еще и, живая, готовилась къ битвѣ,
C. Ибо, назадъ изогнувшись, орла, что держалъ ее крѣпко,
Въ грудь укусила близь шеи, и онъ, застонавши отъ боли,
На земь швырнувъ ее прочь, уронилъ среди войска Данайцевъ,
D. Самъ же, пронзительно крикнувъ, съ дыханіемъ вѣтра помчался [33]),

вотъ про эти и тому подобныя мѣста я скажу, что приходится прозорливицу и разсматривать и обсуждать ихъ.

Іонъ. Твоя правда, Сократъ.

Сокр. Ну и ты, Іонъ, въ этомъ правду говоришь. Пожалуй-ка и ты ко мнѣ; какъ я тебѣ выбралъ и изъ Одис-
E. сеи, и изъ Иліады, чтò принадлежитъ гадателю и что—врачу, и что — рыболову, такъ ты мнѣ выбери, — ты же притомъ и болѣе меня свѣдущъ по части Гомера,—чтò у него принадлежитъ рапсоду, Іонъ, и рапсодическому искусству, что слѣдуетъ рапсоду и разсматривать и обсуждать преимущественно передъ другими людьми.

Іонъ. Да вѣдь я же говорю, Сократъ, что *все*.

Сокр. Ну этого-то не говорилъ ты, Іонъ, что—*все*. Или ты такъ забывчивъ? А вѣдь не подобало бы мужу, именуемому рапсодомъ, быть забывчивымъ!

540. **Іонъ**. Это что же такое я забываю?

Сокр. Развѣ не помнишь, какъ самъ сказалъ, что рапсодическое искусство есть другое, отличное отъ искусства возничаго?

Іонъ. Помню.

Сокр. И развѣ не согласился ты, что оно, будучи другимъ, другіе предметы и вѣдаетъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Значитъ по твоему же слову не все вѣдаетъ рапсодическое искусство и рапсодъ.

B. **Іонъ**. А можетъ быть все, кромѣ подобныхъ вещей, Сократъ.

Сокр: А говоря „кромѣ подобныхъ вещей“, ты разумѣешь именно кромѣ того, что принадлежитъ другимъ искусствамъ. Но о чемъ же знаетъ твое искусство, такъ какъ оно не знаетъ обо всемъ?

Іонъ. А о томъ, я думаю, чтò прилично говорить мужчинѣ, и что—женщинѣ, что—рабу и что—свободному, что—подчиненному и что—начальнику.

Сокр. Такъ ты полагаешь, что когда на морѣ корабль

33) Il XII, 201—207.

подвергается бурѣ; то рапсодъ будетъ лучше знать, чѣмъ кормчій, чтò начальнику подобаетъ говорить.

Іонъ. Нѣтъ, это то кормчій знаетъ лучше. C.

Сокр. Ну, а о томъ, что долженъ говорить завѣдующій больнымъ, рапсодъ будетъ лучше знать, чѣмъ врачъ?

Іонъ. И не объ этомъ.

Сокр. Ну такъ о томъ ты хочешь сказать, что подобаетъ рабу?

Іонъ. Да.

Сокр. Напримѣръ, что долженъ говорить пастухъ, укрощающій взбѣсившихся быковъ, это рапсодъ будетъ знать лучше, чѣмъ пастухъ?

Іонъ. Ну нѣтъ.

Сокр. А то, что женщинѣ—пряхѣ слѣдуетъ говорить насчетъ приготовленія шерсти? D.

Іонъ. Нѣтъ.

Сокр. Ну такъ то, что прилично говорить для военачальника, увѣщевающаго воиновъ?

Іонъ. Да. Вотъ это то ужь рапсодъ будетъ знать.

Сокр. Какъ такъ? Рапсодическое искусство есть тоже, что военачальническое?

Іонъ. Да ужъ зналъ бы я, чтò военачальнику прилично сказать!

Сокр. Потому что ты, можетъ быть, и владѣешь искусствомъ полководца, Іонъ. Вѣдь еслибы тебѣ случилось быть заразъ наѣздникомъ и киѳаристомъ, ты бы, конечно, распознавалъ бы хорошо и дурно выѣзженныхъ лошадей; но E.
если бы я тебя спросилъ: чрезъ которое искусство, Іонъ, узнаешь ты хорошо выѣзженныхъ лошадей,—чрезъ то, которое дѣлаетъ тебя наѣздникомъ, или чрезъ то, которое дѣлаетъ тебя киѳаристомъ? Что бы ты мнѣ отвѣтилъ?

Іонъ. Да чрезъ то, по которому я наѣздникъ, конечно.

Сокр. Значитъ, еслибы ты распознавалъ и тѣхъ, что хорошо играютъ на киѳарѣ, ты бы согласился, что умѣешь это въ качествѣ киѳариста, а не въ качествѣ наѣздника.

Іонъ. Да.

Сокр. А такъ какъ ты вотъ знаешь воинское дѣло, то знаешь ли ты его какъ владѣющій военачальническимъ искусствомъ, или какъ хорошій рапсодъ?

Іонъ. Никакого, мнѣ кажется, нѣтъ тутъ различія.

541. **Сокр**. Какъ, говоришь, никакого различія? полагаешь
ты, что рапсодика и стратегика—одно искусство, или два?

Іонъ. Одно, мнѣ кажется.

Сокр. Значитъ, кто хорошій рапсодъ, тотъ, оказывается, и хорошій военачальникъ?

Іонъ. Совершенно такъ, Сократъ.

Сокр. Значитъ и такъ, что кто оказался хорошимъ
B. военачальникомъ, тотъ и хорошій рапсодъ?

Іонъ. Ну, этого я опять таки не думаю.

Сокр. Однако ты думаешь, что кто хорошій рапсодъ, тотъ и хорошій военачальникъ?

Іонъ. Конечно.

Сокр. А вѣдь ты самый лучшій рапсодъ у эллиновъ?

Іонъ. Еще бы, Сократъ!

Сокр. Такъ не ты ли, Іонъ, и лучшій полководецъ у Эллиновъ?

Іонъ. Знай, что такъ, Сократъ. И научился я этому изъ твореній Гомера.

Сокр. Какъ же это однако, скажи ради боговъ, Іонъ?
Будучи и тѣмъ и другимъ, и лучшимъ полководцемъ у Эллиновъ, и лучшимъ рапсодомъ, — рапсодіи то ты Эллинамъ,
странствуя, распѣваешь, а войсками начальствовать не начальствуешь? Или ты думаешь, что у Эллиновъ большая
надобность въ рапсодѣ, увѣнчанномъ золотымъ вѣнкомъ, а
C. въ полководцѣ нѣтъ никакой надобности?

Іонъ. Надъ нашимъ то городомъ, Сократъ, и надъ войсками начальствуете вы, и никакого полководца намъ не нужно, а у васъ и у Лакедемонянъ меня бы въ полководцы не выбрали, потому что вы думаете, что и самихъ хватитъ.

Сокр. Любезнѣйшій Іонъ! Развѣ ты не знаешь Аполлодора Кизическаго?

Іонъ. Какого это?

Сокр. Да того, котораго Аѳиняне часто выбирали себѣ
D. въ полководцы, хоть и чужеземца. А Фаносѳена Андрійскаго и Гераклида Клазоменскаго, которыхъ, хотя и чужеземцевъ, но какъ показавшихъ свое достоинство, городъ назначаетъ и въ полководцы и на другія начальническія мѣста.
А Іона Ефесскаго не выберетъ въ полководцы и не почтитъ, если онъ окажется этого достойнымъ? Что же? Развѣ
вы, Ефесяне, не Аѳиняне изначала[34]), и развѣ Ефесъ уступаетъ какому нибудь другому городу? — Но ты то, Іонъ, E.
если говоришь правду, что чрезъ искусство и знаніе ты
способенъ восхвалять Гомера, неправедно поступаешь,
такъ какъ завѣривши меня, что знаешь много прекраснаго о Гомерѣ, и мнѣ обѣщавши показать, обманываешь
меня, и не то, чтобы показать, а даже вовсе не хочешь
сказать, что̀ это такое, въ чемъ ты силенъ, чего я ужъ
давно добиваюсь, но совсѣмъ точно Протей становишься ты
всеобразнымъ, изворачиваясь туда и сюда, пока наконецъ,
ускользнувши отъ меня, не являешься вдругъ военачальникомъ, лишь бы не показать какъ силенъ ты въ мудрости
по части Гомера. Значитъ, если ты, будучи искуснымъ 542.
знатокомъ, [35]) обманываешь меня, какъ я теперь сказалъ,
въ своемъ обѣщаніи научить меня по части Гомера, то
ты поступаешь несправедливо. Если же ты не знатокъ,
но будучи одержимымъ по божьему назначенію, ничего не
зная изъ Гомера, говоришь объ этомъ поэтѣ многое и прекрасное, какъ я про тебя утверждаю, то никакой неправды
ты не дѣлаешь. Такъ выбирай же, кѣмъ ты хочешь чтобъ
мы тебя считали: неправеднымъ человѣкомъ, или божественнымъ?

Іонъ. Большая въ этомъ разница, Сократъ; гораздо вѣдь прекраснѣе почитаться за божественнаго.

Сокр. Ну такъ это прекраснѣйшее ты отъ насъ и получи, Іонъ: быть божественнымъ, но не свѣдущимъ хвалителемъ Гомера.

---

[34]) По преданію сыновья аѳинскаго царя Кодра вывели переселенцевъ из Аѳинъ въ Малую Азію и основали съ ними Ефесъ и другіе города іонійскаго побережья.

[35]) *Τεχνικός* см. Разсужденіе объ *Іонѣ*.

РАЗСУЖДЕНІЕ ОБЪ ІОНѢ.

I.

Сократъ и его ученики необходимо должны были сталкиваться съ тѣмъ великимъ авторитетомъ, который въ ихъ время принадлежалъ гомеровскому эпосу. Первое могучее пробужденіе народнаго сознанія Грековъ воплотилось и увѣковѣчилось въ этихъ несравненныхъ поэмахъ, къ которымъ позднѣйшія поколѣнія естественно обращались съ удивленіемъ и любовью, видя въ нихъ живой источникъ и неизмѣнное мѣрило всякой мудрости и красоты. Если Иліада и Одиссея были Библіей національнаго эллинскаго благочестія, то настоящими его священниками были рапсоды, жившіе Гомеромъ: онъ былъ ихъ спеціальное божество и ихъ удѣлъ (какъ у Евреевъ Ягвэ былъ удѣломъ колѣна Левіина). Тутъ дѣло шло о *вѣрѣ*, и прежде чѣмъ оцѣнивать ее по существу ея предмета, Сократъ долженъ былъ остановиться на томъ, что это была вѣра *слѣпая*, или во всякомъ случаѣ недостаточно зрячая. Относя къ Гомеру всякую мудрость, рапсоды никакой настоящей мудрости и знанія изъ него не брали и не могли дать отчета себѣ и другимъ въ основаніяхъ своего почитанія и восторга. Съ точки зрѣнія Сократа можно и должно было показать рапсодамъ и ихъ публикѣ, что они ничего не смыслятъ въ Гомерѣ. По свидѣтельству Ксенофонта Сократъ рѣзко высказывалъ свое мнѣніе объ умственной несостоятельности этихъ жрецовъ гомерова культа: *τὰ μὲν ἔπη ἀκριβοῦντας, αὐτούς δε πάνυ ἠλιθίους ὄντας* (былины то они знаютъ въ точности, а сами ужъ очень глупы) Memorab. IV, 2, 10). Конечно онъ не упускалъ случая доказывать своимъ обычнымъ способомъ такое мнѣніе, которое и укоренилось среди его учениковъ, такъ что тотъ же Ксенофонтъ въ своемъ „Пиршествѣ“ заставляетъ Антисѳена спраши-

вать у Никерата: *οἶσθα οὖν ἔθνος τι ἠλιθιώτερον ῥαψῳδῶν;* (ну знаешь ли ты какой-нибудь народъ глупѣе рапсодовъ?), на что тотъ отвѣчаетъ: *Οὐ μὰ τὸν Δία, οὔκουν ἔγωγε.* (Ну я то, ей-богу, не знаю). Xenoph. Sympos. III, 5.

Это засвидѣтельствованное Ксенофонтомъ сократическое отношеніе къ рапсодамъ съ ихъ глупымъ поклоненіемъ Гомеру, мастерски изображено въ нашемъ діалогѣ съ помощью знаменитаго Ефесскаго рапсода, получившаго первую награду на состязаніи въ Епидаврѣ и блистательно оправдывающаго взглядъ Сократа на всю касту и на характеръ ея служенія. Нѣтъ причины сомнѣваться, что Іонъ былъ дѣйствительное лицо и что генію Платона пришлось только яркими чертами закрѣпить и увѣковѣчить его образъ. Художественная сторона этого діалога говоритъ сама за себя, и я могу ограничиться тѣми пунктами въ его содержаніи, которые могутъ вызывать сомнѣнія и вопросы.

II.

Дѣло, которымъ занимался Іонъ, въ качествѣ рапсода, состояло въ актерскомъ, т.-е. декламаторскомъ и мимическомъ воспроизведеніи гомеровыхъ поэмъ по частямъ, а также въ ораторскомъ восхваленіи поэта. Самъ онъ почиталъ это дѣло за искусство (*τέχνη*) и знаніе или науку (*ἐπιστήμη*) и ставилъ себя на ряду и выше ученыхъ толкователей Гомера. Такому мнѣнію Сократъ діалога противупоставляетъ другое, доказывая во первыхъ, что дѣло рапсода ***не есть*** дѣло искусства и знанія, и во вторыхъ, что оно ***есть*** дѣло безотчетнаго и невольнаго вдохновенія, или божественной одержимости.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что первая половина этого взгляда высказывается Платономъ серьезно: онъ серьезно убѣжденъ и успѣшно передаетъ свое убѣжденіе читателямъ,—что рапсоды — люди невѣжественные и ничего не смыслящіе; но также ли онъ убѣжденъ, что они люди вдохновенные? Не смѣется ли платоновскій Сократъ съ этой стороны надъ своимъ собесѣдникомъ, какъ могъ при случаѣ смѣяться надъ такимъ человѣкомъ и Сократъ историческій? Для этого предположенія есть, кажется, достаточно основаній въ діалогѣ.

Ироническій тонъ, въ которомъ Сократъ говоритъ о „божественной долѣ“ (*θεία μοίρα*) Іона и о „божественной силѣ“ (*θεία δύναμις*), чрезъ него дѣйствующей, проходитъ черезъ весь діалогъ и въ концѣ его переходитъ въ явное издѣвательство,

когда Сократъ предлагаетъ собесѣднику выборъ между двумя репутаціями: знающаго обманщика и божественнаго невѣжды, и хотя Іонъ склоняется ко второму, но читатель остается подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, что по собственной мысли Сократа и Платона вмѣсто выбора между двумя терминами дилеммы слѣдуетъ соединить оба съ худшей стороны и признать великаго рапсода невѣжественнымъ шарлатаномъ.

О настоящей боговдохновенности здѣсь, кажется, также мало рѣчи, какъ и о настоящемъ знаніи. Сократъ и Платонъ были, конечно, большие мастера ироніи, но обоимъ всего менѣе было свойственно иронически относиться къ чему нибудь дѣйствительно божественному, или что они серьезно принимали за таковое. А потому насмѣшки надъ высшимъ вдохновеніемъ Іона въ устахъ Сократа показываютъ, что это вдохновеніе Платонъ не считалъ настоящимъ, да и самъ рапсодъ въ своемъ наивномъ тщеславіи невольно признается, что его энтузіазмъ не очень серьезенъ. Хотя въ страшныхъ мѣстахъ у него волосы встаютъ дыбомъ, а въ патетическихъ—слезы выступаютъ изъ глазъ, однако это не мѣшаетъ ему внимательно слѣдить за впечатлѣніями зрителей, такъ какъ если бы его искусственная скорбь не произвела на нихъ достаточно сильнаго эффекта, то ему пришлось бы искренно заплакать надъ „улыбнувшимися" денежками. Поэтому хотя Іону очень лестно мнѣніе о его боговдохновенности, но онъ не соглашается съ тѣмъ, что его рапсодическія упражненія совершаются въ состояніи одержимости и умоизступленіи. И не потому только онъ это отрицаетъ, что находитъ такое состояніе для себя недостойнымъ, но и потому, что предположеніе Сократа слишкомъ противорѣчитъ его внутреннему опыту. Хотя Іонъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ „глупѣйшему народу рапсодовъ", но даже и для него понятно, что нельзя заразъ быть и внѣ себя, или не въ своемъ умѣ, т. е., какъ это описывается тутъ же Платономъ—лишиться самосознанія и самообладанія, совсѣмъ потерять себя, пассивно повинуясь только чуждой, овладѣвшей всѣмъ существомъ демонической власти,—и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко наблюдать за окружающими, сообразуя силу своего энтузіазма со степенью ихъ впечатлительности и думая о предстоящихъ доходахъ. Если Іонъ понималъ несовмѣстимость стихійнаго неистовства съ расчетливостью, то тѣмъ болѣе понималъ это Платонъ, и слѣдовательно вложенное имъ въ уста Сократа мнѣніе объ экстатическомъ внохновеніи рапсодовъ должно быть принято за иронію. По если такъ, если въ сущности онъ считалъ ихъ лишь невѣжественными обманщиками, то спрашивается, на чемъ же держался этотъ обманъ, чѣмъ собственно они дѣйствовали на зрителей,—такъ какъ вѣдь значительная сила этого дѣйствія есть фактъ безспорный.

III.

Внутренняя цѣнность мыслей, такъ изящно выраженныхъ въ этомъ произведеніи, не мѣшаетъ намъ замѣтить недостаточную членораздѣльность главныхъ опредѣленій. Вѣчный и всеобщій канонъ здравой мыслительной дѣятельности: *различать безъ разобщенія и связывать безъ смѣшенія*—равно какъ и вспомогательное къ нему правило: *наблюдать посредствующіе и переходные термины*—вовсе еще не были усвоены философствующимъ умомъ въ раннюю пору Платона,—какъ по скудости опытнаго матеріала, такъ и по непродолжительности упражненія. Нарушаются эти правила и въ нашемъ діалогѣ по отношенію къ понятіямъ *знаніе* и *искусство* (*ἐπιστήμη—τέχνη*) съ одной стороны, *божественное вдохновеніе* и *энтузіазмъ*—съ другой. А отсюда происходитъ, что сократическій взглядъ на дѣло рапсодовъ вмѣстѣ съ болѣе общимъ его взглядомъ на дѣятельность поэтовъ и всякихъ художниковъ,—будучи въ основѣ глубоко-вѣрнымъ и плодотворнымъ, представленъ одностороннимъ и весьма недостаточнымъ образомъ, оставляя въ умѣ читателя неразрѣшенныя сомнѣнія.

Въ своемъ отрицательномъ опредѣленіи рапсода, именно, что онъ дѣйствуетъ не по искусству (*οὐ τέχνῃ*) и не есть *τεχνικός*, Платонъ основывается на разсужденіи, которое поражаетъ прежде всего отождествлееніемъ понятій *искусство и знаніе*—настолько полнымъ, что слова *τέχνη* и *ἐπιστήμη* вездѣ употребляются какъ синонимы безо всякаго отличія. Развитіе образованности за послѣдніе четыре вѣка настолько отдѣлило и удалило другъ отъ друга: въ одну сторону эстетическую область искусства (въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и творчество, и технику), а въ другую сторону—теоретическую область научнаго знанія и отчетливаго философскаго мышленія, что для насъ теперь болѣе бросаются въ глаза частныя противоположности этихъ двухъ областей человѣческаго дѣйствія, нежели общность ихъ корней въ человѣческой природѣ и исторіи. Въ древности, напротивъ, какъ по состоянію самаго дѣла, такъ и по состоянію умовъ однородность искусства и знанія была болѣе явною. Бросались въ глаза общіе признаки,—

прежде всего тотъ, что и знаніе и искусство, и *ἐπιστήμη* и *τέχνη*, не суть готовыя природныя свойства, какъ красота или уродливость, кротость или сварливость, отважность, или трусость,— а что это состоянія, пріобрѣтенныя *обученіемъ*. Но этимъ простѣйшимъ и очевиднѣйшимъ признакомъ дается очень широкій объемъ для общаго понятія.

Соединяя понятіе искусства съ понятіемъ знанія черезъ понятіе обученія (наученія, науки), мы должны въ это понятіе искусства—науки включить и всевозможныя ремесла и служебныя работы, которымъ вѣдь тоже обучаются. И дѣйствительно мы видимъ, что въ сократовыхъ разговорахъ, какъ у Платона, такъ и у Ксенофонта, когда разъясняется понятіе *ἐπιστήμη — τέχνη*, то въ примѣръ большею частью берутся разныя ремесла и служебныя профессіи; тогда какъ никакому современному мыслителю, разъясняющему сущность познанія, или художественнаго творчества, не придетъ въ голову останавливаться на поварскомъ, или кучерскомъ *искусствѣ*, или на той *наукѣ*, которая преподается, напримѣръ, въ сапожныхъ заведеніяхъ города Москвы, хотя указанный общій признакъ, остался тотъже: какъ *обучаются* философіи и высшей математикѣ у профессоровъ въ университетѣ, такъ *обучаются* же и умѣнью приготовлять обувь—у мастеровъ этого дѣла, но такая общность совершенно закрывается существенною разнородностью этихъ профессій *).

Въ древней культурѣ не было твердаго расчлененія между идеальными и матеріальными профессіями, поэтому сократическіе примѣры и поясненія не могли казаться странными.

*) Замѣтимъ впрочемъ, что рядомъ съ возрастающимъ раздѣленіемъ занятій научныхъ, художественныхъ и ремесленныхъ въ новое время возрастаетъ и ихъ объединеніе, по мѣрѣ того, какъ ремесленная рутина поднимается до правильной техники, а эта техника находитъ себѣ основанія въ знаніяхъ научныхъ. Конечно, и тутъ остается въ силѣ ясная дифференціація между идеальными и матеріальными занятіями по самимъ задачамъ дѣятельности; но по умственному уровню дѣятелей, по пріемамъ усвоенія и передачи извѣстнаго умѣнья, если есть здѣсь пропасть, то никакъ не между людьми знанія и творчества съ одной стороны и людьми ремесла вообще—съ другой, а только между образованными и дикими людьми во всякомъ занятіи. Безъ сомнѣнія современный ученый техникъ въ любой матеріальной профессіи гораздо ближе къ научному изслѣдователю, къ мыслителю и художнику, чѣмъ къ послѣднимъ могиканамъ старозавѣтной ремесленности съ ихъ одностороннею преданностью *апостеріорнымъ* методамъ обученія посредствомъ ременныхъ и березовыхъ учебныхъ пособій, причемъ умственный кругозоръ самого учителя можетъ расширяться лишь практическимъ ознакомленіемъ съ истинами одной только науки — уголовнаго судопроизводства.

Ясно однако, что возможность обучать и обучаться не была единственнымъ существеннымъ признакомъ въ платоновомъ понятіи *ἐπιστήμη—τέχνη* (знанія искусства). Вѣдь въ нашемъ діалогѣ отнимается у рапсодовъ качество техниковъ-знатоковъ, а между тѣмъ рапсоды безъ сомнѣнія обучались и обучали своему дѣлу.

Значитъ долженъ быть въ платоновомъ понятіи науки—искусства другой, главный признакъ, которымъ существенно видоизмѣняется характеръ и достоинство самого обученія.

IV.

Въ аргументаціи Сократа, какъ она представлена въ нашемъ діалогѣ, особенно выдается съ начала и до конца другой признакъ, характеризующій знаніе—искусство,—именно полная сознательность, преднамѣренность и отчетливость этой дѣятельности, противоположной въ этомъ отношеніи безотчетному вдохновенію поэтовъ, передаваемому отъ нихъ и рапсодамъ, которыхъ Платонъ во II книгѣ *о Государствѣ* (373 В) называетъ *служителями* поэтовъ (*ποιηταί τε καὶ τούτων ὑπηρέται, ῥαψῳδοί κ. τ. λ.*). Это мнѣніе о безсознательности и безотчетности поэтическаго вдохновенія принадлежало историческому Сократу по согласному съ Ксенофонтомъ свидѣтельству Платоновой Апологіи, гдѣ говорится, что источникъ дѣятельности поэтовъ—не мудрость (т. е. умѣнье), а что они дѣлаютъ свое дѣло „какою то природною силой и въ восторженномъ состояніи, какъ божьи гадатели и прорицатели; потому что и они изрекать-то изрекаютъ много прекраснаго, а знать ничего не знаютъ изъ того, о чемъ говорятъ“, *ἀλλὰ φύσει τινὶ καὶ ἐνθουσιάζοντες ὥσπερ οἱ θεομάντεις καὶ οἱ χρησμῳδοὶ καὶ γὰρ οὗτοι λέγουσι μὲν πολλὰ καὶ καλά, ἴσασι δὲ ουδὲν ὧν λέγουσιν*. Apol. 22, C.

Въ нашемъ діалогѣ этотъ взглядъ на безсознательный и безотчетный характеръ творчества выраженъ съ особою рѣзкостью: поэты и примыкающіе къ нимъ лицедѣи и рапсоды прямо называются одержимыми и находящимися не въ своемъ умѣ. И тутъ особенно чувствуется упомянутый формальный недостатокъ начинающаго мышленія. По существу, конечно, Платонъ правъ. Поэзія и всякое другое настоящее художество,— куда независимо отъ сократической оцѣнки слѣдуетъ отнести и хорошее актерство, — имѣетъ, безспорно, своимъ источникомъ не отчетливое размышленіе, а нѣчто совсѣмъ другое. Но существуетъ ли въ дѣйствительности то полное

и безусловное противоположеніе отчетливо знающаго искусства (*τέχνη-ἐπιστήμη*) и вдохновеннаго творчества, какъ изступленной одержимости, которое мы видимъ у Платона? Развѣ нѣтъ между ними связующихъ звеньевъ? Да вѣдь по настоящему кромѣ этихъ промежуточныхъ связей ничего и нѣтъ въ той нашей дѣйствительности, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Вѣдь и чисто-вдохновенное творчество безъ всякаго участія „своего ума", -- съ одной стороны, и чисто-знающее искусство (*ἐπιστήμη τέχνη*), какъ произведеніе исключительно своего ума — съ другой, вѣдь они не существуютъ на свѣтѣ живьемъ, а суть лишь по природѣ нераздѣльные, но анализомъ разсудка выдѣляемые *элементы* живой дѣйствительности, подобно тому, какъ водородъ и кислородъ, не существующіе, какъ отдѣльные газы въ дѣйствительной водѣ, добываются изъ нея химическимъ анализомъ.

Хотя о Гомерѣ собственно намъ ничего не извѣстно, но о множествѣ другихъ поэтовъ и древнихъ и новыхъ мы достаточно хорошо освѣдомлены и знаемъ, что это вовсе не были одержимые и изступленные, а люди въ своемъ умѣ, намѣренно и сознательно занимавшіеся своимъ дѣломъ и отличавшіеся отъ прочихъ смертныхъ во первыхъ особою способностью хорошо дѣлать именно это дѣло (талантъ, геній), во вторыхъ тѣмъ, что въ ихъ дѣланіи было больше, чѣмъ въ ихъ ясномъ, рефлектирующемъ сознаніи, и въ третьихъ, что они сильнѣе и чаще прочихъ испытывали тѣ повышенія душевной энергіи, которыя называются вдохновеніемъ. Эти три отличительные признака настоящаго творчества намѣчены и у Платона, но не съ тою отчетливостью и послѣдовательностью, которыми устранялись бы невѣрныя представленія о дѣлѣ.

Для того понятія, которое мы выражаемъ, говоря, что поэты творятъ вслѣдствіе своей естественной способности къ поэзіи, своего таланта, генія, дѣлающаго изъ поэзіи ихъ призваніе—для этого или близкаго къ этому понятія у Платона мы находимъ, повидимому, три различныя выраженія. Онъ говоритъ, что поэты и другіе художники творятъ *θεία μοίρα* — по божественному назначенію (*удѣлу*), или же *θεία δυνάμει* — божественною силою, или наконецъ *φύσει τινί* — букв. какою то природою, т. е. прирожденною способностью. Это послѣднее понятіе казалось бы совсѣмъ совпадаетъ съ нашимъ общепринятымъ, еслибы оно не являлось въ такомъ характерномъ сопровожденіи *φύσει τινί καὶ ἐνθουσιάζοντες* — по какой-то природѣ и въ *состояніи энтузіазма*. Энтузіазма у поэтовъ конечно никто не отнимаетъ и теперь. Но если мы вспомнимъ, что Платонъ обозначаетъ этимъ словомъ состояніе неистово пляшущихъ и скачущихъ корибантовъ и галлюцинирующихъ въ опьянѣніи вакханокъ, что какъ синонимъ *ἐνθουσιάζοντες* онъ употребляетъ *κατεχόμενοι* — одержимые, а также *ἔκφρονες* — съумасшедшіе и *μαινόμενοι* бѣсноватые, то намъ придется признать, что такой энтузіазмъ не совсѣмъ похожъ на тотъ, который мы приписываемъ художественному творчеству, а также что въ связи съ этимъ и платоновское *φύσει τινί* едва ли совпадаетъ съ ходячимъ понятіемъ прирожденнаго дарованія.

Правда, что въ изложеніи Платона описательная характеристика психическаго состоянія сливается съ его причиннымъ объясненіемъ: состояніе описывается, какъ умоизступленіе, а въ качествѣ причины его указывается одержаніе Музою, или какою нибудь другою сверхчеловѣческою силой (такое значеніе по связи двухъ текстовъ принимаетъ платоновское *φύσις τις*). Вопроса о первыхъ причинахъ художественнаго творчества мы здѣсь разбирать не будемъ, такъ какъ и Платонъ въ него не углубляется, по крайней мѣрѣ въ сократическихъ діалогахъ *). Допуская охотно общую точку зрѣнія нашего философа, на первый источникъ художественнаго творчества и признавая здѣсь нѣкоторое дѣйствіе силъ, или „природъ" сверхчеловѣческихъ, мы должны замѣтить, что самый способъ дѣйствія этого сверхчеловѣческаго начала творчества представленъ здѣсь слишкомъ односторонне я несоотвѣтственно дѣйствительности. Весьма характерно въ этомъ отношеніи указаніе на Тинниха Халкидійскаго. По словамъ Платона это былъ человѣкъ лишенный поэтическаго дарованія, но въ одинъ прекрасный день имъ овладѣлъ Аполлонъ, или Муза, — словомъ на него что-то нашло - и онъ произвелъ, очевидно безо-всякаго участія своего ума, прекраснѣйшую изъ всѣхъ пѣсенъ, а потомъ опять ничего путнаго сотворить не могъ. Всѣмъ извѣстно, что такіе случаи бываютъ, хотя рѣдко, но представляя такой исключительный случай какъ нормальный образчикъ поэтическаго творчества, Платонъ очевидно ошибается. Вѣдь еслибы то, что случилось съ Тиннихомъ, было характеристично для поэзіи вообще, то это значило бы, что для поэзіи вообще совсѣмъ не нужно не только умственнаго труда, но и поэтическаго даро-

*) Вообще къ эстетическимъ взглядомъ Платона, и особенно къ его мыслямъ о поэзіи и ея различныхъ родахъ мы еще будемъ имѣть случай возвращаться по поводу другихъ его, болѣе позднихъ произведеній, гдѣ между прочимъ прямѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ настоящемъ діалогѣ высказалось и его всегдашняя непріязнь къ Гомеру.

ванія, а нуженъ лишь чистый произволъ какого нибудь божественнаго, или дэмоническаго существа, которое, овладѣвши любымъ субъектомъ можетъ сдѣлать его мгновеннымъ инструментомъ для поэтическихъ произведеній—представленіе, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющее. Если въ томъ, что произошло съ Тиннихомъ Халкидійскимъ видѣть общій и нормальный характеръ художественнаго творчества, то придется, пожалуй, и способъ дѣйствія упоминаемыхъ Платономъ вакханокъ, черпавшихъ молоко изъ рѣчной воды, признать за образецъ молочнаго хозяйства.

Если же взять болѣе широкую опытную основу для понятія о поэтическомъ вдохновеніи, то нужно будетъ допустить, что это вдохновеніе 1) не овладѣваетъ произвольно всякимъ, а предполагаетъ обыкновенно прирожденную и въ извѣстной степени постоянную способность къ его воспринятію со стороны воспринимающаго; 2) эта постоянная природная особая сила нѣкоторыхъ людей, называемая поэтическою талантливостью и геніальностью, отсутствовавшая можетъ быть у Тинниха Халкидійскаго, за то несомнѣнно присутствовавшая у Алкея, Архилоха, Тиртея, у Сафо и великаго множества другихъ поэтовъ, хотя дѣйствуетъ не отъ ума (ибо тогда всякій умный человѣкъ могъ бы быть и хорошимъ поэтомъ настолько, насколько онъ уменъ,—чего на самомъ дѣлѣ мы не видимъ,)—но дѣйствуя *не отъ ума*, эта поэтическая сила дѣйствуетъ *съ умомъ*, во первыхъ въ смыслѣ *присутствія* ума—ибо вообще не бываетъ, чтобы что нибудь истинно поэтическое создавалось въ состояніи дѣйствительнаго безумія и безсознательности,—а вовторыхъ и въ смыслѣ вспомогательнаго умственнаго *труда* такъ какъ хотя посредствомъ одного труженичества и нельзя сдѣлаться настоящимъ поэтомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что всѣ настоящіе поэты болѣе или менѣе трудились умственно и трудятся надъ изученіемъ (хотя бы грубо-эмпирическимъ) своего дѣла и надъ обработкою своихъ произведеній.

Что поэтическое вдохновеніе, какъ и всякое другое, во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ черты сходства съ нѣкоторыми видами психическаго разстройства, это несомнѣнно,—но узкіе предѣлы этого сходства очевидны уже изъ того, что о „безуміи поэтовъ" говорятъ скорѣе въ смыслѣ похвалы, какъ объ ихъ преимуществѣ, не требующемъ ни мѣръ предосторожности, ни курса леченія. „Безуміе поэта" есть метафора, которая въ точномъ смыслѣ значитъ только, что въ самомъ процессѣ творчества поэтъ, свободный отъ разсудочной ограниченности, испытываетъ и показываетъ необычное повышеніе интуитивной сверхразсудочной дѣятельности ума. И если это повышеніе вызвано (отчасти) дѣйствіемъ какой нибудь сверхчеловѣческой силы, то во всякомъ случаѣ это не есть платоновское „одержаніе", гдѣ поэтъ превращается въ безвольное и безсознательное, слѣдовательно *механическое* орудіе внѣшней ему и чуждой силы. Вмѣсто пассивной одержимости необходимо признать здѣсь взаимодѣйствіе между вдохновляющею силою и цѣлымъ существомъ вдохновляемаго *), а онъ прежде всего долженъ быть способенъ къ такому взаимодѣйствію, т. е. не только *воспріимчивъ* вообще къ вдохновляющему дѣйствію, но также *устроенъ* органически и для соотвѣтствующей реакціи и *настроенъ* (въ данный моментъ) къ ея прямому обнаруженію. Одна воспріимчивость къ дѣйствію музъ вообще даетъ лишь основаніе для эстетическаго вкуса; особое устроеніе, или постоянная приспособленность души къ художественнымъ реакціямъ того, или другого рода, есть то, что на различныхъ степеняхъ силы и совершенства называется художественною способностью, или умѣньемъ, дарованьемъ, талантомъ, геніемъ; наконецъ дѣйствительный моментъ творческой производительности или осуществленія художническихъ реакцій есть то, что въ собственномъ смыслѣ называется вдохновеніемъ — ощутительная встрѣча воспріимчивой, художественно устроенной и настроенной души съ положительнымъ сверхчеловѣческимъ дѣйствіемъ. Что этотъ третій актуальный моментъ творчества необходимо предполагаетъ два первыя условія—поэтическую воспріимчивость и поэтическую даровитость, — однимъ словомъ естественную предрасположенность души къ такому именно дѣланію—это всего лучше поясняется изъ удивительнаго сравненія Платона въ настоящемъ же діалогѣ: пусть Муза такъ же дѣйствуетъ на поэта и черезъ поэта, какъ магнитъ на желѣзное кольцо и черезъ него на другія, — но вѣдь только на *желѣзное* и никакое другое. Магнитъ какой угодно силы ни въ какомъ случаѣ не притянетъ кольца костяного, или деревяннаго и даже золотого. Точно также не только девять, но сорокъ тысячъ сестеръ, сколько бы ни старались, не окажутъ желаннаго дѣйствія на душу, по природному своему строенію не предрасположенную къ художественному творчеству,—что конечно нисколько не мѣшаетъ золоту быть гораздо цѣннѣе желѣза и иному человѣку, никогда не сочинившему даже ни одного

*) Въ родѣ того, что изображено у Альфреда Мюссе въ его „Ночахъ".

пэана, быть гораздо важнѣе и дороже для человѣчества, чѣмъ всѣ стихотворцы вмѣстѣ взятые.

V.

Если поэты и прочіе художники дѣлаютъ свое дѣло не какъ одержимые или держимые чуждою силою инструменты, передающіе другимъ только то, что въ нихъ извнѣ вложено, то съ другой стороны „знающіе искусники“ (обладатели ἐπιστήμη=τέχνη) не дѣйствуютъ только по одному отчетливому разсужденію и точнымъ свѣдѣніямъ о своемъ дѣлѣ. Кромѣ того, что для обоихъ родовъ дѣятельности требуется одно общее условіе: прирожденная способность или одаренность (такъ какъ не только для поэта, музыканта, или актера, но также для хорошаго математика и діалектика, полководца и мореплавателя необходимо природное дарованіе),—кромѣ этого и здѣсь для успѣшнаго примѣненія къ дѣлу своего дарованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ недостаточно ни точнаго знанія, основаннаго на изученіи и разсужденіи, ни пріобрѣтенной умѣлости, обусловленной постояннымъ упражненіемъ, а нужно еще нѣчто соотвѣтствующее вдохновенію, и обыкновенно называемое удачею. Какъ про дѣятельность художественно творческую мы сказали, что она, хотя не отъ ума происходитъ, но съ умомъ совершается, такъ про всякую дѣятельность познавательную и разсудочно-техническую (ἐπιστήμη τέχνη Платона) слѣдуетъ сказать, что она хотя не изъ вдохновенія проистекаетъ, но только при нѣкоторомъ вдохновеніи хорошо исполняется. Какъ умъ въ первомъ случаѣ, такъ вдохновеніе во второмъ—представляютъ не источникъ или полную причину дѣла, а лишь одно изъ его необходимыхъ условій. Какъ *не всѣ люди* могутъ одинаково хорошо заниматься извѣстнымъ дѣломъ, но по различію дарованій (первое условіе), одни лучше, другіе хуже, а третьи вовсе нѣтъ, такъ *не во всѣ моменты* своей жизни и дѣятельности *одинъ и тотъ же даровитый человѣкъ* одинаково удачно дѣлаетъ то, что дѣлаетъ, но по различію вдохновенія (второе условіе) иногда болѣе, иногда менѣе удачно, а иногда и вовсе неудачно. Я думаю, что правильно сближаю „удачу“ съ „вдохновеніемъ“; во многихъ случаяхъ, когда мы по русски говоримъ, что кто нибудь сдѣлалъ что нибудь удачно, на такомъ точномъ языкѣ какъ французскій, говорятъ, что сдѣлавшій, или произведшій это *былъ хорошо вдохновленъ* (il a été bien inspiré), а римлянинъ сказалъ бы: онъ это сдѣлалъ не безъ

божества (non sine numine fecit). Думаю также, что русская удача не очень далеко отстоитъ отъ той самой греческой *θεια μοιρα*, которую Платонъ въ разбираемомъ діалогѣ ошибочно пріурочиваетъ къ несуществующему безсознательному и умоизступленному творчеству, тогда какъ она очевидно есть окончательное условіе всякаго успѣшнаго дѣланія. На какихъ основаніяхъ можно было бы отрицать, напримѣръ, что Архимедъ открылъ свою гидростатическую аксіому *θείᾳ μοίρᾳ*, или *θείᾳ δυνάμει?*

Безъ сомнѣнія, противуполагая знающихъ искусниковъ, или искусныхъ знатоковъ умоизступленнымъ энтузіастамъ, Платонъ себя относилъ къ первому разряду людей, но и онъ конечно не могъ бы ничего возразить противъ того неоспоримаго указанія, что нѣкоторыя изъ его произведеній написаны съ бо́льшимъ вдохновеніемъ и потому вышли болѣе удачными, другіе съ меньшимъ и менѣе удачны, а третьи (наприм. двѣнадцать книгъ *Законовъ*) написаны безъ всякаго вдохновенія и удачи. То же самое можно сказать о всѣхъ значительныхъ философахъ и ученыхъ не менѣе, чѣмъ о поэтахъ и прочихъ художникахъ. А изъ этого простого факта въ связи съ предъидущими указаніями явствуетъ во первыхъ, что всѣ человѣческія дѣятельности, какъ таковыя, обусловлены одними и тѣми же опредѣляющими началами, а именно: природными склонностями и дарованіями, умомъ и разсужденіемъ, опытомъ, обученіемъ и упражненіемъ, наконецъ вдохновеніемъ; во вторыхъ ясно, что различаются человѣческія дѣятельности и занятія (напримѣръ философія и кучерская профессія, стихотворчество и скотоводство), помимо различія ихъ ближайшихъ предметовъ и цѣлей, лишь относительнымъ преобладаніемъ и степенью развитія тѣхъ или другихъ изъ указанныхъ образующихъ началъ всякой человѣческой дѣятельности; а въ третьихъ должно замѣтить, что вдохновеніе, какъ послѣдній и рѣшающій двигатель всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, тѣмъ самымъ вовсе не есть простое состояніе одержимости человѣка какою-то внѣшнею и произвольно его захватывающею силою, а представляетъ явленіе гораздо болѣе сложное, болѣе имманентное человѣку по существу и болѣе тѣсно связанное со всѣми другими его способностями и состояніями (какъ душевными, такъ и тѣлесными) и имѣющее въ феноменологической своей дѣйствительности множество различныхъ степеней и индивидуальныхъ оттѣнковъ.

VI.

Примѣняя изложенныя соображенія къ сюжету нашего діалога, мы можемъ теперь отвѣтить на вопросъ, что̀ же такое собственно былъ рапсодъ и чѣмъ онъ привлекалъ и удовлетворялъ свою публику. Онъ не былъ и не имѣлъ надобности быть ни одержимымъ энтузіастомъ, магически или магнетически передающимъ толпѣ этотъ свой, тоже магически или магнетически полученный, безумный энтузіазмъ,—ни совершеннымъ знатокомъ своего предмета, способнымъ дать полный и ясный отчетъ во всемъ, чего касалась его декламація. Такая дилемма по отношенію ли къ рапсоду, или къ кому бы то ни было, не соотвѣтствуетъ, какъ мы знаемъ. истинному положенію дѣла.

Іонъ, какъ и другіе хорошіе рапсоды, былъ, конечно, не чуждъ и вдохновенія. Несмотря на все свое хвастливое тщеславіе, такъ ярко изображенное Платономъ, Іонъ не былъ лжецомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; если невозможно ему повѣрить, когда онъ говоритъ, что будучи первымъ въ Элладѣ рапсодомъ онъ тѣмъ самымъ и первѣйшій полководецъ во всей Элладѣ, то вѣдь такое неосновательное утвержденіе свидѣтельствуетъ не о лживости, а только о томъ свойствѣ, которое Сократъ и его ученики отмѣтили во всемъ народѣ рапсодовъ. Но когда Іонъ свидѣтельствуетъ о простомъ фактѣ личнаго опыта, говоря, что во время рапсодированія у него въ патетическихъ и сильныхъ мѣстахъ показываются слезы, волосы встаютъ дыбомъ и сердце прыгаетъ,—эти слова внушаютъ намъ полное довѣріе. Такая возбужденность есть, конечно, нѣкоторый видъ вдохновенія, но, очевидно, это вдохновеніе не имѣетъ ничего общаго съ одержимостью и умоизступленіемъ, такъ какъ оно по свидѣтельству того же Іона совмѣщается съ наблюденіемъ за собою и другими и даже съ житейскими расчетами. При всей своей наивности и впечатлительности почтенный рапсодъ остается и на подмосткахъ не только въ своемъ умѣ, но и „себѣ на умѣ". Съ другой стороны вдохновеніе Іона, конечно, не слишкомъ высокаго рода и близко граничитъ съ особою физическою возбудимостью нервныхъ и истеричныхъ людей, которые тоже легко плачутъ, пугаются, испытываютъ сердцебіеніе, но при этомъ также не забываютъ и своихъ выгодъ. Но такъ какъ возбужденіе Іона на подмосткахъ вызывается все таки идеальнымъ предметомъ—Гомеровыми поэмами, которыя дѣйствуютъ на него особеннымъ образомъ и независимо

отъ корыстнаго расчета, потому что онъ вѣдь возбуждался лишь только заговорятъ при немъ о Гомерѣ,—то его состояніе должно все таки признать нѣкоторымъ видомъ вдохновенія, тѣмъ болѣе, что онъ повидимому не всегда бывалъ одинаково „въ ударѣ",—иначе онъ и не испыталъ бы зависимости своего вознагражденія отъ удачности или неудачности своего исполненія. И съ точки зрѣнія Платона вдохновеніе рапсода (если бы онъ и допускалъ его безъ ироніи) могло быть только вдохновеніемъ такъ сказать второй руки—не отъ самой Музы, а отъ вдохновеннаго музою поэта. Впрочемъ мы знаемъ, что помимо этой второстепенной и для Платона сомнительной вдохновенности рапсода, и первостепенное, непосредственно съ сверхчеловѣческимъ источникомъ связанное вдохновеніе поэтическаго генія, нисколько не исключаетъ (вопреки взгляду нашего философа) сознательности и присутствія ума, хотя и обращеннаго не туда, куда смотрѣлъ рапсодъ. Сознательность и присутствіе ума дѣйствительно несовмѣстимы лишь съ тою экстатическою одержимостью корибантовъ и вакханокъ, которую Платонъ неосновательно ставитъ въ прямую и тѣсную связь съ поэзіей и художественнымъ творчествомъ вообще—очевидно неосновательно, такъ какъ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы дѣйствительные корибанты и дѣйствительныя вакханки изъ своихъ бѣснованій выносили какое нибудь истинно-поэтическое произведеніе. Превращать воду въ медъ и молоко, конечно, легче (особенно съ пьяныхъ глазъ), нежели дикое *безразсудство* стихійныхъ оргій превратить въ *сверхразсудочность* художественнаго творчества.

VII.

Возвращаясь къ Іону, какъ типичному рапсоду и лицедѣю, должно замѣтить, что если у него нельзя отнять нѣкоторой посредственной, психофизической силы вдохновенія, то съ другой стороны нѣтъ также достаточнаго основанія не признавать за нимъ качества знатока и мастера своего дѣла. Этимъ не отрицается тотъ живой и я думаю совершенно реальный образъ глупца и невѣжды, въ которомъ является въ діалогѣ этотъ рапсодъ. Онъ былъ глупъ внѣ своей профессіи,—что и доселѣ „случается въ самыхъ лучшихъ семействахъ", какъ говорятъ французы. Онъ былъ невѣжественъ и безпомощенъ въ діалектикѣ. Я думаю даже, что онъ никогда не слыхалъ и названія этой новой тогда науки, все равно, какъ наши современные актеры навѣрное не знаютъ и по имени ту арие-

мологію, о которой недавно говорилось на ученомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Но вѣдь *зналъ* же Іонъ Гомера какъ свои пять пальцевъ, и *умѣлъ* же онъ изъ него декламировать такъ, что двадцать тысячъ соотечественниковъ хитроумнаго Одиссея приходили въ восторженное состояніе.

Какую бы оцѣнку ни дѣлали мы актерскому умѣнью, оно во всякомъ случаѣ есть дѣйствительное умѣнье, обусловленное особымъ дарованіемъ, и имѣющее въ нашей природѣ корни столь глубокіе, что первыхъ представителей актерскаго призванія слѣдуетъ искать между нашими до-человѣческими предками, изъ которыхъ многіе отлично умѣютъ и *передразниватъ*, и *притворяться*, т. е. обладаютъ начатками сценической профессіи. У Платона въ другихъ діалогахъ говорится о цѣлой области искусствъ подражательныхъ (μιμητική), куда прямо относится искусство рапсода, превосходящее конечно простое передразниваніе тѣмъ элементомъ знанія и изученія, которое требовалось отъ рапсода и не требуется отъ обезьяны. Знаніе это было такъ сказать начетческое, и невѣжество нашего Іона относительно Гомера состояло, конечно, не въ томъ, чтобы онъ его не зналъ,—напротивъ, онъ его зналъ по своему отлично,—а въ томъ, что это свое начетческое знаніе Гомера онъ принималъ за совершенно научное. Но между крайними предѣлами здѣсь такъ много сливающихся переходовъ, и особенно въ то время—гдѣ были точныя границы между знаніемъ научнымъ и ненаучнымъ? Положимъ, то, что сообщалъ Іонъ о Гомерѣ и по поводу Гомера не было научно ни по содержанію, ни по методу,—но насколько научно было въ обоихъ этихъ отношеніяхъ то естествовѣденіе, что мы находимъ въ Платоновомъ *Тимеѣ* и то языковѣденіе, что излагается въ Платоновомъ *Кратилѣ?* Думаю, что со стороны спеціальныхъ свѣдѣній и методовъ изслѣдованія разстояніе отъ Платона до Лавуазье и Фарадэ, до Боппа и Макса Миллера было ничуть не меньше, нежели разстояніе отъ Іона до Авг. Фридр. Вольфа и Отфрида Мюллера, и конечно та точка зрѣнія, съ которой Платонъ признавалъ рапсода невѣждою, вовсе не имѣла спеціально-научнаго характера въ современномъ смыслѣ.

Различіе между рапсодомъ и философомъ было другое и гораздо болѣе глубокое и важное: рапсодъ хотя имѣлъ многія знанія, но даже не ставилъ и вопроса о томъ, что такое собственно знаніе, какія его задачи, условія и *окончательная цѣль*, тогда какъ безспорная сущность философіи въ возбужденіи именно этого вопроса, каковы бы затѣмъ ни были его рѣшенія.

Впрочемъ нашъ діалогъ, мастерски изображая личность типическаго рапсода, къ сожалѣнію не даетъ намъ живого представленія о томъ, какъ и съ какой собственно стороны рапсоды изучали Гомера и что́ они о немъ сообщали. Сократъ не допускаетъ Іона представить образчики своего знанія о Гомерѣ — и это несомнѣнно есть важный недостатокъ діалога, заставляющій насъ несмотря на черты истинной геніальности въ немъ (магнитъ, характеристика поэта) согласиться съ тѣми критиками, которые признаютъ Іона незрѣлымъ и не вполнѣ обработаннымъ произведеніемъ Платона. Когда въ діалогѣ *Фэдръ* нашъ философъ хотѣлъ показать несостоятельность ораторовъ извѣстнаго рода, онъ не поскупился воспроизвести длинное посланіе Лизія о преимуществахъ спокойной любовной связи надъ пламенной страстью. Точно также для полнаго сужденія о рапсодахъ требовался какой нибудь объективный corpus delicti.

Настоящею задачей Платона въ этомъ діалогѣ не было, конечно, обвинять Іона или рапсодовъ вообще въ томъ, что они плохіе лицедѣи, или не имѣютъ достаточнаго фактическаго знакомства съ Гомеровыми поэмами, а лишь показать, что весь этотъ культъ Гомера, представляемый рапсодами, какъ по своему предмету, такъ и по характеру отношенія къ этому предмету со стороны рапсодовъ, не можетъ имѣть того высокаго авторитета и руководственнаго значенія, на которое они заявляли притязанія. Жрецы Гомерова культа не имѣли права направлять общественное сознаніе и жизнь не потому, конечно, что бы они плохо знали гомеровскіе стихи, или не умѣли производить желательнаго имъ впечатлѣнія на толпу,—а потому, что по степени и свойству своего умственнаго развитія они не могли и даже не чувствовали потребности дать себѣ и другимъ разумнаго отчета въ общемъ значеніи и характерѣ—въ истинномъ смыслѣ гомеровской поэзіи. Они не только не могли рѣшить, но и не ставили вопроса: должна ли, и *почему* эта поэзія быть верховнымъ и универсальнымъ авторитетомъ для эллиновъ. Стихи его они знали, чувствовали и передавали хорошо, но каноническое такъ сказать значеніе Гомера принималось ими слѣпо на вѣру, и никакого разумнаго оправданія для него они не приводили и не могли привести. Живымъ и нагляднымъ образомъ показать эту внутреннюю несостоятельность и безпомощность гоме-

ровскаго культа—вотъ прямая задача нашего діалога, блистательно имъ исполненная не смотря на указанные недостатки. У читателя получается рѣшительное впечатлѣніе въ томъ смыслѣ, что люди, подобные Іону (а онъ вѣдь былъ лучшій изо всѣхъ рапсодовъ въ Элладѣ), какъ ограниченные спеціалисты, безотчетно преданные своей профессіи съ слѣпою и комически притязательною вѣрою въ ея высшее значеніе, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть духовными вождями исторической націи.

Но одна ли профессія рапсодовъ имѣла притязаніе на высшій авторитетъ при полной неспособности оправдать такое притязаніе отчетливымъ мышленіемъ? Мы знаемъ изъ *Второго Алкивіада* сократическій взглядъ на слабость въ этомъ отношеніи всѣхъ профессіональныхъ людей вообще. Этотъ общій сократическій взглядъ, поясненный въ *Іонѣ* на счетъ рапсодовъ, поясняется въ *Лахесѣ* на счетъ военной профессіи.

ЛАХЕСЪ

(ИЛИ О МУЖЕСТВѢ).

Собесѣдники: ЛИЗИМАХЪ, МЕЛЕЗІЙ, НИКІЙ, ЛАХЕСЪ. Сыновья ЛИЗИМАХА и МЕЛЕЗІЯ, СОКРАТЪ.

ЛАХЕСЪ.

Лиз. Ну вотъ, Никій и Лахесъ [1]), видѣли вы этого 178.
человѣка, какъ онъ состязался въ полномъ вооруженіи [2]);
а зачѣмъ я и вотъ онъ, Мелезій, заставили васъ посмот-
рѣть его вмѣстѣ съ нами, давеча мы не сказали, теперь
же хотимъ сказать, потому, думаемъ мы, что съ вами-то
намъ нужно быть откровенными. Вѣдь есть и такіе, что
смѣются надъ подобными вещами, и если кто-нибудь об-
ратится къ нимъ за совѣтомъ, они не скажутъ прямо того,
что думаютъ, а, примѣняясь къ человѣку, который съ
ними совѣтуется, говорятъ другое несогласно съ собствен- B.
нымъ своимъ мнѣніемъ. Но васъ мы считаемъ способными
и понять дѣло, и просто сказать, что вы объ этомъ ду-
маете; вотъ почему мы и взяли васъ на совѣщаніе по
вопросу, о которомъ сейчасъ и сообщимъ вамъ. И вотъ,
стало быть, къ чему я это все веду. Мальчики эти—сы-
новья наши; этотъ, котораго зовутъ по имени дѣда Ѳуки-
дидомъ,—вотъ его сынъ, а этотъ—мой; и онъ тоже но-
ситъ имя своего дѣда, отца моего: Аристидомъ зовемъ его. 179.
Вотъ мы и рѣшили заботиться о нихъ насколько можно болѣе
и не поступать такъ, какъ всѣ поступаютъ,—не позволять
мальчикамъ, какъ только они выросли, дѣлать все, что
имъ угодно, но именно теперь и начать заботиться о нихъ

---

[1]) О собесѣдникахъ Сократа въ этомъ разговорѣ смотри ниже въ *разсужденіи*.

[2]) Рѣчь идетъ о преподавателѣ фехтованія (*ὁπλόμαχος; ὁπλομαχία, ἐν ὅπλοις μάχεσθαι*). Фехтованіе было въ это время моднымъ упражненіемъ и преподавалось софистами наряду съ другими военными дисциплинами; о его значеніи и о томъ, какъ смотрѣли на него греки, мы узнаемъ всего болѣе изъ отзывовъ о немъ Никія и Лахеса въ самомъ діалогѣ.

B. по мѣрѣ нашихъ силъ. Зная же, что и у васъ есть сы-
новья, мы полагали, что кому же какъ не вамъ было по-
заботиться о томъ способѣ ухода за ними, чрезъ который
они бы стали что ни на есть лучше. А если-бы оказа-
лось, что вы не очень-то подумали объ этомъ, то мы хо-
тѣли напомнить, что не слѣдуетъ пренебрегать этимъ — да и
пригласить васъ сообща заняться какъ-нибудь нашими сы-
новьями. А какъ мы это надумали, Никій и Лахесъ, это
вамъ надобно выслушать, будь оно немножко и длинно.
C. Вѣдь у насъ съ Мелезіемъ столъ общій, и мальчики обѣ-
даютъ вмѣстѣ съ нами. Я ужъ сказалъ, что мы будемъ
съ вами откровенны. Такъ вотъ у каждаго изъ насъ много
есть чего хорошаго поразсказать молодымъ людямъ о томъ,
что сдѣлали наши отцы и на войнѣ и въ мирное время,
устраивая дѣла или союзниковъ, или самого города; своихъ
же собственныхъ подвиговъ ни тотъ, ни другой изъ насъ
назвать не можетъ. Понятно, что мы стыдимся этого пе-
D. редъ ними и винимъ нашихъ отцовъ, что насъ, когда мы стали
подростками, они допускали бездѣльничать, а чужими дѣлами
занимались. И юношамъ нашимъ мы ставимъ это на видъ.
говоря, что если они не послушаются насъ и не потру-
дятся надъ собою, то и славы имъ никакой не будетъ,
а если потрудятся, то легко сдѣлаются достойными именъ,
которыя носятъ. А какъ они говорятъ, что послушаются,
то вотъ мы и думаемъ, какую бы слѣдовало имъ пройти
науку или чѣмъ бы такое заняться, чтобы стать вполнѣ
E. достойными людьми. Вотъ и это обученіе присовѣтовалъ намъ
одинъ человѣкъ, дескать хорошо бы юношамъ научиться
состязанію въ полномъ вооруженіи, и хвалилъ намъ этого
самаго человѣка, на представленіи котораго вы сейчасъ
были, и наказывалъ посмотрѣть его. Мы и сочли нужнымъ
и самимъ пойти посмотрѣть этого человѣка, да и васъ
захватить съ собою, чтобъ вы кстати и посмотрѣли вмѣстѣ
съ нами, а, если есть охота, то и помогли намъ совѣтомъ
180. и приняли участіе въ нашей заботѣ о сыновьяхъ. Вотъ о
чемъ мы хотѣли сообщить вамъ, а теперь ужъ ваше дѣло
дать намъ совѣтъ и относительно этой науки, слѣдуетъ-ли
по вашему обучаться ей или нѣтъ, и относительно чего дру-
гого, въ случаѣ если вы можете указать какое-нибудь
обученіе или занятіе, подходящее для молодого человѣка,
а ужъ также скажите намъ, что́ вы думаете относительно
того, чтобы присоединиться къ намъ въ этомъ дѣлѣ.

Ник. Съ своей стороны, Лизимахъ и Мелезій, я не
только хвалю ваше намѣреніе, но и готовъ присоединиться
къ вамъ; думаю, что вотъ и Лахесъ тоже.

Лах. И ты не ошибаешься, Никій. Дѣйствительно, B.
то, что Лизимахъ говорилъ сейчасъ о своемъ отцѣ и объ
отцѣ Мелезія, мнѣ кажется вполнѣ можетъ быть сказано
не о нихъ однихъ, но и о насъ, да и обо всѣхъ, кто только
занимается государственными дѣлами; съ ними дѣйстви-
тельно бываетъ въ томъ родѣ, какъ онъ говорилъ: и дѣти,
и прочее ихъ достояніе остаются у нихъ въ пренебреже-
ніи и безо всякаго попеченія. Это ты вѣрно говоришь,
Лизимахъ; что же касается того, что ты обращаешься за
совѣтомъ къ намъ, а Сократа вотъ не приглашаешь, этому C.
я удивляюсь, во первыхъ потому, что онъ тебѣ землякъ [3]),
а кромѣ того, гдѣ только ни зайдетъ рѣчь о чемъ-нибудь
подобномъ тому, чего ты ищешь, о наукѣ или о какомъ
нибудь занятіи, полезномъ для юношей, — онъ всегда тутъ
какъ тутъ.

Лиз. Да что ты говоришь, Лахесъ? значитъ Сократъ
этотъ занимается такими вещами?

Лах. Безъ сомнѣнія, Лизимахъ.

Ник. Объ этомъ и я, пожалуй, могу засвидѣтельство-
вать тебѣ не хуже Лахеса, потому что онъ мнѣ самому
недавно указалъ для моего сына учителя музыки, Агаѳок- D.
лова ученика Дамона [4]), нетолько изряднаго музыканта,
но и человѣка, способнаго руководить мальчиками этого
возраста и въ чемъ угодно другомъ.

Лиз. Нашему брату куда ужъ знать тѣхъ, что помо-
ложе, Сократъ, Лахесъ и Никій, потому что по годамъ
нашимъ мы больше сидимъ дома. Такъ если и ты можешь
посовѣтовать земляку своему что нибудь хорошее, сынъ
Софрониска, то посовѣтуй; оно и слѣдуетъ: вѣдь ты уже E.
по отцу долженъ быть намъ другомъ, потому что мы съ
твоимъ отцомъ всегда были пріятелями и друзьями, и до
самой его кончины не было у насъ съ нимъ никакого

---

[3]) *ὄντα δημότην.* Демотъ—ближайшій землякъ, принадлежащій къ одному дему съ кѣмъ нибудь. Демъ (*δῆμος*) единица земельнаго дѣленія Аттики, небольшой округъ; Аристидъ и Сократъ были изъ дема Алопеки, находившагося въ получасѣ ходьбы отъ Аѳинъ, на сѣверо-востокъ отъ города.

[4]) Дамонъ—извѣстный музыкантъ, по преданію учитель Платона; см. о немъ въ *Первомъ Алкивіадѣ*, 218 С. Агаѳоклъ—неизвѣстенъ.

недоразумѣнія. А еще вотъ что: они говорятъ, а мнѣ кое-
что и припомнись; эти самыя наши дѣти, разговаривая
дома между собою, часто поминаютъ какого-то Сократа и
очень его расхваливаютъ, а я ни разу и не спросилъ ихъ,
181. не о сынѣ-ли Софрониска они говорятъ. Ну, ребята, скажите
мнѣ, это и есть Сократъ, котораго вы постоянно поминаете?

Сыновья. Конечно, отецъ, онъ самый.

Лиз. Клянусь Герой, Сократъ, это во всякомъ случаѣ
хорошо, что ты поддерживаешь добрую славу такого пре-
восходнѣйшаго человѣка, какъ твой отецъ, и въ другихъ
отношеніяхъ, а главное въ томъ, что способствуешь про-
долженію дружбы между нашими домами.

Лах. Смотри, Лизимахъ, не отпускай отъ себя этого
B. человѣка; я могу сказать, что мнѣ пришлось видѣть его
еще кое-гдѣ поддерживающимъ славу не то-что отца, но
отечества; а именно, во время отступленія подъ Деліемъ [5])
шелъ онъ вмѣстѣ со мною, ну и я тебѣ скажу, что по-
желай только другіе вести себя такъ же, какъ онъ, —
прямо стоялъ бы нашъ городъ и не палъ бы тогда такимъ
паденіемъ.

Лиз. Это поистинѣ прекрасная похвала, когда хвалятъ
люди, заслуживающіе довѣрія, да еще за то именно, за
что они тебя хвалятъ, Сократъ; будь увѣренъ, слыша это,
я радуюсь, что ты въ такой славѣ, и считай меня въ
числѣ самыхъ благорасположенныхъ къ тебѣ людей. А
C. вѣдь по правдѣ-то слѣдовало-бы тебѣ и раньше догадаться
ходить къ намъ и считать насъ за своихъ; ну а ужъ съ
этого дня, послѣ того какъ мы признали другъ друга, ты
иначе и не думай, а ходи къ намъ и знай впередъ и насъ,
и этихъ юношей, чтобы дружба отцовъ сохранялась и меж-
ду вами. Ну а съ чего мы начали, объ этомъ-то что вы
скажете? Какъ вамъ кажется, полезно мальчикамъ это
обученіе, или нѣтъ: научиться состязанію въ полномъ во-
оруженіи?

D. **Сок**. Что касается меня, Лизимахъ, то и въ этомъ я
постараюсь дать тебѣ совѣтъ, насколько могу, а съ дру-
гой стороны исполню и то, чего ты отъ меня желаешь.
Но всего правильнѣе было бы, кажется, еслибы я, какъ
самый молодой и неопытный, послушалъ сначала ихъ, что
они скажутъ, и поучился бы у нихъ; а еслибы у меня

[5]) Подъ Деліемъ Аѳиняне были разбиты Беотійцами въ 424 г.

нашлось сказать еще что-нибудь сверхъ того, что они
скажутъ, тогда только могъ бы я обратиться съ поученіе-
емъ и убѣждать и тебя, и ихъ. Такъ вотъ, Никій, отчего
бы не высказаться изъ васъ тому, или другому?

Ник. Ничто не мѣшаетъ, Сократъ. И мнѣ кажется E.
именно, что изучать эту науку полезно юношамъ во мно-
гихъ отношеніяхъ. Ужъ одно то хорошо что молодые люди
будутъ проводить время не въ томъ, въ чемъ они обык-
новенно любятъ его проводить, когда бываютъ свободны,
а въ такомъ занятіи, отъ котораго и тѣло необходимо при-
ходитъ въ лучшее состояніе, потому что, занятіе это ни-
чѣмъ не хуже и требуетъ не меньшихъ усилій, чѣмъ всѣ 182.
другія упражненія; а кромѣ того, наряду съ верховой
ѣздой, это упражненіе какъ нельзя болѣе идетъ свобод-
ному гражданину. Вѣдь на томъ поприщѣ, гдѣ мы борцы
и къ тому, въ чемъ намъ предстоитъ борьба, готовится
только тотъ, кто упражняется въ обращеніи съ орудіями,
употребляемыми на войнѣ. Далѣе, наука эта можетъ по-
жалуй принести пользу и во время самаго сраженія, когда
приходится сражаться въ строю вмѣстѣ со многими дру-
гими. Но самая большая отъ нея польза—это когда ряды
уже прорваны и когда приходится биться поодиночкѣ, либо B.
нападая на отступающаго во время преслѣдованія, либо во
время бѣгства самому отражая нападеніе; и человѣкъ, знаю-
щій эту науку, не понесетъ никакого вреда, сражаясь по
крайней мѣрѣ противъ одного, а очень можетъ быть, что
и сражаясь противъ многихъ, но всюду, благодаря ей,
будетъ брать верхъ. А еще она вызываетъ стремленіе
къ другой изящнѣйшей наукѣ; потому что всякій, научив-
шись состязаться въ полномъ вооруженіи, пожелаетъ и той
науки, которая слѣдуетъ за этимъ по порядку,—науки о
расположеніи войска, и, усвоивъ и то и другое и полагая
въ этомъ свое честолюбіе, устремится къ изученію всего,
что необходимо для полководца. Но уже вполнѣ очевидно, C.
что всѣ относящіяся сюда обученія и упражненія, которыя
ведетъ за собою это дѣло, благородны и заслуживаютъ
того, чтобы учиться имъ и упражняться въ нихъ. При-
бавлю еще вещь немаловажную, что наука эта дѣлаетъ
всякаго человѣка значительно болѣе смѣлымъ и мужествен-
нымъ на войнѣ, чѣмъ бы онъ былъ безъ нея. И того не
пройдемъ молчаніемъ, хотя бы это и показалось кому-ни-
будь неважнымъ, что черезъ нее человѣкъ пріобрѣтаетъ

болѣе внушительную осанку, какъ разъ тамъ, гдѣ ему
D. необходимо имѣть ее, и черезъ это является болѣе страшнымъ для враговъ. Итакъ, Лизимахъ, я повторяю, что на мой взглядъ юношей слѣдуетъ учить этому дѣлу, а почему слѣдуетъ, я уже сказалъ; и вотъ, если бы Лахесъ съ своей стороны что-нибудь прибавилъ, я бы самъ послушалъ его съ удовольствіемъ.

Лах. Право ужь, Никій, трудновато сказать о какой бы то ни было наукѣ, что не слѣдуетъ учиться ей, потому что намъ кажется, что хорошо бы знать все; вотъ
E. тоже и это *вооруженное состязаніе*[6]) если оно наука, какъ утверждаютъ преподающіе его и какъ думаетъ Никій, слѣдуетъ ему учиться, если же не наука, и тѣ, что берутся обучать этому, только обманываютъ насъ, или, хотя-бы и наука, но не слишкомъ важная, то къ чему и учиться ей? Говорю же я это такъ, соображая слѣдующее: если бы, думается мнѣ, было тутъ что-нибудь такое, то ужъ это не скрылось бы отъ Лакодемонянъ, у которыхъ нѣтъ въ жизни другой заботы, какъ именно изобрѣтать
183. что-нибудь и упражняться въ чемъ-нибудь такомъ, благодаря чему они могли бы превзойти другихъ въ военномъ дѣлѣ. Но если они это и проглядѣли, за то предподаватели этой науки не проглядѣли того обстоятельства, что Лакодемоняне ревностнѣе всѣхъ Эллиновъ занимаются подобными вещами, и что если ужъ у нихъ прославился кто-нибудь на этомъ поприщѣ, такой человѣкъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ заработаетъ много денегъ,—ну вотъ такъ же, какъ сочинитель трагедіи, который бы прославился
B. у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто думаетъ, что сочинилъ хорошую трагедію, тотъ не ставитъ ее въ разныхъ другихъ городахъ, колеся вокругъ Аттики, но является прямо сюда и показываетъ ее здѣшнимъ зрителямъ, какъ и слѣдуетъ. А эти состязающіеся въ полномъ вооруженіи, какъ видно, считаютъ Лакедемонъ какимъ-то заповѣднымъ святилищемъ и ноги занести туда не смѣютъ, но обходятъ его кругомъ и показываютъ свое искусство всѣмъ, только не Лакедемонянамъ, а предпочтительно тѣмъ, которые и сами готовы

---

[6]) *τὸ ὁπλιτικὸν τοῦτο;* обыкновенно *ὁπλιτικὸν* означаетъ всю тяжело-вооруженную часть войска; если бы это слово было равнозначительнымъ *ὁπλομαχία,* то указательное мѣстоимѣніе *τοῦτο* являлось бы лишнимъ; скорѣе же Лахесъ употребилъ здѣсь выраженіе, въ которомъ заключалась какая-то насмѣшка.

согласиться, что многіе опередили ихъ въ военномъ искусствѣ. А затѣмъ, мнѣ не разъ приходилось бывать съ ними C.
въ дѣлѣ, и я знаю, какіе это люди. Впрочемъ это можно видѣть изъ того уже, что, какъ нарочно, никто изъ этихъ предающихся состязанію въ полномъ вооруженіи никогда не сдѣлался военною знаменитостью. Во всемъ остальномъ обыкновенно кто надъ чѣмъ работаетъ, въ томъ и пріобрѣтаетъ извѣстность, а имъ какъ-то особенно не везетъ въ ихъ дѣлѣ. Вотъ и этого Стезилая, котораго вы смотрѣли D.
вмѣстѣ со мною въ такой толпѣ и который не вѣсть что говорилъ о себѣ въ своей рѣчи, мнѣ посчастливилось видѣть въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему пришлось волей неволей показать свое искусство въ настоящемъ видѣ. А именно, когда судно на которомъ онъ служилъ, напало на какую-то баржу, онъ сражался съ помощью серпоноснаго копья, оружія совершенно особеннаго, какъ и самъ онъ человѣкъ особенный. Объ остальномъ не стоитъ разсказывать, а вотъ только къ чему привела остроумная выдумка придѣлать къ копью серпъ. Онъ сражается, а серпъ зацѣпись E.
гдѣ-то за снасти, да застрянь крѣпко. Потащилъ его къ себѣ нашъ Стезилай, чтобы высвободить, да не смогъ; тѣмъ временемъ баржа стала проходить бокъ о бокъ съ нашимъ кораблемъ; пока она проходила, онъ все время бѣжалъ вдоль по кораблю, держась за свое копье, а какъ она прошла совсѣмъ и потащила его за собою вмѣстѣ съ копьемъ, онъ сталъ перепускать копье рукою, пока наконецъ не ухватился за самый его кончикъ. И поднялся 184.
смѣхъ и гамъ на баржѣ, какъ завидѣли его въ этомъ положеніи, а когда кто-то бросилъ ему въ ноги на палубу камень, и онъ выпустилъ копье, тутъ ужъ и у насъ на тріерѣ никто не былъ въ силахъ удержаться отъ хохота при видѣ онаго серпоноснаго копья, висящаго на (непріятельской) баржѣ. Такимъ образомъ можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ въ томъ родѣ, какъ утверждаетъ Никій; только вотъ что пришлось мнѣ самому видѣть. Значитъ, какъ я и сначала B.
сказалъ, или это наука, только немного въ ней пользы, какъ вы видите, или совсѣмъ не наука, а только такъ называется и выдается за науку,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не стоитъ браться за ея изученіе. И мнѣ кажется, что если кто-нибудь, будучи трусомъ, возмнитъ себя знатокомъ этого дѣла, то, ставши отъ этого заносчивѣе, тѣмъ болѣе обнаружитъ, каковъ онъ; а съ другой стороны

и храбрый, за которымъ всѣ слѣдятъ, погрѣшивъ хотя бы въ пустякѣ, можетъ подвергнуться большому злословію. Вѣдь на присвоеніе себѣ такого рода знанія смотрятъ косо, такъ что тому, кто выдаетъ себя за знатока въ этомъ дѣлѣ, никакъ не избѣжать насмѣшекъ, развѣ что
C. онъ ужъ не знаю какъ выдѣляется между всѣми своею доблестью. Вотъ приблизительно мой взглядъ на увлеченіе этою наукой, Лизимахъ. Но, какъ я уже сказалъ, ты долженъ не отпускать и Сократа, а просить его сообщить намъ свое мнѣніе, что онъ думаетъ объ этомъ предметѣ.

D. **Лиз.** Такъ ужъ я прошу тебя, Сократъ. Мнѣ самому кажется, что въ нашемъ совѣщаніи не достаетъ какъ-бы рѣшающаго голоса. Будь они согласны между собою, тогда не было бы въ этомъ такой нужды, а теперь самъ ты видишь, что Лахесъ сказалъ какъ разъ совсѣмъ другое, чѣмъ Никій; а потому хорошо бы было и тебя послушать, съ кѣмъ-то изъ нихъ ты согласенъ.

Сокр. Какъ же это, Лизимахъ? Изъ двухъ мнѣній ты думаешь принять то, которое будетъ одобрено большинствомъ изъ насъ?

Лиз. Кто-жъ бы сдѣлалъ иначе, Сократъ?

E. **Сокр.** И ты такъ же бы сдѣлалъ, Мелезій? Положимъ, ты бы совѣтовался о гимнастикѣ для своего сына, какого рода упражненіе ему необходимо, неужели и тогда бы ты послушался большинства, а не того изъ насъ, кому пришлось изучать гимнастику и упражняться въ ней подъ руководствомъ хорошаго преподавателя?

Мел. Разумѣется его, Сократъ.

Сокр. И будь насъ четверо противъ него, ты бы и тогда послушался его скорѣе, чѣмъ насъ?

Мел. По всей вѣроятности.

Сокр. Потому, полагаю, что дѣло знанія, а не количества, рѣшать то, что должно быть хорошо рѣшено.

Мел. Какъ же иначе?

185. **Сокр.** Вотъ то же самое и теперь; сначала намъ нужно посмотрѣть, искусенъ ли тотъ или другой изъ насъ въ томъ, о чемъ мы совѣщаемся, или нѣтъ, и кто окажется искуснымъ, того и послушаться, а на другихъ ужъ не смотрѣть; если же не окажется искуснымъ, поискать другого. Или вы думаете съ Лизимахомъ, что въ настоящее время дѣло идетъ у васъ о какомъ-нибудь пустякѣ, а не о томъ, что

у васъ есть самаго дорогого? Выйдутъ ли сыновья хорошими, или наоборотъ, вѣдь и вся жизнь отца устроится смотря по тому, какими они выйдутъ.

Мел. Вѣрно разсуждаешь.

Сокр. Значитъ большая требуется предусмотрительность въ этомъ дѣлѣ.

Мел. Еще-бы!

Сокр. Ну, а какъ же теперь относительно того, что B.
я сейчасъ говорилъ? Если бы мы хотѣли изслѣдовать, кто изъ насъ всѣхъ искуснѣе въ состязаніи, какъ бы стали мы это изслѣдовать? Не такъ ли, что искуснѣе всѣхъ тотъ, кто этому учился и упражнялся въ этомъ, у кого къ тому же и учителями были мастера этого дѣла?

Мел. Мнѣ кажется.

Сокр. А еще ранѣе, неправда ли, мы бы изслѣдовали, что́ такое самое то, чему учили эти учителя, которыхъ мы доискиваемся?

Мел. То есть какъ это ты говоришь?

Сокр. А вотъ такъ пожалуй будетъ яснѣе. Мнѣ ка- C.
жется, что, разсматривая, кто изъ насъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ и слѣдовательно учился ему, и кто нѣтъ, мы раньше не согласились между собою, что такое само то дѣло, о которомъ мы совѣщаемся.

Ник. Да развѣ, Сократъ, у насъ идетъ вопросъ не о состязаніи въ полномъ вооруженіи, слѣдуетъ ли, или нѣтъ молодымъ людямъ учиться этому?

Сокр. О, безъ сомнѣнія объ этомъ, Никій! Но когда кто-нибудь раздумываетъ о лѣкарствѣ отъ глазъ, мазаться имъ или нѣтъ, идетъ ли въ такомъ случаѣ по твоему дѣло о лѣкарствѣ, или о глазахъ?

Ник. О глазахъ.

Сокр. Точно такъ же, стало-быть, когда кто-нибудь D.
раздумываетъ, слѣдуетъ ли надѣвать на лошадь уздечку или нѣтъ, и когда именно, дѣло идетъ о лошади, а не объ уздечкѣ?

Ник. Это вѣрно.

Сокр. Словомъ, значитъ всякій разъ, какъ разсматриваютъ что-нибудь ради чего-нибудь, дѣло идетъ о томъ, ради чего что-нибудь разсматриваютъ, а не о томъ, чего доискиваются ради другого.

Ник. Непремѣнно.

Сокр. А потому и относительно совѣтчика нужно по-

смотрѣть, искусенъ ли онъ въ уходѣ за тѣмъ, ради чего мы разсматриваемъ то, что разсматриваемъ.

Ник. Конечно.

E. **Сокр.** Теперь же, неправда ли, мы разсматриваемъ нѣкоторую науку ради души этихъ юношей?

Ник. Да.

Сокр. Опытенъ ли, значитъ, кто-нибудь изъ насъ въ уходѣ за душой и способенъ ли дѣлать это хорошо, а также были ли у него хорошіе учителя по этой части, — вотъ на что нужно посмотрѣть.

Лах. Ну вотъ, Сократъ! Точно тебѣ не случалось видѣть, какъ иные безъ учителей искуснѣе въ чемъ-нибудь, чѣмъ съ учителями?

Сокр. Конечно случалось, Лахесъ; только ты самъ не согласился бы повѣрить имъ на слово, что они хорошіе мастера, если бы они не могли показать тебѣ какое-нибудь дѣло рукъ своихъ, хорошо исполненное, и не то-что одно,
186. а лучше если бы нѣсколько.

Лах. Это-то вѣрно говоришь.

Сокр. Стало-быть, Лахесъ и Никій, разъ Лизимахъ съ Мелезіемъ позвали насъ на совѣтъ по поводу своихъ сыновей, заботясь о томъ, чтобы ихъ души вышли что нинаесть лучше, то ужъ мы должны указать имъ и нашихъ учителей, которые, будучи прежде всего сами хорошими учителями и воспитавъ души многихъ юношей, потомъ и насъ повидимому научили тому же самому; это — въ случаѣ, если мы утверждаемъ, что у насъ были учителя. А
B. если кто-нибудь изъ насъ заявитъ, что учителя у него не было, но зато онъ можетъ назвать собственныя свои дѣла, въ такомъ случаѣ онъ долженъ указать, кто изъ Аѳинянъ или иностранцевъ, изъ свободныхъ или рабовъ сталъ по общему признанію хорошимъ, благодаря ему. Если же и этого не окажется у насъ на лицо, тогда мы должны посовѣтовать искать кого-нибудь другого, а не навлекать на себя со стороны ближайшихъ друзей самаго тяжкаго обвиненія, продѣлывая опасный опытъ надъ ихъ дѣтьми. И
C. вотъ, Лизимахъ и Мелезій, я первый скажу о себѣ, что у меня не было учителя по этой части; и всетаки я отъ самой юности страстно къ этому стремлюсь; но заплатить софистамъ, которые одни и брались сдѣлать изъ меня настоящаго человѣка, мнѣ нечѣмъ, самъ же найти это искусство до сихъ поръ еще я не могъ. А вотъ если бы ока-

залось, что Никій или Лахесъ либо нашли, либо научились ему, я бы не удивился, потому что они и деньгами сильнѣе меня, такъ что могли бы научиться у другихъ, и въ то же время старше меня настолько, что имѣли бы время и сами найти. И право мнѣ кажется, что они способны D.
воспитать человѣка; вѣдь не говорили бы они такъ смѣло, какія занятія для юноши полезны и какія вредны, если бы сами сомнѣвались въ томъ, достаточно ли это имъ извѣстно. Вообще-то я и самъ въ нихъ не сомнѣваюсь, а вотъ что у нихъ вышло несогласіе другъ съ другомъ, это меня удивило. Поэтому я въ свою очередь обращаюсь къ тебѣ съ просьбою, Лизимахъ; какъ давеча Лахесъ уговаривалъ тебя не отпускать меня, а спрашивать, такъ и я теперь убѣдительно прошу тебя, не отпускай Лахеса, также и Никія,
а спрашивай ихъ и скажи имъ: вашъ Сократъ говоритъ, E.
что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ и не въ состояніи рѣшить, кто изъ васъ правъ, потому что онъ ничему подобному не учился и ничего такого не изобрѣталъ; а вотъ вы, Лахесъ и Никій, пускай каждый изъ васъ скажетъ, кто этотъ знаменитѣйшій мужъ, у котораго вы учились воспитанію юношей, и потому ли знаете вы эту науку, что изучили ее, или потому, что изобрѣли ее, и если изучили, то кто былъ у каждаго учителемъ и какіе есть
еще мастера этого дѣла, чтобы въ случаѣ если вамъ не- 187.
досугъ по причинѣ государственныхъ дѣлъ, мы сами могли пойти къ нимъ и склонить ихъ подарками или любезностями, а то заразъ и тѣмъ и другимъ, взять на себя попеченіе о нашихъ и вашихъ дѣтяхъ, чтобъ они вышли порядочными людьми и не посрамили бы своихъ предковъ; если же вы сами изобрѣли это искусство, то укажите намъ для примѣра кого-нибудь, кто бы, благодаря вашему попеченію, изъ негоднаго сдѣлался настоящимъ человѣкомъ.
Вѣдь если только теперь принимаетесь вы за дѣло воспи- B.
танія, то слѣдуетъ вамъ имѣть въ виду, что вы дѣлаете опытъ не надъ Карійцемъ [7]), а надъ собственными своими дѣтьми и надъ дѣтьми вашихъ друзей, и попросту говоря, какъ бы не оказалось, что вы, по пословицѣ, не умѣя

[7]) Первыя наемныя войска состояли изъ Карійцевъ; наемниками не такъ дорожили, какъ своими, и во время сраженія ставили ихъ въ опасныхъ мѣстахъ, откуда слово *Каріецъ* вошло въ поговорку съ значеніемъ лица неважнаго, съ которымъ можно не стѣсняться.

дѣлать горшка, принимаетесь за амфору [8]). Скажите же,
что изъ этого выпало на вашу долю и имѣется при васъ,
и что нѣтъ? — Вотъ это самое, Лизимахъ, ты и вывѣдай
у нашихъ пріятелей и безъ этого не отпускай ихъ.

Лиз. Мнѣ кажется, друзья мои, что Сократъ превос-
C. ходно это говоритъ, а желательно ли вамъ слушать воп-
росы и отвѣчать, это ужъ какъ вы сами знаете, Никій и
Лахесъ; только намъ съ Мелезіемъ конечно было бы пpі-
ятно, если бы вы захотѣли разобрать все, о чемъ спра-
шиваетъ Сократъ. Вѣдь я съ того и началъ рѣчь, что мы
позвали васъ на совѣтъ, полагая естественно, что вы и
такъ принимаете къ сердцу подобныя вещи, а ужъ осо-
бенно разъ ваши дѣти, приблизительно какъ и наши, на-
D. ходятся въ томъ возрастѣ, который требуетъ воспитанія.
Такъ если вамъ все равно, — говорите и обсудите сообща
съ Сократомъ, спрашивая другъ друга и отвѣчая на воп-
росы. И то онъ право хорошо сказалъ, что мы совѣщаемся
теперь о самомъ важномъ, что только есть у насъ. Такъ
подумайте, какъ вамъ кажется, слѣдуетъ ли это дѣлать.

Ник. Я вижу, Лизимахъ, что ты въ самомъ дѣлѣ знаешь
Сократа только по отцу, а съ нимъ самимъ не имѣлъ дѣла,
E. развѣ только когда онъ еще ребенкомъ попадался тебѣ
гдѣ-нибудь среди сосѣдей, сопровождая своего отца въ
храмъ или въ какое-нибудь собраніе, а съ тѣхъ поръ какъ
онъ выросъ, ты уже съ нимъ не встрѣчался; это ясно.

Лиз. А что такое, Никій?

Ник. Тебѣ повидимому неизвѣстно, что разъ кто-нибудь
въ разговорѣ сошелся съ Сократомъ — все равно что по-
роднился — и втянулся въ бесѣду, съ чего бы ни начался
разговоръ, Сократъ непремѣнно будетъ гонять своего со-
бесѣдника вопросами до тѣхъ поръ, пока тотъ не окажется
вынужденнымъ дать ему отчетъ, какимъ образомъ живетъ
188. онъ въ настоящее время, да какъ прожилъ раньше; и тогда
ужъ Сократъ отпуститъ его — не прежде, чѣмъ разсмотрѣвши
все это подробно. Я-то ужъ давно знакомъ съ нимъ и
знаю, что это необходимо претерпѣть отъ него; даже что
мнѣ самому придется претерпѣть, и это мнѣ хорошо из-

8) *Ἐν πίθῳ ἡ κεραμεία*, буквально — *гончарное дѣло съ бочки* (начинать); *πίθος* (бочка)—большой глиняный сосудъ для вина, такъ же какъ и амфора, но иной формы. Схоліастъ объясняетъ, что пословица эта примѣнялась къ людямъ, которые въ какомъ-нибудь дѣлѣ сразу принимаются за болѣе важное и трудное, минуя болѣе простое и легкое.

вѣстно. Вѣдь я, Лизимахъ, радуюсь, находясь въ обществѣ
такого человѣка, и думаю, что нѣтъ ничего дурного въ томъ,
чтобы намъ замѣчали, когда мы что-нибудь нехорошо дѣ-
лаемъ или сдѣлали, а что напротивъ тотъ и предусмотри- B.
тельнѣе въ жизни, кто не избѣгаетъ этого, а желаетъ и
почитаетъ достойнымъ, какъ говоритъ Солонъ, учиться все
время пока живетъ, не разсчитывая, что умъ придетъ самъ
собою вмѣстѣ съ старостью. Мнѣ это не впервые и не
въ обиду подвергаться допросу со стороны Сократа; вѣдь
я и раньше догадывался, что разъ тутъ замѣшался Сократъ,
рѣчь у насъ будетъ не о мальчикахъ, но о насъ самихъ. C.
И вотъ повторяю, съ своей стороны я ничего не имѣю
противъ того, чтобы разговаривать съ Сократомъ, какъ ему
самому угодно. А вотъ Лахеса ты спроси, какъ онъ на это
смотритъ.

Лах. У меня, Никій, одинъ взглядъ на разговоры [9]),
а пожалуй, если хочешь, и не одинъ, а цѣлыхъ два, такъ
что кому-нибудь покажется, что я не то любитель разго-
воровъ, не то ненавистникъ. Дѣйствительно, когда я слышу,
какъ говоритъ о добродѣтели или о какой-нибудь мудрости
человѣкъ, котораго поистинѣ можно назвать человѣкомъ и
который самъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что онъ говоритъ, D.
я чрезвычайно радуюсь, смотря заразъ и на говорящаго и на
то, что онъ говоритъ, какъ одно къ другому идетъ и со-
гласуется; и такой человѣкъ кажется мнѣ поистинѣ музы-
кальнымъ, потому что онъ извлекъ прекраснѣйшую гармо-
нію не изъ лиры, или еще какого-нибудь орудія игры, а
изъ самой жизни, согласивъ въ себѣ самомъ слова съ
дѣлами, точь въ точь на дорическій ладъ, а не на іони-
ческій, полагаю, и не на фригійскій, и не на лидійскій,
а на образецъ единой истинно-эллинской гармоніи [10]).

9) *περὶ λόγων*—въ современномъ русскомъ языкѣ *слово* (безъ дальнѣйшихъ опредѣленій) значитъ лишь внѣшнее выраженіе мысли. Здѣсь у Платона имѣются въ виду, конечно, не слова, а рѣчи, разсужденія, или разговоры.

10) Почему Лахесъ сравниваетъ согласіе между словами и дѣлами не съ гармоніей вообще, а именно съ дорическимъ ладомъ, на этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта у комментаторовъ Платона. Древніе писатели сообщаютъ намъ, что дорическая музыка отличалась простотою и строгостью, іоническая и лидійская—нѣжностью, фригійская страстностью; но одинъ общій характеръ дорическаго лада объясняетъ только пристрастіе къ нему Платона, а никакъ не слова Лахеса. Изъ тѣхъ неполныхъ свѣдѣній о греческой музыкѣ, которыя дошли до насъ, мы узнаемъ ме-

Такой человѣкъ радуетъ меня своею рѣчью и застав-
ляетъ меня казаться всякому любителемъ разговоровъ,
E. такъ я принимаю слова его. Кто же поступаетъ об-
ратно этому, тотъ огорчаетъ меня тѣмъ больше, чѣмъ
лучше онъ повидимому говоритъ, такъ что я уже кажусь
ненавистникомъ рѣчей. Что касается Сократа, то съ рѣчью
его я не знакомъ, но раньше, кажется, суждено мнѣ
было видѣть его на дѣлѣ, и я нашелъ поведеніе его от-
189. вѣчающимъ самой высокой и благородной рѣчи; если онъ
къ тому же обладаетъ и послѣднею, то я—весь его и съ
большимъ удовольствіемъ подвергся бы допросу со стороны
такого человѣка, и ученье не было бы мнѣ въ тягость;
напротивъ и я тоже согласенъ съ Солономъ, но добавилъ
бы одно, а именно: на старости лѣтъ многому желаю
учиться [11]), *но только у добрыхъ людей;* въ этомъ-то уже
онъ долженъ со мною согласиться, что и отъ учителя тре-
буется, чтобы онъ былъ хорошъ; иначе, учась безъ удо-
вольствія, я могу показаться неспособнымъ. А что учитель
еще молодъ, или не въ славѣ еще, или что-нибудь подоб-
B. ное, объ этомъ я не безпокоюсь. Значитъ тебя, Сократъ,
я прошу учить меня и выспрашивать сколько тебѣ угодно,
а съ другой стороны, если я что-нибудь знаю, тому ты
отъ меня можешь научиться. Такъ расположенъ я къ тебѣ
съ того самаго дня, когда ты былъ со мною въ опасности
и далъ такое доказательство своей доблести, какого только
можно требовать. Итакъ говори все, что тебѣ хочется, не
стѣсняясь нашими лѣтами.

жду прочимъ, что греки вообще очень любили унисонъ, а изъ созвучій простѣйшее—октаву (*ἀντιφωνία*); въ спартанской же музыкѣ, которая сообразно съ консервативнымъ характеромъ спартіатовъ, менѣе подвергалась измѣненіямъ и слѣдовательно сохранила первоначальную простоту, *унисонъ* и *октава* были по всей вѣроятности преобладающими созвучіями (какъ силенъ былъ консерватизмъ спартанцевъ и въ этой области, достаточно показываетъ сообщеніе Плутарха о пенѣ, которую долженъ былъ заплатить знаменитый музыкантъ Терпандръ за то, что прибавилъ къ лирѣ одну лишнюю струну). Вотъ почему, требуя, чтобы дѣла были *одинаковы* со словами, Лахесъ сравниваетъ такое согласіе съ дорической гармоніей. Но въ такомъ случаѣ самое слово *гармонія* теряетъ то значеніе, въ какомъ мы его употребляемъ и является просто синонимомъ *музыки*. Помимо этого объясненія слова Лахеса представляются намъ лишенными опредѣленнаго смысла. (Объ особенностяхъ греческой музыки смотри у Croiset. La poésie de Pindare, p. 65—70).

11) Изреченіе Солона у Плутарха: *Γηράσκω δ'αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος*. Старѣясь день ото дня многому все же учусь.

Сокр. Васъ-то, кажется, мы уже не будемъ обвинять,
что вы не готовы подать совѣтъ и сообща разсмотрѣть C.
вопросъ.

Лиз. Значитъ дѣло стало за нами, Сократъ; тебя-то
вѣдь я считаю однимъ изъ насъ. Вотъ ты и обдумай за
меня, что намъ нужно вывѣдать у нихъ относительно юно-
шей, поговори съ ними да посовѣтуйся. Потому что самъ
я отъ старости часто уже позабываю и что хотѣлъ спро-
сить, и что услышу; а если въ середкѣ разговора зайдетъ D.
рѣчь еще о чемъ-нибудь, то я совсѣмъ ужъ почти ничего
не помню. Такъ ужъ лучше вы сами говорите и разберите
задачу между собою, а я буду слушать, и затѣмъ, какъ
вамъ покажется лучше, такъ мы съ Мелезіемъ и сдѣлаемъ.

Сокр. Нужно послушаться Лизимаха и Мелезія, Никій
и Лахесъ. И вотъ, что мы сейчасъ-то начали разсматри-
вать, а именно, какіе были у насъ учителя въ этомъ ис-
кусствѣ или кого сдѣлали мы лучшимъ, пожалуй и это не
мѣшало бы намъ изслѣдовать; только я думаю, что и слѣ-
дующее разсужденіе приведетъ насъ къ тому же самому, но E.
вмѣстѣ съ тѣмъ оно было-бы болѣе начальнымъ, а именно:
разъ мы знаемъ о чемъ-нибудь, что, находясь въ чемъ-
нибудь другомъ, оно дѣлаетъ лучшимъ то, въ чемъ нахо-
дится, и кромѣ того мы въ состояніи сдѣлать такъ,
чтобы оно въ немъ находилось, то ужъ намъ очевидно из-
вѣстно само это что-нибудь, о чемъ мы должны подать
совѣтъ, какимъ бы образомъ можно было пріобрѣсти его
всего легче и всего лучше. Но вамъ можетъ быть непо-
нятно, что я говорю. тогда легче будетъ понять такимъ
образомъ: если мы знаемъ, что зрѣніе, пребывая въ гла- 190.
захъ, дѣлаетъ лучшими тѣ глаза, въ которыхъ пребываетъ,
и кромѣ того если мы въ состояніи сдѣлать такъ, чтобы
оно пребывало въ глазахъ, ясное дѣло, что намъ ужъ из-
вѣстно, что такое само зрѣніе, о которомъ мы должны по-
дать совѣтъ, какимъ бы образомъ могъ кто-нибудь пріоб-
рѣсти его всего легче и всего лучше. Потому что, еслибы
мы не знали даже и того, что такое зрѣніе, или что-такое
слухъ, трудно бы намъ было сдѣлаться достойными упоми-
нанія врачами по части глазъ или ушей и подавать кому-
нибудь совѣты, какимъ способомъ всего легче и всего лучше
пріобрѣсти слухъ или зрѣніе. B.

Лах. Вѣрно говоришь, Сократъ.

Сокр. Вотъ и теперь, Лахесъ, не позвали ли они насъ

для совѣта о томъ, какимъ бы образомъ можно было вложить въ души ихъ сыновей добродѣтель, чтобы сдѣлать ихъ лучшими?

Лах. Конечно.

Сокр. Такъ не должны ли мы по крайней мѣрѣ знать, что такое добродѣтель? Потому что, еслибы мы совсѣмъ не знали и того, что такое добродѣтель, какъ могли бы мы
C. совѣтовать кому-нибудь, какимъ образомъ всего лучше пріобрѣсти ее?

Лах. Мнѣ кажется, Сократъ, никакъ не могли бы.

Сокр. Стало-быть Лахесъ, мы утверждаемъ, что намъ извѣстно, что̀ это такое.

Лах. Конечно утверждаемъ.

Сокр. А что̀ извѣстно намъ, о томъ ужъ мы, разумѣется, можемъ и сказать, что̀ это такое.

Лах. Какъ же иначе?

Сокр. Не будемъ однако, славнѣйшій мой, сейчасъ же изслѣдовать всю добродѣтель,—велико это дѣло пожалуй,—
D. а посмотримъ сначала о какой-нибудь ея части, подъ силу ли намъ знать её; такъ оно, пожалуй, и легче будетъ изслѣдовать.

Лах. Да какъ тебѣ угодно, Сократъ, такъ и сдѣлаемъ.

Сокр. Какую же изъ частей добродѣтели намъ выбрать? Не ясно ли, что ту, въ сторону которой клонится, повидимому, искусство состязанія въ полномъ вооруженіи? А всѣ согласны, кажется, что оно клонится въ сторону мужества, не такъ-ли?

Лах. Такъ именно и кажется.

Сокр. Вотъ, Лахесъ, мы и попробуемъ сначала опредѣлить что̀ такое мужество, а ужъ потомъ разсмотримъ также и то, какимъ образомъ юноши могли бы усвоить его
E. себѣ, насколько возможно усвоить его черезъ упражненіе и обученіе. Но постарайся, говорю я, сначала опредѣлить, что такое мужество.

Лах. Ей-богу же, Сократъ, это не трудно сказать: тотъ, кто, оставаясь въ строю на своемъ мѣстѣ, старается отражать непріятелей и не бѣжитъ, тотъ, будь увѣренъ, непремѣнно мужественъ.

Сокр. Сказалъ-то ты хорошо, Лахесъ; но только должно быть я неясно выразился и самъ виноватъ, что ты отвѣтилъ не то, что было у меня на умѣ, когда я спрашивалъ.

Лах. Что это ты подразумѣваешь, Сократъ?

Сокр. А я тебѣ объясню, если только сумѣю. Конечно 191.
тотъ мужественъ, кто, оставаясь на своемъ мѣстѣ въ строю, сражается съ непріятелями, какъ и ты говоришь.

Лах. По крайней мѣрѣ я утверждаю это.

Сокр. Да и я тоже. Ну, а тотъ, кто сражаясь съ непріятелями бѣжитъ, а не остается на мѣстѣ?

Лах. Какъ бѣжитъ?

Сокр. Да вотъ какъ Скиѳы, говорятъ, ни чуть не хуже сражаются, когда бѣгутъ, чѣмъ когда преслѣдуютъ; и Гомеръ, восхваляя Энеевыхъ коней, сказалъ гдѣ-то, что они B.
мчась туда и сюда, умѣютъ преслѣдовать, и убѣгать, и самого Энея похвалилъ за то же, за умѣнье убѣгать, и назвалъ его мастеромъ бѣгства. [12])

Лах. И прекрасно назвалъ, Сократъ, потому что говорилъ о боевыхъ колесницахъ; и ты, говоря о Скиѳскомъ способѣ сражаться, говоришь о всадникахъ. Потому что у нихъ-то конница такъ именно и сражается, а тяжелая пѣхота, по крайней мѣрѣ эллинская,—такъ, какъ я говорю.

Сокр. За исключеніемъ, можетъ быть, лакедемонской, Лахесъ; потому что при Платеѣ, какъ разсказываютъ, Ла- C.
кедемоняне, столкнувшись съ персидскими щитоносцами, не захотѣли сражаться съ ними на мѣстѣ, но побѣжали, а когда ряды Персовъ разстроились, они обернулись назадъ и сражались какъ конные и такимъ образомъ одержали тогда побѣду.

Лах. Твоя правда.

Сокр. То-то я и сказалъ сейчасъ! моя вина, что ты не хорошо отвѣтилъ; потому что я не хорошо спросилъ. Вѣдь я хотѣлъ отъ тебя узнать о мужественныхъ нетолько D.
въ пѣхотѣ, но и въ конницѣ и вообще въ военномъ дѣлѣ и нетолько на войнѣ, а также во время опасностей на морѣ, въ болѣзняхъ, въ бѣдности, или въ государственныхъ

---

[12]) Такъ понимаетъ Платонъ гомеровское выраженіе *μήστωρα φόβοιο* (Il. VIII, 108), производя *μήστωρ* отъ *μήδομαι* (хитро обдумываю); другіе понимаютъ его какъ „виновникъ бѣгства" или „обращающій въ бѣгство", но нѣтъ никакого основанія считать платоновское словопроизводство въ этомъ случаѣ произвольнымъ, какъ утверждаетъ Stallbaum (*μήστωρα φόβοιο* intelligit eum qui *fugam meditatur* perinde ac si a verbo *μήδεσθαι* ductum sit. Ex quo multum fallatur si quis colligi licere putet, qualis Platoni placueret hujus vocis interpretatio). Смотри словарь Pape'a подъ словомъ *μήστωρ*.

дѣлахъ, и опять еще не о тѣхъ только, что мужественны
относительно скорбей и страховъ, но и кто силенъ въ
борьбѣ съ вожделѣніями и удовольствіями, на мѣстѣ ли онъ
E. остается, или обращаетъ тылъ; вѣдь бываютъ, Лахесъ, му-
жественные и въ такихъ вещахъ.

Лах. Да еще какіе, Сократъ!

Сокр. Значитъ мужественны они всѣ, только одни
обладаютъ мужествомъ въ удовольствіяхъ, другіе въ скор-
бяхъ, одни въ вожделѣніяхъ, другіе въ опасностяхъ, а есть
и такіе, полагаю, что въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ выка-
зываютъ трусость.

Лах. Конечно.

Сокр. Такъ что же собственно и то, и другое,—вотъ
о чемъ я тебя спрашивалъ. Постарайся же опять опредѣ-
лить сначала мужество: что оно такое, разъ оно остается
однимъ и тѣмъ же во всѣхъ этихъ случаяхъ? Или все еще
не понимаешь, о чемъ я говорю?

Лах. Несовсѣмъ что-то.

192. **Сокр.** Но я разумѣю то же самое, какъ еслибы спра-
шивалъ, что такое быстрота, которую мы находимъ и въ
бѣганьи, и въ игрѣ на киѳорѣ, и въ разговорѣ, и во
многомъ другомъ, почти-что во всемъ, что ни назовешь,—
въ движеніяхъ ли рукъ или ногъ, рта или голоса, или
разсудка. Развѣ ты этого не находишь?

Лах. Конечно нахожу.

Сокр. И вотъ еслибы кто-нибудь спросилъ меня: Сок-
ратъ, что ты разумѣешь во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ
B. тѣмъ, что ты называешь быстротой?—я бы сказалъ ему,
что быстротой я называю силу, которая въ короткое время
производитъ многое, и относительно голоса, и относительно
бѣга, и всего прочаго.

Лах. И ты бы правильно сказалъ.

Сокр. Постарайся же и ты, Лахесъ, сказать точно
такъ же о мужествѣ, что это за сила, которая, оставаясь
одною и тою же при удовольствіи и при огорченіи, и при
всѣхъ случаяхъ, при какихъ только мы её сейчасъ нашли,
равно зовется мужествомъ?

Лах. Мнѣ кажется, что это какое-то душевное упор-
C. ство, разъ ужъ требуется назвать то, что присуще муже-
ству во всѣхъ случаяхъ.

Сокр. Да конечно требуется, разъ уже хотимъ отвѣ-
тить себѣ на вопросъ. Только вотъ что для меня оче-

видно: не всякое же упорство, полагаю, представляется
тебѣ мужествомъ. А вывожу я это вотъ откуда: мнѣ вѣдь
тоже не безъизвѣстно, Лахесъ, что мужество ты считаешь
въ числѣ прекраснѣйшихъ вещей.

Лах. Въ числѣ наипрекраснѣйшихъ, будь увѣренъ.

Сокр. Но вѣдь прекрасно и полезно упорство, соеди-
ненное съ разумомъ?

Лах. Разумѣется.

Сокр. А соединенное съ безразсудствомъ, не будетъ D.
ли въ противоположность первому дурнымъ и вреднымъ?

Лах. Да.

Сокр. Значитъ ты намѣренъ утверждать, что что-ни-
будь подобное дурному и вредному можетъ быть прекрас-
нымъ?

Лах. Нѣтъ, ужъ это было бы неправда, Сократъ.

Сокр. Стало быть ты не допустишь, чтобы такое упор-
ство могло быть мужествомъ, разъ оно не прекрасно, а
мужество прекрасно.

Лах. Вѣрно говоришь.

Сокр. Итакъ по твоему выходитъ, что мужество есть
упорство разумное.

Лах. Повидимому.

Сокр. Ну такъ посмотримъ, въ чемъ же именно ра- E.
зумное; или можетъ быть все равно въ чемъ,—что въ боль-
шомъ, что въ маломъ? Напримѣръ, еслибы кто-нибудь упор-
ствовалъ въ разумной тратѣ денегъ, зная, что растративъ
онъ пріобрѣтетъ больше, назвалъ бы ты такого мужествен-
нымъ?

Лах. Ей-ей не назвалъ бы.

Сокр. Ну а если бы врачъ, напримѣръ, когда бы его
сынъ или кто-нибудь другой, страдая воспаленіемъ лёгкихъ,
просилъ у него дать ему пить или ѣсть, не тронулся бы
этимъ, а упорствовалъ бы въ отказѣ?

Лах. И этого ни въ какомъ случаѣ. 193.

Сокр. Ну а если на войнѣ человѣкъ упорствуетъ въ
желаніи сразиться, разумно разсчитывая и зная, что не-
только помогутъ ему свои, но что они къ тому же много-
численнѣе и сильнѣе тѣхъ, съ кѣмъ ему предстоитъ сра-
жаться, а кромѣ того и занятое имъ положеніе надежнѣе,—
его ли, упорствующаго съ такимъ разсчетомъ и съ такими
средствами, назовешь ты болѣе мужественнымъ, или того, B.

кто въ противномъ войскѣ упорно желаетъ сохранять свое мѣсто?

Лах. Мнѣ кажется, Сократъ, того, кто въ противномъ.

Сокр. Но вѣдь его упорство безразсуднѣе, чѣмъ упорство перваго.

Лах. Это правда.

Сокр Значитъ и того, кто твердо держится въ конномъ сраженіи, будучи опытнымъ въ верховой ѣздѣ, ты менѣе назовешь мужественнымъ, чѣмъ неопытнаго.

Лах. Надо полагать.

Сокр. Точно такъ же и того, кто держится твердо, будучи искуснымъ въ стрѣляньи изъ пращи или изъ лука, или еще въ чемъ-нибудь.

C. **Лах**. Конечно.

Сокр. И о тѣхъ, что упорно желаютъ лѣзть въ колодезь и спуститься въ воду, или еще что-нибудь такое, ты конечно скажешь, что они болѣе мужественны, если не умѣютъ этого дѣлать, чѣмъ если умѣютъ.

Лах. Что же еще-то можно сказать, Сократъ?

Сокр. Ничего, если только думать именно такъ.

Лах. Но я же такъ и думаю.

Сокр. Однако, Лахесъ, вѣдь они подвергаютъ себя опасности и упорствуютъ не столь разумно, какъ тѣ, что дѣлаютъ то же самое, владѣя искусствомъ.

Лах. Повидимому.

D. **Сокр**. Но неразумная смѣлость или твердость казалась намъ раньше дурной и вредной?

Лах Ну конечно.

Сокр. А мужество есть что-то прекрасное, вѣдь мы согласились.

Лах. Вѣрно, согласились.

Сокр. Теперь же, напротивъ, мы утверждаемъ, что самое-то это дурное, то есть неразумное упорство, и есть мужество.

Лах. Повидимому.

Сокр. Такъ хорошо ли мы разсуждаемъ по твоему?

Лах. Ей-богу, Сократъ, не хорошо по моему.

Сокр. Стало-быть, Лахесъ, той дорической гармоніи,
E. о которой ты говорилъ, у насъ съ тобой что-то не выходитъ, потому что дѣла наши не согласуются со словами нашими; по дѣламъ-то судя пожалуй могъ бы кто-нибудь

сказать, что мужество намъ не чуждо, ну а судя по словамъ, — не думаю, если бы послушалъ, какъ мы теперь разговариваемъ.

Лах. Сущая твоя правда.

Сокр. Ну и что же? Хорошо ли это по твоему, что мы устроились такимъ образомъ?

Лах. Ничуть даже не хорошо.

Сокр. Такъ не желаешь ли ты послушаться собственныхъ словъ, ну хоть въ одномъ отношеніи?

Лах. То есть какихъ словъ и въ какомъ отношеніи? 194.

Сокр. Тѣхъ словъ, что повелѣваютъ упорствовать. Такъ если хочешь, будемъ и мы упорствовать и не отступать въ нашемъ изслѣдованіи, съ тѣмъ, что бы по крайней мѣрѣ мужество не могло надъ нами посмѣяться, что мы не мужественно его отыскиваемъ, если только упорство и есть само мужество, — чего добраго.

Лах. Я-то, Сократъ, готовъ не отступать. Положимъ подобныя разсужденія не очень-то для меня привычны, однако разговоръ задѣлъ меня за живое, и въ самомъ дѣлѣ B.
мнѣ досадно, какъ это я не въ состояніи выразить того, что у меня на умѣ. Понимать-то я кажется понимаю, что такое мужество, а вотъ только не знаю, какъ это оно сейчасъ отъ меня такъ ушло, что я не успѣлъ схватить его и выразить словомъ, что оно такое.

Сокр. Но согласись, милый мой, что хорошій охотникъ долженъ догонять и не упускать.

Лах. Да ужъ во всякомъ случаѣ.

Сокр. Такъ не желаешь ли позвать на охоту также и Никія, не будетъ ли онъ счастливѣе насъ?

Лах. Отчего же, съ удовольствіемъ.

Сокр. Ну-же Никій, помоги, если можешь, друзьямъ C.
своимъ, гонимымъ въ разговорѣ непогодой и незнающимъ, что имъ дѣлать. Видишь, до чего плохи дѣла наши; а если ты скажешь намъ, что́ такое считаешь ты мужествомъ, то и насъ выведешь изъ бѣды, и для себя самого закрѣпишь словомъ то, что у тебя въ мысляхъ.

Ник. Мнѣ-то уже давно кажется, Сократъ, что вы невѣрно опредѣляете мужество, потому именно, что вы не примѣняете къ дѣлу того, что ты самъ такъ превосходно говорилъ и что я не разъ отъ тебя слышалъ.

Сокр. Что же это, Никій?

Ник. Часто я слыхалъ, какъ ты говаривалъ, что всякій D.

изъ насъ хорошъ въ томъ, въ чемъ уменъ, а въ чемъ глупъ, въ томъ и дуренъ.

Сокр. Какъ богъ святъ, ты говоришь правду, Никій.

Ник. Стало быть, если только мужественный то же, что хорошій, то ясно, что мужественный то же, что мудрый.

Сокр. Слышалъ, Лахесъ?

Лах. Слышать-то слышалъ, только не очень понимаю, что̀ онъ говоритъ.

Сокр. А я, кажется, понимаю, и по моему онъ говоритъ, что мужество есть нѣкотораго рода мудрость.

Лах. Какая-такая мудрость, Сократъ?

E. **Сокр.** Ты его спрашиваешь объ этомъ?

Лах. Да, его.

Сокр. Ну скажи ему, Никій, какая это, по твоему, мудрость,—мужество? Вѣдь не есть же это умѣнье въ игрѣ на флейтѣ?

Ник. Никоимъ образомъ.

Сокр. Также и не въ игрѣ на киѳарѣ.

Ник. Конечно нѣтъ.

Сокр. Но что же это за наука, или наука о чемъ?

Лах. Правильно, Сократъ, правильно ты его спрашиваешь; пусть попробуетъ сказать, что̀ онъ подъ нею разумѣетъ.

Ник. Я, Лахесъ, разумѣю подъ нею знаніе опаснаго
195. и безопаснаго и на войнѣ, и во всякихъ другихъ случаяхъ.

Лах. Какъ онъ нескладно говоритъ, Сократъ!

Сокр. Это ты о чемъ собственно, Лахесъ?

Лах. Какъ о чемъ? Вѣдь мудрость ничего не имѣетъ общаго съ мужествомъ?

Сокр. Да Никій-то этого не думаетъ.

Лах. Побожусь, что не думаетъ; въ этомъ-то и вздоръ.

Сокр. Въ такомъ случаѣ намъ лучше научить его, чѣмъ бранить.

Ник. О нѣтъ, Сократъ! Лахесу кажется хочется одного, чтобы оказалось, что и я такъ же ничего не сказалъ, какъ это съ нимъ самимъ только-что случилось.

B. **Лах.** Конечно, Никій; и я постараюсь, по крайней мѣрѣ доказать это, потому что ты въ самомъ дѣлѣ ничего не говоришь. Ну вотъ, напримѣръ, въ болѣзняхъ развѣ не врачи знаютъ, что можетъ быть опасно? Или тебѣ кажется, что храбрецы могутъ знать это? Или ты считаешь всѣхъ врачей храбрецами?

Ник. Нисколько.

Лах. Не болѣе того и земледѣльцевъ, полагаю; хотя въ земледѣліи они конечно знаютъ, чего слѣдуетъ бояться. Точно такъ же и всѣ ремесленники, каждый въ своемъ дѣлѣ, знаютъ, чего слѣдуетъ бояться и чего не слѣдуетъ, C.
но отъ этого они ничуть не болѣе мужественны.

Сокр. Что это онъ по твоему говоритъ, Никій? Вѣдь кажется, что онъ что-то такое говоритъ.

Ник. Дѣйствительно говоритъ что-то такое, только не то.

Сокр. А именно?

Ник. А что онъ думаетъ, будто врачи знаютъ о больныхъ что-нибудь кромѣ того, что для нихъ здорово и что нездорово; они же вѣдь только это и знаютъ. А что для кого-нибудь страшнѣе быть здоровымъ, чѣмъ больнымъ, думаешь ли ты, Лахесъ, что врачи могутъ это знать? Или ты не находишь, что для многихъ лучше не выздоравливать, чѣмъ выздоровѣть? Вотъ ты что скажи: для всѣхъ D.
ли по твоему лучше жить, и не кажется ли тебѣ, что для многихъ лучше умереть?

Лах. Съ этимъ-то я согласенъ.

Ник. Ну а если однимъ служитъ къ пользѣ умирать, а другимъ оставаться въ живыхъ, думаешь ли ты, что и тѣмъ и другимъ приходится бояться одного и того же?

Лах. Нѣтъ, не думаю.

Ник. Но это-то знаніе приписываешь ты врачамъ, или другимъ какимъ-нибудь мастерамъ, исключая только того, кто знаетъ, что̀ страшно и что̀ нестрашно, и кого я называю мужественнымъ?

Сокр. Понимаешь, Лахесъ, что онъ говоритъ?

Лах. Понимаю! Онъ гадателей называетъ мужествен- E.
ными. Потому что кто же еще можетъ знать, лучше ли кому-нибудь жить, или умереть. Ну а себя-то, Никій, ты считаешь гадателемъ? или, можетъ быть, и не гадателемъ, и не мужественнымъ?

Ник. Ну вотъ опять! Ты думаешь, гадателю пристало знать, чего слѣдуетъ бояться и чего не слѣдуетъ?

Лах. Конечно думаю, кому же еще?

Ник. Гораздо болѣе тому, о комъ говорю я, любезнѣйшій. Потому что гадатель долженъ знать только знаменія будущаго, выпадетъ ли на долю кому-нибудь смерть,
или болѣзнь, или потеря состоянія, на войнѣ или еще въ 196.

какомъ-нибудь состязаніи, а кому лучше претерпѣть что-нибудь изъ этого, и кому лучше не претерпѣвать, почему бы гадателю болѣе пристало судить объ этомъ, чѣмъ всякому другому?

Лах. Я не понимаю его, Сократъ, что́ онъ хочетъ сказать! Онъ оказывается не находитъ своего храбреца ни въ гадателѣ, ни во врачѣ и ни въ комъ другомъ; богъ это что-ли какой-нибудь? Мнѣ же кажется, что Никій
B. просто не хочетъ благородно сознаться, что не говоритъ ничего, а вертится только изъ стороны въ сторону, скрывая собственное свое безвыходное положеніе; да вѣдь такъ-то и мы съ тобой раньше могли бы вертѣться, если бы хотѣли скрыть, что противорѣчимъ сами себѣ. Говори мы на судѣ, онъ бы еще имѣлъ основаніе поступать такимъ образомъ, но теперь, въ такой бесѣдѣ какъ наша, кому придетъ въ голову рядиться въ ничего не значащія слова!

C. **Сокр.** Я тоже, Лахесъ, ничего тутъ не вижу. Тѣмъ не менѣе посмотримъ, можетъ быть Никій всетаки думаетъ сказать что-нибудь и говоритъ это не ради однихъ словъ; поразспросимъ-ка его точнѣе, что́ такое онъ подразумѣваетъ, и если онъ скажетъ дѣло, согласимся съ нимъ, а нѣтъ,—такъ вразумимъ его.

Лах. Если хочешь спрашивать, то спрашивай самъ, Сократъ; а съ меня кажется довольно.

Сокр. Все равно, допросъ будетъ съ нашей стороны общій.

Лах. Да ужъ конечно.

Сокр. Такъ вотъ, Никій, ты и скажи мнѣ, или лучше
D. намъ,—потому что мы съ Лахесомъ оба спрашиваемъ тебя,—мужество, утверждаешь ты, есть знаніе того, чего слѣдуетъ бояться и чего не слѣдуетъ?

Ник. Да, я это утверждаю.

Сокр. Знать же это доступно очевидно не всякому, ужъ если ни врачъ, ни гадатель не могутъ этого знать и не могутъ значитъ быть мужественными, не пріобрѣтя напередъ самаго этого знанія; не такъ ли ты говорилъ?

Ник. Именно такъ.

Сокр. Значитъ въ дѣйствительности не всякая свинья это знаетъ, какъ говоритъ пословица [13]), и не всякая стало быть мужественна.

---

13) Схоліастъ объясняетъ, что существовала поговорка: *κἂν κύων κἂν ὗς γνοίη* — и собака, и свинья это поняла бы, т.-е. — это общеизвѣстно.

Ник. Мнѣ кажется.

Сокр. Значитъ, Никій, ты не повѣришь, очевидно, E.
чтобы и Кромміонская свинья была мужественна [14]). Я это не для шутки говорю, но въ самомъ дѣлѣ думаю, что всякій, кто держится твоего взгляда, долженъ отказать въ мужествѣ какому бы то ни было звѣрю или же признать, что звѣри такъ мудры, что какой-нибудь левъ, тигръ или кабанъ можетъ знать то, чего не знаютъ даже многіе люди, до того трудно пріобрѣсти это знаніе; но, полагая мужество въ томъ, въ чемъ ты его полагаешь, необходимо признать, что относительно этого мужества и левъ, и олень, и быкъ, и обезьяна уродились одинаково.

Лах. Ей-Богу такъ, и ты это вѣрно говоришь, Сократъ. Въ самомъ дѣлѣ, Никій, отвѣчай-ка намъ по правдѣ, 197.
думаешь ли ты, что эти звѣри, которыхъ всѣ мы считаемъ мужественными, умнѣе насъ? Или ты, вопреки всеобщему мнѣнію, рѣшишься утверждать, что у нихъ нѣтъ и мужества?

Ник. Ужъ конечно, Лахесъ, я не назову мужественными ни звѣрей, ни какое-либо другое существо, которое не боится страшнаго по неразумію, а назову ихъ безстрашными и глупыми. Или ты воображаешь, что я называю мужественными тоже и дѣтей, которыя по неразумію ничего B.
не боятся? Но полагаю, что безстрашіе и мужество не одно и то же. Я думаю, что мужествомъ и предусмотрительностью обладаютъ лишь немногіе, а смѣлостью, отвагою, безстрашіемъ въ соединеніи съ непредусмотрительностью—очень многіе и мужчины и женщины и дѣти и звѣри. Значитъ, то, что ты называешь вмѣстѣ со всѣми мужественнымъ, я называю смѣлымъ, а мужественное—разумнымъ, въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ. C.

Лах. Смотри, Сократъ, какъ онъ старается самъ себя превознести, а кого всѣ признаютъ мужественными, тѣхъ онъ готовъ лишить этой чести.

Ник. О нисколько, будь покоенъ, Лахесъ! Вѣдь я считаю тебя мудрымъ, разъ ужъ ты мужественъ, вотъ тоже и Ламаха [15]) кстати, да и мало ли еще какихъ Аѳинянъ.

---

14) Легендарная свинья, опустошавшая окрестности Кромміона (близъ Коринѳа) и убитая Тезеемъ.

15) Ламахъ вмѣстѣ съ Никіемъ и Алкивіадомъ стоялъ во главѣ не-

Лах. На это я ничего не отвѣчу, хотя и могъ бы; а то ты скажешь, что я настоящій Эксонецъ [16]).

Сокр. И въ самомъ дѣлѣ лучше не говори, Лахесъ; право ты не замѣчаешь, кажется, что онъ перенялъ эту мудрость у нашего пріятеля Дамона, а Дамонъ очень близокъ съ Продикомъ; Продикъ же, повидимому, искуснѣе всѣхъ софистовъ въ подобномъ различеніи словъ.

Лах. Софисту и пристало вдаваться въ такія тонкости, Сократъ, но не мужу, котораго городъ удостоилъ чести стоять на стражѣ его безопасности.

E. **Сокр**. Однако, кому поручены самыя большія дѣла, тому также пристало имѣть и самую большую мудрость, милѣйшій мой; и мнѣ кажется, что Никій заслуживаетъ, чтобы мы внимательно разсмотрѣли, въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово „мужество“.

Лах. Разсматривай самъ, Сократъ.

Сокр. Я это и намѣренъ сдѣлать, превосходнѣйшій мой; только не думай, что я уволю тебя отъ разговора, а напряги вниманіе и обдумывай вмѣстѣ съ нами, что мы будемъ говорить.

Лах. Пусть будетъ по твоему, если тебѣ кажется, что это нужно.

198. **Сокр**. Конечно кажется. А ты, Никій, скажи намъ опять сначала. Помнишь ли ты, что съ самаго начала разговора, разсматривая мужество, мы разсматривали его какъ часть добродѣтели?

Ник. Очень хорошо помню.

Сокр. Значитъ и твой отвѣтъ относится къ одной части, между тѣмъ какъ существуютъ другія части, и всѣ онѣ вмѣстѣ называются добродѣтелью?

Ник. Какъ же иначе?

B. **Сокр**. Разумѣешь ли ты въ такомъ случаѣ тѣ же самыя части, что и я? Я, наряду съ мужествомъ, могу назвать тебѣ самообладаніе, справедливость и все прочее въ этомъ родѣ; ну а ты, то же самое?

Ник. Конечно.

Сокр. Теперь стой. Стало быть въ этомъ мы съ тобою

счастнаго похода въ Сицилію 415 года; Плутархъ сообщаетъ о немъ, что, несмотря на преклонный возрастъ, онъ былъ не менѣе горячъ и опрометчивъ, чѣмъ Алкивіадъ (*διάπυρος και φιλοκίνδυνος*)

[16]) Лахесъ былъ изъ дема Эксоны, а населеніе этого дема, по сообщенію схоліаста, слыло злорѣчивымъ.

согласны, а вотъ посмотримъ относительно страшнаго и нестрашнаго, можетъ быть ты разумѣешь подъ этимъ одно, а
мы другое. Какъ мы понимаемъ, это мы тебѣ сейчасъ объяснимъ, а ты въ случаѣ, если не согласишься съ нами,
поправь насъ. Страшнымъ мы считаемъ то, что внушаетъ
страхъ, нестрашнымъ—то, что не внушаетъ страха; внушаютъ же страхъ не прошлыя и не настоящія, но ожидаемыя бѣдствія. Страхъ, такимъ образомъ, есть ожиданіе предстоящаго бѣдствія. Не такъ ли думаешь и ты, Лахесъ? C.

Лах. Именно такъ, Сократъ.

Сокр. Значитъ наше мнѣніе ты слышалъ, Никій: мы утверждаемъ, что страшное есть не что иное, какъ предстоящее зло, нестрашное—предстоящее не зло или добро; а ты объ этомъ точно такъ же думаешь, или иначе?

Ник. Точно такъ же думаю.

Сокр. И знаніе этого самаго называешь мужествомъ?

Ник.. Вотъ именно.

Сокр. Теперь посмотримъ, согласенъ ли ты съ нами и въ третьемъ.

Ник. Въ чемъ же это? D.

Сокр. А я тебѣ объясню. Мнѣ и вотъ ему кажется
именно, что знаніе чего бы то ни было не есть ни знаніе
только прошедшаго, т.-е. какъ произошло что-нибудь, ни
только настоящаго, какъ происходитъ, ни только того, какимъ бы образомъ всего лучше могло произойти, что еще
не произошло, но все это—одно и то же знаніе. Напримѣръ относительно здоровья, не какія-нибудь разныя науки,
а одна и та же врачебная наука одинаково наблюдаетъ во
всѣ времена—и настоящее, и прошедшее, и будущее. Точно
такъ-же опять-таки земледѣліе относительно того, что про- E.
изростаетъ изъ земли. Что же касается всего военнаго, то
вы сами можете засвидѣтельствовать, что военное искусство
не только заботится о многомъ другомъ, но и въ совершенствѣ предусматриваетъ то, что имѣетъ произойти, и не считаетъ при этомъ своимъ долгомъ служить искусству гаданія,
но полагаетъ, что напротивъ должно распоряжаться имъ,
потому что въ военномъ дѣлѣ ему самому болѣе извѣстно
какъ настоящее такъ и будущее. И законъ точно такъ же 199.
постановляетъ, чтобы полководецъ повелѣвалъ гадателю, а
не гадатель полководцу [17]). Такъ ли я говорю, Лахесъ?

---

[17]) Злая насмѣшка надъ Никіемъ, который отличался набожностью и суевѣріемъ; Плутархъ сообщаетъ, что онъ ежедневно приносилъ жертвы

Лах. Такъ, такъ.

Сокр. Ну а ты, Никій, согласенъ съ нами, что относительно одного и того же предмета одно и то же знаніе вѣдаетъ и будущее и настоящее и прошедшее?

Ник. Да, согласенъ; мнѣ кажется это такъ, Сократъ.

Сокр. И въ то же время мужество, какъ ты говоришь, мой превосходнѣйшій, есть знаніе того, что страшно и
B. что не страшно, не такъ ли?

Ник. Да.

Сокр. А подъ страшнымъ и нестрашнымъ мы согласились разумѣть: подъ однимъ предстоящее зло, подъ другимъ предстоящее добро?

Ник. Несомнѣнно.

Сокр. А также мы согласились, что объ одномъ и томъ же предметѣ одно и то же знаніе, — и относительно будущаго, и относительно всего вообще?

Ник. Точно такъ.

Сокр. Значитъ мужество не есть знаніе одного только страшнаго и нестрашнаго, потому что оно познаетъ добро и зло не только какъ предстоящее, но и какъ совершаю-
C. щееся и совершившееся, — какъ и всѣ прочія знанія.

Ник. Повидимому.

Сокр. Стало быть, Никій, ты намъ отвѣтилъ въ родѣ какъ объ одной только трети мужества, а мы спрашивали о цѣломъ мужествѣ, чѣмъ бы оно могло быть. Теперь же изъ твоихъ словъ оказывается, какъ будто, что мужество есть знаніе нетолько страшнаго и нестрашнаго, но чуть ли
D. не всякихъ благъ и золъ, какъ бы они ни происходили. Ты думаешь именно такъ повернуть дѣло, Никій, или иначе?

Ник. Думаю такъ, Сократъ.

Сокр. Чудакъ ты мой, такъ тебѣ кажется, что такой человѣкъ, который знаетъ вдоль и поперёкъ все хорошее, какъ оно было, есть и будетъ, и точно такъ же все дурное, далекъ сколько-нибудь отъ самой добродѣтели? И ты думаешь, что ему можетъ не хватать самообладанія, справедливости и благочестія, когда онъ одинъ только и въ со-
E. стояніи беречься отъ боговъ и людей и, умѣя какъ слѣдуетъ обращаться съ ними, достигать всякихъ благъ?

богамъ и постоянно имѣлъ при себѣ гадателя. Боязнь нечистыхъ силъ (*δεισιδαιμονία*) погубила Никія: во время сицилійскаго похода онъ не рѣшился во время двинуть войско, отчего проигралъ битву и былъ казненъ.

Ник. Мнѣ кажется ты говоришь дѣло, Сократъ.

Сокр. Такъ ужъ это, Никій, не часть добродѣтели, то, что я сейчасъ описалъ тебѣ, но всецѣлая добродѣтель.

Ник. Повидимому.

Сокр. А вѣдь мы утверждали, что мужество есть одна изъ частей добродѣтели.

Ник. Утверждали.

Сокр. Но сейчасъ описанное вѣдь не похоже на часть.

Ник. Не похоже.

Сокр Такимъ образомъ не нашли мы, Никій, что такое мужество.

Ник. Повидимому.

Лах. А я, милый другъ, думалъ, что ты найдешь, послѣ
того какъ ты съ такимъ презрѣніемъ принялъ мой отвѣтъ 200.
Сократу. Очень ужъ я надѣялся, право, что ты найдешь, — съ помощью Дамоновой науки.

Ник. Нечего сказать, хорошо это, Лахесъ! Тебѣ все равно, что самъ ты вовсе не знаешь, что такое мужество, какъ это сейчасъ обнаружилось, но ты смотришь только, какъ бы и со мной кстати оказалось то же самое; и для тебя кажется безразлично совсѣмъ не знать того, что подобаетъ знать всякому человѣку, уважающему себя, только бы и я тоже не зналъ. А что ты ничего не замѣчаешь въ себѣ самомъ, а только въ другихъ, такъ это ты поступаешь
кажется вполнѣ по человѣчески. Что же касается меня, то B.
по моему я достаточно высказался о предметѣ нашего разговора, и если что-нибудь сказано несовсѣмъ такъ, то я провѣрю это вмѣстѣ съ другими, провѣрю и съ Дамономъ, надъ которымъ тебѣ угодно насмѣхаться, никогда притомъ его не видавши; а основательно провѣривъ, научу и тебя безъ всякаго завистничанья. Потому что мнѣ кажется, что
ты сильно нуждаешься въ томъ, чтобъ тебя научили. C.

Лах. Да ужъ ты мудрецъ, Никій! А всетаки по вопросу о воспитаніи юношей мой совѣтъ Лизимаху и Мелезію оставить насъ съ тобой въ покоѣ, а вотъ Сократа нашего не отпускать, какъ я и сначала говорилъ. Будь у меня самаго дѣти на возрастѣ, я бы сдѣлалъ тоже самое.

Ник. Съ этимъ-то и я согласенъ, что еслибы только Сократъ пожелалъ заняться мальчиками, никого другого и не нужно искать: еслибы онъ только захотѣлъ, я бы самъ
съ удовольствіемъ вручилъ ему своего Никерата, но бѣда D.
въ томъ, что всякій разъ какъ я ему объ этомъ намекну,

онъ указываетъ мнѣ на другихъ, а самъ не хочетъ. Но попробуй, Лизимахъ, можетъ быть Сократъ тебя скорѣе послушается.

Лиз. Ему и слѣдовало бы послушаться меня, Никій. Потому что я самъ готовъ сдѣлать для этого человѣка много такого, чего не захотѣлъ бы дѣлать для многихъ другихъ. Что же ты на это скажешь Сократъ? Исполнишь ты нашу просьбу и поможешь намъ въ нашей заботѣ о мальчикахъ, чтобы они вышли какъ можно лучше?

E. **Сокр**. Да вѣдь это было бы ужасно, Лизимахъ, не желать помочь кому-нибудь въ дѣлѣ совершенствованія. Еслибы, такимъ образомъ, въ этомъ разговорѣ я выказалъ себя знающимъ человѣкомъ, а они явились бы невѣждами, тогда было бы справедливо призвать къ этому дѣлу именно меня; а теперь всѣ мы одинаково оказываемся въ затрудненіи; почему бы, въ такомъ случаѣ, можно было предпочесть того или другого изъ насъ? Право мнѣ кажется, что никого
201. нельзя предпочесть. А когда такъ, то лучше посмотрите, какъ вамъ покажется такой мой совѣтъ: именно я утверждаю, друзья мои, что мы всѣ, между нами будь сказано, нуждаемся въ самомъ что ни на есть хорошемъ учителѣ и должны общими силами искать его прежде всего для себя самихъ, а потомъ ужъ и для мальчиковъ, не жалѣя ни денегъ, ни чего другого. Оставаться же въ такомъ состояніи, какъ теперь, этого я не совѣтую. А станетъ кто-нибудь надъ нами смѣяться, что мы въ такихъ лѣтахъ желаемъ брать уроки, такъ мнѣ кажется, что мы можемъ прикрыться
B. Гомеромъ, который говоритъ: *Что́ ужъ стыдиться просить, когда самъ ничего не имѣешь* [19]). И, не обращая вниманія на то, что кто скажетъ, будемъ мы сообща заботиться какъ о себѣ самихъ, такъ и о мальчикахъ.

Лиз. Мнѣ нравится, Сократъ, то, что ты говоришь, и насколько я всѣхъ васъ старѣе, настолько ревностнѣе желаю учиться вмѣстѣ съ юношами. Только ты для меня вотъ что сдѣлай: приходи ко мнѣ завтра пораньше, да непремѣнно,
C. чтобы намъ посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ; ну а теперь пора и разойтись.

Сокр. Такъ я и думаю сдѣлать, Лизимахъ; и завтра приду къ тебѣ, если богу будетъ угодно.

---

19) Од. XVII, 347.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЛАХЕСѢ.

I.

Этотъ діалогъ имѣетъ двоякое значеніе: мы находимъ здѣсь сократическое изслѣдованіе одной изъ главныхъ добродѣтелей— мужества, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличеніе неудовлетворительнаго умственнаго состоянія одного изъ важнѣйшихъ въ обществѣ классовъ профессіональныхъ людей,—именно военныхъ (каковы они были въ Аѳинахъ эпохи Сократа и Платона). Въ *Іонѣ* сократическій взглядъ на профессіональность вообще остается неопредѣленнымъ, такъ какъ дѣло идетъ о профессіи совершенно особенной, и ея представитель обличается лишь въ томъ, что его занятіе не есть настоящее мастерство, обусловленное знаніемъ дѣла, а представляетъ собою или сверхъестественное одержаніе (если слова Сократа понимать серьезно), или же просто шарлатанство (если видѣть въ нихъ иронію,—что болѣе вѣроятно). Но въ *Лахесѣ* передъ нами уже не какой нибудь лицедѣй съ его двусмысленнымъ ремесломъ, а такіе столпы отечества, какъ Никій и Лахесъ—оба знаменитые полководцы, а первый и вліятельный государственный человѣкъ, вождь одной изъ двухъ главныхъ партій въ Аѳинахъ. Ни умоизступленными, ни шарлатанами ихъ никакъ нельзя было считать, и если изъ діалога обнаруживается ихъ несостоятельность въ пониманіи военнаго искусства и особой связанной съ нимъ добродѣтели, то этимъ съ сократической точки зрѣнія доказывается, что профессіональная умѣлость безъ истинной философіи не есть настоящее знаніе дѣла.

Все, что дѣлаетъ человѣкъ, онъ дѣлаетъ для того, чтобы ему было хорошо. Истинно хорошо для человѣка то, что хорошо для его души. Этимъ опредѣляется и окончательная задача всякой науки: знать то, что хорошо для нашей души. Хорошее для души называется *добродѣтелью*. Итакъ предметъ

и цѣль знанія есть собственно добродѣтель; все остальное имѣетъ значеніе лишь средства, и такъ какъ нельзя знать цѣлесообразныя средства, не зная цѣли, для которой они должны служить, то ясно, что дѣйствительное знаніе чего бы то ни было невозможно безъ знанія добродѣтели, съ которой такимъ образомъ нужно начинать для удовлетворительнаго рѣшенія даже такого вопроса, какъ тотъ, что служитъ исходною точкою настоящаго діалога: нужно ли обучать двухъ подростковъ нѣкоторому модному военному упражненію?

И тутъ предполагаемая цѣль—усовершенствованіе этихъ юношей въ добродѣтели. Въ нашемъ діалогѣ разсматривается не вся добродѣтель, а лишь опредѣленная ея часть, или сторона, именно *мужество*. Это совершенно соотвѣтствуетъ замыслу діалога—показать неспособность людей профессіональныхъ руководить обществомъ. Ясно, что если такіе авторитеты военной профессіи, какъ Никій и Лахесъ ничего не понимаютъ даже въ ближайшей къ ихъ дѣлу части добродѣтели, то чего же отъ нихъ и отъ подобныхъ имъ спеціалистовъ ждать въ остальномъ?

II.

Главныя лица діалога изображены ярко, какъ въ любой комедіи, ходъ разговора очень натураленъ и оживленъ и въ концѣ чуть не переходитъ въ „дѣйствіе" между двумя военачальниками. Если этотъ діалогъ написанъ не Платономъ, то онъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ не заурядному писателю между учениками Сократа. Особенно интересенъ здѣсь Никій, какъ историческое лицо, игравшее очень видную роль въ рѣшительныхъ для судьбы всей Греціи событіяхъ пелопонезской войны. Ученый стратегъ, очень старательно и съ нѣкоторымъ напряженнымъ педантизмомъ относившійся къ своему дѣлу, образованный оптиматъ, имѣвшій слабость къ модной мудрости софистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до суевѣрія и безразсудства набожный,—преданный всякимъ религіознымъ предписаніямъ и примѣтамъ, Никій представлялъ въ своемъ характерѣ черты комизма, безпощадно увѣковѣченныя нашимъ діалогомъ, и однако судьба этого человѣка была настоящею трагедіей. Аристократъ и консерваторъ, поклонникъ спартанскаго строя и главный сторонникъ мира съ Лакедемономъ, онъ половину жизни долженъ былъ по волѣ народа и по гражданскому долгу посвятить той войнѣ, которую онъ считалъ пагубною для отечества, и это трудное дѣло онъ исполнялъ съ безупречнымъ самоотверженіемъ и не безъ славы. Принужденный наконецъ противъ своего мнѣнія и совѣта принять главное участіе въ рискованномъ сицилійскомъ походѣ (415—413 гг.) онъ до конца исполнилъ свой долгъ, подвергаясь, несмотря на тяжелую болѣзнь и преклонный возрастъ, крайнимъ лишеніямъ наравнѣ со всѣми воинами и взятый въ плѣнъ непріятелемъ, былъ тотчас казненъ, что по крайней мѣрѣ отнимало всякій смыслъ у обычнаго со стороны демократій обвиненія несчастныхъ полководцевъ въ измѣнѣ и подкупѣ. (См. выше во *Второмъ Алкивіадѣ*).

Лахесъ былъ, какъ и Никій, честный и храбрый воинъ, умѣлый и заслуженный полководецъ, но съ характеромъ болѣе простымъ, человѣкъ здраваго смысла и экспанзивнаго чувства презиравшій всякую діалектику и реторику,—такимъ онъ по крайней мѣрѣ очерченъ въ нашемъ діалогѣ. Реальности положенія и живости бесѣды способствуютъ два благонамѣренные но безпомощные старца—сынъ Аристида Праведнаго Лизимахъ, и сынъ полководца Ѳукидида (не историка), Мелезій (объ ихъ, присутствующихъ при бесѣдѣ, юныхъ сыновьяхъ ср. въ *Ѳеагѣ*). Лизимахъ есть настоящій, годный въ комедію, типъ болтливаго аѳинскаго старика. Несмотря на достоинства построенія и изложенія, заставившія большинство критиковъ признать принадлежности діалога Платону за несомнѣнную, есть одно обстоятельство (или пожалуй два), мѣшающее полной увѣренности въ этомъ.

III.

Всякій читатель діалога замѣтилъ, что Никій выставленъ если не съ враждебнымъ, то во всякомъ случаѣ съ недружелюбнымъ издѣвательствомъ. Между тѣмъ, какъ несомнѣнно по хронологіи и какъ явствуетъ уже изъ прозрачныхъ намековъ на печальный исходъ Сицилійскаго похода, мы имѣемъ здѣсь изображеніе *посмертное*. Изъ за чего же бы сталъ Платонъ устами Сократа осмѣивать человѣка, доблестно, хотя и несчастно умершаго на войнѣ за отечество, которому онъ безпорочно прослужилъ всю свою жизнь? Никій былъ человѣкъ съ ясными недостатками и слабостями, но у юнаго Платона хватило бы таланта и благородства, ярко выставивши эту отрицательную сторону, не закрывать совершенно того общаго фона достоинствъ и заслугъ, которымъ несомнѣнно обладалъ Никій. Замыселъ діалога—показать несостоятельность военной профессіи какъ чего то самостоятельнаго и отдѣльнаго; но что этотъ замыселъ вовсе не требовалъ нарушать гумманное отношеніе

къ выводимымъ на сцену лицамъ, доказывается тутъ же изображеніемъ Лахеса, который такъ же несостоятеленъ въ сократическомъ смыслѣ, какъ и Никій, что однако не мѣшаетъ ему пользоваться явною симпатіей автора, сообщающеюся и читателю. Между тѣмъ о достоинствахъ и заслугахъ Никія мы вѣдь знаемъ *не* изъ нашего діалога, гдѣ этотъ полководецъ выставляется исключительно какъ комическое лице. Язвительная насмѣшка надъ суевѣріемъ Никія съ яснымъ намекомъ на обстоятельства, способствовавшія его пораженію и гибели, была бы непріятна даже, если бы дѣло шло о зломъ и вредномъ врагѣ. Но откуда же могла бы взяться у Платона такая злопамятная вражда къ Никію? Неужели онъ и послѣ смерти не могъ простить ему несчастнаго сицилійскаго похода? Но Платонъ вовсе не былъ такого сорта патріотомъ, и къ тому же въ этомъ походѣ Никій командовалъ не одинъ, а главное—онъ былъ рѣшительно противъ самаго предпріятія, чѣмъ заранѣе снялъ съ себя всякую вину, притомъ показавши себя и въ этомъ случаѣ дальновиднымъ полководцемъ. Совсѣмъ не похоже было бы на Платона относиться къ такому человѣку по образцу аѳинской черни и демагоговъ. Никакихъ личныхъ столкновеній у Платона съ Никіемъ не могло быть уже по различію возраста: когда предпринятъ былъ злополучный походъ въ Сицилію (415 г.), откуда Никій уже болѣе не возвращался, Платону было 12—14 лѣтъ. Что касается до политическихъ связей и взглядовъ, то они должны были бы во всякомъ случаѣ внушить Платону возможно большее снисхожденіе къ человѣку, всю жизнь дѣйствовавшему въ томъ самомъ направленіи, котораго вообще держался и Платонъ: дорійскаго аристократизма по лакедемонскому образцу въ противоположность іонійской демократіи Аѳинъ. Нашъ философъ долженъ бы былъ видѣть въ Никіѣ *своего человѣка* и даже самаго крупнаго между своими людьми той эпохи, не говоря уже о требованіяхъ человѣчности относительно погибшаго. Между тѣмъ авторъ діалога такъ непріязненъ къ несчастному Никію, что вопреки историческимъ свидѣтельствамъ, называющимъ Лахеса другомъ и сторонникомъ Никія, заставляетъ ихъ пререкаться между собою съ явнымъ озлобленіемъ, причемъ Лахесъ съ самаго начала не скрываетъ своего презрѣнія къ своему другу и вождю своей партіи.

Не отрицая рѣшительнымъ образомъ подлинности Лахеса, я долженъ замѣтить, что если этотъ діалогъ написанъ Платономъ, то изображеніе въ немъ Никія требуетъ историческаго

объясненія, данныхъ для котораго, на сколько мнѣ извѣстно, у насъ не имѣется, тогда какъ если признать, что діалогъ былъ написанъ не Платономъ а какимъ нибудь Сократовымъ ученикомъ, принадлежавшимъ къ *демократической* партіи, то отношеніе къ Никію объясняется само собою. Независимо отъ этого обстоятельства *Лахесу* принадлежитъ замѣтное мѣсто среди образчиковъ сократическаго философствованія. Примыкая къ *Іону* по вопросу о профессіональномъ знаніи, главнымъ своимъ предметомъ — разсмотрѣніемъ добродѣтели мужества онъ входитъ въ кругъ чисто этическихъ діалоговъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ *Хармидомъ* посвященнымъ изслѣдованію другой „краеугольной“ добродѣтели—*благоразумія* (*σωφροσύνη*).

ХАРМИДЪ

(ИЛИ О БЛАГОРАЗУМІИ).

Собесѣдники: **СОКРАТЪ, ХЭРЕФОНЪ, КРИТІЙ, ХАРМИДЪ.**

ХАРМИДЪ.

(Сократъ разсказываетъ).

Пришелъ я накануне вечеромъ [1]) изъ лагеря, что въ 153.
Потидеѣ [2]),—ну и пошелъ—съ наслажденіемъ послѣ долгой
разлуки—по обычнымъ мѣстамъ. Вошелъ, значитъ, и въ
палэстру Таврея, что противъ храма при царской палатѣ [3]),
и тутъ засталъ очень многихъ, иныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ,
бо̀льшею же частью—знакомыхъ. И какъ увидали меня, не-
ожиданно входящаго, сейчасъ издалека привѣтствовали,—кто B.
откуда. А Хэрефонъ, каковъ онъ есть неистовый, выско-
чивъ изъ своего круга, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня
за руку,—

— Какъ это, говоритъ, спасся ты изъ битвы, Сократъ?—

Вѣдь незадолго до того, какъ намъ оттуда отправиться, было сраженіе подъ Потидеей, о чемъ здѣшніе только что услыхали;—я и говорю ему въ отвѣтъ:

— Да вотъ такъ, какъ видишь.

— А вѣдь здѣсь, говоритъ, извѣщали, что битва-то

---

1) *τῇ προτεραίᾳ ἑσπέρας*—разумѣется, вечеромъ накануне той утренней встрѣчи, про которую Сократъ начинаетъ свой разсказъ.

2) Потидея (городъ Посейдона)—коринѳская колонія въ Македоніи (у коронайскаго залива, на полуостровѣ Паллене). Во время пелопонезской войны Аѳиняне взяли ее послѣ долгой осады (430 г.).

3) *καταντικρὺ τοῦ τῆς βασιλικῆς ἱεροῦ*. Послѣ упраздненія царской власти въ Аѳинахъ одному изъ главныхъ выборныхъ начальниковъ (архонтовъ) былъ присвоенъ почетный титулъ царя (*ὁ ἄρχων βασιλεύς*), и палата, въ которой онъ отправлялъ свою (судебную) должность получила названіе ***царской***. Находившійся около нея храмъ былъ посвященъ Зевсу-Освободителю (см. выше діалогъ *Ѳеагъ*).

вышла очень крѣпкая, и что много въ ней полегло изъ
C. людей извѣстныхъ.

— Да и довольно справедливо, говорю, извѣщали.

— Ты-то, говоритъ, присутствовалъ при сраженіи?

— Присутствовалъ.

— Такъ скорѣй-же, говоритъ, садись и разсказывай намъ: мы то вѣдь не все въ точности слышали.

И съ этими словами сталъ онъ сажать меня около Критія, Каллэсхрова сына. Ну, сѣвши такимъ образомъ и поздоровавшись съ Критіемъ и другими, сталъ я имъ разсказывать походныя новости,—кто о чемъ спрашивалъ, а спра-
D. шивали одинъ—про одно, другой—про другое.

Когда-же мы объ этомъ наговорились вдоволь, началъ и я въ свою очередь спрашивать ихъ о здѣшнихъ дѣлахъ,—какъ теперь насчетъ философіи, тоже насчетъ юношей, не проявились ли между ними какіе нибудь отличные—умомъ ли, красотою ли, а то и тѣмъ, и другимъ. А Критій, по-
154. смотрѣвши въ сторону двери и видя нѣсколько входящихъ юношей, спорящихъ между собою, а слѣдомъ еще толпу,—

— Насчетъ красивыхъ, говоритъ, сейчасъ, кажется, ты увидишь, Сократъ: вотъ эти входящіе—предтечи и поклонники [4]) того, кто считается самымъ красивымъ,—теперь по крайней мѣрѣ; думаю, что и самъ онъ уже близко по пути сюда.

— Кто же это, говорю, и чей?

B. — Ты, положимъ, и знаешь (его) говоритъ, только еще не былъ онъ въ возрастѣ, какъ тебѣ отправляться въ походъ,—Хармидъ это—дяди нашего, Главкона, сынъ, а мой двоюродный братъ.

— Ну и конечно знаю, видитъ Зевсъ, говорю. Не плохъ онъ былъ и тогда, еще мальчикомъ, ну а теперь, думаю, ужь онъ совсѣмъ юноша.

— Сейчасъ, говоритъ, увидишь: и въ какомъ возрастѣ, и каковъ онъ сталъ.

И при этихъ словахъ входитъ Хармидъ.

Я-то, пріятель, тутъ вовсе не въ счетъ: по части красивыхъ я прямо—немазаная мѣтка [5]), такъ какъ почти что

[4]) *πρόδρομοί τε καὶ ἐρασταί.*

[5]) *λευκὴ στάθμη*—бѣлый шнуръ. Разумѣются шнуры, употребляемые плотниками и каменьщиками для обозначенія прямой линіи приобтесываніи камней или обстругиваніи дерева. Чтобы такой шнуръ исполнялъ свое назначеніе, онъ долженъ быть намазанъ смолой; поэтому выраженіе бѣлый шнуръ т. е. чистый, немазанный, употреблялось Греками, какъ поговорка, обозначающая неспособнсcть къ различенію, или неразборчивость.

всѣ въ этомъ возрастѣ кажутся мнѣ красавцами; ну и тутъ, конечно, нашелъ я этого (юношу) удивительнымъ по стат- C.
ности и красотѣ;—но показалось мнѣ, что и другіе всѣ въ него влюблены: такъ они были поражены и смущены, когда онъ вошелъ; ну и слѣдомъ за нимъ шло много другихъ еще поклонниковъ. И наше то впечатлѣніе—мужей зрѣлыхъ—не такъ было удивительно; но я обращалъ вниманіе и на мальчиковъ (и замѣтилъ), что и изъ нихъ ни одинъ, даже самый маленькій, не смотрѣлъ въ другую сторону, но всѣ созерцали его, точно какое то священное изваяніе.

И Хэрефонъ, кликнувши меня: D.

— Какъ, молъ, тебѣ кажется юноша, Сократъ? не хорошъ ли съ лица?

— Чрезвычайно, говорю.

— Ну а вотъ еслибы онъ, говоритъ, захотѣлъ раздѣться, такъ ты бы совсѣмъ забылъ о его лицѣ [6]): до такого совершенства прекрасенъ весь образъ.

То-же самое вмѣстѣ съ Хэрефономъ говорили и прочіе. Тутъ я молвилъ:

— О Гераклъ! какъ неодолимъ по вашимъ словамъ этотъ человѣкъ, если только при всемъ томъ есть у него еще одна малость.

— Что̀ такое? сказалъ Критій.

— Да если, говорю я, онъ и душою хорошъ уродился. E.
А вѣдь оно слѣдуетъ, Критій, чтобы онъ былъ такимъ, принадлежа къ вашему дому.

— Да онъ, говоритъ, и въ этомъ отношеній совсѣмъ превосходенъ.

— Ну такъ что̀ же, говорю, не раздѣть ли намъ его съ этой стороны [7]) и не посмотрѣть ли прежде, чѣмъ тѣлесный видъ?—потому что, будучи въ такомъ возрастѣ, онъ, конечно, уже готовъ разговаривать.

[6]) *δόξει σοι ἀπρόσωπος εἶναι*—показался бы тебѣ безлицымъ,—ты бы забылъ, что у него есть лицо.

[7]) *οὐκ ἀπεδύσαμεν αὐτοῦ αὐτὸ τοῦτο*—не раздѣть ли намъ у него это самое,—т. е. душу. Подъ раздѣваніемъ души Сократъ разумѣетъ діалектическую бесѣду, стремящуюся обнаружить душевное содержаніе человѣка, обнажая его мысль отъ условныхъ и поверхностныхъ оболочекъ мнѣнія.

155. — Да и очень, сказалъ Критій: вѣдь онъ—философъ и, какъ кажется другимъ и ему самому, большой поэтъ.

— Это-то добро, говорю, ведется у васъ, любезный Критій, издалека—отъ родства съ Солономъ. Но что же ты не покажешь мнѣ юношу, не позовешь его сюда? Вѣдь еслибы онъ и еще былъ моложе, то не стыдно бы ему было разговаривать съ нами при тебѣ—своемъ опекунѣ и вмѣстѣ двоюродномъ братѣ.

— Ну ладно, говоритъ,—и позовемъ его.

И тутъ же, обращаясь къ служителю:

— Малый, говоритъ, позови Хармида, скажи, что я
B хочу представить его врачу насчетъ нездоровья, о которомъ онъ давеча мнѣ говорилъ.

А ко мнѣ обращаясь, говоритъ Критій:

— Недавно, вставая, жаловался онъ на тяжесть въ головѣ; такъ что̀ тебѣ мѣшаетъ притвориться для него знающимъ какое нибудь лекарство отъ головной боли?

— Ничто не мѣшаетъ, говорю, — лишь бы пришелъ!

— Да ужь придетъ, говоритъ.

Такъ и случилось. Онъ пришелъ и произвелъ большой
C. смѣхъ. Потому что каждый изъ насъ, сидящихъ, сталъ усердно тѣснить своего сосѣда, чтобы около себя дать сѣсть Хармиду, такъ что изъ сидѣвшихъ на самомъ концѣ иному пришлось встать, а кому и на земь слетѣть. Онъ же, придя, сѣлъ между мною и Критіемъ. Ну и тутъ ужь, пріятель, пришелъ я въ смущеніе, и прежнюю смѣлость изъ меня вышибло, съ какою я полагалъ, что совсѣмъ легко буду съ нимъ разговаривать; когда же при словахъ Критія, что это
D. я—знающій лекарство, вскинулъ на меня глазами какъ то невыразимо и уставился вопросительно, а всѣ въ палэстрѣ окружили насъ сплошны мъкольцомъ,—тутъ, благороднѣйшій, увидѣлъ я больше [8]), и воспламенился и былъ ужь не въ себѣ, и почелъ за самаго мудраго въ дѣлахъ эротическихъ (поэта) Кидія, который, говоря о красивомъ отрокѣ, выразился иносказательно, что „лань остерегается, какъ бы, идя на встрѣчу
E. льву, не достаться ему на съѣденіе“ [9]); потому что мнѣ показалось, что я самъ уловленъ такимъ звѣремъ. Всетаки,

---

[8]) Смягчаю слова: *εἶδόν τε τὰ ἐντὸς τοῦ ἱματίου.*

[9]) По чтенію Шанца: *εὐλαβεῖσθαι μὴ κατέναντα λέοντος νεβρὸν ἐλθόντα . . . . μοῖραν αἱρεῖσθαι κρεῶν.*

когда онъ спросилъ, знаю ли я лекарство отъ головной боли, я хоть и черезъ силу, отвѣчалъ, что знаю.

— Такъ въ чемъ же оно?—спрашиваетъ.

А я говорю, что это нѣкій листъ, а при лекарствѣ есть нѣкое заклинаніе, которое если произнести вмѣстѣ съ пріемомъ, то станешь совсѣмъ здоровымъ чрезъ (это) лекарство; а безъ заклинанія никакой нѣтъ пользы въ
листѣ. 156.

— Такъ я, говоритъ, спишу у тебя заклинаніе.

— Тогда ли только, говорю, когда уговоришь меня (сообщить его тебѣ), или и безъ этого?

Отвѣчаетъ со смѣхомъ: Когда уговорю тебя, Сократъ!

— Пускай такъ, сказалъ я. А ты вотъ и имя мое твердо знаешь?

— Какъ и слѣдуетъ, говоритъ: вѣдь не мало про тебя разговору у насъ со сверстниками, а я то помню и мальчикомъ, какъ ты бывалъ вотъ у Критія.

— И прекрасно это съ твоей стороны, говорю; потому что я тѣмъ смѣлѣе сообщу тебѣ насчетъ того закли-
нанія, каково оно есть; а то я пока недоумѣвалъ, какимъ B.
бы способомъ показать тебѣ его силу. А она такова, Хармидъ, что не только способна сдѣлать здоровою одну голову, но—какъ можетъ быть и ты уже слыхалъ про хорошихъ врачей, что когда придетъ къ нимъ кто нибудь, страдая глазами, они говорятъ, что не подобаетъ имъ приниматься за исцѣленіе однихъ глазъ, но необходимо будетъ заразъ лечить и всю голову, если нужно, чтобы и глазамъ
было хорошо; и что опять великое безуміе думать объ из- C.
леченіи головы самой по себѣ безъ цѣлаго тѣла. Сообразно же этому понятію направляя свои предписанія на все тѣло, они принимаются лечить и исцѣлять часть вмѣстѣ съ цѣлымъ. Развѣ ты не замѣчалъ, что они такъ объ этомъ говорятъ, и что оно такъ и бываетъ?

— Конечно, отвѣчалъ онъ.

— Ну такъ не кажется ли тебѣ, что это прекрасно говорится, и не принимаешь ли ты этого разсужденія?

— Во всякомъ случаѣ, говоритъ.

И я, услыхавъ, что онъ соглашается, забралъ смѣло- D.
сти, и скоро возбудилась во мнѣ рѣшимость, я снова ожи-
вился и сказалъ:

— Такъ-то вотъ, Хармидъ, и съ этимъ заклинаніемъ; научился я ему тамъ въ лагерѣ у одного изъ ѳракійскихъ

врачей Залмоксидовых[10]), они же, говорятъ, даютъ и без-
смертіе. Сказывалъ же этотъ Өракіецъ, что въ томъ, о
чемъ я сейчасъ упоминалъ, эллинскіе врачи говорятъ хо-
рошо; но Залмоксисъ, молъ. нашъ царь,—онъ же и богъ,—
говоритъ (еще), что какъ нельзя приниматься лечить глаза
E. безъ головы и голову безъ прочаго тѣла, такъ и все тѣло—
безъ души, но что тутъ-то и причина, почему многія бо-
лѣзни не даются эллинскимъ врачамъ,—а именно, что они
не знаютъ того цѣлаго, о которомъ слѣдуетъ заботиться. а
когда этому цѣлому нехорошо, то невозможно, чтобы часть
находилась въ хорошемъ состояніи; потому что все, гово-
рилъ онъ, устремляется изъ души—и дурное и хорошее,—для
тѣла и для всего человѣка, и оттуда притекаетъ какъ бы
изъ головы къ глазамъ; такъ за этимъ-то нужно ухаживать
157. и прежде всего, и больше всего, если хочешь, чтобы и го-
ловѣ и прочему тѣлу было хорошо. А ухаживаютъ за ду-
шою, добрѣйшій, - такъ говорилъ онъ, — посредствомъ нѣ-
кихъ заклинаній; заклинанія же эти суть прекрасныя раз-
сужденія; а изъ такихъ разсужденій возникаетъ въ душѣ
благоразуміе, а когда оно возникло и присутствуетъ, то уже
легко доставить здоровье и головѣ и прочему тѣлу. Такъ
B. вотъ, наставляя меня насчетъ лекарства и заклинаній,—какъ
бы не убѣдилъ тебя кто-нибудь, сказалъ онъ, чтобы ты
врачевалъ его голову этимъ лекарствомъ, не предоставивъ
тебѣ сперва душу для воздѣйствія заклинанія; потому что,
молъ, вотъ теперь въ томъ-то и есть ошибка у людей. что
иные и безъ того и безъ другого—и безъ благоразумія, и
безъ здоровья[11])—пробуютъ дѣлаться какими то врачами;
и накрѣпко онъ мнѣ заповѣдалъ, чтобы никто, какъ бы онъ ни
C. былъ богатъ, или знатенъ, или красивъ не уговорилъ бы меня
дѣйствовать иначе[12]). Значитъ я—поклялся вѣдь я ему и по-
неволѣ должно мнѣ слушаться—значитъ я послушаюсь, и

---

[10]) Залмоксисъ, или Замолксисъ—воплощеніе Діониса-Вакха въ видѣ миѳическаго ѳракійскаго царя, съ которымъ связывается преданіе о таинственномъ искусствѣ исцѣлять и возстановлять жизнь. Объ этомъ загадочномъ лицѣ разсказывается у Геродота—IV, 93 и слѣд

[11]) *σωφροσύνης τε καὶ ὑγιείας*—эти необходимыя пояснительныя слова, отсутствующія въ одномъ изъ старыхъ стиховъ, удержаны Шанцемъ, поставившимъ ихъ въ скобки.

[12]) Иначе, т. е, противно той истинной зависимости тѣлеснаго здоровья отъ душевнаго, о которой Залмоксисъ повѣдалъ своимъ послѣдователямъ.

если хочешь по заповѣдямъ этого чужеземца дать сперва
свою душу заговорить ѳракійскими заклинаніями, приложу
тебѣ лекарство къ головѣ; если же нѣтъ, то нечего намъ
съ тобою и дѣлать, милый Хармидъ.

А Критій, услышавъ эти слова,—Вотъ, говоритъ, на-
ходка была бы для юноши, Сократъ, эта головная боль,
если бы онъ принужденъ былъ изъ за головы стать лучше
и разумѣніемъ. Ну а я скажу тебѣ, что Хармидъ не только D.
видомъ отличается, я думаю, отъ сверстниковъ, но и тѣмъ
самымъ, насчетъ чего у тебя, говоришь, есть заклинаніе;
ты говоришь о благоразуміи,—такъ вѣдь?

— Именно, сказалъ я.

— Такъ знай же, говоритъ, что по общему мнѣнію
онъ самый благоразумный изъ нынѣшнихъ, да и во всемъ
прочемъ, насколько допускаетъ возрастъ, никому не усту-
питъ.

— Да вѣдь и справедливо, сказалъ я, чтобы ты, Хар-
мидъ, во всемъ этомъ отличался отъ прочихъ; потому что E.
я не думаю, чтобы кто нибудь изъ здѣшнихъ могъ легко
указать, какіе два аѳинскіе дома, сочетавшись другъ съ
другомъ, имѣли бы вѣроятность красивѣе и лучше рождать,
нежели тѣ, изъ которыхъ ты родился. Вѣдь отеческій то
вашъ домъ—Критія, сына Дропидова,—дошелъ до насъ[13])
восхваленный Анакреономъ и Солономъ и многими другими
поэтами, какъ отличающійся красотою и доблестью и про-
чимъ такъ называемымъ благополучіемъ. И опять со сто- 158.
роны матери—тоже самое; потому что, говорятъ, никого
не находили на материкѣ красивѣе и величавѣе дяди тво-
его Пирилампа, каждый разъ какъ онъ отправлялся съ по-
сольствомъ къ великому ли царю, или къ иному кому
(изъ находящихся на материкѣ[14]); весь же этотъ домъ ни-
сколько не уступалъ другому[15]). А произойдя отъ такихъ
(предковъ) слѣдуетъ тебѣ быть во всякомъ дѣлѣ первымъ.
Ну и какъ въ томъ, что на виду, милое дитя Главкона, B.

---

[13]) *παραδέδοται ἡμῖν*—переданъ намъ.

[14]) Слова: *τῶν εν τηπείρῳ,* исключенныя Астомъ, поставлены Шанцемъ въ скобки, какъ сомнительныя. Подъ материкомъ по преимуществу разумѣлось Персидское царство, но также и Европа, и Ливія.

[15]) Т. е. домъ Пирилампа нисколько не уступаетъ дому Дропида. По поводу Хармида. Платонъ, близкій его родственникъ въ обѣихъ линіяхъ, прославляетъ здѣсь свое собственное происхожденіе. См. ниже въ *Разсужденіи.*

ты, кажется, вышелъ не хуже кого бы то ни было изъ прежнихъ, то если и со стороны благоразумія и прочаго ты, согласно его словамъ [16]), достаточно хорошо уродился,— блаженнымъ, сказалъ я, родила тебя мать, милый Хармидъ! Положеніе, значитъ, таково: если благоразуміе уже при тебѣ, какъ вотъ говоритъ Критій, и ты достаточно благоразуменъ [17]), то тебѣ вовсе не нужно еще заклинаній—ни Залмоксиса, ни Абариса [18]) Гиперборейца,—а дать тебѣ
C. прямо то лекарство отъ головы; если же ты думаешь, что еще нуждаешься въ добрыхъ качествахъ, то слѣдуетъ подѣйствовать заклинаніемъ прежде пріема лекарства. Такъ самъ мнѣ скажи, согласенъ ли ты съ Критіемъ и считаешь ли себя уже достаточно причастнымъ благоразумія, или же нуждающимся въ немъ?

Тутъ Хармидъ, сперва покраснѣвши показался еще привлекательнѣе; потому что и эта стыдливость шла къ его возрасту; потомъ онъ и отвѣчалъ не безъ благородства, говоря, что въ настоящемъ случаѣ ему было бы нелегко отвѣтить на вопросъ какъ утвердительно, такъ и отрица-
D. тельно:

— Вѣдь, если, сказалъ онъ, не признаю я себя благоразумнымъ, то и нелѣпо говорить такъ противъ самого себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ и Критія обвиню я во лжи, и многихъ другихъ, которые, какъ онъ говоритъ, считаютъ меня благоразумнымъ; а если я признаю себя такимъ и буду самъ себя хвалить, то можетъ быть это покажется наглымъ,—такъ что я не нахожу ничего тебѣ отвѣтить.

На это я сказалъ:

— Кажется мнѣ, что ты дѣло говоришь, Хармидъ! И я думаю, продолжалъ я, что нужно намъ сообща разсмотрѣть, обладаешь ты, или нѣтъ, тѣмъ, про что я спраши-
E. ваю, чтобы ни ты не былъ принужденъ сказать, чего не хочешь, ни мнѣ съ своей стороны не пришлось бы обратиться къ леченію безъ осмотра. Такъ если тебѣ пріятно, желаю я разсматривать съ тобою; а нѣтъ,—такъ оставимъ.

— Да въ высшей степени пріятно, сказалъ онъ,—такъ

[16]) Т. е. словамъ Критія.

[17]) Въ подлинникѣ плеоназмъ здѣсь еще болѣе бросается въ глаза вслѣдствіе разстановки словъ: *ἐι μὲν σοι ἤδε πάρεστιν, ὡς λέγει Κριτίας ὁδε, σωφροσύνη καὶ εἶ σωφρον ἱκανῶς κτλ.*

[18]) Баснословный чародѣй далекаго сѣвера.

что ради этого, съ которой стороны ты самъ считаешь лучше разсмаривать, съ той и смотри.

— Такъ вотъ, сказалъ я, какъ будетъ, мнѣ кажется, всего лучше это разсматривать. Вѣдь ясно, что если бла-
разуміе при тебѣ, то ты можешь что нибудь о немъ вы- 159.
сказать. А именно необходимо, чтобы оно, какъ присущее,—если, то есть, присутствуетъ,—доставляло бы нѣкоторое ощущеніе, откуда возникало бы у тебя нѣкоторое мнѣніе объ этомъ свойствѣ, что̀ оно собственно, и какое такое благоразуміе; или не думаешь?

— Думаю, говоритъ.

— Ну а то-то, о чемъ думаешь, говорю я,—такъ какъ ты вѣдь умѣешь объясняться по эллински,—не выскажешь ли и это самое, чѣмъ оно тебѣ является.

— Можетъ быть, говоритъ.

— Ну такъ, чтобы установить, есть ли оно въ тебѣ, или нѣтъ, скажи, говорю я, что̀ есть благоразуміе по твоему мнѣнію.

Тутъ онъ сперва помедлилъ и не очень то хотѣлъ от- B.
вѣчать; потомъ однако сказалъ, что благоразуміе, кажется ему, есть то, чтобы дѣлать все ладнымъ образомъ и тихо [19]),—ходить по дорогамъ и разговаривать и все прочее дѣлать такъ же; и мнѣ кажется, сказалъ онъ, то, о чемъ ты спрашиваешь, есть вообще нѣкоторая тихость [20]).

— Хорошо ли это однако сказано? говорю,—хоть и утверждаютъ, Хармидъ, про тихихъ людей что они благоразумны; посмотримъ, дѣльно ли говорятъ: скажи ка мнѣ,
не принадлежитъ ли и благоразуміе къ вещамъ прекрас- C
нымъ?

— Конечно, говоритъ.

— Ну а что̀ прекраснѣе въ школѣ [21]): одинакія [22]) буквы написать скоро, или тихо?

— Скоро.

— Ну а читать: быстро, или медленно?

— Быстро.

— Ну и на киѳарѣ играть скоро, и бороться бы-

[19]) *τὸ κοσμίως πάντα πράττειν καὶ ἡσυχῇ.*

[20]) *ἡσυχιότης τις.*

[21]) *ἐν γραμματιστοῦ*—въ (заведеніи) грамматиста, учителя граматы,—т. е. въ начальпой школѣ.

[22]) *ὁμοῖα* означаетъ здѣсь, разумѣется, *одинаково хорошо* написанныя буквы, безъ чего сравненіе скорости не имѣло бы смысла.

стро — вѣдь гораздо лучше, чѣмъ дѣлать тоже тихо и медленно?

— Да.

— Ну а при кулачномъ боѣ и сложной борьбѣ [23]) — не тоже ли самое?

— Конечно.

— А бѣгать и прыгать и всѣ вообще тѣлесныя дѣй-
D. ствія — развѣ не относятся къ хорошему тѣ изъ нихъ, которыя совершаются скоро и быстро, а къ дурному тѣ, которыя производятся съ усиліемъ и тихо?

Кажется.

— Значитъ, сказалъ я, относительно тѣла не тихое, а самое скорое и быстрое оказывается у насъ самымъ прекраснымъ; такъ вѣдь?

— Конечно.

— А благоразуміе то было (признано) чѣмъ то прекраснымъ?

Да.

— Такъ значитъ относительно тѣла-то не тихость благоразумнѣе, а скорость, разъ благоразуміе есть нѣчто прекрасное.

E. — Кажется такъ, говоритъ.

— Ну а что говорю, прекраснѣе: способность къ наученію, или неспособность?

— Способность.

— А вѣдь эта способность говорю, состоитъ въ томъ, чтобы научаться скоро, а неспособность въ томъ, чтобы тихо и медленно?

— Да.

— А другого учить со скоростью и быстротой развѣ не много лучше, чѣмъ съ тихостью и медленностью?

— Да.

— Ну а вспоминать и запоминать какъ лучше: тихо и медленно, или же скоро и быстро?

160. Скоро и быстро, говоритъ.

— Ну, а находчивость не есть ли нѣкоторая острота души, а никакъ не тихость ея?

— Правда.

---

[23]) παγκρατίζειν — продѣлывать гимнастическое упражненіе, называвшееся παγκράτιον и состоявшее изъ соединенія собственно борьбы съ кулачнымъ боемъ.

— Такъ не сводится ли къ одному то, что говорилось и про учителя граматы, и про киѳариста, и про все другое, — именно, что не самое тихое, а самое быстрое есть наилучшее.

— Да.

— Но и въ душевныхъ исканіяхъ и въ совѣщаніяхъ, думается мнѣ, не самый медленный и съ трудомъ находящій рѣшеніе признается достойнымъ похвалы, а тотъ кто это дѣлаетъ всѣхъ скорѣе и быстрѣе. B.

— Такъ оно есть, сказалъ онъ.

— Значитъ, Хармидъ, сказалъ я, все — и душевное и тѣлесное, — оказывается у насъ болѣе прекраснымъ по скорости и быстротѣ, нежели по медленности и тихости.

— Выходитъ такъ, сказалъ онъ.

— Значитъ по этому разсужденію благоразуміе не будетъ нѣкою тихостью, и благоразумная жизнь не будетъ тихою, разъ она должна быть прекрасною, будучи благоразумною; такъ какъ одно изъ двухъ: или вовсе никогда, или же крайне рѣдко тихія дѣйствія въ жизни представляются намъ болѣе прекрасными, нежели скорыя и быстрыя. C.
А вѣдь еслибы даже, мой милый, тихія дѣйствія были не менѣе прекрасны, чѣмъ скорыя и быстрыя, — вѣдь и въ такомъ случаѣ не оказалось бы, что благоразуміе состоитъ болѣе въ тихомъ образѣ дѣйствія, нежели въ быстромъ и скоромъ — ни при ходьбѣ, ни при чтеніи, ни при чемъ бы D.
то ни было другомъ, и тихое житье не оказалось бы болѣе благоразумнымъ, нежели не тихое, такъ какъ благоразуміе отнесено у насъ къ роду прекраснаго, прекраснымъ же явилось и скорое не меньше, чѣмъ медленное.

— Кажется мнѣ, Сократъ, сказалъ онъ, что ты это правильно объяснилъ [24]).

— Ну такъ еще разъ, Хармидъ, сказалъ я: обрати хорошенько свое вниманіе, глядя въ самого себя и помышляя, какимъ собственно дѣлаетъ тебя присущее тебѣ благоразуміе и въ силу какого своего-то свойства [25]) дѣлаетъ оно E.

---

[24]) Хотя бы мы и согласились тутъ съ Хармидомъ, все-таки должно признать, что эта утомительная и такъ сказать косноязычная аргументація противъ медленности и въ пользу быстроты и „остроты“ сама страдаетъ чрезмѣрнымъ преобладаніемъ осуждаемаго свойства надъ одобряемымъ.

[25]) ποία τις οὖσα.

тебя такимъ, — все это сообразивши, скажи прямо и мужественно, чѣмъ оно тебѣ является?

А онъ, сосредоточившись и очень мужественно обдумавъ въ себѣ, сказалъ:

— Кажется мнѣ, что благоразуміе заставляетъ человѣка стыдиться и дѣлаетъ его стыдливымъ, и есть благоразуміе какъ бы стыдъ.

— Пусть такъ, сказалъ я; не согласился ли ты уже, что благоразуміе есть нѣчто прекрасное?

— Конечно, говоритъ.

— . . . .

— . . . . [26]).

— А благоразумные — не добрые ли они также люди?

— Да.

— . . . .

— . . . . [27]).

— Ну а было ли бы [28]) добромъ то, что не дѣлаетъ ихъ добрыми?

— Никакъ.

— Значитъ оно есть не только нѣчто прекрасное, но и доброе?

161. — Мнѣ кажется.

— Какъ же однако? сказалъ я — развѣ ты не вѣришь, что хорошо слово Гомера, когда онъ говоритъ:

Стыдъ отнюдь не добро нуждой удрученному мужу [29]).

— Вѣрю говоритъ.

— Значитъ, какъ оказывается, стыдъ есть и не-добро и добро [30]).

— Кажется.

— Благоразуміе же всегда добро, если то есть оно дѣлаетъ хорошими тѣхъ, кому присуще, дурными же не дѣлаетъ.

— Да такъ оно мнѣ и представляется, какъ ты говоришь.

---

[26]) Явный пропускъ нѣсколькихъ словъ въ текстѣ.

[27]) Другой пропускъ.

[28]) Здѣсь Шанцъ обозначаетъ въ текстѣ пропускъ и даетъ въ примѣчаніи пропущенныя по его мнѣнію слова, необходимость которыхъ не представляется мнѣ столь очевидною.

[29]) Hom. Odyss. XVII, 347.

[30]) Доказательство здѣсь держится на софистической игрѣ словами. См. ниже, въ *Разсужденіи*.

— Значитъ благоразуміе не будетъ стыдомъ, если то-есть оно добро, стыдъ же ничуть не болѣе добро, чѣмъ зло. B.

— Ну это-то мнѣ кажется, Сократъ, ты правильно говоришь, сказалъ онъ; а вотъ посмотри, какъ тебѣ покажется такое (мнѣніе) насчетъ благоразумія. Какъ разъ сейчасъ я вспомнилъ, что слышалъ, какъ кто-то говорилъ, что благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать *свое* [31]. Такъ вотъ это разбери, правильно ли оно по твоему сказано.

А я — Ахъ ты хитрецъ! — говорю. — Отъ Критія на- C.
шего ты это слышалъ, или отъ кого другого изъ мудрецовъ?

— Надо быть, сказалъ Критій, отъ другого: только ужь не отъ меня.

А тотъ-то, Хармидъ, говоритъ:

— Да какая же разница, Сократъ, отъ кого я это слышалъ?

— Да никакой, говорю; вѣдь во всякомъ случаѣ слѣдуетъ смотрѣть не на то, кто это сказалъ, а истинно ли это сказано, или нѣтъ.

— Вотъ теперь ты правильно говоришь, сказалъ тотъ.

— Видитъ Зевсъ! говорю; но если бы мы нашли, что собственно это значитъ, я бы удивился, потому что это
похоже на какую то загадку. D.

— Почему же это? — говоритъ.

— Да потому, говорю, что сказавшій „благоразуміе есть то, чтобы дѣлать „свое“ ужь конечно думалъ не то, что звучало въ словахъ. Развѣ ты думаешь, что школьный учитель, когда пишетъ или читаетъ, ничего не дѣлаетъ?

— Полагаю, что дѣлаетъ, сказалъ онъ.

— Ну а кажется ли тебѣ, что учитель пишетъ и читаетъ только свое имя, научая и васъ, дѣтей только этому [32]), — или же (онъ васъ учитъ) такъ, чтобы вы (умѣли) писать имена враговъ ничуть не менѣе, чѣмъ ваши собственныя и чѣмъ имена друзей?

— Ничуть не менѣе.

— Такъ значитъ, дѣлая это, вы вмѣшивались въ чу- E.
жія дѣла и не были благоразумны?

---

[31]) *τὸ τὰ ἑαυτοῦ πράττειν* — смыслъ этого опредѣленія выясняется въ продолженіи разговора.

[32]) Т. е. писать и читать только свои имена.

— Вовсе нѣтъ.

— И однако вы не дѣлали своего, если только писать и читать значитъ что нибудь дѣлать.

— Да и значитъ.

— Но также, пріятель, и врачевать, и строить зданія, и ткать, да и въ какомъ бы то ни было искусствѣ производить какое бы то ни было изъ дѣлъ этого искусства—вѣдь значитъ же что нибудь дѣлать?.

— Конечно.

— Такъ какъ же? говорю: кажется ли тебѣ, что было бы хорошо жить въ городѣ, еслибы законъ повелѣвалъ, чтобы каждый самъ шилъ и стиралъ себѣ платье и приготовлялъ обувь, а также насчетъ посуды для масла и скребницы [33]) и всего прочаго по тому же закону,—чтобы не
162. касаться чужого, а каждому производить и выдѣлывать свое собственное?

— Не кажется мнѣ (чтобы при этомъ было хорошо жить), сказалъ тотъ.

— Однако, говорю, въ благоразумно-то устроенномъ городѣ вѣдь хорошо бы жилось?

— Какъ же нѣтъ? говоритъ.

— Значитъ, говорю, „дѣлать свое“ въ такихъ вещахъ и такимъ образомъ—не было бы благоразуміемъ.

— Кажется, что нѣтъ.

— Оказывается, значитъ, какъ я только что говорилъ, что загадки загадывалъ тотъ, кто утверждалъ, что благоразуміе есть то, чтобы дѣлать свое; вѣдь не былъ же онъ до такой степени простъ; или ты это отъ кого нибудь глупаго
B. слыхалъ, Хармидъ?

— Всего менѣе, говоритъ: онъ мнѣ казался даже очень мудрымъ.

— А мнѣ потому всего болѣе кажется это загадкой, что вѣдь трудно въ сущности знать, что̀ это такое—„дѣлать свое“.

— Можетъ быть, сказалъ онъ.

— Такъ что̀ же бы это такое было—„дѣлать свое?“ Ну-ка, скажи!

---

33) *στλεγγίς*—особаго рода дощечка, которою въ палестрахъ скоблили кожу на всемъ тѣлѣ для ея очищенія. У Шлейермахера (3-е изд.) неудачное слово *Kratzeisen: στλεγγίδες* бывали иногда и деревянныя или сдѣланныя изъ тростника.

— Я-то, говоритъ, ей-богу не знаю! Но вѣдь и такъ можетъ быть, что тотъ, кому принадлежатъ эти слова тоже вовсе не знаетъ, что̀ онъ разумѣлъ.

И говоря такъ, онъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на Критія. C.

А ужъ давно было ясно, что Критій волновался самолюбіемъ передъ Хармидомъ и передъ присутствующими; и еще прежде едва себя сдерживая. тутъ оказался не въ силахъ; — такъ что я считаю совершенно вѣрнымъ свое предположеніе, что именно отъ Критія слышалъ Хармидъ тотъ отвѣтъ насчетъ благоразумія. Ну а Хармидъ-то, желая не на себя принять отвѣтственность, а того заставить D.
дать отчетъ въ его опредѣленіи [34]), подзадоривалъ его, намекая именно на него, какъ будто онъ былъ уже обличенъ. Тотъ и не вытерпѣлъ, но, показалось мнѣ, разсердился на него, какъ поэтъ на лицедѣя, дурно передающаго его произведеніе. Итакъ, взглянувши на юношу, онъ сказалъ:

— Такъ ты думаешь, Хармидъ, что если ты пе знаешь, что̀ разумѣлъ сказавшій, что благоразуміе въ томъ, чтобы дѣлать свое, то и самъ утверждавшій не знаетъ?

— Но, любезнѣйшій Критій, сказалъ я, нисколько не удивительно, что Хармидъ, будучи такъ молодъ, этого не знаетъ; ну а тебѣ подобаетъ это знать и по возрасту, и по E.
занятіямъ. Такъ если ты допускаешь, что благоразуміе есть то, что вотъ онъ говоритъ, и принимаешь на себя слово, мнѣ было бы еще гораздо пріятнѣе съ тобою разсмотрѣть, истинно ли сказанное, или нѣтъ.

— Да конечно, говоритъ, допускаю и принимаю.

— Ну вотъ и прекрасно, говорю. Такъ скажи мнѣ, допускаешь ли ты и то, о чемъ я только что спрашивалъ,—что всѣ ремесленники что нибудь творятъ.

— Да.

— Такъ кажется ли тебѣ, что они творятъ только свое, или также и чужое?

— И чужое.

— Слѣдовательно они бываютъ благоразумны, хотя и 163.
не творятъ только одно свое [35])?

---

34) *βουλόμενος μὴ αὐτός ὑπέχειν λόγον ἀλλ᾽ἐκεῖνον τῆς ἀποκρίσεως*—эту фразу пришлось расчленить въ переводѣ.

35) *οὐ τὰ ἑαυτῶν μόνον ποιοῦντες*—т. е. не одно только имъ принадлежащее, прямо ихъ касающееся.

— А чтò же мѣшаетъ?—говоритъ.

— Мнѣ-то, говорю, ничто не мѣшаетъ; но посмотри, не мѣшаетъ ли что тому, кто, предположивши благоразуміе какъ дѣланіе своего, потомъ говоритъ, что ничто не мѣшаетъ и дѣлающимъ чужое тоже быть благоразумными.

— Да вѣдь я-то, сказалъ онъ, развѣ согласился, что *дѣлающіе* чужое благоразумны, если соглашался относительно *творящихъ* [36]).

B. — Скажи мнѣ, говорю, развѣ не одно и то же по твоему *творить* и *дѣлать?*

— Ничуть, говоритъ,—а также не одно и то же *дѣйствовать* [37]) и *творить;* потому что я научился у Гезіода, который говоритъ, что *никакое дѣйствованіе не постыдно* [38]). Или ты думаешь, что онъ,—еслибы называлъ дѣлами и дѣйствованіемъ и дѣланіемъ [39]) то, о чемъ ты сейчасъ говорилъ,—сказалъ бы, что никому не постыдно быть сапожникомъ, или продавцемъ соленой рыбы, или служителемъ непотребства [40])? Не нужно, Сократъ, такъ думать; но и онъ, полагаю, считалъ твореніе за нѣчто другое, чѣмъ
C. дѣланіе и дѣйствованіе, и думалъ, что твореніе [41]) бываетъ иногда постыдно, когда творится не по прекрасному, дѣло же никакое не бываетъ постыдно; потому что производимое прекрасно и съ пользою онъ называлъ дѣлами, и такія занятія—дѣланіями и дѣйствованіями. Нужно же сказать, что

---

[36]) Въ подлинникѣ Сократъ, говоря передъ тѣмъ о *дѣлающихъ* „свое“ и „чужое“ употребляетъ безразлично глаголы *ποιεῖν* (собств. *творить*) и *πράττειν* (собств. *дѣлать*). Критій указываетъ теперь на существенное по его мнѣнію различие въ значеніи этихъ словъ, которое затѣмъ и старается объяснить, опираясь на авторитетъ Гезіода.

[37]) Кромѣ употребленныхъ Сократомъ двухъ словъ, Критій для своей цѣли вводитъ еще новыя *ἐργάζεσθαι* и *ἔργον* которыя сближаетъ съ *πράττειν*, противополагая ихъ слову *ποιεῖν*.

[38]) Изъ стиха 311 Гезіодовой поэмы *Труды и Дни*. Весь стихъ читается такъ: *ἔργον δ'οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δέ τ'ὄνεῖδος* (дѣланіе никакое не стыдъ, бездѣятельность же стыдъ). Уже изъ противопоставленія словъ *ἔργον* и *ἀεργίη* ясно, что подъ первымъ словомъ разумѣется самое дѣйствованіе, а не результатъ его, и къ тому же переводить здѣсь *ἔργον*—*дѣло* было тѣмъ болѣе неудобно, что это слово слишкомъ ужъ часто употребляется именно въ соединеніи съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое отрицаетъ у него Гезіодъ: постыдное, позорное дѣло.

[39]) *ἔργα, εργάζεσθαι, πράττειν.*

[40]) *ἐπ'οἰκήματος καθημένῳ*—передаю общій смыслъ; Шлейермахеръ выражается еще общѣе: sich selbst feil zu haben.

[41]) *ποίημα.*

только ихъ однихъ онъ и считалъ принадлежащими собственно [42]) каждому, вредныя же всѣ занятія — чужими [43]). Такъ что нужно думать, что и Гезіодъ, и всякій другой умный человѣкъ называетъ именно того, кто дѣлаетъ свое—благоразумнымъ [44]).

— О Критій, сказалъ я, какъ только ты началъ го- D.
ворить, я уже почти понялъ твою мысль, что „собственнымъ“ и „своимъ“ [45]) ты называешь блага [46]), а производство благъ — „дѣланіемъ“ [47]): вѣдь я и Продика [48]) десять тысячъ разъ слыхалъ, какъ онъ разбирается относительно именъ. Но я то тебѣ предоставляю класть каждое изъ именъ, куда хочешь,—объясни только къ чему ты относишь то имя,
что произносишь. Ну такъ теперь опять сначала опредѣли E.
яснѣе: утверждаешь ли ты, что дѣланіе благъ, или твореніе, какъ тебѣ угодно это называть,—что оно то и есть благоразуміе?

— Утверждаю, говоритъ.

— Значитъ дѣлающій зло не благоразуменъ, а только дѣлающій благо?

— А тебѣ, милѣйшій, сказалъ онъ, развѣ не такъ кажется?

— Постой, говорю: мы вѣдь не то разсматриваемъ, что мнѣ кажется, а то, что ты теперь говоришь.

— Ну такъ я-то, сказалъ онъ, утверждаю, что дѣлающій не добро, а зло—не поступаетъ благоразумно, дѣлающій же добро, а не зло—благоразумно поступаетъ; потому что я тебѣ ясно опредѣляю, что благоразуміе есть дѣ-
ланіе добра. 164.

— Да можетъ быть и нѣтъ препятствія признать, что ты говоришь правду; однако при этомъ, сказалъ я, удивля-

---

[42]) *οἰκεῖα.*

[43]) *ἀλλότρια.*

[44]) Отождествивши дѣланіе своего съ дѣланіемъ одобрительнымъ, а дѣланіе чужого съ дѣланіемъ постыднымъ, Критій легко защищаетъ опредѣленіе благоразумія отъ прежнихъ возраженій Сократа, не догадываясь однако, что при этомъ его опредѣленіе одной изъ добродѣтелей становится одинаково примѣнимо ко всѣмъ, что хотя согласно съ убѣжденіемъ Сократа въ единствѣ добродѣтели, но вовсе не имѣлось въ виду самимъ Критіемъ.

[45]) *τὰ οἰκεῖα τε καὶ τὰ αὐτοῦ.*

[46]) *ἀγαθά.*

[47]) *τὰς τῶν αγαθῶν ποιήσεις πράξεις.*

[48]) Различеніе синонимовъ было однимъ изъ спеціальныхъ занятій этого знаменитато софиста, у котораго научился и Критій.

юсь, если ты думаешь, что благоразумные люди, не знаютъ, что они благоразумны.

— Да я этого и не думаю; говоритъ.

— А развѣ сказалъ я, не было говорено тобою нѣсколько раньше, что ничто не мѣшаетъ мастерамъ какого нибудь дѣла быть благоразумными, хотя бы и производя чужое?

— Въ самомъ дѣлѣ говорено, сказалъ онъ; но что же изъ этого?

B. — Ничего; но скажи, полагаешь ли ты, что врачъ, вылечивая кого нибудь, дѣлаетъ полезное и себѣ самому и тому, кого исцѣляетъ;

— Полагаю.

— Не значитъ ли это, что дѣйствующій такъ, дѣлаетъ должное?

— Да.

— А дѣлающій должное развѣ не благоразуменъ?

— Благоразуменъ, конечно.

— А развѣ необходимо врачу еще и знать: когда онъ лечитъ съ пользою и когда—нѣтъ; и также любому изъ мастеровъ (необходимо ли знать), когда онъ получитъ пользу отъ дѣла, которымъ занятъ, и когда—нѣтъ?

C. — Можетъ быть и нѣтъ (необходимости это знать).

— Значитъ иногда, сказалъ я, врачъ, поступая полезно, или вредно, самъ про себя не знаетъ, какъ онъ поступалъ; и однако же, въ томъ случаѣ если онъ дѣйствовалъ полезно, онъ по твоимъ словамъ дѣйствовалъ благоразумно; или не такъ ты говорилъ?

— Такъ.

— Не выходитъ ли, какъ оказывается, что иногда дѣйствующій полезно, хотя тѣмъ самымъ и дѣйствуетъ благоразумно и бываетъ благоразуменъ, а между тѣмъ не знаетъ про самого себя, что онъ благоразуменъ?

— Но вѣдь этого, Сократъ, сказалъ онъ, никакъ не могло бы произойти; если же ты думаешь; что изъ чего нибудь прежде мною допущеннаго необходимо прійти къ
D. этому (заключенію), то я скорѣе бы отказался отъ какого нибудь изъ тѣхъ предположеній и не стыдился бы сказать, что тогда утверждалъ неправильно,—скорѣе, чѣмъ согласиться, что человѣкъ невѣдомо для себя самого бываетъ благоразуменъ. Дѣло въ томъ, что по моему благоразуміе почти и есть только это: знать самого себя, и я согласенъ

съ тѣмъ, кто помѣстилъ въ Дельфахъ такую надпись [49]). Мнѣ вѣдь кажется, что эта надпись именно въ томъ смыслѣ и выставлена, будучи какъ бы привѣтствіемъ бога къ входящимъ вмѣсто *радуйся* [50]), какъ бы то есть это приглашеніе—радоваться—было неправильно, и нужно было внушать другъ другу не это, а быть благоразумными. Такимъ E.
то образомъ богъ и привѣтствуетъ входящихъ въ святилище иначе, чѣмъ люди; въ этомъ разсужденіи, кажется мнѣ, и помѣстилъ эту надпись тотъ, кто ее помѣстилъ; и входящему въ святилище богъ говоритъ всегда не иное что, какъ *будь*, молъ, *благоразуменъ*. Говоритъ же онъ это загадочно, какъ прорицатель; потому что, хотя *знай самого себя* и *будь благоразуменъ*—одно и тоже, какъ утверждаетъ надпись и я, но легко кому нибудь подумать,
что это—другое, какъ оно и случилось, мнѣ кажется, съ 165.
тѣми, что помѣстили слѣдующія затѣмъ надписи; *ничего черезъ чуръ* [51]) *и поручишься—близка бѣда* [52]). Они вѣдь думали, что *знай самого себя* есть совѣтъ, а не привѣтъ божій для входящихъ,—такъ, чтобы и съ своей стороны внести не менѣе полезные совѣты, они и положили тѣ надписи. Ну а зачѣмъ я все это тебѣ говорю, Сократъ,
вотъ тому причина. Прежнее-то все я тебѣ уступаю; по- B.
тому что можетъ быть то, что ты говорилъ объ этихъ предметахъ, болѣе правильно, а можетъ быть то, что—я, совершенно же яснаго ничего не было въ томъ, что мы говорили. Ну а если ты не согласенъ, что благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы знать самого себя,—это ужъ я хочу теперь противъ тебя отстоять [53]).

— Но, сказалъ я, вѣдь ты, Критій, нападаешь на меня такъ, какъ будто бы я говорилъ, что знаю то, о чемъ спрашиваю, и какъ будто мое согласіе зависѣло только

---

[49]) Знаменитое гномическое изреченіе *γνῶϑι σαυτον* приписывавшееся одному изъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ, которые однако по справедливому замѣчанію перипатетика Дикеарха (у Діогена Лаэртія I, 40) не были ни мудрецами. ни философами, а людьми смышлеными и умѣлыми по части законодательста *οὔτε σοφοὺς οὔτε φιλοσόφους, συνετοὺς δέ τινας καὶ νομοϑετικούς*).

[50]) *Χαῖρε*—соотвѣтствовало нашему *здравствуй*.

[51]) *Μηδὲν ἄγαν*—приписывалось обыкновенно Хилону, сыну Дамагета, Лакедемонцу.

[52]) *ἔγγυε παρα δ'ἄτη*—приписывалось ему же, хотя авторъ нашего діалога очевидно предполагаетъ кого нибудь другого.

[53]) *νῦν ἐϑέλω τούτου σοι διδόναι λόγον*.

отъ моей воли; а дѣло стоитъ не такъ: я вѣдь ищу все
С. съ тобою то, о чемъ возбужденъ вопросъ, именно потому, что самъ то не знаю. Такъ какъ лишь послѣ разсмотрѣнія я намѣренъ сказать, согласенъ ли я, или нѣтъ; а (теперь) подожди, пока я разсмотрю.

— Такъ разсматривай, сказалъ онъ.

— Да ужь разсматриваю, говорю. Итакъ, если благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы что нибудь знать, то ясно, что оно есть нѣкоторое познаніе [54]) и (притомъ) чего нибудь; или нѣтъ?

— Оно есть познаніе, сказалъ онъ, именно себя самого.

— А не есть ли, говорю, и медицина познаніе того, что здорово?

— Конечно.

— Если бы теперь, говорю, ты меня спросилъ: медицина, будучи знаніемъ о здоровомъ, на что намъ полезна и что производитъ? — я бы вѣдь сказалъ, что польза ея не малая, такъ какъ она производитъ здоровье—прекрасное для насъ дѣло,—если ты это принимаешь.

— Принимаю.

— И если бы теперь спросилъ ты меня о зодчествѣ, что за дѣло оно производитъ, будучи знаніемъ строенія?— я бы сказалъ, что (оно производитъ) жилища; такимъ же образомъ и о прочихъ искусствахъ. Такъ вотъ нужно и тебѣ относительно благоразумія, такъ какъ ты говоришь, что оно есть знаніе о себѣ самомъ,—нужно, что бы ты могъ также сказать спрашивающему тебя: о Критій! благоразуміе, будучи познаніемъ себя самого, какое производитъ у насъ дѣло, прекрасное и достойное имени?—ну-
Е. тка, скажи!

— Но, говоритъ, неправильно ты, Сократъ, спрашиваешь. Вѣдь не похоже оно на прочія познанія, да и прочія непохожи между собою; ты же разспрашиваешь какъ объ одинаковыхъ. Ну скажи мнѣ, говоритъ, какое такое дѣло у счислительнаго искусства [55]), или у геометріи— дѣло въ родѣ того, какъ жилище у зодчества, или платье у портняжнаго искусства, или другія такія дѣла, какихъ

[54]) Въ греческомъ тавтологія здѣсь менѣе очевидна вслѣдствіе употребленія двухъ словъ разнаго корня—*γιγνώσκθω* и *ἐπιστήμη*.

[55]) *τῆς λογιστικῆς τέχνμς.*

можно указать много у разныхъ искусствъ. Такъ можешь 166.
и ты указать мнѣ какое нибудь подобное дѣло у тѣхъ-то искусствъ) [56])? Но нѣтъ — не съумѣешь!—А я на это;

— Правду говоришь; но вотъ что я могу тебѣ показать: чего именно познаніе есть каждая изъ этихъ наукъ [57]), причемъ познаваемое есть нѣчто другое (отличное) отъ самого познанія. Такъ искусство счисленія есть познаніе четнаго и нечетнаго, каковы вообще ихъ свойства самихъ по себѣ и по отношенію другъ къ другу; [58]) такъ вѣдь?

— Конечно, говоритъ.

— Не есть ли притомъ нечетное и четное нѣчто другое (отличное) отъ самого счислительнаго искусства?

— Какъ же нѣтъ?

— Ну и опять статика есть познаніе о болѣе тяже- В.
ломъ и болѣе легкомъ вѣсѣ; тяжесть же и легкость—нѣчто другое (отличное) отъ самой статики; согласенъ?

— Согласенъ.

— Такъ скажи же и про благоразуміе,—чего оно есть познаніе такого, что было бы чѣмъ-то другимъ (отличнымъ) отъ самого благоразумія.

— То-то оно и есть, Сократъ, сказалъ онъ: ты напалъ на слѣдъ того, чѣмъ благоразуміе отличается ото всѣхъ знаній, а (между тѣмъ) ищешь какой то его одинаковости съ прочими. А вѣдь это не такъ; но всѣ прочія суть зна- С.
нія (чего нибудь) другого, а не себя самихъ, оно же одно есть и знаніе прочихъ знаній, и себя самого. И отъ тебя-то ужь никакъ это не скрылось; а только я полагаю, что

[56]) Т.-е у науки чиселъ и у геометріи.

[57]) *τίνος ἐστιν ἐπιστήμη ἑκάστη τούτων τῶν ἐπιστημῶν*—здѣсь называется познаніемъ, или наукой (*ἐπισzήμη*) то самое, что сейчасъ передъ тѣмъ называлось искусствомъ (*τέχνη*). О слитности этихъ двухъ понятій въ умѣ древнихъ Грековъ см. выше, въ разсужденіи къ діалогу *Іонъ*.

[58]) *πρὸς αὑτὰ καὶ πρὸς ἄλληλα.* Сами по себѣ (*πρὸς αὑτά*) четныя и нечетныя числа опредѣляются вообще своею кратностью къ 2; отсюда же вытекаетъ и то ихъ взаимное отношеніе (*πρὸς ἄλληλα*), что отъ умноженія всякаго четнаго со всякимъ нечетнымъ получается четное. Та *λογιστική τέχνη*, о которой здѣсь говорится не совпадаетъ, ни съ простымъ умѣньемъ считать, ни съ нашею ариѳметикою. Опредѣленіе этой „логистики" какъ познанія о нечетномъ и четномъ указываетъ, кажется, на ея связь съ пиѳогорейскимъ ученіемъ о числахъ, гдѣ на первомъ планѣ стояла противоположность между единствомъ и двойственностью, между нечетомъ и четомъ; причемъ выраженіемъ единаго добраго начала былъ нечетъ, а четъ ризсматривался какъ проявленіе дурной, неопредѣленной двоицы—*ἡ ἄπειρος δυάς*.

ты подлинно дѣлаешь то самое, отъ чего давеча отрицался,—а именно стараешься меня опровергать, упустивши изъ виду то, о чемъ идетъ рѣчь.

— Какъ ты можешь думать, сказалъ я, что если я и совершенно тебя опровергну, я сдѣлаю это ради какой нибудь другой цѣли, кромѣ той, для которой я и свои бы слова разслѣдовалъ въ опасеніи, какъ бы по ошибкѣ не
D. считать себя знающимъ то, чего я не знаю [59]). Вотъ я и теперь утверждаю, что дѣлаю это самое—разсматриваю предметъ главнымъ образомъ ради меня самого, а можетъ быть также и ради прочихъ ближнихъ; или ты не думаешь, что это—общее благо почти всѣхъ людей: чтобы выяснилось, въ какомъ положеніи находится всякій предметъ, какой только существуетъ?

— Я-то, Сократъ, и очень это думаю, сказалъ онъ.

— Такъ смѣлѣе теперь, говорю, милѣйшій! Отвѣчая
E. на вопросъ какъ тебѣ кажется лучше, не смотри на то, Критій ли, Сократъ ли при этомъ опровергается; но, прилагая умъ къ самому предмету, разсматривай, куда приведетъ его выясненіе.

— Да такъ я и буду дѣлать, сказалъ онъ; потому что мнѣ кажется, что ты говоришь именно то, что нужно [60]).

— Такъ скажи ка теперь, говорю: насчетъ благоразумія, какъ полагаешь?

— А такъ теперь полагаю, сказалъ онъ, что оно одно изо всѣхъ знаній есть знаніе какъ себя самого, такъ и прочихъ знаній.

— Такъ не будетъ ли оно, сказалъ я, знаніемъ и о незнаніи, разъ оно есть знаніе о знаніи?

— Конечно, сказалъ онъ.

— Значитъ, одинъ лишь благоразумный будетъ знать
167. про самого себя и будетъ способенъ испытать, что̀ ему извѣстно и что̀—нѣтъ, да и другихъ точно также онъ будетъ въ состояніи разсматривать: что̀ кто нибудь (подлинно) знаетъ, а потому и считаетъ себя знающимъ [61]), и что̀, напротивъ,

---

59) Коротко и ясно это можно выразить такъ: почему ты думаешь, что во всемъ этомъ разговорѣ я имѣю въ виду что нибудь другое, кромѣ истины?

60) *δοκεῖς γάρ μοι μέτρια λέγειν.—Μέτρια*—букв. мѣрное, или въ мѣру, т. е. ни больше, ни меньше того, что нужно.

61) *τί τις οἶδεν καὶ οἴεται, εἴπερ οἶδεν.*

только думаетъ знать, подлинно же не знаетъ;—изъ другихъ же никто (не способенъ этого рѣшить). Вотъ въ этомъ-то и состоитъ благоразумное поведеніе [62]) и (само) благоразуміе, и познаніе самого себя,—именно чтобы знать, что̀ знаешь и чего не знаешь. Вѣдь именно это ты разумѣешь?

— Именно это, говоритъ.

— Ну такъ снова, молвилъ я,—*третій разъ во спа-* B.
сеніе! [63]) разсмотримъ какъ сначала,—первое: статочное ли дѣло знать то, что знаешь и то, чего не знаешь,—именно одно, какъ извѣстное, а другое, какъ неизвѣстное [64]); а затѣмъ, если это и возможно, то какая намъ польза отъ этого знанія?

— Да и нужно, сказалъ онъ, разсмотрѣть.

— Ну-тка, говорю, ты, Критій, разсматривай, не окажешься ли ты находчивѣе меня; такъ какъ я-то недоумѣваю; а о чемъ недоумѣваю,—сказать ли тебѣ?

— Конечно, говоритъ.

— Не держится ли, сказалъ я, все это разсужденіе
на томъ условіи, что существуетъ, какъ вотъ ты сейчасъ C.
говорилъ, какое-то единое познаніе [65]), которое не имѣетъ никакого другого предмета, кромѣ себя самого и прочихъ познаній, да оно же есть и знаніе о незнаніи?

— Ну конечно.

— Смотри однако, пріятель, какія странности мы пробуемъ утверждать; вѣдь если ты разсмотришь это на чемъ нибудь другомъ, оно тебѣ покажется, я думаю, невозможнымъ.

— А именно—какъ и гдѣ?

— А вотъ въ слѣдующемъ: подумай, кажется ли тебѣ, что существуетъ такое зрѣніе, которое не есть зрѣніе тѣхъ предметовъ, которые бываютъ видимы въ другихъ случаяхъ [66]), а есть (лишь) зрѣніе себя самого и прочихъ зрѣній, а также и не-зрѣній [67]),—и что оно, хотя и есть

---

62) *τὰ σωφρονεῖν.*

63) *τὸ τρίτον τῷ σωτῆρι — третье — спасителю*—древняя пословица, относившаяся вѣроятно къ питью вина (съ возліяніями) при жертвоприношеніяхъ, причемъ третій кубокъ посвящался богу-охранителю рода, или города.

64) *τὸ ἅ οἶδεν και ἅ μὴ οἶδεν εἰδέναι ὅτι οἶδε καὶ ὅτι οὐκ οἶδεν.*

65) *Ἄλλο τι οὖν . . . . πάντα ταῦντ' ἂν εἴη, εἰ ἔστιν . . . . μία τις ἐπιστήμη κτλ.*

66) *ὄψις . . . . ἣ ὧν μὲν αἱ ἄλλαι ὄψεις εἰσίν, οὐκ ἔστι τούτων ὄψις κτλ.*

67) *μὴ ὄψεων*—такъ какъ здѣсь Сократомъ представляется reductio

D. зрѣніе, цвѣта-то не видитъ никакого, а (видитъ только) себя и прочія зрѣнія; кажется тебѣ, что есть такое?

— Ей-богу, не думаю.

— Ну а какъ насчетъ слуха, который бы никакого звука не слышалъ, а только самъ себя и прочіе слухи и не-слухи?

— Нѣтъ и этого.

— Посмотри же и вообще относительно всѣхъ ощущеній, кажется ли тебѣ, что есть какое нибудь ощущеніе ощущеній и себя самого [68]), но въ которомъ не ощущается ничего изъ самихъ предметовъ ощущенія [69])?

E. — Нѣтъ.

— Ну а кажется ли тебѣ, что есть такое вожделѣніе [70]), которое не есть вожделѣніе никакого удовольствія, а (вожделѣетъ) только себя самого и другихъ вожделѣній?

— Да нѣтъ же!

— Нѣтъ, я думаю, и такой воли [71]), которая не хотѣла бы никакого добра, а (хотѣла бы) только себя саму и другія воли?

Ну, разумѣется, нѣтъ!

— А скажешь ли, что есть такая любовь, которая оказалась бы любовью не къ чему нибудь прекрасному, а только къ себѣ самой и къ другимъ любвямъ?

— Нѣтъ, говоритъ.

— Ну а страхъ такой ты придумалъ, который боялся
168. бы себя самого и другихъ страховъ, а изъ страшныхъ вещей ничего бы не боялся?

— Нѣтъ не придумалъ, говоритъ.

— А (такого) представленія, которое было бы представленіемъ себя и другихъ представленій, но ничего представляемаго бы не представляло [72])?

---

ad absurdum, то умѣстенъ буквальный переводъ такихъ нелѣпыхъ выраженій.

[68]) Т. е. даннаго ощущенія.

[69]) *ὧν δὲ δὴ αἱ ἄλλαι αἰσθήσεις αἰσθάνονται, μηδενός αἰσθανομένη.*

[70]) *ἐπιθυμία.*

[71]) *βούλησις.*

[72]) Необходимость употребить въ переводѣ страдательное причастіе и неудобство при этомъ двусмысленнаго слова ***мнимый*** заставели меня перевести здѣсь *δόξα* и *δοξάζειν* ***чрезъ представленіе*** и ***представлять*** вмѣсто ***мнѣніе*** и ***мнить***, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло идетъ только объ одномъ

— Никоимъ образомъ.

— Но относительно знанія-то, какъ оказывается, мы утверждаемъ, что существуетъ такое, которое не есть знаніе никакой науки [73]), а только самого себя и прочихъ знаній?

— Да, утверждаемъ.

— Но не странно ли это, если оно и существуетъ?— мы вѣдь не будемъ настаивать, что его нѣтъ, а еще посмотримъ, есть ли оно. B.

— Правильно говоришь.

— Такъ за дѣло!—Вѣдь это самое знаніе есть знаніе чего нибудь и имѣетъ нѣкую такую силу, чтобы къ чему нибудь относиться [74]); такъ вѣдь?

— Конечно.

— Такъ какъ вѣдь мы говоримъ и про бо̀льшее, что оно имѣетъ нѣкое такое свойство, чтобы быть большимъ чего нибудь?

— Да и имѣетъ.

— И не относительно ли чего нибудь меньшаго, разъ оно бо̀льшее?

— Необходимо.

— Значитъ, еслибы мы нашли такое бо̀льшее, которое больше другихъ большихъ и себя самого, но не больше никакого предмета, котораго бы другіе были больше, то такой величинѣ было бы вполнѣ присуще, разъ она больше самой себя, быть и меньше самой себя; или нѣтъ? C.

— Совершенно необходимо, Сократъ,—сказалъ онъ.

— Значитъ, если что нибудь есть двойное относительно прочихъ двойныхъ и себя самого, то оно будетъ двойнымъ себя и прочаго *какъ половины*, такъ какъ не бываетъ двойного по отношенію къ чему нибудь другому, кромѣ половины.

— Правда.

— И бо̀льшее самого себя не будетъ ли и меньшимъ, и тягчайшее—легчайшимъ, и старѣйшее—новѣйшимъ, и во D.
всемъ прочемъ такимъ же образомъ,—то, что имѣетъ свое

изъ психологическихъ примѣровъ, и особое—установившееся къ тому же лишь позднѣе—гнозеологическое значеніе слова *δόξα* никакъ не могло имѣться въ виду.

[73]) *μαθήματος οὐδενός.*

[74]) *ἔχει τινὰ τοιαύτην δύναμιν ὥστε τινὸς εἶναι.*

свойство относительно самого себя [75]), не будетъ ли имѣть и ту сущность [76]), къ которой его свойство относится? Разумѣю же я вотъ что: слухъ, напримѣръ, мы говоримъ, не другого чего есть слухъ, какъ звука; такъ вѣдь?

— Да.

— Значитъ, если онъ будетъ слышать самого себя, то будетъ слышать себя, какъ имѣющаго звучность, ибо инымъ образомъ слышать нельзя.

— Совершенно необходимо.

— Ну и зрѣніе, почтеннѣйшій, если будетъ созерцать
себя самого, то необходимо ему имѣть какой нибудь цвѣтъ;
потому что ничего безцвѣтнаго зрѣніе никогда бы не уви-
E. дѣло.

— Конечно нѣтъ.

— Такъ видишь, Критій, сколько (различнаго) мы ни перебрали,—для иного оказывается совсѣмъ невозможнымъ, а для другого очень невѣроятнымъ относиться къ самому себѣ какъ къ предмету [77]). Именно для величины и количества и тому подобнаго это совсѣмъ невозможно; или нѣтъ?

— Да, конечно, невозможно.

— А для слуха опять и для зрѣнія да еще для дви-
169. женія — самого себя двигать — и для жара — самого себя
жечь [78]) и все подобное—инымъ то представляется невѣроятнымъ [79]), а другимъ, можетъ быть, иначе. Значитъ, мой милый, требуется великій человѣкъ, чтобы въ точности это разобрать по всѣмъ (предметамъ): такъ ли (должно признать), что ничему изъ существующаго не свойственно

---

[75]) Или имѣетъ предметомъ своего дѣйствія себя самого, обращаетъ къ себѣ, или на себя свою внутреннюю силу—*ὅ τί περ ἂν την ἑαυτοῦ δύναμιν πρὸς ἑαυτὸ ἔχῃ*.

[76]) *οὐσία*—не въ смыслѣ субстанціи, а какъ особая качественная опредѣленность, или специфическое свойство (субстанціальная форма у схоластиковъ).

[77]) Въ выраженіи *τὴν ἑαυτῶν δύναμιν πρὸς ἑαυτὰ ἔχειν* я не перевожу *δύναμις* черезъ *сила* потому, что въ ближайшемъ контекстѣ говорится объ отвлеченныхъ отношеніяхъ величины.

[78]) Здѣсь вопросъ не въ томъ, конечно, можетъ ли что нибудь само себя двигать, или само себя жечь (разумѣется можетъ) а лишь въ томъ, можетъ ли *движеніе* само себя двигать и *жаръ* самъ себя жечь, что Сократъ признаетъ невѣроятнымъ, хотя и не столь нелѣпымъ какъ то, чтобы двойное число было половиной себя самого.

[79]) *απιστίαν παράσχοι.*

соотноситься съ самимъ собой, а только съ другимъ [80]),—или же такъ, что вотъ этому свойственно, а тому—нѣтъ; и опять ежели и бываетъ нѣчто такого рода, что соотносится съ самимъ собою, то принадлежитъ ли сюда тотъ видъ знанія, какимъ мы считаемъ благоразуміе. Я то себѣ не довѣряю, (и не думаю) чтобы я былъ способенъ рѣшить такіе вопросы; такъ что я не могу напирать и на то, статочное ли это дѣло [81]), чтобы существовало *познаніе по-
знанія,* а если и существуетъ, то не принимаю его за B.
благоразуміе прежде, чѣмъ разсмотрю, полезно ли намъ на что нибудь именно такое знаніе, или нѣтъ; потому что насчетъ благоразумія-то я вѣдь смекаю, что оно есть нѣчто полезное и доброе [82]). Значитъ ты, сынъ Каллэсхра,—такъ какъ ты полагаешь, что благоразуміе есть именно это знаніе о знаніи и незнаніи,—ты значитъ и покажи сперва, что возможно [83]) то, о чемъ я сейчасъ говорилъ, а потомъ, что сверхъ (простой) возможности, оно еще и
полезно; тогда, пожалуй, и меня бы ты вполнѣ убѣдилъ, C.
что правильно разсуждаешь о благоразуміи,—что оно такое есть.

И когда Критій это слышалъ—и видѣлъ, что я недоумѣваю, мнѣ показалось, что съ нимъ случилось то, что бываетъ съ тѣми, которые, смотря передъ собою на зѣвающихъ, впадаютъ въ тоже самое состояніе, какъ и они,—подобнымъ образомъ показалось мнѣ, что и Критій отъ меня недоумѣвающаго былъ и самъ поневолѣ [84]) захваченъ недоумѣніемъ. А по привычкѣ къ похваламъ стыдился присутствующихъ и не желая мнѣ признаться, что не въ си-
лахъ разрѣшить то, на что я его вызывалъ,—не говорилъ D.

---

[80]) Я не перевожу сдѣсь словъ *πλὴν ἐπιστήμης*, справедливо исключенныхъ Шлейермахеромъ и поставленныхъ Шанцемъ въ скобки.

[81]) *εἰ δυνατόν ἐστι τοῦτο λεγέσθαι.*

[82]) Понятіе *σωφροσύνη*, хотя и заключаетъ въ себѣ элементъ знанія, принадлежитъ очевидно къ области не теоретическаго, а практическаго разума. Благоразуменъ тотъ, кто знаетъ, какъ ему должно лучше дѣйствовать. Съ сократической точки зрѣнія одобряется не всякое знаніе, а только *знаніе наилучшаго*. См. выше въ діалогѣ ***Второй Алкивіадъ*** и въ Разсужденіи къ нему.

[83]) Стоящія послѣ словъ *ὅτι δυνατόν* слова *ἀποδεῖξαί σε* справедливо исключены еще Гейндорфомъ (у Шанца они въ скобкахъ).

[84]) *ἀναγκασθῆναι καὶ αὐτὸς ἁλῶναι κτλ.* Слово *ἀναγκασθῆναι* исключено нѣкоторыми критиками; но всѣхъ плеоназмовъ у Платона не выкинешь.

ничего яснаго, прикрывая свое недоумѣніе. И (вотъ) я, чтобы наше разсужденіе двинулось впередъ, сказалъ (такъ):

— Ну если угодно, Критій, теперь то мы допустимъ, что можетъ существовать знаніе знанія, а ужь потомъ разсмотримъ, такъ ли оно, или нѣтъ; сейчасъ же вопросъ вотъ въ чемъ: если оно и возможно, то даетъ-ли оно (намъ) способность знать, что̀ кто знаетъ и чего—нѣтъ? [85]) Вѣдь именно это, какъ мы утверждали, и означаетъ знать самого себя и быть благоразумнымъ; такъ вѣдь?

E. — Конечно, сказалъ онъ; да такъ оно, Сократъ, и выходитъ [86]). Вѣдь если кто имѣетъ знаніе, которое само себя знаетъ, тотъ самъ будетъ такимъ, каково то, что онъ имѣетъ: все равно, какъ ежели кто имѣетъ быстроту, то онъ самъ быстръ, а ежели красоту, то красивъ, а ежели знаніе, то онъ знающій; а слѣдовательно, когда кто нибудь имѣетъ знаніе о самомъ знаніи, то онъ вѣдь будетъ знающимъ себя самого.

— Въ этомъ-то я не сомнѣваюсь, сказалъ я, что когда кто имѣетъ способность самопознанія [87]), то онъ будетъ знать самого себя, но гдѣ-же необходимость для имѣющаго такое самопознаніе знать еще и то, какіе онъ предметы знаетъ и какихъ нѣтъ?

170. — Да вѣдь это одно и тоже, Сократъ! [88])

— Можетъ быть, сказалъ я; но мнѣ приходится всегда быть одинаковымъ: вотъ вѣдь я опять не понимаю, чтобы это было одно и тоже [89]).

[85]) Какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго, подъ знаніемъ знанія (*ἐπιστήμη ἐπιστήμης*) Сократъ разумѣетъ здѣсь знаніе о самомъ фактѣ знанія, т. е. о томъ, что (*ὅτι*, quod, dass) кто нибудь знаетъ, или не знаетъ,— и онъ ставитъ теперь вопросъ: такое знаніе, еслибы оно и было возможно само по себѣ, способствовало-ли бы оно знанію того, *что̀* (*ὅ*, quid, was) кто нибудь знаетъ, (или не знаетъ), т. е., сообщало ли бы оно какое нибудь знаніе о самыхъ предметахъ, или о содержаніи знанія. Къ этому вопросу Сократъ уже подходилъ и въ предыдущихъ разсужденіяхъ и не даромъ онъ вспоминалъ пословицу *τὸ τρίτον τῷ σωτῆρι*.

[86]) *ξυμβαίνει* — сходится, т. е. сходится съ тѣмъ, что есть, или съ тѣмъ, что было прежде показано.

[87]) *ὅταν τὸ αὐτὸ γιγνῶσκόν τις ἔχῃ*.

[88]) *ὅτι, ὦ Σώκρατες, ταὐτόν ἐστιν τοῦτο ἐκείνῳ*. Это восклицаніе Критія не покажется намъ слишкомъ наивнымъ, если мы вспомнимъ, что черезъ двадцать два вѣка послѣ него Фихте былъ увѣренъ, что изъ чистой формы самосознанія можетъ быть выведено все познаваемое.

[89]) Какой-то древній читатель, или переписчикъ, не вникшій въ смыслъ вопроса, вставилъ здѣсь слѣдующія слова: *ἃ οἶδεν εἰδέναι καὶ ἃ τις μὴ οἶδεν εἰδέναι*. Эти слова, справедливо исключенныя нѣкоторыми прежними критиками (Hoenebeek) заключены новѣйшимъ издателемъ (Шанцемъ) въ скобки. Прямая ли здѣсь вставка или только ошибочное чтеніе какихъ нибудь подлинныхъ словъ,—во всякомъ случаѣ *эти* слова не имѣютъ смысла въ данномъ контекстѣ, такъ какъ рѣчь идетъ о противоположеніи (и отождествленіи) не между знаніемъ и не знаніемъ, а между (предполагаемымъ по мысли Критія) знаніемъ о фактѣ знанія и не знанія вообще—съ одной стороны и дѣйствительнымъ знаніемъ различныхъ опредѣленныхъ предметовъ—съ другой.

— Какъ такъ?—говоритъ.

— Да вотъ какъ, говорю: положимъ есть знаніе о знаніи, такъ будетъ ли оно способно различать болѣе того, что изъ двухъ вотъ это—знаніе, а вонъ то—не знаніе!

— Нѣтъ, но именно настолько.

— Итакъ знаніе и не знаніе о томъ, что здорово, есть тоже самое что знаніе и не знаніе о справедливомъ! B

— Никоимъ образомъ.

— Но одно, полагаю, есть медицина, другое — политика, а то (чѣмъ мы теперь заняты) есть не иное что, какъ только познаніе.

— Какъ же иначе?

— Слѣдовательно, ежели кто не прибавляетъ особаго знанія [90]) о здоровомъ и справедливомъ, а знаетъ одно только познаніе, такъ какъ его предметъ только само оно и ничего болѣе [91]), то ему хоть и будетъ вѣроятно извѣстно и о себѣ и о всякомъ другомъ, что онъ что-то знаетъ и имѣетъ какое-то знаніе [92]).... Такъ вѣдь?

— Да.

— Но *что̀* именно познается — это-то какимъ образомъ узнать чрезъ такое знаніе? Вѣдь относящееся къ здоровью узнается медициною, а не благоразуміемъ, относящееся къ гармоніи музыкою, а не благоразуміемъ, и къ строительству—зодчествомъ, а не благоразуміемъ, — и такимъ же образомъ все остальное; или нѣтъ? C

[90]) *ἐὰν μὴ προσεπίστηταί τις τὸ ὑγιεινὸν καὶ τὸ δίκαιον*.

[91]) *ἀλλὰ ἐπιστήμην μόνον γιγνώσκῃ ἅτε τούτου μόνον ἔχων ἐπιστήμην*— такая фраза, достаточно тавтологическая по гречески, была бы со всѣмъ нестерпима по русски; поэтому я позволилъ себѣ перевести ее болѣе вольно, нежели обыкновенно дѣлаю.

[92]) Здѣсь двѣ половины одной и той-же фразы, изъ коихъ одна начинается *ὅτι μέν τι ἐπίσταται*, а другая—*Ὅ τι δὲ γιγνώσκει* отдѣлены другъ отъ друга вопросомъ и отвѣтомъ *ἦ γαρ;—Ναί*. Я сохраняю въ переводѣ и грамматическую связь рѣчи (*μέν—δε*: хотя—но), а для обозначенія перерыва употребляю многоточіе.

— Кажется, что такъ.

— А благоразуміе, разъ оно есть только знаніе знаній, какъ узна́етъ къ какому предмету относится данное знаніе: къ здоровью, или къ домостроительству?

— Никоимъ образомъ.

— А невѣдающій этого, не будетъ слѣдовательно знать, *что́* онъ знаетъ, а единственно только, что *знаетъ* [93]).

D. — Оказывается такъ.

— Слѣдовательно благоразумнымъ поведеніемъ и благоразуміемъ будетъ не то, чтобы знать о томъ, *что́* знаешь и *чего* не знаешь, а лишь о томъ, какъ оказывается, что *знаешь* и что не знаешь.

— Выходитъ такъ.

— Значитъ такой знающій не будетъ въ состояніи испытать и другого человѣка, говорящаго про себя, что онъ что нибудь знаетъ,—дѣйствительно-ли онъ знаетъ то, о чемъ это утверждаетъ, или нѣтъ, а ему, какъ оказывается, будетъ извѣстно только, что тотъ имѣетъ нѣкоторое познаніе, а *о чемъ*, насчетъ этого благоразуміе не сообщитъ ему никакого свѣдѣнія.

E. — Не видно, (чтобы сообщало).

— Значитъ онъ не будетъ способенъ и различить между тѣмъ, кто выдаетъ себя за врача, не будучи таковымъ, и тѣмъ, кто по истинѣ врачъ, а также и во всѣхъ другихъ случаяхъ—между знающими и незнающими. Посмотримъ-же и съ такой стороны. Если благоразумный, или кто-бы то ни было другой хочетъ распознать настоящаго врача отъ не настоящаго, не поступитъ-ли онъ такъ: о медицинѣ то съ нимъ разсуждать вѣдь онъ не будетъ; потому что какъ мы сказали, врачъ ни о чемъ не знаетъ кромѣ какъ о здоровомъ и о болѣзненномъ,—или нѣтъ?

— Да такъ.

— А о знаніи-то онъ ничего не знаетъ, такъ какъ это мы вѣдь предоставили благоразумію.

— Да.

— Значитъ и о медицинѣ ничего не знаетъ медикъ [94]),

[93]) *Οὐκ ἄρα εἴσεται ὅ οἶδεν ὁ τοῦτο ἀγνοῶν, ἀλλ ὅτι οἶδεν μόνον.*

[94]) Здѣсь очевидно намѣренно, чтобы подчеркнуть нелѣпость опровергаемаго мнѣнія, говорится *ἰατρικός*—медикъ, мастеръ врачебнаго искусства, а не просто *ἰατρός* — врачъ. Врачъ, если онъ только рутинный эмпирикъ, можетъ безъ противорѣчія быть признанъ несвѣдущимъ въ медицинѣ, но чтобы ее по необходимости не зналъ *ἰατρικός*, т. е. специа-

потому, что медицина-то вѣдь, кажется, есть нѣкоторое знаніе. 171.

— Правда.

— Такъ хотя и узнаетъ благоразумный про врача, что тотъ имѣетъ нѣкоторое знаніе; но чтобы предпринять изслѣдованіе о томъ, что̀ это за знаніе, не разсмотритъ ли онъ еще и то, *къ чему* оно относится? Вѣдь о каждомъ знаніи мы разумѣемъ, не только, что оно есть знаніе (вообще), но и *какое* именно, и чѣмъ-же это опредѣляется какъ не тѣмъ, какихъ предметовъ оно есть знаніе?

— Именно этимъ.

— Ну и медицина опредѣляется какъ другая (отличная) отъ прочихъ наукъ тѣмъ, что она есть познаніе о здоровомъ и болѣзненномъ (состояніи).

— Да.

— Значитъ желающему разсматривать (чье нибудь) B. врачебное знаніе необходимо разсматривать его въ томъ предметѣ, къ которому оно относится; вѣдь не въ чемъ-же нибудь ему постороннемъ, во что оно не входитъ?

— Нѣтъ, конечно.

— Слѣдовательно, чтобы узнать врача, насколько онъ свѣдущъ по медицинской части [95]), правильно изслѣдующій будетъ наблюдать его въ отношеніи къ предметамъ здоровья и болѣзни [96]).

— Выходитъ такъ.

— А именно, разсматривая во всемъ, что относительно этого говорится, или дѣлается—истинно-ли оно говорится и правильно ли дѣлается [97]).

— Необходимо.

— Ну а безъ врачебной то науки развѣ могъ бы кто нибудь услѣдить за тѣмъ, или другимъ?

— Навѣрное нѣтъ. C.

— (Такъ къ этому) оказывается (неспособенъ) ни другой кто, кромѣ врача, ни даже *благоразумный* (какъ такой), а то бы ему сверхъ этого качества пришлось бы еще имѣть качество врача [98]).

листъ и мастеръ этого дѣла,—такое утвержденіе допустимо лишь какъ reductio ad absurdum.

[95]) *ἦ ἰατρικός ἐστιν.*

[96]) *ἐν τοῖς ὑγιεινοῖς καί νοσώδεσιν.*

[97]) Т.-е. говорится и дѣлается подлежащимъ наблюденію медикомъ.

[98]) *ἰατρός γὰρ ἂν εἴη πρὸς τῇ σωφροσύνῃ.*

— Такъ.

— Значитъ во всякомъ случаѣ, если благоразуміе
есть только знаніе о знаніи и незнаніи, оно не будетъ въ
состояніи различить ни врача, знающаго дѣло, отъ незна-
ющаго, а только притворяющагося, или думающаго, что
знаетъ,—ни другого кого либо изъ знающихъ и что онъ
(подлинно знаетъ),—кромѣ развѣ какого нибудь сотова-
рища по искусству [99]), какъ (это бываетъ) и съ прочими
мастерами.

D. — Явно такъ, говоритъ.

— Какая же, сказалъ я, была бы намъ, Критій,
польза отъ благоразумія, еслибы оно было такимъ? Вотъ
еслибы, какъ мы сперва было предполагали, благоразумный
зналъ, что́ ему извѣстно и что́ неизвѣстно,—про одно,
что онъ это знаетъ, а про другое, что не знаетъ,—да
и всякаго другого былъ бы способенъ разсмотрѣть въ
этомъ отношеніи, то въ высокой степени, скажемъ, было
бы намъ полезно быть благоразумными; потому что (въ
такомъ случаѣ) мы прожили бы жизнь непогрѣшительно—
и мы сами, обладающіе благоразуміемъ, и прочіе всѣ, ко-
торые бы нами управлялись. Вѣдь (тогда) мы и сами не
E. брались бы за то, что намъ неизвѣстно, но отыскавши
знающихъ, предоставляли бы это имъ,—да и прочимъ,
намъ подчиненнымъ, мы не позволяли бы дѣлать ничего,
кромѣ того, что они могли бы дѣлать правильно, а это
было бы то, о чемъ у нихъ есть знаніе. И такимъ-то
образомъ, домъ, устрояемый благоразуміемъ, былъ бы хо-
рошо устроенъ, равно и городъ управляемый и все дру-
гое, чѣмъ руководило бы благоразуміе; потому что разъ
172 погрѣшность устранена, а правота получаетъ верхъ, не-
обходимо во всякомъ дѣлѣ людямъ, такъ расположеннымъ,
хорошо поступать и жить [100]), а хорошо поступая и живя—
быть блаженными. Ну, Критій, прибавилъ я, не такъ ли
бы мы говорили о благоразуміи, разсуждая, какое бы это
было благо знать, что̀ кто знаетъ, и чего не знаетъ?

— Совершенно такъ, сказалъ онъ.

---

[99]) *πλήν γε τὸν αὐτοῦ ὁμότεχνον,*—т.-е. сотоварища по (отрицаемому Сократомъ) искусству познавать само познаніе безотносительно къ различнымъ его предметамъ.

[100]) *ἐν πάσῃ πράξει ἀναγκαῖον καλῶς και εὖ πραττειν τούς οὔτω διακειμένους*. Относительно выраженія *εὖ πράττειν* и его двусмысленности см. выше въ разсужденіи о *Первомъ Алкивіадѣ*.

— Теперь же, говорю, ты видишь, что никакого та- B.
кого знанія нигдѣ не оказалось.

— Вижу, говоритъ.

— Такъ нѣтъ ли, сказалъ я, въ томъ, что мы те-
перь находимъ какъ благоразуміе,—именно въ томъ, чтобы
знать о знаніи и незнаніи,—нѣтъ ли въ немъ того хоро-
шаго, что обладающій имъ, что̀ бы онъ ни изучалъ, *легче*
научится, и все ему представится яснѣе, такъ какъ при
каждомъ изучаемомъ предметѣ онъ будетъ видѣть еще и
(самое) знаніе; да и прочихъ (людей) онъ (при этомъ)
лучше распознаетъ въ томъ, чему самъ научился, тогда
какъ испытывающіе безъ этого [101]) будутъ это дѣлать сла-
бѣе и хуже? Такъ развѣ вотъ такою прибылью отъ бла-
горазумія, попользуемся мы, мой милый, а мы-то высма- C.
триваемъ чего то большаго и ищемъ этого самого благо-
разумія какъ чего-то болѣе великаго, чѣмъ каково оно
есть.

— Да пожалуй, говоритъ, оно и такъ.

— Можетъ быть, сказалъ я, а можетъ быть и то,
что мы ничего дѣльнаго не искали. Заключаю же такъ по-
тому, что̀ мнѣ представляется что-то несообразное относи-
тельно благоразумія, если оно есть только это [102]). Такъ
посмотримъ, если хочешь; допустивши и возможность знать
знаніе, не откажемся и отъ первоначальнаго нашего пред-
положенія, что благоразуміе состоитъ въ томъ, чтобы знать то,
что знаешь и чего не знаешь,—и уступивши все это, еще D.
разсмотримъ получше, на пользу ли намъ благоразуміе въ
этомъ своемъ качествѣ. Вѣдь то, что мы вотъ сейчасъ
сказали,—что благоразуміе, будь оно тѣмъ самымъ [103]),
было бы великимъ благомъ при управленіи и домомъ и
городомъ,—кажется мнѣ, Критій, не хорошо мы сдѣлали,
что въ этомъ согласились.

— Какъ такъ?—сказалъ онъ.

— Да потому, сказалъ я, что мы (напрасно такъ)
легко согласились (признать), будто великое какое-то благо
было бы для людей, еслибы каждый изъ насъ—что знаетъ,

---

[101]) Т. е. безъ благоразумія, понимаемаго какъ чисто формальный актъ самосознанія.

[102]) Т. е. только то, что имѣлось въ виду въ предшествующемъ разсужденіи.

[103]) Т. е. если бы оно состояло въ томъ чтобы непогрѣшительно знать: что́ кто знаетъ и чего не знаетъ.

E. то дѣлалъ, а чего не знаетъ—то предоставлялъ бы другимъ
знающимъ.

— Такъ развѣ, говоритъ, мы не прекрасно сдѣлали, что согласились?

— Кажется мнѣ, отвѣчаю, что нѣтъ.

— По истинѣ, воскликнулъ онъ, ты говоришь что-то несообразное, Сократъ!

— Песъ возьми!—говорю—вѣдь и мнѣ тоже кажется,
и на этотъ-то счетъ я и прежде сказалъ, что представ-
ляется что-то нелѣпое [104]), и что я боюсь, какъ бы не
оказалось, что мы неправильно разсматривали (вопросъ).
Въ самомъ дѣлѣ, если благоразуміе и есть именно то,
(за что мы его принимали), то мнѣ кажется совсѣмъ не-
173. яснымъ, чтобы оно производило для насъ что-нибудь доброе.

— Какъ же это?—говоритъ: скажи, чтобы и мы знали, что ты разумѣешь.

— Думается мнѣ, сказалъ я, что это—вздоръ [105]); а все-таки необходимо разсмотрѣть то, что представляется, и не проходить опрометчиво мимо, если кто хоть немного заботится о себѣ самомъ.

— Вотъ и прекрасно говоришь, сказалъ онъ.

— Слушай же, сказалъ я, мой сонъ,—(все равно) при-
шелъ ли онъ черезъ роговыя ворота, или черезъ ворота изъ
слоновой кости [106]).—Итакъ, еслибы и руководило нами
благоразуміе въ томъ смыслѣ, какъ мы его теперь опре-
B. дѣлили, отъ этого только все дѣлалось бы сообразно зна-
ніямъ, и ни самозванный [107]) кормчій не обманулъ бы насъ,
ни остался бы незамѣченнымъ врачъ, или полководецъ,
или кто либо другой, притворяющійся, что знаетъ то, чего
не знаетъ; ну, и еслибы это такъ было, развѣ отъ этого

---

[104]) *κἀνταῦθα καὶ ἄρτι ἀποβλέψας ἄτοπ᾽ ἄττ᾽ ἔφην μοι προφαίνεσθαι*—букв. и оттуда уже смотря и т. д.

[105]) *Οἶμαι—ληρεῖν με.*

[106]) Т. е. вѣренъ ли мой взглядъ, или обманчивъ. Имѣется въ виду слѣдующее мѣсто изъ Одиссеи (XIX, 562 и слѣд.):

Ибо двояки врата для шаткихъ обликовъ сонныхъ:
Всѣ роговыя одни, другія же—кости слоновой;
И изъ этихъ воротъ выходящія сонныя грёзы
Духъ обманами льстятъ, неправду одну возвѣщая.
Тѣ же, что лучшимъ путемъ, чрезъ врата роговыя, приходятъ,
Истину смертнымъ несутъ и грядущее имъ объявляютъ.

(Переводъ мой).

[107]) *τις κυβερνήτης φάσκων εἶναι, ὢν δὲ οὔ.*

произошло бы для насъ что-нибудь другое кромѣ того, что
мы были бы тѣлесно здоровѣе, чѣмъ теперь, и избавля-
лись бы отъ опасностей на морѣ и на войнѣ, ну и по-
суда и одежда всякая и обувь и всѣ вещи были бы у C.
насъ искусно сработаны, и пользовались бы мы многимъ
другимъ черезъ истинныхъ мастеровъ? Пожалуй, если хо-
чешь, допустимъ еще и *мантику* какъ науку о будущемъ,
и признаемъ, что благоразуміе, надзирая за нею, устра-
няетъ (изъ нея) надувателей, а истинныхъ гадателей по-
становляетъ для насъ въ пророки будущаго. Ну и что D.
устроенный такимъ способомъ человѣческій родъ дѣйство-
валъ бы и жилъ сообразно знанію, это я, правда, по-
стигаю: потому что охраняющее благоразуміе не дозволяло
бы незнанію вмѣшиваться и участвовать въ нашихъ дѣ-
лахъ;—но что ведя себя сообразно знанію, мы бы вели
себя *хорошо* и блаженствовали,—этого мы еще не можемъ
понять, милый Критій.

— Но однако, сказалъ онъ, не легко найдешь ты другую цѣль хорошей жизни, если отвергнешь ея сообразность знанію [108]).

— Еще немногому, сказалъ я, научи-ка меня: сообразно знанію *чего* ты разумѣешь; или знанію сапожнаго ремесла?

— Нѣтъ, ей-Богу! E.

— Такъ мѣдныхъ дѣлъ?

— Ничуть.

— Такъ обработки шерсти, или дерева, или чего-нибудь подобнаго?

— Да нѣтъ-же!

— Значитъ, сказалъ я, мы не остаемся при томъ понятіи, что блаженъ тотъ, кто живетъ сообразно знанію. Вѣдь эти-то (мастера) хотя и живутъ сообразно знанію, не признаются тобою за блаженныхъ [109]); но, кажется ты опредѣляешь какъ блаженнаго того, который живетъ сообразно *нѣкоторому виду* знанія. И можетъ быть ты ра-

---

[108]) *οὐ ῥαδίως εὑρήσεις ἄλλο τι τέλος τοῦ εὖ πράττειν, ἐὰν τὸ ἐπιστημόνως ἀτιμάσῃς*

[109]) Не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы сапожникъ, или мѣдникъ никакъ не могли быть блаженными, а лишь въ томъ, что возможное и для нихъ блаженство не связано необходимо съ ихъ професcіональными знаніями, которыя слѣдовательно сами по себѣ не даютъ человѣку счастья.

зумѣешь (здѣсь) того, о комъ я сейчасъ говорилъ, именно знающаго все будущее — прорицателя. Его ты разумѣешь, или кого другого?

174. — И его, говоритъ, и другого.

— Да кого-же?—говорю. Не того-ли, кто сверхъ будущаго зналъ бы и все прошедшее, и нынѣ существующее, такъ что ничто не оставалось бы ему неизвѣстнымъ? Положимъ что есть такой. Вѣдь я не думаю, чтобы ты призналъ кого нибудь другого живущимъ болѣе сознательно, чѣмъ именно этотъ.

— Дѣйствительно.

— А вотъ что мнѣ хотѣлось бы еще знать: какое изъ его знаній дѣлаетъ его блаженнымъ? Или всѣ одинаково?

B. — Ничуть неодинаково, говоритъ.

— Но какое же больше всего? знаніе *о чемъ* именно изъ существующаго, и бывшаго, и имѣющаго быть? [110]) Или развѣ то, въ силу котораго онъ свѣдущъ въ шашечной игрѣ? [111])

— Какая тутъ шашечная игра?—говоритъ.

— Или—въ счетѣ?

— Ничуть.

— Или относительно здоровья?

— Это ужь больше (подходитъ), сказалъ онъ.

— Ну а то (познаніе), которое я *всего больше* имѣю въ виду, сказалъ я,—тѣмъ-то что́ (познается)?

— А тѣмъ-то, говоритъ—добро и зло.

— Ахъ лукавецъ!—говорю;—опять обвелъ меня кругомъ, скрывши, что хорошими и блаженными дѣлаетъ людей не сознательная жизнь (сама по себѣ), а также

C. не какое нибудь изо всѣхъ (частныхъ) знаній, а только одно единственное знаніе добра и зла. Вѣдь если, Критій, ты исключишь это знаніе изо всѣхъ прочихъ, развѣ отъ этого медицина меньше будетъ насъ излечивать, и сапожное мастерство—обувать, и ткацкое—одѣвать, штурменское—избавлять насъ отъ смерти на морѣ, и стратегическое—на войнѣ?

— Нисколько не меньше, говоритъ.

— Но, милый Критій, то, что во всемъ этомъ есть дѣйствительно хорошаго и полезнаго, вотъ оно-то будетъ у

110) *ἦ τί οἶδεν κτλ.*

111) *ἆρα γε ἦ τὸ πεττευτικόν;*

насъ отсутствовать при отсутствіи того познанія (о добрѣ и злѣ). D.

— Правду говоришь.

— Ну такъ оказывается, что эта самая наука, которой задача въ томъ, чтобы приносить намъ пользу, не есть благоразуміе: потому что она не есть познаніе о знаніяхъ и незнаніяхъ, а о добрѣ и злѣ [112]); такъ что, если польза—отъ нея, то благоразуміе-то будетъ у насъ съ какимъ-то другимъ свойствомъ [113]).

— Какъ же это такъ, сказалъ онъ: благоразуміе-то развѣ не приноситъ пользы? Вѣдь если оно есть знаніе о E. знаніяхъ и распоряжается прочими знаніями, то полагаю, управляя и этою наукою о добрѣ, оно приноситъ намъ пользу.

— Такъ ужь не оно-ли дѣлаетъ насъ и здоровыми, а не медицина? Не дѣлаетъ ли оно же и прочаго, принадлежащаго разнымъ искусствамъ, а не такъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣлало свое собственное дѣло? Развѣ мы не засвидѣтельствовали давно, что благоразуміе есть только знаніе о знаніи и незнаніи и ни о чемъ другомъ,—не такъ ли?

— Кажется.

— Значитъ, оно не будетъ производителемъ здоровья.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. 175.

— Потому что здоровье принадлежитъ къ другому искусству; или нѣтъ?

— Къ другому.

— Но то же самое, пріятель, и относительно пользы; потому что и это дѣло мы сейчасъ передали другому искусству; [114]) такъ вѣдь.

— Ну конечно.

— Какимъ же образомъ благоразуміе будетъ полезно, не будучи производителемъ никакой пользы? [115]).

— Да оказывается, Сократъ, что никоимъ образомъ.

— Такъ видишь, Критій, какъ основательно я уже

112) О томъ, что Сократъ лишь *условно*, примѣнительно къ взгляду Критія, допускаетъ различіе между благоразуміемъ и познаніемъ добра и зла см. ниже, въ Разсужденіи.

113) *ὥστε εἰ αὕτη ἐστὶν ὠφέλιμος, ἡ σωφροσύνη ἄλλο τι ἂν εἴη ἡμῖν* — то есть будетъ безполезно.

114) Т.-е. познанію добра и зла; хотя для насъ очень странно называть это искусствомъ, но передать иначе греческое *τέχνη* здѣсь невозможно.

115) *Πῶς οὖν ὠφέλιμος ἔσται ἡ σωφροσύνη οὐδεμιᾶς ὠφελίας οὖσα δημιουργός.*

давно боялся и справедливо себя обвинялъ, что ничего
дѣльнаго не усматриваю относительно благоразумія? Потому
B. что развѣ то, что согласно признается за самое прекрас-
ное изо всего, могло бы вдругъ явиться у насъ какъ что-
то безполезное, еслибы самъ-то я былъ сколько нибудь по-
лезенъ для прекрасныхъ изслѣдованій [116]). А теперь мы
вотъ совсѣмъ разбиты и не можемъ найти, чему собственно
изъ существующаго дарователь именъ далъ [117]) это имя—
благоразумія, хотя мы и допустили много такого, что не
сходилось съ нашимъ разсужденіемъ. Такъ мы допустили,
что существуетъ познаніе познанія, вопреки разсужденію,
въ которомъ вовсе не говорилось, что это существуетъ; и
C. опять мы допустили, что это познаніе вѣдаетъ дѣла про-
чихъ наукъ,—чего также не позволяло разсужденіе,—лишь
бы только добыть намъ своего „благоразумнаго“ какъ знаю-
щаго о томъ, что знаетъ и о томъ, чего не знаетъ: въ
первомъ случаѣ о своемъ знаніи, а во второмъ—о своемъ
незнаніи. И это-то мы допустили ужь слишкомъ велико-
душно, не разсмотрѣвши, насколько нестаточное дѣло, чтобы
то, чего кто нибудь вовсе не знаетъ, онъ тоже самое зналъ
въ какомъ нибудь отношеніи; потому что вѣдь наше до-
пущеніе заставляло его *знать, что онъ не знаетъ*, хотя,
какъ я полагаю, нельзя представить ничего болѣе нера-
D. зумнаго, чѣмъ это (предположеніе) [118]). А тѣмъ не менѣе,
хотя мы такимъ образомъ добродушны и нетверды въ на-
шемъ изслѣдованіи, оно однако не можетъ найти истину,
но такъ надъ него насмѣялось, что наконецъ то самое, въ
чемъ мы послѣ многихъ допущеній и придумываній при-
знаемъ сущность благоразумія,—оно-то досаднѣйшимъ обра-
зомъ оказалось у насъ сущею безполезностью. За себя-то
я меньше огорченъ; за тебя же, Хармидъ,—сказалъ я,—
очень огорчаюсь, если ты, будучи вотъ съ такою наруж-
ностью притомъ и по душѣ благоразумнѣйшимъ, не имѣешь
E. никакой выгоды отъ этого самаго благоразумія, и никакой
оно тебѣ пользы въ жизни не приноситъ своимъ присут-
ствіемъ. А еще больше огорчаюсь я насчетъ заклинанія,
которому научился у Ѳракійца, ежели нѣтъ въ немъ ни-

116) *Οὐ γὰρ ἄν που ὅ γε κάλλιστον πάντων ὁμολογεῖται εἶναι, τοῦτο ἡμῖν ἀνωφελὲς ἐφάνη, εἴ τι εμοῦ ὄφελος ἦν πρός τὸ καλῶς ζητεῖν*. Здѣсь двойная игра словами: *κάλλιστον—καλῶς, ἀνωφελές—ὄφελος*.

117) *ὁ ὀνομ…θέτης—ἔθετο* букв. именоположникъ—положилъ.

118) *Οὐδενὸς ὅτου οὐχὶ ἀλογώτερον τοῦτ ἄν φανείη.*

чего стóящаго, а я съ такимъ стараніемъ ему учился. Вотъ
по этому-то я и не думаю вовсе, чтобы это было (въ са-
момъ дѣлѣ) такъ, (а думаю), что я—плохой изслѣдователь;
потому что благоразуміе-то (я считаю) великимъ благомъ и 176.
тебя, если оно у тебя есть,—блаженнымъ. Но смотри, есть
ли оно у тебя такъ, чтобы тебѣ вовсе не нуждаться въ
заклинаніи; потому что если ты обладаешь (благоразуміемъ),
то я очень бы тебѣ посовѣтывалъ признать, что я бол-
тунъ и неспособенъ изслѣдовать что нибудь чрезъ разсуж-
деніе, а что ты самъ, насколько благоразумнѣе, настолько
и счастливѣе.

А Хармидъ: Но видитъ Зевсъ, говоритъ, я-то, Со-
кратъ, не знаю, есть-ли у меня (благоразуміе), или нѣтъ
его. Да и какъ бы я это зналъ, когда вотъ вы не въ со-
стояніи, какъ ты говоришь, найти, что оно такое? [119]) Я, B.
положимъ, не очень то тебѣ вѣрю, и себя я, Сократъ,
считаю очень нуждающимся въ заклинаніи, да и ничто мнѣ
не мѣшаетъ подвергаться ему отъ тебя до тѣхъ поръ, пока
ты не скажешь, что довольно [120]).

— Хорошо, сказалъ Критій,—такъ ты и сдѣлай, Хар-
мидъ: для меня-то это будетъ доказательствомъ, что ты бла-
горазуменъ—если ты отдашься Сократу для заклинанія и
не отступишь отъ него ни на шагъ [121]).

— Конечно, говоритъ, буду неотступно слѣдовать за C.
нимъ [122]), вѣдь я бы сдѣлалъ ужасно дурно, [123]) если бы
не послушался тебя, моего опекуна, и не сдѣлалъ бы того,
что приказываешь.

— Ну такъ, говоритъ, вотъ я и приказываю.

— Такъ и буду дѣлать,—говорилъ тотъ,—начиная
вотъ съ нынѣшняго дня.

— Вы оба, сказалъ я, что это вы рѣшаете дѣлать? D.

— Ничего, сказалъ Хармидъ: мы ужь рѣшили.

— Значитъ ты употребишь насиліе, и безъ предва-
рительнаго дознанія [124])?

— Да, насиліе, говоритъ, такъ какъ вѣдь вотъ и онъ

119) *Πῶς γὰρ ἄν εἰδείην ὅ γε μηδ᾽ὑμεῖς οἷοί τε ἐστέ ἐξευρεῖν ὅ τί ποτ᾽ἔστιν᾽ὡς φὴς σύ.*

120) *ὅσαι ἡμέραι, ἕως ἂν φῇς σύ ἱκανῶς ἔχειν.*

121) *μήτε μέγα μήτε σμικρόν*—ни много ни мало.

122) *ὡς ακολουθήσοντος, ἔφη, καὶ μη ἀπολειψομένου.*

123) *δεινά γὰρ ἄν ποιοίην.*

124) *και ουδ᾽ανάκρισίν μοι δώσεις.*

приказываетъ; въ виду этого и ты теперь поразмысли, что тебѣ дѣлать.

— Да ни о чемъ больше не остается размышлять, сказалъ я; потому что тебѣ, когда ты собираешься что нибудь дѣлать, да еще насильно, никто изъ людей не въ состоянiи сопротивляться.

— Такъ ты, говоритъ, и не сопротивляйся.

— Такъ и не буду, говорю, сопротивляться.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ХАРМИДѢ.

I.

Уже на порогѣ къ этому сократическому дiалогу переводчикъ встрѣчаетъ серьезную трудность, какой не представляли предъидущiе произведенiя. По принятому древнему надписанiю, *Хармидъ* трактуетъ *περὶ σωφροσύνης*, что въ настоящемъ случаѣ –въ отличiе отъ *Перваго Алкивiада*, а также *Θеага и Iона*, совершенно соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанiю. Между тѣмъ *σωφροσύνη* принадлежитъ къ числу тѣхъ греческихъ словъ,—каково еще напр., *καλοκαγαθία*—которыя выражаютъ понятiя, непередаваемыя въ точности чрезъ одно слово ни на какомъ другомъ языкѣ, не исключая и латинскаго. Какъ главный предметъ бесѣды, понятiе *σωφροσύνη* должно во всякомъ случаѣ быть передано однимъ и тѣмъ же русскимъ выраженiемъ; это требованiе безусловное, и никакого отступленiя отъ него ради приспособленiя къ возможнымъ оттѣнкамъ мысли въ различныхъ мѣстахъ текста никакъ не можетъ быть допущено. Между тѣмъ найти такое слово, которое можно было бы провести черезъ весь дiалогъ, ни разу не впадая въ явное несоотвѣтствiе съ тою стороною въ понятiи *σωφροσύνη*, которая особенно выступаетъ въ каждой данной стадiи разговора, а также и съ общимъ характеромъ этого греческаго слова—было дѣломъ весьма нелегкимъ.

Такiя русскiя слова, которыми вообще можетъ передаваться *σωφροσύνη*,—а именно: *цѣломудрiе* (этимологически самый близкiй, но въ другихъ отношенiяхъ самый неудобный переводъ), *воздержность, сдержанность, обдуманность, здравомыслiе, самообладанiе, самосознательность, разсудительность*—выражаютъ каждое лишь часть того, что содержится въ понятiи *σωφροσύνη* и потому хотя каждое изъ нихъ отлично подходитъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ дiалога, но за то въ примѣненiи къ другимъ застав-

ляетъ переводимаго автора говорить какой-то непонятный вздоръ. Наконецъ я долженъ былъ остановиться на такомъ словѣ, которое хоть не во всѣхъ мѣстахъ діалога представляетъ наилучшій переводъ, но за то ни въ одномъ мѣстѣ не даетъ перевода непозволительнаго. Это русское слово, именно *благоразуміе*, не передаетъ, я согласенъ, мысленной *окраски σωφροσύνη*, но оно во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ логическому *очертанію* греческаго слова, и потому его употребленіе ни въ какомъ случаѣ не оказывается нелѣпымъ, не взводитъ клеветы на автора и не дѣлаетъ переводчика измѣнникомъ.

По двойному своему корню *σω — φρο (ν)* слово *σωφροσύνη* указываетъ на двѣ характерныя черты въ понятіи, которое обозначается этимъ словомъ. Корень *σω* или *σαο*,—откуда слова *σαός*—цѣлый здравый, *σώζομαι*—спасаю, *σώτηρ* спаситель и т. д., указываетъ на высшую *практическую* норму жизни, а корень *φρον* - откуда между прочимъ слово *φρόνιμος* — умный, разсудительный, выражаетъ качество умственнаго, теоретическаго порядка. Такимъ образомъ слово *σωφροσύνη* по этому двойному своему составу никакъ не можетъ обозначать *только* (нравственно-практическую) добродѣтель, или же *только* хорошее умственное качество. Но наиболѣе употребительные переводы *σωφροσύνη* страдаютъ прежде всего этимъ существеннымъ недостаткомъ. Такъ слово *воздержность* относится лишь къ дѣйствію нормальной *воли* въ области чувственной жизни, и выражая такимъ образомъ лишь одну, именно практическую сторону *σωφροσύνη*, оказывается нелѣпымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выступаетъ другая—теоретическая, познавательная, или умственная сторона этого понятія; тогда какъ слово *разсудительность*, наоборотъ, обозначая лишь качество ума, и принадлежа т. о., къ области познавательной непримѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *σωφροσύνη* является преимущественно какъ добродѣтель практическая. Слово же *благоразуміе* своимъ двойнымъ корнемъ (благо-разум принадлежитъ къ обоимъ порядкамъ идей и потому оказывается одинаково подходящимъ для передачи какъ волевого, такъ и познавательнаго характера въ понятіи *σωφροσύνη*.

II.

Тотъ художественный талантъ, который проявляется въ началѣ этого діалога и далѣе въ двухъ—трехъ комическихъ мѣстахъ, не можетъ изгладить того неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое онъ производитъ большею своею частью. Главная причина такого впечатлѣнія—сначала обрывчатость, а затѣмъ растянутость и запутанность діалектической нити, обиліе тавтологій и плеоназмовъ, слишкомъ продолжительное разжевываніе простыхъ мыслей и какое то безвыходное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ это не очень удачный образчикъ сократовой діалектики. А между тѣмъ рядомъ съ ребячески-педантическими доказательствами такихъ пустяковъ, какъ напр., превосходство скорыхъ или быстрыхъ дѣйствій передъ тихими, или медленными, этотъ діалогъ впервые въ исторіи философіи ставитъ и обсуждаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ гносеологическихъ вопросовъ, именно о возможности чисто формальнаго, или безпредметнаго знанія. Конечно этотъ вопросъ ставится здѣсь безъ достаточной отчетливости и рѣшается безъ достаточной основательности, но самое его обсужденіе, занимающее около половины всего *Хармида*, даетъ этому произведенію особое мѣсто среди сократическихъ діалоговъ, какъ раннему зародышу тѣхъ умозрѣній, которыя мы найдемъ въ *Өеэтетѣ*, *Софистѣ* и *Парменидѣ* (предполагая разумѣется, что и *Хармидъ* и эти три болѣе поздніе діалога должны быть признаны подлинно платоновскими).

Не входя пока въ разборъ гнозеологическаго вопроса по существу, отмѣчу здѣсь лишь характерныя черты настоящаго діалога относительно этого вопроса.

Послѣ того какъ предварительныя опредѣленія благоразумія (какъ тихости, стыдливости, дѣланія своего) устранены частію сомнительными аргументами, частію при помощи еще болѣе сомнительнаго въ этомъ дѣлѣ авторитета Гомера и Гезіода, собесѣдникъ Сократа, Критій рѣшительно настаиваетъ на новомъ опредѣленіи, а именно, что благоразуміе есть то самое знаніе самого себя, на которое указывала знаменитая надпись въ дельфійскомъ храмѣ. Никто никогда не понималъ этого изреченія—*γνῶθι σαυτόν* — да и нельзя было понимать — иначе, какъ въ смыслѣ познанія *человѣка* о себѣ самомъ. Между тѣмъ въ нашемъ діалогѣ послѣ нѣсколькихъ мало значущихъ вопросовъ и отвѣтовъ между собесѣдниками, незамѣтно, безо всякаго логическаго перехода оказывается, что знаніе (человѣкомъ) себя самого есть тоже, что знаніе знанія, или знаніе о знаніи *τῆς ἐπιστήμης ἐπιστήμη*; а затѣмъ выступаетъ, хотя логически необходимый, но не выведенный отчетливо взглядъ, что такое „знаніе знанія“, не имѣя кромѣ самого себя никакого дѣйствительнаго предмета, могло бы быть только знаніемъ о самомъ фактѣ знанія, т. е. о наличности въ данный моментъ

нѣкотораго (субъективнаго) познавательнаго состоянія, безо всякой дальнѣйшей опредѣленности; выходитъ, другими словами, что мы можемъ знать, что (ὅτι, quod, dass, que) мы знаемъ, не зная что́ (τί, quid, was, quoi) мы знаемъ. Условная необходимость такого нелѣпаго утвержденія (ибо если вообще возможно „знаніе знанія", то оно можетъ состоять только въ этомъ) — условная необходимость этого нелѣпаго допущенія служитъ для Сократа какъ deductio ad absurdum всего отстаиваемаго Критіемъ взгляда. Чтобы окончательно подорвать его, Сократъ приступаетъ къ новому заключительному обсужденію вопроса о сущности *σωφροσύνη* съ той высшей точки зрѣнія, которую онъ называетъ своимъ „сномъ". Здѣсь кульминаціонный пунктъ всего діалога, и свѣтъ, который падаетъ отсюда на предшествующій ходъ бесѣды, хотя и не можетъ уничтожить указанныхъ недостатковъ изложенія, однако заставляетъ насъ иначе понять и оцѣнить общее построеніе, или планъ этого діалога.

III.

Въ діалогѣ *Хармидъ* мы находимъ неудачно во многихъ частяхъ исполненный геніальный планъ этическаго построенія. Ключъ къ нему дается послѣднимъ отдѣломъ (173 — 176) отъ словъ *Ἄκουε δή, ἔφην, τὸ ἐμὸν ὄναρ* (слушай же, сказалъ я, мой сонъ).

Сонъ этотъ безъ сомнѣнія былъ изъ тѣхъ, что приходятъ лучшимъ путемъ и несутъ смертнымъ истину. Сократу снилось, что есть „единое на потребу". Это единое есть „искусство" различенія добра и зла. Если бы мы какъ истинные прорицатели знали все будущее, да еще сверхъ того все бывающее и все бывшее, или обладали бы фактическимъ всевѣдѣніемъ, но при этомъ были бы лишены вѣдѣнія добра и зла, то-есть не знали бы, что́ намъ должно дѣлать и отъ чего воздерживаться,—то наше всеобъемлющее знаніе не могло бы дать намъ блаженства и слѣдовательно оставалось бы безполезнымъ. Чтобы та добродѣтель — *σωφροσύνη* — о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно была чѣмъ то прекраснымъ и благотворнымъ, она должна совпадать съ тѣмъ единымъ на потребу, что дѣлаетъ насъ хорошими и блаженными, то есть должна быть знаніемъ не о чемъ нибудь (матерьяльномъ), а также не о себѣ самомъ, а только о добрѣ и злѣ; потому что такое знаніе содержа безусловную и окончательную оцѣнку всего, ставитъ насъ въ

должное отношеніе ко всему и чрезъ это можетъ дать намъ полное удовлетвореніе.

Къ идеѣ единаго нравственнаго сознанія подходятъ и другіе сократическіе діалоги, но здѣсь она высказывается совершенно ясно и рѣшительно. Съ этой вершины и прежніе діалектическіе моменты *Хармида* получаютъ свой смыслъ, какъ опредѣленныя мысленныя степени приводящія къ истинному сократическому взгляду. Если каждая такая остановка мысли казалась намъ лишь тяжелымъ уступомъ неуклюже вырубленнымъ въ безплодной скалѣ, то теперь имѣя передъ собою всю линію этихъ уступовъ, и зная, куда она ведетъ, мы не можемъ отказать ей въ логической строгости и изяществѣ.

Хотя отъ каждой изъ особыхъ добродѣтелей можно прійти къ тому нравственному средоточію, которое имѣетъ въ виду Сократъ, но *σωφροσύνη* для этого удобнѣе другихъ, такъ какъ она наименѣе пріурочена къ какой нибудь частной области душевной жизни,—уже въ житейскомъ представленіи эта добродѣтель является чѣмъ то неограниченнымъ и всеобъемлющимъ. Но что́ же такое *σωφροσύνη*? Чтобы разсуждать о ней съ цѣлью дойти до полнаго ея опредѣленія, необходимо во всякомъ случаѣ имѣть нѣкоторое общее предварительное понятіе о ней въ качествѣ постояннаго *мѣрила* для всякихъ даваемыхъ ей опредѣленій. У Сократа, какъ видно изъ многихъ мѣстъ нашего діалога есть такое мѣрило, поскольку онъ заранѣе разумѣетъ *σωφροσύνη* какъ нѣчто такое, что никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дурнымъ, что всегда и во всемъ хорошо, полезно и желательно. Это мѣрило онъ и прилагаетъ къ ближайшимъ опредѣленіямъ, которыя сначала Хармидъ, а потомъ Критій даютъ „благоразумію".

Юный собесѣдникъ Сократа начинаетъ, какъ и слѣдуетъ, съ чисто внѣшняго признака. Онъ смотритъ, какъ отражается „благоразуміе" въ наружномъ явленіи тѣхъ, кто обладаетъ этою добродѣтелью, и согласно этому опредѣляетъ ее какъ нѣкую *тихость*, или спокойствіе. Хотя слова Хармида, что благоразуміе по его мнѣнію состоитъ въ томъ, чтобы тихо и спокойно ходить по улицамъ, разговаривать и т. д.—вызываютъ улыбку своею — конечно намѣренною со стороны Платона — наивностью выраженія, но если видѣть въ нихъ не опредѣленіе по существу, а лишь наружную характеристику, то едва-ли можно придумать лучшую. Вѣдь всякій согласится, что человѣкъ который мечется по улицамъ какъ угорѣлый, или разговариваетъ съ пѣною у рта и съ стремительными тѣлодвиженіями,

хотя можетъ при этомъ обладать геніальностью и героизмомъ, однако долженъ считаться лишеннымъ благоразумія: наружная тихость, или спокойствіе во всякомъ случаѣ указываетъ на внутреннюю сдержанность, или самообладаніе, какъ необходимую принадлежность благоразумія. Но такъ какъ существо самой этой добродѣтели, не выражается первымъ Хармидовымъ опредѣленіемъ, то Сократъ основательно устраняетъ его, примѣняя къ нему свой подразумѣваемый критерій. „Тихость" сама по себѣ не есть „благоразуміе": оно всегда и во всемъ хорошо, тогда какъ „тихость", напротивъ, и въ тѣлесныхъ и въ душевныхъ дѣйствіяхъ весьма часто не одобряется, уступая преимущество противуположному свойству — скорости, или быстротѣ. Вѣрная сущность этого возраженія заслоняется къ сожалѣнію въ нашемъ діалогѣ тѣмъ педантическимъ накопленіемъ аргументовъ, о которомъ мы уже говорили, и которое представляетъ тѣмъ бо́льшой недостатокъ, что находится въ рѣзкомъ контрастѣ съ тѣмъ, какъ легко и коротко Сократъ отдѣлывается отъ второго, болѣе существеннаго опредѣленія *σωφροσύνη*, даннаго его собесѣдникомъ.

Отъ наружнаго видимаго выраженія благоразумія Хармидъ переходитъ къ его внутреннему дѣйствію и опредѣляетъ эту добродѣтель какъ нѣкую *стыдливость*. Безъ всякаго разбора этого понятія Сократъ въ двухъ словахъ устраняетъ его, сославшись на авторитетъ Гомера, говорящаго, что стыдъ въ извѣстномъ случаѣ бываетъ дѣломъ нехорошимъ; между тѣмъ—напоминаетъ Сократъ,—благоразуміе всегда и во всѣхъ случаяхъ хорошо. Критерій Сократа, разумѣется, неизмѣнно вѣренъ, но его употребленіе здѣсь совсѣмъ неудовлетворительно. Нравственное значеніе стыда въ томъ, что онъ есть ощутительное противодѣйствіе нашей душевно-тѣлесной природы тому, что не должно. Если теперь по какимъ нибудь ошибочнымъ психологическимъ ассоціаціямъ такое ощутительное противодѣйствіе нашего существа вызывается какими нибудь безразличными дѣйствіями, то такая аномалія очевидно не можетъ измѣнять нравственнаго значенія стыда нормальнаго, все равно какъ случаи любви притворной или корыстной не имѣютъ никакого вѣса при оцѣнкѣ любви настоящей, такъ какъ тутъ однимъ и тѣмъ же словомъ обозначаются явленія лишь кажущіяся одинакими, въ дѣйствительности же совершенно — до противоположности — различныя. Читатель, вѣроятно, сразу догадался, что старый Гомеръ ни душою, ни тѣломъ не виноватъ въ плохомъ аргументѣ нашего діалога. Приведенныя Платономъ слова изъ Одиссеи имѣютъ кажущееся отношеніе къ вопросу, лишь взятые въ отдѣльности отъ контекста. Дѣло идетъ о томъ, какъ согласно предварительному уговору Телемакъ посылаетъ своего переряженнаго нищимъ отца Одиссея собирать подаяніе у пирующихъ жениховъ Пенелопы, замѣчая при этомъ, что человѣку, удрученному крайней нуждой, не приходится быть стыдливымъ, т.-е. стыдиться своей бѣдности. Если такая стыдливость называется здѣсь не доброю (*αἰδὼς οὐκ ἀγαθή*), то конечно не въ нравственномъ значеніи слова, а въ простомъ житейскомъ, какъ слишкомъ ужь невыгодная для бѣдняка: стыдясь протягивать руку за подаяніемъ, онъ рискуетъ умереть съ голоду, въ чемъ для него, конечно, добра немного. Но вмѣсто случая невыгодной стыдливости автору этическаго діалога было бы болѣе кстати вспомнить случаи стыдливости преступной, когда, напримѣръ, человѣкъ разбогатѣвшій, или вышедшій въ знать, стыдится бѣдности и темноты своихъ родителей. Но вѣдь все это такъ и называется *ложнымъ* стыдомъ, и всѣ явленія ложной стыдливости такъ же относятся къ истинной, какъ мѣлъ и грифель, поглощавшіеся старинными институтками, или яды, которыми „питался" понтійскій царь Митридатъ, относятся къ здоровому питанію организма.

IV.

Опредѣливши сперва благоразуміе какъ нѣкоторый наружный образъ должнаго поведенія (тихость), а затѣмъ какъ внутреннее противодѣйствіе недолжному (стыдливость), Хармидъ переходитъ къ опредѣленію „благоразумія", какъ нѣкоторой объективной нормы человѣческихъ взаимоотношеній. Не состоитъ ли эта добродѣтель въ томъ чтобы дѣлать свое? (Ср. suum cuique tribuere римскихъ юристовъ). Это третье опредѣленіе, защиту котораго Хармидъ передаетъ Критію, отвергается Сократомъ какъ безсодержательное; и въ самомъ дѣлѣ оно не даетъ никакой дѣйствительной нормы поведенія пока неизвѣстно, что же именно есть *свое* для того, или другого. Сказать, что благоразуміе есть дѣланіе своего, все равно, что опредѣлить его какъ дѣланіе должнаго, но вѣдь спрашивается именно, что есть должное, или что именно мы должны дѣлать. Если такъ, то благоразуміе обусловлено *знаніемъ*. Вотъ неуказанный прямо, но логически въ нашемъ діалогѣ подразумѣваемый переходъ отъ третьяго опредѣленія *σωφροσυνη* („дѣлать свое" — *τὸ τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*) къ четвертому, которымъ

благоразуміе полагается равнымъ познанію самого себя (*σωφροσύνη = τὸ γιγνώσκειν ἑαυτόν*). Но въ чемъ (въ качествѣ чего) познаемъ мы себя, когда обладаемъ „благоразуміемъ“, и что̀ даетъ намъ такое познаніе? Критій какъ ученикъ софиста Продика, выдвигаетъ формальную сторону знанія, забывая о сущности дѣла. Для него высшее знаніе есть то, которое не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ содержаніемъ, а имѣетъ предметомъ себя самого какъ форму знанія, или есть чистый актъ мышленія. Въ нѣсколько грубоватомъ и не до конца продуманномъ видѣ это есть тоже, чему двадцать два вѣка спустя учили Фихте и Гегель. Сократъ доказываетъ, что форма знанія не имѣетъ никакого значенія, если она отвлечена отъ всякаго содержанія; такое знаніе о знаніи невозможно, а если бы оно и было возможно, то было бы безполезно. Настоящее, желательное для насъ знаніе есть знаніе о добрѣ и злѣ, дѣлающее людей хорошими. Съ этимъ жизненнымъ знаніемъ, а не съ формальнымъ „самознаніемъ“ Критія должно совпадать и благоразуміе, если только оно соотвѣтствуетъ тому предварительному понятію, которое мы о немъ имѣемъ, а не есть что нибудь совсѣмъ безполезное и пустое. Конечно Сократъ не отказывается чрезъ это отъ дельфійскаго предписанія *γνῶθι σαυτόν*,— онъ утверждаетъ только, что знать себя по настоящему человѣкъ можетъ и долженъ только по отношенію къ тому, что всего важнѣе—къ добру и злу—а не къ пустой формѣ знанія, или чистому акту мышленія.

Хотя Сократъ нашего діалога до конца не покидаетъ скептическаго тона, но не остается никакого сомнѣнія, что по его собственной мысли искомая *σωφροσύνη* есть именно та наука о добрѣ и злѣ, которая ему „приснилась“ и что его скептицизмъ есть только иронія по отношенію къ его собесѣдникамъ. Это высшее опредѣленіе „благоразумія“ какъ знанія=искусства (*ἐπιστήμη — τέχνη*) *добра* или *должнаго* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое полное, такъ какъ оно можетъ вобрать въ себя и всѣ прежнія низшія опредѣленія *σωφροσύνη*, которыя въ отдѣльности и порознь оказались негодными.

Благоразуміе, какъ знаніе добра и зла, содержитъ въ себѣ *окончательную оцѣнку* всѣхъ прочихъ знаній и всего познаваемаго; въ этомъ смыслѣ оно есть знаніе знаній—опредѣляющая норма и форма всякаго знанія. Далѣе, зная и соблюдая безусловную норму всего должнаго, „благоразумный“ конечно будетъ дѣлать только то, что ему подобаетъ—будетъ дѣлать только „свое“. Затѣмъ, постоянное дѣланіе должнаго и

слѣдовательно воздержаніе отъ недолжнаго, становясь въ человѣкѣ подлинно-благоразумномъ второю природой, естественно будетъ вызывать въ немъ заранѣе то психофизическое противодѣйствіе всякому нарушенію нормы съ его стороны, которое называется стыдливостью; итакъ „благоразумный“ будетъ и стыдливымъ, хотя само благоразуміе и не исчерпывается этимъ признакомъ. Наконецъ, едва-ли нужно доказывать, что такой человѣкъ и по наружному виду будетъ болѣе похожъ на тихаго и спокойнаго мудреца, нежели на бѣснующагося корибанта, хотя его „тихость“, какъ происходящая отъ благоразумія, или знанія должнаго, менѣе всего будетъ побуждать его дѣлать тихо и медленно то, что слѣдуетъ дѣлать скоро и быстро. Такимъ образомъ въ окончательномъ понятіи „благоразумія„ получаютъ свой истинный смыслъ и оправданіе и всѣ частные его признаки.

V.

Если общій ходъ мысли въ *Хармидѣ* удовлетворяетъ насъ со стороны логической гораздо болѣе нежели отдѣльные моменты этого разговора, въ которыхъ мысль не столько углубляется, сколько разбрасывается по сторонамъ (вспомнимъ, напримѣръ, возбужденное Критіемъ безо всякаго основанія препирательство о *ποιεῖν* и *πράττειν*), то не слѣдуетъ забывать, что діалогъ, хотя бы философскій, нельзя судить съ одной логической точки зрѣнія. Платонъ былъ философъ-художникъ и въ своихъ діалогахъ руководился двоякимъ интересомъ: разясненія философскаго вопроса, составляющаго тему разговора и вмѣстѣ съ тѣмъ—драматическаго обнаруженія характера выведенныхъ для разговора лицъ.

Совершенство такого произведенія, разумѣется, въ томъ, чтобы двѣ его задачи—философское уразумѣніе и художественное изображеніе—всецѣло покрывали другъ друга и въ исполненіи сливались бы между собою до неразличимости, такъ чтобы нигдѣ нельзя было сказать: вотъ это одна философія, а вотъ одно художество. Этотъ идеалъ достигнутъ по моему Платономъ въ діалогѣ *Пиршество*, къ которому приближаются въ этомъ отношеніи *Фэдръ*, первая книга *Государства* и *Фэдонъ*. Въ другихъ произведеніяхъ Платона та или другая сторона замѣтно перевѣшиваетъ. Въ нашемъ діалогѣ, котораго мы конечно не сравниваемъ по значительности съ названными твореніями, перевѣсъ принадлежитъ (какъ и въ Іонѣ, и въ Лахесѣ) интересу

художественному. Ради художественнаго изображенія характера Критія, авторъ чрезмѣрно затягиваетъ ходъ діалектическаго развитія главной мысли. Дѣло въ томъ, что Критій (получившій въ свое время худую славу какъ одинъ изъ 30 тиранновъ, захватившихъ власть въ Аѳинахъ послѣ Пелопонезской войны), хотя имѣлъ вкусъ и привычку къ философскимъ разсужденіямъ, но какъ человѣкъ, склонный отдаться политическому самолюбію, или самолюбивой политикѣ, онъ и въ философскихъ разсужденіяхъ не руководится интересомъ чистой истины, а старается лишь о томъ, чтобы казаться правымъ. Замѣтивъ тонъ ироническаго удивленія, съ которымъ Сократъ встрѣтилъ его, приведенное Хармидомъ, опредѣленіе „благоразумія“, онъ сначала отъ него отрекается, но затѣмъ раздраздненный лукавымъ мальчикомъ и полагаясь на свое, пріобрѣтенное отъ Продика, діалектическое искусство, пытается защитить это опредѣленіе явнымъ софизмомъ и произвольнымъ различеніемъ словъ. Выбитый Сократомъ изъ этой первой позиціи, онъ думаетъ не о томъ, чтобы глубже и серьезнѣе разсмотрѣть вопросъ, а только о томъ, чтобы найти себѣ другую готовую болѣе крѣпкую и какъ ему представляется неприступную позицію, о чемъ и объявляетъ торжественно. Снова запутанный Сократомъ въ сѣтяхъ своей собственной кажущейся аргументаціи, онъ сталъ бы искать еще какого нибудь словеснаго прибѣжища, своему самолюбію, еслибы Сократъ не избавилъ его отъ этой необходимости, умно и великодушно воздерживаясь отъ торжества своей побѣды и безобидно высказывая истинный взглядъ на дѣло какъ свое сновидѣніе.

Художественное изображеніе Критія превосходно и своею полною объективностью. Слабая сторона этого историческаго лица представлена здѣсь безъ той преувеличенности, которую мы замѣтили, напримѣръ, въ изображеніи Никія (въ *Лахесѣ*). Критій человѣкъ съ ясными признаками нравственной культуры: волнуемый страстями (особенно самолюбіемъ), онъ всегда способенъ сдерживать ихъ въ предѣлахъ приличія и гуманнаго обращенія. Это человѣкъ прежде всего благовоспитанный, что уже много значитъ. А затѣмъ онъ и по существу способенъ цѣнить чужое достоинство, что̀ еще важнѣе. Онъ искренно любуется Хармидомъ и преклоняется передъ Сократомъ, и несмотря на чувствительно задѣваемое самолюбіе до конца относится къ обоимъ не безъ сердечности.

VI.

Если изображеніе Никія въ *Лахесѣ* заставляетъ насъ сомнѣваться въ Платоновскомъ происхожденіи этого діалога, то изображеніе Критія въ *Хармидѣ* можетъ лишь подтверждать мнѣніе тѣхъ, которые приписываютъ это произведеніе Платону. Впрочемъ это традиціонное мнѣніе не встрѣчало въ критикѣ какихъ нибудь особыхъ и солидныхъ возраженій. Обыкновенно *Хармидъ* бракуютъ вмѣстѣ съ всѣми прочими Сократическими діалогами, а то что высказываютъ противъ него въ отдѣльности, едва ли имѣетъ какія нибудь другія основанія кромѣ субъективныхъ впечатлѣній критика.

Между тѣмъ можно указать въ этомъ діалогѣ на фактическое обстоятельство, совершенно понятное, если онъ написанъ Платономъ, и требующее особаго (и, насколько мнѣ извѣстно, никѣмъ еще не представленнаго) объясненія, если предположить какого нибудь другого автора.

Въ первой части діалога авторъ устами Сократа дважды упоминаетъ,*) а затѣмъ въ третій разъ подробно распространяется о высокомъ и славномъ происхожденіи Хармида и Критія. **) А происхожденіе это было у нихъ общее съ Платономъ. Совершенно несомнѣнно, что нашъ философъ и по чувству и по принципу чрезвычайно дорожилъ родовымъ достоинствомъ. Восхвалять устами Сократа свой родъ какъ родъ Платона ему не приходилось, но Хармидъ и Критій давали для такого прославленія прекрасный поводъ. Слѣдовательно въ діалогѣ, написанномъ Платономъ, указанныя мѣста вполнѣ умѣстны. Но какое же побужденіе могъ имѣть посторонній авторъ троекратно и усиленно восхвалять тотъ родъ, на который тираннія 30-ти положила въ Аѳинахъ неизгладимое пятно?

Во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока намъ не будетъ указанъ другой возможный и сколько нибудь вѣроятный авторъ *Хармида*, принадлежность этого діалога Платону должна признаваться достовѣрною.

---

*) 154 E: *πρέπει δέ που, ὦ Κριτία, τοιοῦτον αυτόν εἶναι τῆς γε ὑμετέρας ὄντα οἰκίας.* И далѣе:

155. *Καὶ πάνυ γε, ἔφη ο Κριτίας, ἐπεί τοι καὶ ἔστιν φιλόσοφός τε καὶ...· πάνυ ποιητικός.—Τοῦτο μέν ἦν δ'ἐγώ, ὦ φίλε Κριτία, πόρρωθεν ὑμῖν τὸ καλόν ὑπάρχει ἀπό τῆς Σόλωνος συγγενείας.*

**) 157 D—158 B.

VII.

Изображеніе Критія въ Хармидѣ даетъ, мнѣ кажется, и нѣкоторое правдоподобное указаніе на время написанія этого діалога. Характеристику главнаго собесѣдника Сократа можно признать осторожною и художественно исполненною апологіей погибшаго государственнаго дѣятеля, а косвенно и его учителя, Сократа. Критій былъ Платону, и близкимъ родственникомъ, и соученикомъ, и въ сущности политическимъ единомышленникомъ. Защитить его память послѣ его паденія могло представляться Платону нравственною обязанностью. Но просто хвалить и оправдывать погибшаго тирана философъ по совѣсти не могъ, такъ какъ помимо вражды партій Критій за краткое время своего участія въ управленіи Аѳинами успѣлъ пріобрѣсти дурную славу крайнею неумѣренностью своихъ поступковъ. Оправдать его было нельзя, но можно и должно было найти ему извиненія, и эта задача исполнена въ нашемъ діалогѣ съ большою тонкостью.

Критій представленъ намъ какъ человѣкъ не дурной, но самолюбивый и *избалованный похвалами*. Если его затронутое самолюбіе съ трудомъ сдерживается въ философскомъ спорѣ противъ любимаго родственника и чтимаго учителя, то что удержитъ его отъ злоупотребленія властью противъ явныхъ враговъ? Дѣло шло не о томъ, чтобы возвеличить Критія, а только о томъ, чтобы вернуть ему человѣческій образъ, сорванный съ него торжествующею местью политическихъ враговъ. Въ минуту ихъ торжества объ этомъ нельзя было думать. Значитъ нашъ діалогъ могъ быть написанъ лишь нѣкоторое время спустя послѣ паденія 30 тиранновъ. Съ другой стороны такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что демократическая партія, свергнувшая тираннію 30, свою жажду мщенія распространяла и на Сократа, какъ учителя нѣкоторыхъ изъ нихъ, то на апологетическомъ изображеніи должна была отразиться и другая цѣль — защитить Сократа въ этомъ отношеніи т. е. снять съ него отвѣтственность въ грѣхахъ Критія, — что мы и находимъ дѣйствительно въ *Хармидѣ*, впечатлѣніе отъ котораго въ этомъ пунктѣ можетъ быть кратко выражено такъ: Критій не такое ужъ чудовище какимъ его считаютъ; а въ томъ что онъ дѣйствительно сдѣлалъ дурного менѣе всего виноватъ Сократъ, который училъ его совсѣмъ не этому, и хотя относился къ нему благодушно, но рѣшительно оспаривалъ его ложные взгляды.

Я думаю тоже не безъ апологетическаго намѣренія діалогъ начинается съ напоминанія о патріотическихъ заслугахъ Сократа въ битвахъ подъ Потидеей.

Такъ какъ апологетическая задача діалога остается на второмъ планѣ и проведена съ большою осторожностью и спокойствіемъ, то невозможно относить время написанія діалога къ эпохѣ послѣ смерти Сократа, когда для такой осторожности не было уже никакого основанія, ни ко времени суда надъ нимъ, когда такое спокойствіе было бы психологически невозможно: его преданному ученику было тогда не до разсужденій о благоразуміи. А такъ какъ съ другой стороны объективная характеристика Критія не могла быть написана сейчасъ послѣ его паденія, то для написанія нашего діалога остаются довольно тѣсные предѣлы времени: я полагаю, что Хармидъ написанъ до возбужденія противъ Сократа уголовнаго преслѣдованія, когда надъ нимъ только собиралась гроза, — слѣдовательно около 400 г. до Р. Х.

Къ тому же времени относится, вѣроятно, діалогъ *Лизисъ*, въ которомъ очеркъ Сократической этики, содержащійся въ въ шести предъидущихъ діалогахъ, завершается новою важною темой — разборомъ личнаго чувства любви или *дружбы* (*φιλία*).

ЛИЗИСЪ

(ИЛИ О ДРУЖБѢ).

Собесѣдники: СОКРАТЪ, ГИППОѲАЛЪ, КТЕЗИППЪ, МЕНЕКСЕНЪ, ЛИЗИСЪ.

ЛИЗИСЪ.

(Сократъ разсказываетъ):

Шелъ я изъ Академіи прямо въ Ликей [1]) по дорогѣ, 203.
что за стѣной, подъ самою стѣной. Поровнявшись съ малыми воротами, гдѣ Пановъ ручей, встрѣтилъ я тамъ Гиппоѳала, Іеронимова сына, и Пэанійца Ктезиппа, [2]) стоявшихъ въ кучкѣ вмѣстѣ съ другими юношами. И когда я подходилъ къ нимъ, Гиппоѳалъ, завидѣвъ меня, воскликнулъ:

— Куда идешь, Сократъ, и откуда?

---

[1]) Академія и Ликей—знаменитѣйшія аѳинскія гимназіи (*γυμνάσιον*) или загородные общественные сады съ портиками, крытыми галереями для гулянья въ дурную погоду, фонтанами, алтарями, статуями и обширными зданіями для игръ и тѣлесныхъ упражненій. Академія, любимое мѣстопребываніе Платона и его учениковъ, находилась къ сѣв.-западу отъ города въ 15 минутахъ ходьбы отъ него. Дорога, которая вела изъ Академіи въ Ликей, находившійся къ востоку отъ города, шла сначала къ городу въ юго-восточномъ направленіи, а потомъ, начиная отъ Ахарнейскихъ (сѣверныхъ) воротъ, огибала собою городскую стѣну (*ὑπὸ τὸ τεῖχος*—***подъ стѣной***, какъ говоритъ Сократъ) и, не дойдя до восточныхъ (Діохаритскихъ) воротъ, сворачивала къ Ликею; недалеко отъ послѣднихъ воротъ и находились, вѣроятно упоминаемыя здѣсь *малыя ворота* (*πυλίς*), близь которыхъ протекалъ ручей, получившій названіе отъ мѣстнаго героя Панопса. (См. планъ древнихъ Аѳинъ въ Atlas Antiquus Iustus Perthes'a).

[2]) Ктезиппъ изъ пэанійской демы (аѳиняне назывались по имени демы или села, откуда были родомъ), двоюродный по отцу братъ Менексена, участвуетъ еще въ качествѣ собесѣдника въ діалогѣ ***Евтидемъ*** и упоминается въ ***Федонѣ*** въ числѣ учениковъ Сократа, присутствовавшихъ при его смерти; юноша способный и искусный въ діалектикѣ, но въ то же время неосмотрительный, рѣзкій и горячій. Типическій дуралей Гиппоѳалъ нигдѣ кромѣ этого діалога не упоминается.

B. — Изъ Академіи, — отвѣчалъ я, — иду прямо въ Ликей.

— Ступай, говоритъ, сюда къ намъ! Не идешь? Право, стоитъ.

— То-есть куда именно? и къ кому это къ вамъ?— спросилъ я.

— Сюда!—отвѣчалъ онъ,—и указалъ мнѣ напротивъ стѣны какую-то ограду съ отворенной калиткой. — Мы не одни,—сказалъ онъ,—съ нами тутъ не мало хорошихъ людей.

204. — Что же это такое, и чѣмъ вы тутъ занимаетесь?

— Да это,—отвѣтилъ онъ,—вновь выстроенная палэстра [3]), а чѣмъ занимаемся,—большей частью бесѣдами, которыми съ удовольствіемъ подѣлились бы съ тобой.

— Хорошо дѣлаете,—замѣтилъ я.—А кто здѣсь обучаетъ?

— Да твой, говоритъ, пріятель и поклонникъ Миккосъ [4]).

— Ей-Богу не плохой человѣкъ, изрядный софистъ [5]), —сказалъ я.

B. — Не желаешь ли,—сказалъ онъ,—пойти вмѣстѣ съ нами, чтобы посмотрѣть, кто тамъ такое?

— Напередъ хотѣлось бы услышать, что мнѣ за это будетъ, и кто у васъ тамъ первый красавецъ?

— У насъ, говоритъ, Сократъ, одному одинъ кажется, другому—другой.

— Ну а тебѣ-то кто, Гиппоѳалъ? вотъ ты мнѣ что скажи.—Онъ же въ отвѣтъ на это покраснѣлъ. А я сказалъ:—о сынъ Іеронимовъ Гиппоѳалъ, можешь этого и не говорить, любишь ли ты кого-нибудь или нѣтъ, потому что я вижу, что не только любишь, но и далеко зашелъ въ любви. Относительно чего другого я слабъ и никуда не
C. гожусь, но ужь это мнѣ отъ бога такъ дано, что я сразу умѣю отличить того, кто любитъ или любимъ.—А онъ, услыхавъ это, еще болѣе покраснѣлъ. Ктезиппъ же и говоритъ:

---

3)—Гимнастическая школа.

4)—Лицо, кромѣ этого мѣста нигдѣ не встрѣчаемое.

5) Софистами назывались первоначально преподаватели разныхъ наукъ и искусствъ, отъ философіи и до гимнастики; съ отрицательнымъ значеніемъ это слово стало употребляться позднѣе и главнымъ образомъ вслѣдствіе полемики Сократа съ знаменитыми софистами его времени.

— Право это забавно, Гиппоѳилъ, что ты краснѣешь и не рѣшаешься сказать Сократу имя, а побудь онъ съ тобою хоть немножко, и ты уморишь его, не переставая повторять это имя. По крайней мѣрѣ насъ, Сократъ, онъ оглушилъ, наполнивъ наши уши Лизисомъ; а какъ
еше выпьетъ немножко, то не мудрено, что послѣ того D.
мы и просыпаясь какъ-будто слышимъ имя Лизиса. Когда еще просто говоритъ, оно не такъ ужасно, хотя всетаки ужасно, но ужь зато какъ примется накачивать насъ стихами и разными сочиненіями! А ужаснѣе всего то, что онъ къ тому же воспѣваетъ своего любимца удивительнымъ голосомъ, который мы должны терпѣливо переносить. А теперь краснѣетъ на твои вопросы!

— Такъ этотъ Лизисъ по видимому изъ подростковъ,— E.
сказалъ я;—заключаю изъ того, что, когда я услыхалъ это имя, оно показалось мнѣ незнакомымъ.

— Да его,—замѣтилъ Гиппоѳалъ,—рѣдко называютъ его собственнымъ именемъ, а все еще зовутъ по отцу, потому что его отецъ извѣстенъ очень; и я увѣренъ, что ты отлично знаешь его по наружности, потому что этого одного достаточно, что бы замѣтить его.

— Скажи, чей онъ?—спросилъ я.

Старшій сынъ эксонца Демократа. — [6]) отвѣчалъ тотъ.

Такъ,—сказалъ я.—Благороднаго же ты нашелъ любимца, Гиппоѳалъ, и во всѣхъ отношеніяхъ превосходнаго! Нутка и я послушаю, что ты имъ такое преподносишь, 205.
чтобы увидать, знаешь ли ты, какъ влюбленному слѣдуетъ говорить о любимцѣ въ присутствіи его самого или въ присутствіи другихъ.

— Да развѣ, говоритъ, Сократъ, ты придаешь значеніе чему-нибудь изъ того, что онъ говоритъ?

— Неужели,—сказалъ я,—ты и это отрицаешь, что любишь того, кого онъ назвалъ?

— Да нѣтъ, говоритъ, только я не сочиняю въ честь своего любимца ни стиховъ, ни прозы.

— Онъ нездоровъ,—замѣтилъ Ктезиппъ,—говоритъ въ бреду всякій вздоръ.

---

6) О Лизисѣ и его знаменитыхъ и богатыхъ предкахъ узнаемъ только изъ этого діалога; о жителяхъ демы Эксоны см. примѣчаніе 16 къ діалогу *Лахесъ*, а также слѣдующее примѣчаніе.

B. А я сказалъ:—О Гиппоѳалъ, не стихи тамъ какіе-нибудь или пѣсню желалъ бы я послушать, если только ты сочинилъ что-нибудь такое въ честь мальчика, но смыслъ ихъ хотѣлось бы мнѣ узнать, чтобы видѣть, какъ поставилъ ты себя относительно своего любимца.

— Вотъ онъ и скажетъ тебѣ,—возразилъ тотъ,—потому что долженъ знать и помнить въ точности, когда говоритъ, будто онъ оглохъ, слушая меня.

— Клянусь богами, очень хорошо знаю,—сказалъ Ктезиппъ.—И смѣшно же это, Сократъ: влюбленъ и только и смотритъ, что на мальчика, а не можетъ выдумать отъ себя ничего такого, чего бы не сказало малое дитя!
C. Какъ тутъ не смѣяться? А что болтаетъ весь городъ о Демократѣ и о дѣдѣ мальчика Лизисѣ и о всѣхъ его предкахъ, о ихъ богатствахъ, лошадяхъ, какъ они одерживали побѣды на Пиѳійскихъ, Истмійскихъ и Немейскихъ играхъ въ упряжи четверней и на скакунахъ, объ этомъ онъ сочиняетъ стихи и декламируетъ; да и не о такомъ еще вздорѣ! Недавно, напримѣръ, изобразилъ онъ намъ какими-то стихами угощеніе Геракла, какъ, по родству съ Геракломъ, предокъ ихъ принималъ его у себя, происходя самъ отъ
D. Зевса и дочери основателя поселенія [7]); словомъ, Сократъ, какія-то бабьи сказки и многое другое въ этомъ родѣ.

Услыхавъ это, я сказалъ:—О смѣшной Гиппоѳалъ, не одержавъ еще побѣды, сочиняешь и поешь въ честь себя хвалебную пѣснь?

— Но я, Сократъ,—возразилъ онъ,—въ честь себя и не сочиняю ничего и не пою.

— То-есть ты думаешь, что не сочиняешь,—сказалъ я.

— А что же тогда?—спросилъ онъ.

— Именно къ тебѣ скорѣе всего относятся эти пѣсни,
E. —отвѣчалъ я;—потому что, разъ ты поймаешь такого любимца, тогда все, что ты разсказывалъ и воспѣвалъ, послужитъ тебѣ украшеніемъ и будетъ для тебя настоящею хвалебною пѣснью за побѣду, которую тебѣ удалось одержать надъ такимъ любимцемъ; если же онъ уйдетъ, ты окажешься въ смѣшномъ положеніи, лишившись тѣмъ большихъ благъ, чѣмъ выше была хвала, которую ты воздавалъ этому лю-

[7]) Т.-е. демы Эксоны, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Аѳинъ; кое-какіе остатки этого поселенія сохранились и до сихъ поръ. См. примѣч. 6.

бимцу. Такъ то, мой другъ; кто искусенъ въ любви, тотъ 206.
не будетъ восхвалять любимца, пока не поймаетъ его, изъ опасенія за исходъ дѣла. Къ тому же и красавцы, когда ихъ прославляютъ и возвеличиваютъ, преисполняются гордости и высокомѣрія. Или ты не находишь этого?

— Нахожу,—сказалъ онъ.

— А вѣдь чѣмъ они высокомѣрнѣе, тѣмъ труднѣе бываетъ ловить ихъ?

— Понятно.

— Какой-же это, по твоему, охотникъ, который спугиваетъ на охотѣ дичь и затрудняетъ охоту за ней?

— Очевидно плохой.

— Вотъ и это тоже большая неловкость—отгонять B.
отъ себя рѣчами и пѣснями, вмѣсто того, чтобы приручать, не такъ ли?

— Мнѣ кажется.

— Смотри же, Гиппоѳалъ, какъ бы съ тобой самимъ не случилось всего этого, благодаря твоей поэзіи. Вѣдь ты, полагаю, не согласишься, чтобы человѣкъ, вредящій себѣ своей поэзіей, могъ быть хорошимъ поэтомъ, несмотря на вредъ, который онъ причиняетъ самому себѣ.

— Нѣтъ, ей-богу,—сказалъ онъ;—это была бы большая нелѣпость; а потому я хочу довѣрить тебѣ свое дѣло, C.
Сократъ, и, если только ты знаешь что-нибудь другое, то посовѣтуй мнѣ, какимъ языкомъ нужно говорить или что дѣлать, чтобы стать пріятнымъ любимцу.

— Не легко это сказать,—отвѣчалъ я;—но еслибы ты захотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы онъ самъ заговорилъ со мною, то я, вѣроятно, могъ бы показать тебѣ, чтó именно слѣдуетъ говорить ему вмѣсто того, чтó ты говоришь и воспѣваешь, какъ они утверждаютъ.

— Да это, замѣтилъ онъ, нисколько не трудно; если вы войдете вмѣстѣ съ Ктезиппомъ и сядете разговаривать, онъ самъ, я думаю, подойдетъ къ тебѣ, потому что онъ больше всего любитъ что-нибудь послушать, Сократъ. Къ
тому же по случаю Гермій [8]) большіе и дѣти собраны D.

[8]) Ἑρμαῖα—праздникъ въ честь Гермеса, изобрѣтателя гимнастики и единоборства (ἀγώνιος). Этотъ праздникъ справлялся дѣтьми въ палэстрахъ, и законъ Солона запрещалъ участвовать въ немъ кому-нибудь изъ взрослыхъ (μηδένα τῶν ἐν ἡλικίᾳ; οἱ ἐν ἡλικίᾳ или ἔφηβοι, νέοι—юноши противопоставляются παῖδες—мальчикамъ, дѣтямъ). Какимъ же образомъ Сократъ съ юношами могъ войти въ палэстру? Шлейермахеръ думаетъ

вмѣстѣ, такъ ужъ онъ навѣрное подойдетъ къ тебѣ; а то вотъ онъ хорошо извѣстенъ Ктезиппу черезъ его двоюроднаго брата Менексена; съ Менексеномъ-то онъ друженъ какъ ни съ кѣмъ. Ктезиппъ и можетъ позвать его, если только самъ онъ не подойдетъ.

— Сдѣлаемъ такъ, — сказалъ я, и, взявъ Ктезиппа,
E. направился въ палэстру; прочіе пошли вслѣдъ за нами.

Войдя въ палэстру, мы застали тамъ мальчиковъ въ то время, какъ они, только-что совершивъ жертвоприношеніе и окончивъ священные обряды, играли въ кости, одѣтые всѣ по праздничному. Большинство было занято игрой во дворѣ снаружи, а нѣкоторые въ углу раздѣвальной комнаты играли въ чётъ и нечетъ съ помощью большого количества костей, которыя они доставали изъ особыхъ корзинъ; другіе же стояли вокругъ, смотря на игру.

207. Въ ихъ-то числѣ и находился Лизисъ. И стоялъ онъ между мальчиками и юношами, увѣнчанный и выдѣляясь всѣмъ своимъ обликомъ, мало сказать красивый, а изящный и благородный. Мы же, отойдя въ противоположный уголъ, —тамъ было поспокойнѣе,—сѣли и начали кое о чемъ разговаривать между собою. А Лизисъ то и дѣло оглядывался на насъ и видимо очень желалъ подойти къ намъ, но все не рѣшался, боясь итти одинъ. Тутъ во время игры вошелъ
B. со двора Менексенъ и, какъ только замѣтилъ меня и Ктезиппа, пошелъ сѣсть рядомъ съ нами. Увидавъ это, Лизисъ послѣдовалъ за нимъ и тоже присѣлъ къ намъ рядомъ съ Менексеномъ. Тогда подошли и другіе и Гиппоѳалъ въ томъ числѣ; увидавъ, что стоитъ много народу, и боясь раздражить Лизиса, онъ спрятался за другими, ставши въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Лизисъ по его мнѣнію не могъ его видѣть, и стоя такимъ образомъ, прислушивался къ разговору.

C. А я, обратившись къ Менексену, спросилъ его:—Сынъ Демофонта, кто изъ васъ обоихъ старше?

устранить противорѣчіе, утверждая что запрещеніе касалось только участія въ жертвоприношеніи и подъ *Ἑρμαῖα* разумѣетъ не самый праздникъ, а алтари Гермеса (I, 263), но Гиппоѳалъ какъ нарочно говоритъ, что *ὡς Ἑρμαῖα ἄγουσιν, ἀναμεμιγμένοι ἐν ταὐτῷ εἰσιν οἵ τε νεανίσκοι καὶ οἱ παῖδες*—по случаю Гермій юноши и дѣти собраны вмѣстѣ. Вѣроятнѣе объясненіе Краузе (Agonistik I, 119), который предполагаетъ, что законъ Солона вышелъ въ это время изъ употребленія, и хотя обыкновенно юноши и дѣти занимались играми и тѣлесными упражненіями въ разныхъ мѣстахъ—юноши въ гимназіяхъ, а дѣти въ палэстрахъ,—но во время Герміи дѣлалось исключеніе.

— Мы споримъ объ этомъ,—отвѣчалъ тотъ.

— А кто знатнѣе, пожалуй тоже поспорите?—спросилъ я.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ.

— И кто красивѣе,—безъ сомнѣнія то же самое? Тутъ оба разсмѣялись.

— А ужъ кто изъ васъ богаче,—говорю я имъ,—объ этомъ я не стану спрашивать: вѣдь вы друзья между собою, не такъ ли?

— Конечно друзья, отвѣчали они.

— А вѣдь у друзей, говорятъ, все общее [9]), такъ что тутъ во всякомъ случаѣ между вами никакого не будетъ различія, если только вы говорите правду относительно вашей дружбы.—Согласились.

Собирался я послѣ этого спросить, кто изъ нихъ спра- D.
ведливѣе и умнѣе, но тутъ кто-то подошелъ и заставилъ встать Менексена, сказавши ему, что его зоветъ преподаватель гимнастики, потому что, какъ мнѣ казалось, онъ былъ приставленъ къ жертвоприношенію; и онъ ушелъ, а я обратился съ вопросомъ къ Лизису:

— Не правда ли Лизисъ,—сказалъ я ему,—отецъ съ матерью очень тебя любятъ?

— Конечно,—сказалъ онъ.

— И значитъ хотѣли бы, чтобы ты былъ какъ можно счастливѣе?

— Какъ же не хотѣть?

— А кажется ли тебѣ счастливымъ человѣкъ, который E.
находится въ рабствѣ и не можетъ дѣлать ничего, что ему хочется?

— Право же нѣтъ, сказалъ онъ.

— Стало быть, если отецъ съ матерью любятъ тебя и желаютъ, чтобы ты былъ счастливъ, то ужъ вполнѣ ясно, что они должны также и заботиться всячески о томъ, какимъ бы способомъ могъ ты быть счастливымъ.

— Какъ же, сказалъ онъ,—не заботиться?

— Значитъ они позволяютъ тебѣ дѣлать, что хочешь, ни за что не бранятъ тебя и не дѣлаютъ тебѣ препятствій, когда ты чего-нибудь сильно желаешь?

— Мнѣ-то? Ей-богу же нѣтъ, Сократъ; очень даже многаго не позволяютъ.

---

[9]) *Κοινὰ τὰ φίλων*—поговорка, приписываемая Пиѳагору.

— То-есть какъ же это—спросилъ я;—желая, чтобы
208. тебѣ было хорошо, не позволяютъ дѣлать, что хочешь? Но скажи мнѣ, если бы ты захотѣлъ во время бѣговъ ѣхать на одной изъ отцовскихъ колесницъ и самъ править, неужели тебѣ не позволили бы, а запретили бы?

— Ей-богу ни за что не позволили бы,—сказалъ онъ.

— Да почему же?

— Есть возница у отца, получающій за это жалованье.

— Что ты говоришь?! Наемному человѣку скорѣе чѣмъ тебѣ предоставляютъ распоряжаться лошадьми, какъ онъ хочетъ, да еще сверхъ того платятъ ему деньги?

— Почему же нѣтъ?—спросилъ онъ.

B. — Ну а мулами управлять я думаю они тебѣ позволяютъ, и еслибы ты захотѣлъ взять кнутъ и стегать ихъ, тебѣ не стали бы препятствовать въ этомъ.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ онъ.

— А что,—спросилъ я,—развѣ никому нельзя стегать ихъ?

— И очень, говоритъ, можно—погонщику.

— А онъ рабъ, или свободный?

— Рабъ.

— Стало быть они раба, какъ видно, ставятъ выше, чѣмъ сына, и болѣе довѣряютъ свои дѣла ему, чѣмъ тебѣ, и ему позволяютъ дѣлать что хочетъ, а тебѣ запрещаютъ?
C. Но скажи мнѣ еще вотъ что: предоставляютъ они тебѣ власть надъ самимъ собою, или и въ этомъ не довѣряютъ тебѣ?

— Какъ же это, говоритъ, можно довѣрять?

— Но кто же имѣетъ надъ тобою власть?

— Да дядька,—отвѣтилъ онъ.

— Ужели рабъ?

— Ну такъ что же?—говоритъ; онъ вѣдь нашъ.

— Право это ужасно,—продолжалъ я,—будучи свободнымъ, повиноваться рабу! Въ чемъ же онъ выказываетъ свою власть надъ тобою, этотъ дядька?

— А вотъ, говоритъ, водитъ меня къ учителямъ.

— Неужели же и эти имѣютъ власть надъ тобою, учителя?

— Да ужъ во всякомъ случаѣ.

D. — Не мало, однако, господъ и начальниковъ поставилъ надъ тобою отецъ по доброй своей волѣ! Ну а когда

ты возвращаешься домой къ матери, если она въ это время занята тканьемъ, позволяетъ она тебѣ для твоего удовольствія дѣлать что угодно съ шерстями или со станкомъ? Вѣдь не запрещаетъ же она тебѣ касаться берда, или челнока, или еще какого-нибудь ткацкаго орудія?

А онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Не только что запрещаетъ, Сократъ, но еслибы я E.
сталъ трогать, то ей-богу получилъ бы колотушку.

— Гераклъ!—сказалъ я,—ужъ не обидѣлъ ли ты чѣмъ-нибудь отца или мать?

— Ей-богу нѣтъ, сказалъ онъ.

— Но за что же они такъ ужъ черезчуръ препятствуютъ тебѣ быть счастливымъ и дѣлать, что хочешь, и цѣлый день держатъ тебя въ рабствѣ? Словомъ сказать, какой бы малости ты ни пожелалъ, ничего не можешь сдѣлать. Этакъ и все твое богатство пожалуй ни къ чему для тебя, потому что всѣ распоряжаются имъ болѣе, чѣмъ ты, ни къ чему и тѣло, которое такъ прекрасно, потому что
другой его стережетъ и ходитъ за нимъ; самъ же ты, Ли- 209.
зисъ, ни надъ чѣмъ не имѣешь власти и ничего не дѣлаешь, чего хочешь.

— Потому что я еще малъ, Сократъ,—сказалъ онъ.

— Не это, о сынъ Демократа, можетъ мѣшать тебѣ; по крайней мѣрѣ я думаю, что и отецъ и мать въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ полагаются на тебя и не ждутъ, когда ты выростешь. Когда, напримѣръ, они желаютъ, чтобы
имъ что-нибудь прочли или написали, думаю, тебя перваго B.
въ домѣ приставляютъ они къ этому дѣлу, не такъ ли?

— Конечно,—отвѣтилъ онъ.

— И тутъ уже свободенъ ты писать буквы какъ хочешь, какую сначала, какую послѣ; то же самое и при чтеніи. И когда берешь лиру, полагаю ни отецъ, ни мать не запрещаютъ тебѣ подтягивать или ослаблять любую изъ струнъ и ударять по струнамъ либо пальцами, либо плектромъ [10]). Или можетъ быть запрещаютъ?

— Конечно нѣтъ.

— Въ чемъ же тутъ причина, Лизисъ, что этого они C
не запрещаютъ, а то, о чемъ мы раньше говорили, запрещаютъ?

---

[10]) πλῆκτρον—палочка, съ помощью которой перебирали струны, какъ дѣлаютъ это и теперь, играя на мандолинѣ.

— Въ томъ, полагаю,— отвѣчалъ онъ,— что одно я знаю, а другого не знаю.

— Хорошо, милѣйшій мой!— сказалъ я.— Значитъ не совершеннолѣтія твоего ждетъ отецъ, чтобы все тебѣ предоставить, а въ какой день замѣтитъ, что ты смышленѣе его самаго, въ тотъ день и поручитъ твоему попеченію и себя самого и все свое.

— Я думаю,— сказалъ онъ.

— Хорошо,— сказалъ я ему; ну а для сосѣда не имѣетъ ли силу то же самое соображеніе, что и для твоего
D отца? Когда онъ найдетъ, что ты понимаешь въ управленіи домомъ больше его самого, какъ ты думаешь: тебѣ ли онъ пожелаетъ предоставить управленіе своимъ домомъ, или самъ захочетъ заботиться объ этомъ?

— Думаю, что захочетъ предоставить мнѣ.

— Ну а какъ по твоему Аѳиняне: поручатъ ли они тебѣ свои дѣла, когда замѣтятъ, что ты достаточно смышленъ?

— Поручатъ.

— А скажи, ради Зевса,— продолжалъ я,— какъ же те-
E. перь по твоему великій Царь [11])? Когда у него варятъ мясо, кому онъ скорѣе позволитъ всыпать что-нибудь въ похлёбку, старшему ли сыну, которому предназначена власть надъ Азіей, или намъ, ежели мы придемъ къ нему и докажемъ ему, что мы умѣемъ готовить кушанья лучше, чѣмъ его сынъ?

— Ясно что намъ.— сказалъ онъ.

— И сыну-то онъ не позволитъ всыпать даже щепотки соли, а намъ позволитъ и въ томъ случаѣ, если мы вздумаемъ захватить цѣлую пригоршню.

— Какъ же иначе?

— Ну а еслибы его сынъ болѣлъ глазами, позволилъ бы онъ ему касаться глазъ, не считая его врачемъ, или запретилъ бы?

— Запретилъ бы.

210. — А намъ, еслибы считалъ насъ врачами, онъ не запретилъ бы, хотя бы мы вздумали открыть вѣки и насыпать туда песку, потому что онъ думалъ бы, что мы знаемъ свое дѣло.

— Вѣрно говоришь.

— Не предоставитъ ли онъ скорѣе намъ, чѣмъ самому себѣ и сыну, и все прочее, въ чемъ мы можемъ показаться ему умнѣе ихъ обоихъ?

11) т. е. персидскій.

— Непремѣнно, Сократъ,— отвѣтилъ тотъ,

— Такъ то оно, другъ мой Лизисъ.— сказалъ я ему,— B.
въ чемъ мы окажемся умѣлыми, въ томъ будутъ довѣрять намъ рѣшительно всѣ, и эллины и варвары, и мужчины и женщины, и мы можемъ тутъ дѣлать что хотимъ, и ни у кого не будетъ охоты мѣшать намъ, а напротивъ не только мы не будемъ зависѣть въ этомъ отъ другихъ, но другіе будутъ зависѣть отъ насъ, и это будетъ нашей собственностью, потому что мы будемъ получать выгоду отъ этого. А въ чемъ мы не пріобрѣтемъ умѣнья, относительно
того никто и не позволитъ намъ дѣлать, что вздумается, C.
но всѣ будутъ препятствовать, насколько могутъ, и не только чужіе, но и отецъ, и мать, словомъ, кто ближе всѣхъ, и мы будемъ въ этомъ слушаться другихъ, и будетъ это для насъ чужимъ, потому что не будетъ намъ выгоды отъ этого. Согласенъ, что это такъ?

— Согласенъ.

— А въ такомъ случаѣ будемъ ли мы любезны кому-нибудь, и станетъ ли кто-нибудь любить насъ, поскольку мы безполезны въ чемъ-нибудь?

— Конечно нѣтъ,— отвѣчалъ онъ.

— Значитъ не можетъ любить, ни тебя твой отецъ, ни кто-либо другой кого-либо другого, поскольку тотъ безполезенъ.

— Повидимому, сказалъ онъ.

— А вотъ когда ты станешь умнымъ, дитя мое, D.
тогда всѣ будутъ тебѣ друзьями, всѣ будутъ своими, потому что ты будешь нуженъ и полезенъ, если же нѣтъ, то ни кто-либо другой не будетъ тебѣ другомъ, ни отецъ, ни мать, ни родные. Итакъ, Лизисъ, можетъ ли много о себѣ думать тотъ, кто еще не научился думать?

— Какъ же это можно,— сказалъ онъ.

— Но вѣдь если ты не обходишься безъ учителя, значитъ еще не научился думать?

— Вѣрно.

— А если не научился еще думать, то не можешь и много о себѣ думать? [12])

12) Не передаваемый близко каламбуръ: *φρονεῖν*— быть умѣлымъ, знающимъ, опытнымъ; *μέγα φρονεῖν*.— быть высокомѣрнымъ, много о себѣ думать.

— Ей-Богу, кажется, не могу, Сократъ, — сказалъ онъ.

E. Услыхавъ это, я взглянулъ на Гиппоѳала и чуть было не надѣлалъ бѣды, а именно мнѣ пришло на мысль сказать ему: такъ-то, молъ, слѣдуетъ разговаривать съ любимцемъ, Гиппоѳалъ, смиряя его и укрощая, а не такъ, какъ ты, раздувая его гордость и потворствуя ему; но, увидѣвъ, какъ онъ мучается и какъ возмущенъ нашимъ разговоромъ, я вспомнилъ, что онъ нарочно сталъ такимъ образомъ, чтобы Лизисъ не могъ его замѣтить; тогда ужь я спохватился и не сказалъ ничего.

211. А между тѣмъ вернулся Менексенъ и сѣлъ рядомъ съ Лизисомъ на прежнее мѣсто. И вотъ Лизисъ совсѣмъ подѣтски притянулся ко мнѣ и миловидно проговорилъ, такъ чтобы Менексенъ не могъ его слышать:

— Сократъ, скажи и Менексену что ты мнѣ говорилъ.

А я отвѣтилъ:

— Ты ужь это самъ ему скажешь, Лизисъ; вѣдь ты же внимательно слушалъ.

— Очень внимательно,—сказалъ онъ.

— Постарайся же,—сказалъ я,—запомнить все это какъ можно лучше, чтобы передать ему въ точности, а
B. если что забудешь, спроси у меня опять, какъ только со мною встрѣтишься.

— Хорошо, Сократъ, непремѣнно,—говоритъ,—такъ и сдѣлаю, будь увѣренъ. Такъ скажи ему что-нибудь другое, чтобы и я могъ послушать, пока еще не пора уходить домой.

— Да ужь если ты приказываешь, значитъ нужно это сдѣлать,—отвѣчалъ я;—только смотри, защищай меня, когда Менексенъ примется опровергать меня; или ты не знаешь, что онъ спорщикъ?

— Какъ же!—сказалъ онъ,—клянусь Зевсомъ очень
C. хорошо знаю; поэтому-то и хочу, чтобы ты съ нимъ поговорилъ.

— Чтобы меня подняли на смѣхъ?—спросилъ я его.

— Ей-богу нѣтъ,—сказалъ онъ,—но чтобы ты его проучилъ.

— Какимъ же образомъ!—говорю я;—вѣдь это человѣкъ ловкій, ученикъ Ктезиппа, а Ктезиппъ и самъ тутъ, развѣ не видишь?

— Ничего, Сократъ, — сказалъ онъ, — говори съ нимъ!

— Приходится говорить,—сказалъ я.

Разговариваемъ мы это между собою, а Ктезиппъ и говоритъ:

— Что это вы одни угощаетесь бесѣдой, а съ нами не подѣлитесь?

— Да и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ подѣлиться, — D.
сказалъ я, — потому что вотъ онъ-то не очень понимаетъ, что я ему говорю, а думаетъ, что Менексенъ это знаетъ и проситъ спросить его.

— Что же ты не спрашиваешь? — сказалъ тотъ.

— А вотъ спрошу сейчасъ, — отвѣчалъ я. — Итакъ, Менексенъ, отвѣчай мнѣ о чемъ я тебя буду спрашивать! Съ самаго дѣтства, видишь ли, страстно желаю я одного пріобрѣтенія, какъ всякій желаетъ чего-нибудь особенно, одинъ одного, другой другого. Одинъ желаетъ имѣть ло- E
шадей, другой собакъ, этотъ желаетъ золота, тотъ почестей; но я ко всему этому равнодушенъ, а вотъ до друзей большой охотникъ и имѣть хорошаго друга желалъ бы я болѣе, чѣмъ наилучшаго во всемъ свѣтѣ перепела или пѣтуха, ну право же болѣе, чѣмъ лошадь или собаку; мнѣ сдается даже,—песъ возьми!—что друга я куда предпочелъ бы золоту Дарія (предпочелъ бы самому Дарію); такой я любитель друзей. И вотъ, смотря на васъ обоихъ—на тебя и 212.
на Лизиса, удивляюсь я вамъ и считаю васъ счастливыми, что вамъ удалось въ такихъ молодыхъ годахъ скоро и легко сдѣлать подобное пріобрѣтеніе и что какъ ты скоро пріобрѣлъ въ немъ большого друга, такъ и онъ въ тебѣ. А я до того далекъ отъ подобнаго пріобрѣтенія, что даже не знаю, какимъ это образомъ кто-нибудь становится чьимъ-нибудь другомъ, и хочу спросить объ этомъ тебя, какъ человѣка опытнаго. Скажи же мнѣ, когда кто-нибудь любитъ кого-нибудь, кто кому приходится другомъ, любящій любимому или любимый любящему? Или, можетъ быть, B.
это безразлично?

— Мнѣ кажется это безразлично, отвѣчалъ онъ.

— То есть какъ же это? — продолжалъ я, значитъ и тотъ и другой оказываются друзьями, хотя только одинъ любитъ и одинъ только любимъ,—не одинъ и тотъ-же и любитъ и любимъ?

— По моему-да, — сказалъ онъ.

— Какъ же такъ? Развѣ не бываетъ, чтобы любящій не встрѣчалъ любви со стороны того, кого онъ любитъ?

— Бываетъ

— Даже вотъ еще какъ: не бываетъ ли, чтобы любящій встрѣчалъ ненависть, какъ это, повидимому, случается иногда съ влюбленными относительно предмета ихъ любви: любя сами какъ только могутъ сильно, одни изъ нихъ думаютъ, что ихъ не любятъ, а другіе даже—что ненавидятъ;
C. видятъ; или тебѣ кажется, что это невѣрно?

— Очень вѣрно, — сказалъ онъ.

— Значитъ, — продолжалъ я, —въ подобномъ случаѣ одинъ любитъ, а другой любимъ?

— Да.

— Кто же изъ нихъ кому приходится другомъ, любящій любимому,—все равно, не любимъ-ли онъ только, или къ тому-же и ненавидимъ,—или любимый любящему? Или же, когда не оба любятъ, то ни тотъ, ни другой не бываетъ другомъ?

— Повидимому такъ.

— Стало быть намъ теперь не то кажется, что сна-
D. чала казалось, потому что тогда намъ казалось, что если одинъ изъ двоихъ любитъ, то оба друзья, а теперь, если не оба любятъ, то ни тотъ, ни другой не кажется намъ другомъ.

— Пожалуй-что такъ, —сказалъ онъ.

— Стало быть для любящаго ничто не бываетъ дружественнымъ, что не отвѣчаетъ на любовь любовью.

— Не бываетъ, по видимому.

— И также, стало быть, никто ни бываетъ другомъ лошадей, кому лошади не отвѣчаютъ любовью, ни другомъ перепеловъ, ни собакъ, ни вина, ни гимнастики, — ни
E. мудрости,, кому мудрость не отвѣчаетъ любовью; или хотя и бываетъ тотъ или иной другомъ того или иного изъ этихъ предметовъ, только сами-то они не бываютъ ему друзьями, и ошибся поэтъ, который сказалъ:

Счастливъ кто видитъ друзей и въ коняхъ крѣпконогихъ, и въ дѣтяхъ,
Въ псахъ на охотѣ лихихъ, въ гостѣ изъ чуждой страны [13]).

— Не думаю.—сказалъ онъ.

---

[13]) Все это мѣсто построено на двоякомъ значеніи слова *φίλος* — *другъ* и *любезный*, *милый*, а въ сложеніи съ другими именами *любитель-*

— Такъ ты думаешь, что онъ говоритъ правду?

— Да,

— Стало быть, Менксенъ, любимое приходиться по видимому другомъ любящему и въ томъ случаѣ, если оно само не любитъ или даже ненавидитъ, какъ напримѣръ маленькія дѣти, которыя или только не любятъ еще или
даже ненавидятъ, когда мать либо отецъ наказываютъ ихъ, 213.
однако хотя и ненавидятъ своихъ родителей, всетаки самые дорогіе для нихъ друзья.

— Мнѣ кажется, это такъ, — сказалъ онъ.

— Значитъ отсюда выходитъ, что другомъ бываетъ не тотъ, кто любитъ, а тотъ, кто любимъ.

— Мнѣ кажется.

— А врагомъ, сталобыть, оказывается тотъ, кого ненавидятъ, а не тотъ, кто ненавидитъ

— Повидимому.

— Итакъ, если другомъ оказывается любимый, а не B.
любящій, то многіе, сталобыть, бываютъ любимы врагами и ненавидимы друзьями и врагамъ своимъ приходятся друзьями, а друзьямъ врагами. Однако это очень странно, милый другъ, больше того, я думаю, что это и невозможно—быть врагомъ другу и другомъ врагу.

— Ты, кажется, вѣрно говоришь, Сократъ, — сказалъ онъ.

— Но если это невозможно, то значитъ любящій долженъ быть другомъ любимому.

— Повидимому,

— А ненавидящій опять-таки, стало быть, — врагомъ ненавидимому.

— Непремѣнно.

Та же двусмысленность и въ приведенномъ здѣсь изрѣченіи Солона, которое собственно значитъ: „блаженъ у кого есть *милыя* дѣти, и однокопытные кони. и охотничьи собаки, и другъ на чужбинѣ.“

(ὄλβιος, ᾧ παῖδές τε φίλοι καὶ μώνυχες ἵπποι
καὶ κύνες ἀγρευταὶ καὶ ξένος αλλοδαπός).

Предпочитая цля ясности передавать во всемъ этомъ мѣстѣ слово *φίλος* словомъ „другъ“, мы должны были отступить при переводѣ Солонова двустишія отъ его буквальнаго смысла, о которомъ, впрочемъ, и Платонъ въ своей ссылкѣ не слишкомъ заботился по обычаю древнихъ писателей. Но мы не нашли возможнымъ послѣдовать примѣру Шлейермахера, который въ предъидущихъ словахъ Сократа оставилъ безъ перевода *καὶ φίλοινοι καὶ φιλογυμνασταί*, переведя однако *καὶ φιλόσοφοι*—что, очевидно, непослѣдовательно.

— И вотъ мы придемъ къ необходимости признать то
же самое, что говорили вначалѣ, а именно, что нерѣдко
кто-нибудь бываетъ другомъ тому, кто ему не другъ, а
часто и врагъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь любитъ
того, кто его не любитъ, или даже ненавидитъ; а съ другой
стороны часто кто-нибудь бываетъ врагомъ тому, кто ему
не врагъ, или даже другъ, въ томъ случаѣ, когда кто-ни-
будь ненавидитъ того, кто его не ненавидитъ или даже лю-
битъ.

— Похоже на то, сказалъ онъ.

— Что же намъ теперь дѣлать,—сказалъ я,—если ни
любящіе, ни любимые, ни любящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ лю-
бимые не могутъ быть друзьями? Или мы будемъ утвер-
ждать, что кромѣ этихъ существуютъ еще какіе-то другіе,
которые оказываются друзьями?

— Что касается меня,—сказалъ онъ,—то я, ей-Богу,
Сократъ, затрудняюсь, что на это сказать.

D. — Развѣ мы вообще неправильно изслѣдовали дѣло,
Менексенъ?—спросилъ я.

— Мнѣ кажется неправильно, Сократъ,—сказалъ Ли-
зисъ,—и, сказавши это, покраснѣлъ, потому что, какъ мнѣ
показалось, слова эти сорвались у него съ языка сами со-
бою, такъ напряженно слѣдилъ онъ за тѣмъ, что говорилось;
и было очевидно, что онъ все время слушалъ съ такимъ
же вниманіемъ.

Тутъ, желая оставить Менексена въ покоѣ и въ то же
время обрадовавшись любознательности Лизиса, я обратился
къ нему и завелъ съ нимъ рѣчь:

E. — Мнѣ кажется,—сказалъ я,—ты говоришь правду,
Лизисъ, что еслибы мы правильно изслѣдовали, то не блуж-
дали бы подобнымъ образомъ. Такъ не будемъ же итти далѣе
этимъ путемъ! Въ самомъ дѣлѣ, наше изслѣдованіе оказы-
вается какою-то непроходимою дорогой, и мнѣ кажется, что
съ того мѣста, гдѣ мы сбились съ пути, намъ слѣдуетъ идти
214. далѣе, взявъ въ руководители поэтовъ; они вѣдь для насъ
какъ бы отцы мудрости и вожатаи, и разумѣется они гово-
рятъ не дурно, когда высказываютъ свое мнѣніе о томъ, кто
такое друзья; а они утверждаютъ, будто самъ Богъ дѣ-
лаетъ друзей друзьями, приводя ихъ другъ къ другу; го-
ворятъ же они это, если не ошибаюсь такъ:

Вѣчно поэтому Богъ подобнаго сводитъ съ подобнымъ[14])—

[14]) Odyss, XVII, 218. αἰεί τοι τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοῖον.

и устраиваетъ такъ, что они узнаютъ другъ друга. Или
тебѣ не случалось встрѣчать этихъ словъ? B.

— Случалось,—сказалъ онъ.

— Ну а не попадались-ли тебѣ еще сочиненія вели-
кихъ мудрецовъ, въ которыхъ говорится то же самое, а
именно, что подобное непремѣнно всегда въ дружбѣ съ
подобнымъ? [15]). Это — тѣ, что разсуждаютъ и пишутъ о
природѣ вещей и о всей вселенной.

— Твоя правда, сказалъ онъ.

— Такъ хорошо-ли они говорятъ?—продолжалъ я.

— Пожалуй.

— Пожалуй хорошо объ одной половинѣ такихъ ве-
щей,—сказалъ я,—ну а пожалуй и обо всѣхъ, только для
насъ-то это непонятно. Въ самомъ дѣлѣ, намъ кажется,
что, напримѣръ, дурной человѣкъ тѣмъ ненавистнѣе ста-
новится для другого дурного человѣка, чѣмъ ближе къ нему
стоитъ и чѣмъ дольше имѣетъ съ нимъ дѣло; вѣдь дурной C.
человѣкъ обижаетъ. А невозможно же, чтобы обижающіе и
обижаемые были друзьями, не такъ-ли?

— Да,—сказаль тотъ.

— Такимъ образомъ, значитъ, изреченіе это наполо-
вину невѣрно, въ томъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, когда
подобными другъ другу бываютъ дурные.

— Вѣрно говоришь.

— Но по моему они хотятъ сказать, что хорошіе
подобны другъ другу и бываютъ друзьями, а дурные, какъ
объ нихъ и говорится, даже сами себѣ никогда не оста-
ются подобными, но бываютъ непостоянны и неустойчивы;
а то, что не остается подобнымъ самому себѣ, но быва- D.
етъ различнымъ, едвали можетъ быть подобнымъ другому
или подружиться съ нимъ; не такъ-ли и тебѣ кажется?

— И мнѣ такъ же,—сказалъ онъ.

— Такъ вотъ что, какъ мнѣ кажется, разумѣютъ,
мой другъ, тѣ, которые говорятъ, что подобное дружитъ

[15]) Разумѣется, очевидно, Анаксагоръ Клазоменскій съ его ученіемъ о *гомеомеріяхъ*, по которому зиждительный Умъ изъ хаоса всевозможныхъ элементовъ образовалъ правильно расчлененный и связанный міръ чрезъ соединеніе подобнаго съ подобнымъ. Великимъ мудрецомъ, разсуждающимъ и пишущимъ о природѣ вещей и о цѣлой вселенной, могъ быть названъ такой теоретическій философъ и сочинитель космологическихъ книгъ, какъ Анаксагоръ, но отнюдь не кто нибудь изъ гномиковъ-законодателей, изрекавшихъ только краткія житейскія правила.

съ подобнымъ, а именно, что дружитъ только хорошій и только съ хорошимъ, а дурной никогда не входитъ въ истинную дружбу ни съ хорошимъ, ни съ дурнымъ. Ты съ этимъ согласенъ?

Онъ кивнулъ головой.

— Стало быть, мы теперь знаемъ, кто такое друзья; вѣдь наше разсужденіе показываетъ намъ, что такими могутъ быть только хорошіе.

E. — Мнѣ кажется, что это совершенно такъ, сказалъ онъ.

— И мнѣ то же, — продолжалъ я; — только меня въ этомъ что-то коробитъ. Посмотримъ же, ради Зевса, что̀ мнѣ тутъ кажется подозрительнымъ. Дружитъ ли подобный съ подобнымъ, поскольку онъ подобенъ, и бываетъ ли въ то же время полезенъ всякій такой всякому такому? Или лучше такъ: можетъ ли что-нибудь, подобное чему-нибудь, принести тому, чему оно подобно, вредъ или пользу, какихъ оно не могло бы принести само себѣ, или само потерпѣть что-нибудь отъ другого, чего не могло бы потерпѣть, благодаря
215. себѣ самому? И какимъ образомъ все подобное могло бы любить одно другое, не имѣя никакой нужды одно въ другомъ? Можетъ ли это быть какъ-нибудь?

— Нѣтъ, не можетъ.

— А какимъ образомъ можетъ то, чего не любятъ, быть дружественнымъ?

— Никоимъ образомъ.

— Но въ такомъ случаѣ съ одной стороны подобный не оказывается другомъ подобнаго, а съ другой стороны хорошій можетъ быть другомъ хорошаго, поскольку онъ хорошъ, а не поскольку онъ подобенъ ему.

— Очевидно.

— Теперь вотъ что: развѣ, поскольку хорошій—хорошъ, съ него не довольно его самого?

— Довольно.

— Ну а съ кого довольно его самого, тотъ по этому самому ни въ комъ не нуждается.

— Какъ же иначе?

B. — А кто не нуждается въ чемъ-нибудь, тотъ того и не цѣнитъ.

— Безъ сомнѣнія.

— А если не цѣнитъ, то и не любитъ.

— Конечно нѣтъ.

— Ну а ужь кто не любитъ, тотъ не другъ.

— Повидимому нѣтъ.

— И такъ, какимъ же это образомъ хорошіе будутъ у насъ преимущественно друзьями хорошихъ, разъ они, ни будучи разлученными, не стремятся другъ къ другу, — они вѣдь и порознь довлѣютъ сами себѣ, — ни находясь вмѣстѣ, не имѣютъ нужды одинъ въ другомъ? И если такъ, то какимъ образомъ могутъ они высоко цѣнить другъ друга?

— Никоимъ образомъ, — сказалъ онъ. C.

— Не цѣня же высоко другъ друга, полагаю они не могутъ быть друзьями.

— Вѣрно.

— Подумай-ка, Лизисъ, отчего это мы бьемъ мимо? Ужъ не заблуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь вообще?

— Какимъ же это образомъ? — спросилъ онъ.

— Я уже какъ-то слышалъ отъ одного человѣка, и вотъ сейчасъ припоминаю, будто подобное съ подобнымъ, и хорошіе съ хорошими находятся въ самой сильной враждѣ; онъ и Гезіода приводилъ въ свидѣтели, утверждая, что конечно,

> Врагъ и гончаръ гончару, и рапсодъ враждебенъ рапсоду,
> Также и нищему нищій [16]).

да и все прочее, по его словамъ, что наиболѣе подобно одно D.
другому, непремѣнно точно такъ же исполняется взаимною злобой, ревностью и враждой, а что наименѣе подобно, — дружбой; а именно, бѣдный вынужденъ быть другомъ богатаго, слабый, — ради помощи, — другомъ сильнаго, боль-
ной другомъ врача, и всякій невѣжда, понятно, цѣнитъ и E.
любитъ человѣка знающаго; а дальше онъ еще великолѣпнѣе проводилъ свою мысль, говоря, что не только подобное совсѣмъ не можетъ дружить съ подобнымъ, но что должно быть какъ разъ обратное этому, именно самое противоположное всего болѣе дружитъ съ самымъ противоположнымъ, по тому что всякая вещь требуетъ противоположнаго себѣ, а не подобнаго: сухое — сырого, холодное — теплаго, горькое — сладкаго, острое — тупого, пустое требуетъ полноты, полное — пустоты, и все прочее, по его словамъ точно такъ же, потому что противоположное — пища

---

[16]) Дѣла и Дни, ст. 25: *καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ ἀοιδὸς ἀοιδῷ καὶ πτωχὸς πτωχῷ.*

противоположному, а подобное ничего не получаетъ отъ
216. подобнаго. И ужь конечно, мой другъ, говоря это, онъ казался человѣкомъ отмѣннаго ума; хорошо, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ! Ну а по вашему какъ?—спросилъ я.

— Такъ-то послушать оно хорошо, отвѣтилъ Менексенъ.

— Стало быть мы утверждаемъ, что противоположное въ самой сильной дружбѣ съ противоположнымъ?

— Утверждаемъ.

— Такъ,—сказалъ я.—Да развѣ это не странно, Менексенъ? Смотри, наши всесвѣтные мудрецы, эти спорщики [17]) обрадовавшись, бросятся на насъ и спросятъ:
B. развѣ вражда не противна всего болѣе дружбѣ? Что намъ отвѣчать имъ? Не придется ли согласиться, что они говорятъ правду?

— Непремѣнно.

— Такъ развѣ, скажутъ они, вражда уживается съ дружбой или дружба съ враждой?

— Ни то, ни другое,—сказалъ онъ.

— Ну а справедливость съ несправедливостью, или самообладаніе съ разнузданностью, или добро со зломъ?

— По моему нѣтъ.

— Но вѣдь если что-нибудь бываетъ съ чѣмъ-нибудь въ дружбѣ вслѣдствіе противоположности,—продолжалъ я,—то и этому всему необходимо быть въ дружбѣ.

— Необходимо.

— Значитъ ни подобное съ подобнымъ, ни противоположное съ противоположнымъ не находятся въ дружбѣ.

C. — Повидимому, нѣтъ.

— А еще вотъ что разсмотримъ; не прячется ли отъ насъ дружественное все дальше и дальше потому, что оно вовсе не есть одна изъ этихъ противоположностей, а вотъ когда что-нибудь не есть ни добро, ни зло, тутъ-то оно и бываетъ въ дружбѣ съ добромъ.

— Какъ это ты такое говоришь?—спросилъ тотъ.

— А ей-богу не знаю,—отвѣчалъ я,—въ самомъ дѣлѣ у меня самого голова пошла кругомъ отъ трудности на-

17) Утвержденіе о тѣснѣйшей связи и даже тождествѣ противуположнаго съ противуположнымъ принадлежало Гераклиту, имѣвшему многихъ учениковъ въ то время. Ученіе о враждѣ (*νεῖκος*) и дружбѣ (*φιλία*) какъ двухъ самостоятельныхъ началъ въ мірозданіи принадлежало Эмпедоклу. Слѣдовательно подъ мудрецами-спорщиками нѣтъ необходимости разумѣть софистовъ (въ тѣсномъ смыслѣ).

шего изслѣдованія, и того гляди, что, по старинному изреченію [18]), одно только прекрасное любезно намъ. По крайней мѣрѣ оно подобно чему-то нѣжному, гладкому и мягкому; вотъ почему, будучи чѣмъ-то въ этомъ родѣ, оно D.
и ускользаетъ отъ насъ съ такой легкостью. Я вѣдь утверждаю, что добро прекрасно; а ты не думаешь?

— Думаю.

— И вотъ я предполагаю, что прекрасному и доброму дружественно—то, что не есть ни добро, ни зло; а что я имѣю въ виду, говоря это, вотъ ты послушай. Мнѣ кажется, что существуетъ какъ бы три рода вещей: добро, зло и то, что не есть ни добро, ни зло; а тебѣ какъ?

— И мнѣ тоже, сказалъ онъ.

— И ни добро съ добромъ, ни зло со зломъ, ни
добро со зломъ не бываютъ въ дружбѣ, какъ и наше пре- E.
дыдущее разсужденіе не допускаетъ того. Остается, стало-быть, если только что-нибудь бываетъ съ чѣмъ-нибудь въ дружбѣ, чтобы то, что не есть ни добро, ни зло, было въ дружбѣ съ добромъ или съ тѣмъ, что ему подобно; потому что со зломъ-то едва ли что-нибудь можетъ дружить.

— Вѣрно.

— А вѣдь сейчасъ мы сказали, что и подобное съ подобнымъ не можетъ, не такъ ли?

— Да.

— Стало быть ни съ добромъ что-нибудь такое же, какъ оно само, не можетъ быть въ дружбѣ, ни со зломъ что-нибудь такое же, какъ оно само.

— Повидимому такъ.

— Выходитъ, стало быть, что дружба можетъ быть только съ добромъ и только у того, что не есть ни добро,
ни зло. 217.

— Необходимо, кажется.

— Ну и что же, дѣти,—продолжалъ я,—выводитъ ли насъ на вѣрный путь то, что мы теперь утверждаемъ? Представимъ себѣ здоровое тѣло,—конечно оно не нуждается во врачебной помощи; вѣдь ему и безъ того хорошо, такъ что ни одинъ здоровый человѣкъ не будетъ питать дружбы къ врачу по причинѣ здоровья, не такъ ли?

— Ни одинъ.

18) Взято изъ стиха Θеогнида: *ὅττι καλὸν φίλον ἐστὶ. τὸ δ' οὐ καλὸν οὐ φίλον ἐστίν*. Въ этомъ мѣстѣ и дальше, начиная сь 218 D мы переводимъ *φίλος* словомъ *любезный*.

— А больной, полагаю, будетъ,—по причинѣ болѣзни?

— Какъ же иначе?

— Но вѣдь болѣзнь—зло, а врачебное искусство что-то полезное и хорошее.

— Да.

B. — Тѣло же, только какъ тѣло,—ни добро, ни зло.

— Такъ.

— А благословлять и любить врачебное искусство тѣло бываетъ вынуждено по причинѣ болѣзни.

— Мнѣ кажется.

— Такимъ образомъ то, что не есть ни добро, ни зло, дружитъ съ добромъ по причинѣ присутствія зла.

— Повидимому.

— Но очевидно прежде, чѣмъ самому стать зломъ отъ зла, которымъ оно одержимо; потому именно, что, сдѣлавшись зломъ, оно вѣдь уже не можетъ стремиться къ добру и дружитъ съ нимъ, потому что, какъ мы говорили, не-

C. возможно, чтобы зло было въ дружбѣ съ добромъ.

— Правда, невозможно.

— Теперь разберите, что я вамъ скажу. Я утверждаю именно, что нѣкоторыя вещи бываютъ такими же, какъ и то, что имъ присуще, а другія нѣтъ. Напримѣръ если вздумаетъ кто-либо окрасить что-нибудь въ какой-нибудь цвѣтъ, то окрашенное приметъ этотъ цвѣтъ.

— Конечно.

— Ну а развѣ оно само-то будетъ тогда того же цвѣта, какой на немъ?

— Не понимаю,—сказалъ тотъ.

D. — Ну вотъ какъ,—сказалъ я:—если кто-нибудь выкраситъ твои золотые волосы бѣлилами, будутъ ли они тогда въ самомъ дѣлѣ бѣлыми, или только будутъ казаться такими?

— Только казаться,—сказалъ онъ.

— Но вѣдь бѣлизна-то будетъ въ нихъ присутствовать.

— Да.

— Хотя въ то же время они ничуть не будутъ отъ этого бѣлѣе, а несмотря на присутствіе бѣлизны, будутъ и не бѣлыми, и не черными. А вотъ, мой другъ, когда старость наведетъ на нихъ этотъ самый цвѣтъ, тогда они станутъ такими же, какъ и то, что имъ будетъ присуще: отъ присущей имъ бѣлизны будутъ бѣлыми.

E. — Не иначе!

— Вотъ объ этомъ-то я и спрашиваю: если что-нибудь присуще чему-нубудь, будетъ ли имѣющее (данное свойство) такимъ же, какъ и то (свойство), которое ему присуще, или же это будутъ въ томъ только случаѣ, если что-нибудь присуще извѣстнымъ образомъ, а если инымъ, то не будетъ?

— Скорѣе такъ,—сказалъ онъ.

— И значитъ иногда то, что не есть ни добро, ни зло, остается таковымъ, несмотря на присущее ему зло, иногда же и само становится зломъ.

— Конечно.

— Итакъ когда оно, несмотря на присутствіе зла, не стало еще зломъ, само это присутствіе зла заставляетъ его стремиться къ добру, а если дѣлаетъ его дурнымъ, то лишаетъ его стремленія и любви къ добру, потому что тогда это будетъ уже зло, а не то, что не есть ни зло, ни добро, а зло-то у насъ не дружило съ добромъ.

— Нѣтъ, разумѣется.

— Вотъ почему мы можемъ сказать, что тѣ, которые 218.
достигли мудрости, не любомудрствуютъ больше, будь это боги или люди; и точно такъ-же, съ другой стороны, тѣ, которыхъ невѣдѣніе сдѣлало уже дурными, потому что ни одинъ дурной человѣкъ и ни одинъ невѣжда не любитъ мудрости. Остаются, стало быть, такіе, которые, хотя и причастны этому злу, невѣжеству, но еще не потеряли всякій разумъ и пониманіе, а еще думаютъ, что они не знаютъ
того, чего не знаютъ. Вотъ почему и любятъ мудрость тѣ, B.
которые и не хороши, и не дурны, а дурные не любятъ мудрость, также и хорошіе, потому что ни противоположное не дружитъ съ противоположнымъ, ни подобное съ подобнымъ, какъ это оказалось изъ предыдущаго разсужденія; или не помните?

— Очень хорошо помнимъ,—сказали они.

— Итакъ, Лизисъ и Менексенъ,—продолжалъ я,—теперь мы окончательно нашли, въ чемъ заключается дружба. Мы утверждаемъ, именно, и относительно тѣла, и относительно души, и относительно всего вообще, что то, что не есть ни зло, ни добро, по причинѣ присутствія зла дружитъ съ добромъ.

C. Они согласились, что это такъ, и всячески стали подтверждать. Да я и самъ очень радовался, любуясь добычей, какъ какой-нибудь охотникъ. Но потомъ, не знаю откуда, нашло на меня какое-то досаднѣйшее подозрѣніе, а именно

что то, въ чемъ мы согласились, невѣрно; и опечаленный я тотчасъ же сказалъ имъ:

— Увы, Лизисъ и Менексенъ! Похоже, что мы нашли свой кладъ только во снѣ.

D. — А что такое?—спросилъ Менексенъ.

— Боюсь, отвѣтилъ я,—что, напавши на такое объясненіе дружбы, мы все равно что напали на хвастливыхъ людей.

— Почему же это?—спросилъ онъ.

— Вотъ на что посмотрите,—сказалъ я: если ктонибудь—другъ, чей-нибудь онъ другъ, или нѣтъ?

— Непремѣнно чей-нибудь.—отвѣчалъ онъ.

— Не ради чего-нибудь и не по какой-нибудь причинѣ, или же ради чего-нибудь и по какой-нибудь причинѣ?

— Ради чего-нибудь и почему-нибудь.

— При этомъ ему любезно то самое, ради чего онъ другъ кому-нибудь, или ни любезно, ни противно?

E. — Я что-то не поспѣваю за тобой,—сказалъ онъ.

— Оно и естественно,—замѣтилъ я;—но вотъ такъ ты будешь вѣроятно поспѣвать, да и самъ я, полагаю, лучше буду знать, о чемъ говорю. Мы сейчасъ говорили, что больной—другъ врача, не такъ ли?

— Да.

— Значитъ онъ другъ врача по причинѣ болѣзни и ради здоровья?

— Да.

— Ну а болѣзнь-то не есть ли зло?

— Не иначе.

— А здоровье,—продолжалъ я,—добро или зло? или ни то, ни другое?

— Добро.—отвѣтилъ онъ.

219. — Но вѣдь мы кажется говорили, что тѣлу, которое не есть ни добро, ни зло, по причинѣ болѣзни, то-есть по причинѣ зла, любезно врачебное искусство; а оно есть добро, и любезнымъ врачебное искусство становится ради здоровья; здоровье же—добро; не такъ ли?

— Да.

— Что же такое здоровье? то, что намъ любезно или нѣтъ?

— То, что любезно.

— А болѣзнь—то, что, противно.

— Конечно.

— Стало быть то, что не есть ни добро, ни зло, по B.
причинѣ зла и того, что противно, (оказывается) въ дружбѣ съ добромъ ради добра и того, что любезно.

— Повидимому.

— Стало быть дружественное бываетъ въ дружбѣ съ дружественнымъ ради того, что любезно и по причинѣ того, что противно.

— Очевидно.

— Хорошо,—продолжалъ я; тутъ уже, дѣти, будемъ внимательны, чтобы не ошибиться. Что дружественное оказалось въ дружбѣ съ дружественнымъ, и такимъ образомъ подобное оказывается въ дружбѣ съ подобнымъ, что по нашему было невозможно,—объ этомъ ужь я не буду говорить; а всетаки, чтобы наше разсужденіе не сбило насъ окончательно съ толку, посмотримъ вотъ на что. Врачеб- C.
ное искусство, говоримъ мы, любезно ради здоровья.

— Да.

— Ну и здоровье тоже любезно?

— Конечно.

— А если любезно, то ради чего-нибудь.

— Да.

— Ради чего-нибудь любезнаго, безъ сомнѣнія, если только хотимъ быть послѣдовательными.

— Конечно.

— Стало быть опять-таки и это любезное будетъ любезнымъ ради чего-нибудь любезнаго?

— Да.

— Ну и что же, если дальше идти такимъ образомъ, не придется ли неизбѣжно или отказаться отъ такого пути, или притти къ нѣкоторому началу, которое уже не будетъ зависѣть отъ чего-нибудь другого любезнаго,—къ тому, что D.
есть первое любезное, ради котораго и все другое мы считаемъ любезнымъ?

— Непремѣнно.

— Вотъ почему я говорю, какъ бы все другое, что мы считаемъ любезнымъ ради этого любезнаго, не ввело насъ въ заблужденіе, будучи какъ бы его отраженіемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ существуетъ только это первое, которое по истинѣ любезно. Въ самомъ дѣлѣ подумаемъ такъ: если кто-нибудь ставитъ что-нибудь очень высоко, напримѣръ если отецъ, какъ иногда случается, почитаетъ своего сына выше всего остальнаго, будетъ ли

такой отецъ такъ же высоко цѣнитъ что-нибудь другое
E. именно потому, что онъ сына считаетъ выше всего? Напримѣръ, узнавши что его сынъ выпилъ яду, пожалѣетъ ли онъ для него вина, если только найдетъ, что вино можетъ спасти сына?

— Съ какой же стати?—сказалъ онъ.

— Не пожалѣетъ стало быть, и сосуда, въ которомъ находится вино?

— Конечно.

— Развѣ онъ тогда одинаково будетъ цѣнить: глиняную кружку и собственнаго сына, или: три мѣрки вина и сына? Иначе говоря, въ подобныхъ случаяхъ всячески хлопочутъ не о тѣхъ вещахъ, которыя изобрѣтаются
220. всѣ ради чего-нибудь, а о томъ, ради чего изобрѣтаются такія вещи. Правда мы не рѣдко говоримъ, что высоко цѣнимъ золото и серебро; тѣмъ не менѣе это ничуть невѣрно, а цѣнимъ мы высоко такіе предметы, ради которыхъ добываемъ и золото и все прочее, что мы только добываемъ. Не такъ ли скажемъ?

— Конечно.

— Не скажемъ ли мы, стало быть, того же самаго
B. и о дружбѣ! Пока мы будемъ утверждать, что что-нибудь любезно намъ ради чего-нибудь другого любезнаго, это будутъ одни слова, а по истинѣ любезнымъ будетъ то самое, къ чему сводится все, что называется любезнымъ.

— Похоже, что такъ,—сказалъ онъ.

— Стало быть въ самомъ дѣлѣ-то любезное любезно не ради чего-нибудь любезнаго?

— Вѣрно.

— Съ этимъ, значитъ, у насъ покончено: любезное бываетъ любезнымъ не ради чего-нибудь любезнаго. Но любезно ли намъ добро?

— По моему—да.

— Такъ не любимъ ли мы добро по причинѣ зла, и
C. не будетъ ли такъ: если изъ трехъ родовъ вещей, о которыхъ мы только что говорили: добра, зла и того, что не есть ни добро, ни зло,—два рода вещей останутся, а зло уйдетъ совсѣмъ и не будетъ касаться ничего, ни тѣла, ни души, ни всего прочаго, что само по себѣ, какъ мы говорили, не есть ни зло, ни добро,—развѣ тогда добро не станетъ безполезнымъ для насъ, а будетъ къ чему-нибудь годиться? Когда уже ничто не будетъ вредить намъ и мы не

будемъ нуждаться ни въ какой помощи, тогда безъ сомнѣнія и станетъ ясно, что мы цѣнили и любили добро по причинѣ зла, какъ если-бы добро было лѣкарствомъ отъ зла, а зло — болѣзнью; но разъ нѣтъ болѣзни, то нѣтъ нужды и въ лѣкарствѣ. Не такова ли именно природа добра и не любимъ ли мы его по причинѣ зла, мы, находящіеся посреди добра и зла, само же по себѣ оно не оказываетъ никакой пользы? D.

— Кажется это такъ,—сказалъ тотъ.

— Значитъ то любезное, къ которому сводится все прочее, что мы называли любезнымъ ради другого любезнаго, не похоже-таки на все это, потому что это все называется любезнымъ ради чего-нибудь любезнаго, а въ самомъ дѣлѣ любезное совсѣмъ обратно этому по своей природѣ; оно вѣдь у насъ оказывается любезнымъ ради противнаго, а если противное уйдетъ, то оно повидимому уже не будетъ любезнымъ намъ. E.

— Мнѣ кажется, не будетъ,—сказалъ онъ,—судя по тому, что мы теперь говоримъ.

— Скажите, ради Зевса,—продолжалъ я,—ежели зло погибнетъ, то не будетъ ни голода, ни жажды, ни чего-либо подобнаго? Или голодъ-то хотя и будетъ, пока существуютъ люди и прочія животныя, только онъ не будетъ 221.
вреденъ? И жажда и другія влеченія будутъ, только въ нихъ не будетъ никакого зла, коли зло погибло? Или, можетъ быть, смѣшонъ этотъ вопросъ, что тогда будетъ или чего не будетъ? Кому это, въ самомъ дѣлѣ, извѣстно? А вотъ это, по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что и теперь, иногда бываетъ такъ, что голодающій терпитъ вредъ, а иногда и такъ, что получаетъ пользу; не правда ли?

— Конечно.

— Значитъ и желающій пить и желающій прочаго подобнаго иногда желаетъ къ пользѣ для себя, а иногда ко вреду, иногда же ни къ пользѣ, ни ко вреду. B.

— Ну само собой!

— А потому, если погибнетъ все дурное, съ какой стати то, что не оказывается дурнымъ, должно будетъ погибнуть вмѣстѣ съ дурнымъ?

— Ни съ какой.

— Стало быть желанія ни хорошія, ни дурныя останутся и тогда, когда все дурное погибнетъ.

— Повидимому.

— Ну а возможно ли, чтобы желающій чего-нибудь и любящій что-нибудь не былъ дружественъ къ тому, чего онъ желаетъ и что любитъ?

C. — По моему невозможно.

— Значитъ повидимому и послѣ гибели всего дурного будетъ какая-то дружба.

— Да.

— А еслибы зло то было причиною дружбы, то по его исчезновеніи не было бы одно съ другимъ въ дружбѣ, потому что по исчезновеніи причины невозможно оставаться тому, что было по самой этой причинѣ.

— Правильно говоришь.

— А не согласились ли мы, что если что-нибудь дружественно, то оно любитъ что-нибудь и по причинѣ чего-нибудь; и тогда-то мы думали, что по причинѣ зла то, что не есть ни добро, ни зло, любитъ добро.

— Вѣрно.

— Теперь же у насъ оказывается какъ-будто другая причина для того, чтобы любить и быть любимымъ.

D. — Повидимому.

— Такъ не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ, какъ мы сейчасъ говорили, желаніе причиной дружбы и желающее въ дружбѣ съ тѣмъ, чего оно желаетъ и тогда именно, когда желаетъ, а то, что мы прежде называли дружбой, не оказывается ли какимъ-то наборомъ словъ въ родѣ тѣхъ поэмъ, что сочиняются въ честь Кроноса? [19])

— Пожалуй,—сказалъ онъ.

— Но вѣдь желающее,—продолжалъ я,—желаетъ, полагаю, того, чего ему недостаетъ, не такъ ли?

— Да.

E. — Стало быть то, чему недостаетъ чего-нибудь, въ дружбѣ съ тѣмъ, чего ему недостаетъ?

— Мнѣ кажется.

— Недостаетъ же того, что *отнято*.

— А то какъ же?

— Такъ значитъ къ *своему* [20]) бываетъ и любовь и дружба, и желаніе—какъ мнѣ кажется, Менексенъ и Лизисъ.

---

[19]) *ποίημα μακρὸν συγκείμενον*; другіе вмѣсто *μακρόν* предполагаютъ *μάτην*, но и то, и другое одинаково тяжело и неудобопонятно; Мадвигъ остроумно возстановилъ текстъ: *ποίημα Κρόνῳ συγκείμενον*.

[20]) *Τοῦ οἰκείου δή, ὡς ἔοικεν, ὅ τε ἔρως καὶ ἡ φιλία καὶ ἡ ἐπιθυμία τυγχάνει οὖσα.* Игра словъ *ἀφαιρῆται—τοῦ οἰκείου*: что отнято, то—свое, потому что то, что мнѣ не свое, не принадлежитъ мнѣ, то не можетъ быть у меня и похищено.

Они согласились.

— А потому, если вы друзья между собою, то вы *свои* другъ другу по природѣ.

— Понятно,—сказали они.

— Итакъ, дѣти,—продолжалъ я,—если одинъ другого 222.
желаетъ и любитъ, то это потому, что одинъ другому свой по духу, или по какой-нибудь душевной особенности, по характеру или по складу, а иначе онъ и не желалъ бы, и не любилъ бы, и не былъ бы другомъ.

— Конечно, — сказалъ Менексенъ, а Лизисъ промолчалъ.

— Хорошо — сказалъ я; значитъ мы находимъ, что по природѣ „свое" необходимо бываетъ въ дружбѣ.

— Повидимому.

— Слѣдовательно необходимо, чтобы любимецъ любилъ того, кто его истинно и непритворно любитъ.

Лизисъ и Менексенъ — тѣ съ трудомъ какъ-то согла- B.
сились на это, Гиппоѳалъ же отъ удовольствія то блѣднѣлъ, то краснѣлъ [21]). А я, желая разсмотрѣть это подробнѣе, сказалъ.

— Если „свое" отличается чѣмъ-нибудь отъ подобнаго, то мнѣ кажется, Лизисъ и Менексенъ, что мы опредѣлили, что̀ такое дружба, а случись, что „свое" и подобное одно и тоже, тогда не легко намъ будетъ отбросить прежнія наши слова, что подобное, по самому подобію, безполезно для подобнаго; считать же безполезное дружественнымъ — нескладно. Такъ не хотите ли, разъ ужь мы C.
какъ бы опьянѣли отъ этого разговора, единодушно утверждать, что „свое" не то, что подобное?

— Конечно.

— Ну и что же, станемъ ли мы утверждать, что добро всему „свое" а зло всему чуждо, или же, скорѣе, что зло свое злу, а добро—добру; тому же, что не есть ни добро, ни зло, свое то, что не есть ни добро, ни зло?

По ихъ мнѣнію, сказали они, именно такъ и есть, что одно бываетъ своимъ для одного, другое—для другого [22]).

---

[21]) Гиппоѳалъ, до небесъ превозносившій Лизиса и весь родъ его, теперь приходитъ въ восторгъ, слыша, что его влеченіе къ Лизису должно свидѣтельствовать о его сродствѣ съ боготворимымъ юношей и о необходимости для Лизиса отвѣчать ему, Гиппоѳалу, взаимностью.

[22]) *ἕκαστον ἑκάστῳ οἰκεῖον εἶναι*—букв. что каждый каждому есть свой.

D. — Значитъ, дѣти,—продолжалъ я,—мы снова напали на тѣ самыя мысли о дружбѣ, которыя раньше отвергли; вѣдь такимъ образомъ несправедливый съ несправедливымъ и дурной съ дурнымъ ничуть не менѣе будутъ въ дружбѣ, чѣмъ хорошій съ хорошимъ.

— Повидимому, — сказалъ онъ.

— Ну а говоря, что доброе и „свое" одно и то же, не говоримъ ли мы, что только добрый бываетъ въ дружбѣ съ добрымъ?

— Конечно.

— Но вѣдь намъ казалось, что мы и это сами же опровергли; или не помните?

— Помнимъ.

E. — Что же намъ остается дѣлать съ нашимъ разсужденіемъ? Не ясно ли, что ничего? Такъ уже мнѣ приходится, подобно искуснымъ ораторамъ на судѣ, взять назадъ все раньше сказанное; потому что, если ни любящіе ни любимые, ни подобные, ни различные, ни добрые, ни родственные, ни всѣ прочіе, сколько ихъ ни прошло передъ нами, — отъ множества я ужъ всего и не припомню,—если ничто изъ этого не дружественно, то я ужъ и не знаю, что сказать.

223. Проговоривъ это, я уже намѣревался затронуть когонибудь изъ старшихъ, но тутъ, какъ демоны какіе-то, приблизились къ намъ дядьки, Менексеновъ и Лизисовъ, держа при себѣ ихъ братьевъ, и съ крикомъ приказывая имъ возвращаться домой, потому что уже было поздно. Сначала и мы, и стоявшіе возлѣ насъ пробовали отгонять ихъ, но въ виду того, что они не обращали на насъ ни-
B. какого вниманія, а продолжали кричать, выражая ломанымъ языкомъ [23]) свое негодованіе, причемъ намъ казалось, что, выпивши по случаю Гермій, они недоступны уговорамъ, въ виду всего этого мы уступили имъ и прекратили бесѣду. Всетаки, когда они уже уходили, я сказалъ еще: теперь, Лизисъ и Менексенъ, мы оказались въ смѣшномъ положеніи, и я, старый человѣкъ, и вы; вотъ они пойдутъ и будутъ говорить, что мы думаемъ, что мы друзья,—я вѣдь и себя причисляю къ вамъ, — а найти что такое другъ, мы оказались еще не въ состояніи.

---

[23]) Педагогами, или дядьками при маленькихъ дѣтяхъ, были по большей части рабы—чужестранцы, взятые въ плѣнъ на войнѣ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ЛИЗИСѢ.

I.

Въ этомъ сократическомъ діалогѣ мы видимъ первый, незрѣлый набросокъ той темы, которая потомъ съ такимъ обиліемъ художественныхъ частностей развита Платономъ въ *Пиршествѣ* (и отчасти въ *Фэдрѣ*). Что нашъ діалогъ представляетъ существенныя черты сходства съ двумя названными,—было замѣчено еще Астомъ, который вывелъ отсюда неожиданное заключеніе, что *Лизисъ* есть намѣренная поддѣлка неизвѣстнаго автора подъ платоновы діалоги *Фэдръ* и *Пиршество*. Какъ доказать, что живая почка розы, не привлекательная ни блескомъ красокъ, ни ароматомъ, ни изяществомъ очертанія, всетаки близка къ дѣйствительной розѣ и не имѣетъ ничего общаго съ искусственнымъ цвѣткомъ изъ воска или фарфора?

Считая діалогъ *Лизисъ* со стороны его содержанія подлиннымъ зародышемъ *Фэдра* и *Пиршества*, я постараюсь послѣ разбора этихъ двухъ совершеннѣйшихъ Платоновыхъ твореній показать дѣйствительное отношеніе къ нимъ и этого сократическаго наброска. А пока ограничусь тѣмъ немногимъ, что должно сказать о *Лизисѣ* въ томъ видѣ, каковъ онъ есть, безотносительно къ дальнѣйшему развитію Платонова творчества. И сначала два слова по вопросу о подлинности. Никакихъ серьезныхъ *специфическихъ* возраженій противъ нея, насколько я знаю, не было представлено,—она отвергается или въ силу общаго взгляда на сократическіе діалоги какъ подложные, или во всякомъ случаѣ не принадлежащіе Платону [1]), или же на

---

[1]) Слѣдуетъ различать эти два понятія: въ списокъ платоновыхъ твореній могли съ теченіемъ времени, помимо прямыхъ подлоговъ, попасть по невольной ошибкѣ и произведенія такихъ авторовъ, которые вовсе и не думали надѣвать на себя личину Платона.

основаніи субъективной оцѣнки этого діалога, какъ недостойнаго принадлежать Платону по ребяческому, поверхностному характеру аргументаціи, связанной съ двусмысленнымъ и во всякомъ случаѣ недостаточно отчетливымъ употребленіемъ извѣстныхъ словъ.

Всякій читатель, конечно, замѣтилъ, что *Лизисъ* не безгрѣшенъ со стороны логики, и нѣтъ возможности,—какъ дѣлаетъ Штальбаумъ, защищающій нашъ діалогъ, снять съ автора всѣ эти грѣхи, признавая ихъ лишь за издѣвательство надъ софистами. Особой цѣли вести полемику съ софистами, или насмѣхаться надъ ними (какъ въ *Евтидемѣ*, или въ *Гиппіи*) нашъ діалогъ вовсе не имѣетъ: въ немъ никакого софиста и не выведено. Разговариваетъ Сократъ лишь съ нѣсколькими подростками, которые никакъ не могли искать въ его словахъ какихъ-то заднихъ мыслей по адресу неинтересныхъ для нихъ софистовъ, а все, что онъ говорилъ должны были принимать за чистую монету. Еслибы, обращаясь къ такимъ собесѣдникамъ, Сократъ нарочно прибѣгалъ къ софизмамъ вмѣсто настоящихъ аргументовъ, то неужели это была бы Сократовская иронія? Не значило ли бы это только „соблазнять малыхъ сихъ",—что выходило бы похоже на Сократа лишь въ представленіи Анита и Мелита, а никакъ не на Сократа историческаго и еще менѣе на того идеализованнаго Сократа, котораго изображалъ Платонъ, въ принадлежности которому нашего діалога Штальбаумъ не сомнѣвается.

Ни на чемъ не основанное предположеніе о полемическихъ намѣреніяхъ *Лизиса* относительно софистовъ становится совершенно невѣроятнымъ въ виду того факта, что единственный разъ, когда въ этомъ діалогѣ встрѣчается слово *софистъ*, оно употреблено Сократомъ въ смыслѣ похвалы безо всякаго признака ироніи. Именно (204), когда на вопросъ Сократа, кто учитъ въ палэстрѣ?—Гиппоѳалъ отвѣчаетъ: да твой же пріятель и *хвалитель*, Миккъ,—Сократъ называетъ этого Микка не плохимъ мужемъ и изряднымъ софистомъ (*διδάσκει δε τίς αὐτόθι; Σός ἑταῖρός τε, ἦ δ᾽ ὅς, καὶ ἐπαινέτης, Μίκκος. Μὰ Δί᾽, ἦν δ᾽ἐγώ, οὐ φαῦλός γε ἀνήρ, ἀλλ᾽ ἱκανός σοφιστής*).

Скрытой цѣли осмѣянія софистовъ *Лизисъ* имѣть не могъ, явная же цѣль этого, какъ и всѣхъ прочихъ Сократическихъ (въ тѣсномъ смыслѣ) діалоговъ, состояла въ обнаруженіи (нравственной) истины отрицательнымъ путемъ—чрезъ разоблаченіе ложныхъ, или недостаточныхъ мнѣній о ней. Само собою разумѣется при этомъ, что по смыслу такой методы различныя

опредѣленія, сначала допускаемыя, а потомъ опровергаемыя Сократомъ, не могутъ быть приписываемы ему самому, или говорящему въ его лицѣ Платону, какъ ихъ собственныя, а берутся лишь какъ возможныя предположенія, которыя большею частью дѣйствительно кѣмъ нибудь высказывались, между прочимъ и различными софистами, изъ чего никакъ не слѣдуетъ, чтобы при разборѣ и опроверженіи этихъ мнѣній Сократъ (дѣйствительный, или платоновскій—все равно) могъ допускать завѣдомо фальшивые аргументы.

Для того, чтобы условно допущенныя ложныя мнѣнія могли служить средствомъ приближенія къ желанной истинѣ, самое ихъ обсужденіе необходимо должно быть (въ намѣреніи и сознаніи автора) безусловно правильнымъ и вѣрнымъ.

Поэтому если Сократъ нашихъ діалоговъ впадаетъ въ своей собственной аргументаціи въ болѣе или менѣе крупныя погрѣшности, то приходится видѣть здѣсь дѣйствительныя логическія ошибки Платона, если только признавать его авторомъ этихъ діалоговъ.

Основаніемъ же для сомнѣнія или отрицанія подлинности этихъ діалоговъ такія ошибки никакъ служить не могутъ, потому что тогда, строго говоря, пришлось бы отвергнуть и всѣ прочіе діалоги, такъ какъ логическіе недостатки аргументаціи можно указать почти во всѣхъ произведеніяхъ Платона,—въ однихъ больше, въ другихъ меньше. И какое же отсюда можно извлечь опредѣленное мѣрило подлинности? Какое требуется количество логическихъ промаховъ, чтобы признать діалогъ недостойнымъ Платона? Я думаю, что критика, которая сама захочетъ остеречься отъ логическихъ промаховъ, чтобы оставаться достойною своей задачи, не можетъ идти здѣсь далѣе того скуднаго, но за то совершенно достовѣрнаго указанія, чтовъ лучшихъ, или болѣе зрѣлыхъ, діалогахъ логическія погрѣшности крайне рѣдки, а слѣдовательно тотъ діалогъ, который отличается ихъ обиліемъ, не можетъ быть отнесенъ къ числу лучшихъ или зрѣлыхъ произведеній Платона, что ясно само по себѣ да и находитъ подтвержденіе во внѣшнихъ данныхъ, насколько такія у насъ имѣются.

II.

Хотя Аристотель не ссылается прямо на *Лизиса*,—опредѣленныя ссылки на предшественниковъ были несвойственны писателямъ того времени вообще и Аристотелю въ особенности,—но что этотъ діалогъ былъ ему хорошо извѣстенъ и что

онъ не считалъ его подложнымъ, это ясно видно изъ слѣдующихъ мѣстъ въ трехъ этическихъ сочиненіяхъ Стагирита: Eth. Nicom. VIII, c.1. 2. 10.—Magn. Moral. II, 11.—Eth ad. Eudem. VII. c. 1. 2. 5. Кромѣ того, что вопросы и положенія относительно *φιλία* формулированы здѣсь совершенно такъ же, какъ въ *Лизисѣ*—повторяются и тѣже цитаты изъ поэтовъ, именно:

αἰεί τοι τὸν ὁμοῖον ἄγει ϑεός ὡς τὸν ὁμοῖον,

далѣе:

καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ αοιδὸς ἀοιδῷ
καὶ πτωχός πτωχῷ.

а также:

κοινά τὰ φίλων.

Рѣшающее значеніе аристотелевыхъ главъ о *φιλία* по отношенію къ нашему діалогу достаточно убѣдительно показано Шлейермахеромъ, который впрочемъ ошибочно полагаетъ, что Платонъ въ *Лизисѣ* хотѣлъ дополнить діалектическимъ разъясненіемъ то миѳологическое изображеніе дружбы или любви, которое дано имъ въ *Федрѣ*. Этотъ странный взглядъ, дѣлающій изъ ранняго наброска дополненіе или придатокъ къ позднѣйшей, болѣе зрѣлой и полной обработкѣ того же предмета, связанъ съ основною ошибкою Шлейермахера, заранѣе признавшаго въ *Федрѣ* первое произведеніе Платонова творчества, заключающее въ себѣ какъ бы проэктъ или планъ всего дальнѣйшаго. Къ дѣйствительному отношенію между *Лизисомъ* и *Федромъ* мы еще вернемся при разборѣ послѣдняго діалога.

Такъ какъ подлинность *Лизиса* можетъ считаться установленною авторитетомъ Аристотеля, то можно придать значеніе и сохраненному у Діогена Лаэртія (III, 35) древнему свидѣтельству, которое само по себѣ, конечно, не обладало бы бóльшею достовѣрностью, чѣмъ другіе подобные анекдоты, относящіеся къ біографіи Платона. Я разумѣю извѣстный разсказъ о томъ, что Сократъ, слушавшій *Лизиса* въ чтеніи Платона. воскликнулъ: о Гераклъ, какъ много навираетъ на меня этотъ юноша! (*φασὶ δέ καὶ Σωκράτην ἀκούσαντα τὸν Λύσιν ἀναγιγνώσκοντος Πλάτωνος,—Ἡράκλεις, εἰπεῖν, ὡς πολλά μου καταψεύδεται ὁ νεανίσκος*).

Такъ какъ большинство критиковъ по основаніямъ, которыя я считаю недостаточными (см. объ этомъ ниже, въ слѣдующемъ *Разсужденіи*) принимаютъ за несомнѣнное, что Платонъ не писалъ діалоговъ при жизни Сократа, то, разумѣется,

этотъ разсказъ признается ими недостовѣрнымъ; но помимо такого предвзятаго и ничѣмъ положительнымъ не оправданнаго мнѣнія, въ этомъ разсказѣ самомъ по себѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, или несогласнаго съ извѣстными намъ данными. Не идя такъ далеко, какъ Штальбаумъ, считающій этотъ анекдотъ совершенно несомнѣннымъ, должно во всякомъ случаѣ согласиться съ замѣчаніемъ этого критика, что слова, приписанныя Сократу, не имѣютъ того смысла, чтобы онъ безусловно осуждалъ содержаніе *Лизиса* и отрекался ото-всего, сказаннаго тамъ подъ его именемъ,—а означаютъ, что кое что тамъ онъ призналъ за свое, а многое другое — нѣтъ (Quod... Socrates narratur exclamavisse *ὡς πολλά μου καταψεύδεται ὁ νεανίσκος* id ipsum docet nonnulla certe placita sua ei visa esse in hoc sermone expressa exstare; plurima autem ita disputata esse, ut ab ipsius sententia abhorrerent)—что и соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣла.

III.

Діалогъ *Лизисъ* представляетъ подобную же, хотя и меньшую трудность, какъ и діалогъ *Хармидъ*, — именно при переводѣ греческаго слова, обозначающаго главный предметъ разговора. Впрочемъ причина трудности здѣсь противоположная. Тамъ являлось слово позднѣйшаго образованія, произведеніе уже развитаго и самоопредѣлившагося греческаго сознанія, и трудность состояла въ томъ, чтобы—если не передать въ полнѣ, что невозможно, то по крайней мѣрѣ—не пойти слишкомъ наперекоръ своеобразной особенности именно эллинскаго представленія, выразившейся въ этомъ словѣ—*σωφροσύνη*. Напротивъ того, слово *φιλία* выражаетъ понятіе весьма общее и первобытное, и трудность перевода зависитъ здѣсь отъ того, что широкое содержаніе этого понятія или осталось у древнихъ грековъ при этомъ словѣ въ слитномъ, неопредѣленномъ состояніи, или же расчленилось у нихъ въ другихъ степеняхъ и направленіяхъ, чѣмъ у народовъ болѣе поздней культуры. Такъ главнымъ образомъ понятіе дружбы въ отличіе отъ любви не получило по гречески достаточнаго выраженія, и оба понятія остались слитыми въ словѣ *φιλία*, тогда какъ въ другихъ языкахъ явились для этого два слова: или—какъ въ славянскихъ и германскихъ—отъ различныхъ корней (любовь—дружба; милосць—пшыязнь; Liebe—Freundschaft; love—friendship), или—какъ въ латинскомъ и романскихъ—съ помощью суффиксовъ къ тому же видоизмѣненному корню (amor—amicitia; amour—amitié). Отъ

греческаго *ἑταῖρος* не образовалось отвлеченнаго существительнаго какъ отъ другъ—дружба, Freund — Freundschaft; а *ἑταῖρος* только повидимому соотвѣтствуетъ нашему другъ (*ἕτερος*— другой), а на самомъ дѣлѣ выражаетъ обыкновенно лишь внѣшнее соціальное отношеніе (товарищъ, коллега, однокашникъ, собутыльникъ), а не внутреннее, личное чувство.

Если къ свойственной греческому языку слитности понятій любви и дружбы въ словѣ *φιλία* присоединить общую этому языку съ большинствомъ другихъ недостаточную расчлененность между различными значеніями самой любви (такъ рядомъ съ чувствами чисто—нравственнаго порядка и съ естественными инстинктивными связями существъ, могущими получить нравственный характеръ, тоже самое слово въ большей части языковъ примѣняется и къ простымъ физіологическимъ вкусамъ и житейскимъ расположеніямъ: люблю икру, не люблю устрицъ, люблю гулять по утрамъ и т. п.),—можно себѣ представить, какой получится діалектическій хаосъ у мышленія, уже начавшаго разбирать свое содержаніе, но при этомъ еще не распоряжающагося словомъ какъ необходимымъ, могучимъ и прекраснымъ *орудіемъ*, а подчиняющагося ему какъ безконтрольному *руководителю*. Такой хаосъ мы и видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Лизиса, гдѣ при рѣшеніи вопроса о дружбѣ (*φιλία*) говорится безразлично о дружбѣ, или любви къ дѣтямъ, къ лошадямъ и собакамъ, къ гимнастикѣ, къ мудрости и къ вину. Если бы въ настоящее время, или хотя бы вообще послѣ Аристотеля, кто нибудь въ этическомъ разсужденіи сталъ бы смѣшивать всѣ эти значенія, то слѣдовало бы признать здѣсь намѣренную софистику. Но въ эпоху Сократа и *начинающаго* Платона такая смѣсь понятій могла происходить просто отъ неискусства мышленія только овладѣвающаго, но еще не овладѣвшаго своими логическими формами.

IV.

И этотъ сократическій діалогъ подобно предъидущему, гораздо богаче содержаніемъ, нежели можно подумать, судя по инымъ образчикамъ діалектическаго лепета, поражающаго своею наивностью и неумѣлостью. Къ понятію добродѣтели, какъ знанія=искусства (*ἐπιστήμη=τέχνη*)—понятію, развивавшемуся въ нѣсколькихъ, помѣщенныхъ выше, сократическихъ діалогахъ,—присоединяется здѣсь другое начало, или другой производитель добра—именно личное чувство дружбы=любви

(*φιλία*). Изъ данныхъ, неопредѣленныхъ и смѣшанныхъ, явленій этого чувства вылущить такъ сказать его нравственную сущность—вотъ очевидная задача *Лизиса*, получившаго съ этой стороны лучшій комментарій въ указанныхъ мѣстахъ трехъ этическихъ сочиненій Аристотеля.

Дружба берется Сократомъ сначала какъ случайное явленіе житейскаго опыта—какъ особый личный вкусъ, или естественная склонность среди другихъ такихъ же.—Одни имѣютъ страсть къ лошадямъ, или къ собакамъ, другіе къ золоту, третьи къ почестямъ, а я, говоритъ Сократъ, равнодушенъ ко всему этому, но съ дѣтства страстно желалъ имѣть друзей, и за настоящаго друга отдалъ бы любую собаку, любую лошадь и все золото Дарія да—еслибы кому понадобилось—и самого Дарія въ придачу *). При такомъ влеченіи къ дружбѣ Сократъ по его словамъ все еще не знаетъ, чтó такое собственно дружба и какимъ образомъ пріобрѣтаются друзья, и желалъ бы это себѣ выяснить съ помощью своихъ юныхъ собесѣдниковъ.

Заранѣе извѣстно о дружбѣ только то, что она есть нѣкоторая склонность одного къ другому. Чѣмъ же опредѣляется эта склонность? Сократъ приводитъ утвержденіе нѣкоторыхъ поэтовъ (Гомера) и нѣкоторыхъ мудрецовъ (Анаксагора) что подобное непремѣнно всегда въ дружбѣ съ подобнымъ (*ὅτι το ὅμοιον τῷ ὁμοίῳ ἀνάγκη ἀεὶ φίλον εἶναι*). Если такъ, то дурные люди не могутъ быть ни съ кѣмъ въ дружбѣ, потому что они даже сами себѣ никогда не остаются подобными, но бываютъ непостоянны и неустойчивы. Значитъ въ дружбѣ могутъ быть только хорошіе съ хорошими. Такимъ образомъ въ понятіе дружбы введено начало этическое: дѣло не въ подобіи, а въ добромъ качествѣ тѣхъ, кого соединяетъ дружба. Но тутъ является трудность. Дружба несомнѣнно связана съ *потребностью* одного въ другомъ; а между тѣмъ—развѣ, поскольку

---

*) О самомъ Даріѣ здѣсь упомянуто, конечно, лишь ради смѣха, но почему говорится о золотѣ именно Дарія, а не кого нибудь изъ прочихъ персидскихъ царей? Если это не простая случайность, то можетъ быть связано съ распространенностью въ Греціи (черезъ малоазіатскую торговлю) персидскихъ золотыхъ монетъ стараго чекана съ изображеніемъ Дарія, которыя назывались *дарейками* и были тогда такъ же популярны на эллинскомъ Западѣ, какъ теперь *набóлео* популярны на арабскомъ Востокѣ. А понимать здѣсь *τὸ Δαρείου χρυσίον* какъ богатство собственно Дарія было бы, пожалуй, не совсѣмъ складно, такъ какъ во время бесѣды этотъ царь давно умеръ и ничѣмъ больше не владѣлъ; въ бесѣдѣ же съ *дѣтьми* Сократъ долженъ былъ (и видимо старается въ изображеніи Платона) держаться простыхъ и *наглядныхъ* представленій.

хорошій—хорошъ, съ него не довольно его самого? (*Τίδὲ; οὐχ ὁ ἀγαθός, καθ' ὅσον ἀγαθός, κατὰ τοσοῦτον ἱκανός ἂν εἴη αὑτῷ*) Оказывается такимъ образомъ, что если дурной человѣкъ ниже истинной дружбы, то хорошій, т.-е. обладающій добромъ,—выше ея, довлѣя себѣ и ни въ чемъ другомъ не нуждаясь. Ясно отсюда, что дружба, какъ состояніе *среднее* между добромъ и зломъ, свойственна людямъ, *становящимся* добрыми. Здѣсь мы видимъ зачаточное, незрѣлое выраженіе для той мысли о дѣйствительности какъ чемъ-то среднемъ, переходномъ между совершеннымъ бытіемъ и его отрицаніемъ,—мысли, которая въ *Софистѣ* и *Парменидѣ* находитъ себѣ діалектическое обоснованіе, а въ *Пиршествѣ* — блестящіе художественные образы.

Не лишена интереса и послѣдняя діалектическая ступень, которая достигается въ *Лизисѣ*: мѣсто понятія *подобія* (*τὸ ὅμοῖον*) заступаетъ понятіе *своего* (*τὸ οἰκεῖον*). По существу—какъ переходъ отъ внѣшняго опредѣленія къ болѣе внутреннему—это есть, конечно, нѣкоторый успѣхъ мысли, хотя способъ какимъ производится самый переходъ не можетъ быть названъ глубокомысленнымъ. Вотъ вкратцѣ этотъ, довольно типичный, образчикъ ранней платоновской діалектики. Дружба есть *желаніе*, или стремленіе (*ἐπιθυμία*), но желать можно только того, *что недостаетъ* (*τὸ ενδεές*); а чувствовать что нибудь какъ недостающее, т.-е. страдать отъ его отсутствія можно только, если оно прежде присутствовало, но было *отнято*; отнято же можетъ быть только *свое*;—слѣдовательно дружба можетъ быть только между тѣми, кто другъ другу по природѣ „свои". т.-е. имѣютъ душевное сродство, выражающееся въ нравахъ, способахъ жизни и образѣ дѣйствія (*τῷ ὄντι... ἡ ἐπιθυμία τῆς φιλίας αἰτία, καὶ τὸ ἐπιθυμοῦν φίλον ἐστὶ τούτῳ οὗ ἐπιθυμεῖ, καὶ τότε, ὅταν ἐπιθυμῇ... τό γε ἐπιθυμοῦν, οὗ ἄν ἐνδεές ᾖ, τούτου ἐπίθυμεῖ... Ἐνδεές δὲ γίγνεται οὗ ἂν τις ἀφαιρῆται... Τοῦ οἰκεῖου δη... ὅ τε ἔρως καὶ ἡ φιλία καὶ ἡ ἐπιθυμία τυγχάνει οὖσα... Ὑμεῖς ἄρα εἰ φίλοι ἐστον ἀλλήλοις, φύσει πῃ οἰκεῖοί ἐσθ' ὑμῖν αὐτοῖς... Καὶ εἴ ἄρα τις ἕτερος ἑτέρα ἐπιθυμεῖ... ἢ ἐρᾷ, οὐκ ἄν ποτε ἐπεθύμει οὐδὲ ἤρα οὐδὲ ἐφίλει, εἰ μὴ οἰκεῖός πῃ τῷ ἐρωμένῳ ἐτύγχανεν ὤν ἢ κατὰ τὴν ψυχήν ἢ κατά τι τῆς ψυχῆς ἦθος ἢ τρόπους ἢ εἶδος*).

Если устранить здѣсь игру словъ „недостающее"—„отнятое"—„свое", то получится вѣрное общее опредѣленіе дружбы—любви (*φιλία*), какъ стремленія къ нравственному возсоединенію двухъ существъ, внѣшнимъ образомъ раздѣленныхъ, но внутренно между собою сродныхъ, восполняющихъ другъ друга и

слѣдовательно другъ въ другѣ нуждающихся. Per anticipationem можно сопоставить здѣсь *τό ἐνδεές* какъ условіе дружбы (*φιλία*) въ *Лизисѣ* съ *Πενία* (бѣдность, скудость) какъ матерью любви (*ἔρως*)—въ *Пиршествѣ*. И не относятся ли въ самомъ дѣлѣ эти двѣ мысли между собою какъ блѣдная зелень ранней почки къ пурпуру яркой распустившейся розы?

V.

Въ послѣдней части діалога главная мысль всего произведенія становится довольно ясной, хотя и не высказывается прямо. Собственная сущность дружбы—любви (*φιλία*) или ея истинный смыслъ заключается въ томъ, что само по себѣ мило, или любезно, т.-е. по безусловному внутреннему достоинству своему должно быть желательно, или составлять предметъ дружбы—любви (*...ἐκεῖνο, ὅ ἐστι πρῶτον, οὗ ἕνεκα καὶ τἆλλά φαμεν πάντα φίλα εἶναι... ἐκεῖνο τό πρῶτον ὃ ὡς ἀληθῶς ἐστὶ φίλον*. Отъ истинной *φιλία*, опредѣляемой стремленіемъ къ этому *πρῶτον φίλον*, т.-е. къ безусловному добру, различаются кажущіяся явленія дружбы-любви, связанныя съ призрачными отображеніями истинно-милаго (*ὥςπερ εἴδωλα ἄττα ὄντα αὐτοῦ*). Къ этому сводится и аристотелевское различеніе трехъ главныхъ видовъ дружбы—двухъ несовершенныхъ и одного совершеннаго: люди связываются и дружатъ между собою или изъ за удовольствія (*διά τὸ ἡδυ, κάθ' ἡδονήν*), или изъ за выгодъ и удобствъ (*διά το χρησιμον, ὠφέλιμον, κατά τὸ συμφέρον)*, или въ силу истиннаго добра, т.-е. добродѣтели (*δι' ἀρετήν*), причемъ по справедливому замѣчанію Аристотеля, тогда какъ каждый изъ двухъ первыхъ видовъ дружбы (не настоящей) ограниченъ самъ собою и не идетъ дальше своего частнаго опредѣленія (потому что пріятное иногда бываетъ и невыгоднымъ и недобродѣтельнымъ, и выгодное точно также бываетъ иногда и непріятнымъ и недобрымъ),—третій, совершенный видъ дружбы заключаетъ въ себѣ и высшую степень двухъ другихъ, ибо ясно, что люди связанные между собою добродѣтелью и общимъ стремленіемъ къ безусловному добру, находятъ въ этомъ для себя истинную пользу и величайшее удовольствіе.

Эта идея *πρῶτον φίλον*, или *ὁ ὡς ἀληθῶς φίλον*, изъ зеленаго садика сократическихъ діалоговъ уже указываетъ намъ на туманныя вершины Платонова идеализма.

О ПЕРВОМЪ ОТДѢЛѢ ПЛАТОНОВЫХЪ ТВОРЕНІЙ.

I.

Говоря здѣсь о всѣхъ семи діалогахъ, составляющихъ этотъ пропедевтическій отдѣлъ, я долженъ напомнить читателю, что одно изъ этихъ семи произведеній, именно *Первый Алкивіадъ*, принадлежитъ сюда не въ томъ видѣ въ какомъ оно дошло до насъ, а лишь основною, чисто-этическою своею частью, которую я выдѣлилъ выше, въ *Разсужденіи* объ этомъ діалогѣ и для бо́льшей наглядности помѣщаю въ очищенномъ отъ позднѣйшихъ частей видѣ, какъ особое приложеніе въ концѣ этого тома. Итакъ когда я буду въ настоящемъ очеркѣ упоминать о *Первомъ Алкивіадѣ*, то подъ этимъ должно разумѣть только основную его часть, какъ она (по греческому тексту) отграничена въ моемъ *Разсужденіи* и воспроизведена по-русски въ Приложеніи. А двѣ позднѣйшія, обозначенныя мною части этого діалога намъ еще придется принять въ соображеніе, когда будемъ разсуждать о *Федонѣ* и о *Законахъ*.

Съ этою необходимою оговоркою я долженъ сказать, что всѣ семь пропедевтическихъ діалоговъ принадлежатъ по моему убѣжденію къ Сократической эпохѣ *въ тѣсномъ смыслѣ*, т.-е. къ тому времени, когда Сократъ не только былъ живъ, но еще не былъ преданъ суду. Что касается до авторства этихъ діалоговъ, то принадлежность Платону двухъ изъ нихъ, именно *Второго Алкивіада* и *Лахеса* по выше указаннымъ причинамъ (см. Разсужденія о *Второмъ Алкивіадѣ* и о *Лахесѣ*) я считаю крайне сомнительною, и только уваженіе къ требованіямъ критическаго ригоризма мѣшаетъ мнѣ выразиться болѣе смѣло. Остальные же пять (*Ѳеагъ*, *Первый Алкивіадъ*, *Іонъ*, *Хармидъ* и *Лизисъ*) должно признать достовѣрно Платоновскими до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано опредѣленнымъ и положительнымъ образомъ.

Такое отношеніе къ сократическимъ діалогамъ сталкивается съ двумя различными предубѣжденіями довольно распространенными въ ученомъ мірѣ: 1) Сократическіе діалоги (или всѣ, или бо́льшая ихъ часть) не могли быть написаны Платономъ, а принадлежатъ или позднѣйшимъ подражателямъ, или какимъ нибудь товарищамъ Платона по Сократовой школѣ; 2) эти діалоги (опять-таки или всѣ или въ бо́льшей своей части) написаны Платономъ, но никакъ не при жизни Сократа, а впослѣдствіи, такъ какъ при жизни учителя Платонъ ничего не писалъ. Разберемъ сначала это, второе предположеніе.

Такъ какъ древнему и опредѣленному преданію о томъ, что Платонъ *писалъ* діалоги при жизни Сократа, новѣйшая критика не можетъ противопоставить никакого положительнаго свидѣтельства, то ея отрицаніе этого ранняго писательства нашего философа опирается только на соображенія, по которымъ онъ будто бы *не могъ* писать своихъ діалоговъ при жизни учителя. При такомъ положеніи вопроса я ограничусь здѣсь пока тѣмъ, что на одни соображенія отвѣчу другими, которыя кажутся мнѣ болѣе убѣдительными,—именно укажу, почему я думаю, что Платонъ не только могъ писать при жизни Сократа, но *едва ли могъ не писать* въ это время.

Познакомился Платонъ съ Сократомъ около 408 г., уже будучи не мальчикомъ, а юношею 20 или 21-го года, а трагическій конецъ учителя (въ 399 г.) засталъ нашего философа на порогѣ между юностью и зрѣлымъ мужествомъ—ему шелъ тогда 29-й, или 30-й годъ. Есть ли какое нибудь вѣроятіе, чтобы человѣкъ съ тѣмъ могучимъ даромъ къ словесному творчеству, какой обнаружилъ впослѣдствіи Платонъ, человѣкъ, родившійся и жившій въ такомъ литературномъ средоточіи, какъ Аѳины, окруженный всякими возбуждающими умственными вліяніями,—вѣроятно ли, чтобы онъ провелъ всю свою юность, не испытавши себя въ томъ дѣлѣ, для котораго онъ былъ созданъ и которое дало ему вѣчную славу? Гораздо болѣе вѣроятно то начало его авторской дѣятельности, о которомъ сообщаетъ намъ общераспространенное въ древности преданіе,—а именно, что Платонъ считалъ сперва поэзію своимъ настоящимъ призваніемъ и сочинилъ не мало стиховъ, преимущественно эротическихъ, но узнавъ Сократа, понялъ свою истинную дорогу и съ такимъ жаромъ отдался нравственно-философскому интересу, что сжегъ всѣ свои стихотворенія. Думаю, что всякій признаетъ внутреннее, психологическое правдоподобіе этого разсказа тѣмъ болѣе, что нельзя

себѣ представить, кому бы нужно было выдумывать такое извѣстіе, не служащее ни къ особой чести, ни къ безчестью для Платона и одинаково безразличное какъ для его приверженцевъ, такъ и для враговъ. Когда сообщаемый преданіемъ фактъ самъ по себѣ вполнѣ вѣроятенъ, когда выдумывать его было некому и незачѣмъ, то я не вижу по какой причинѣ намъ его отвергать.

Но разъ дѣло идетъ о такомъ великомъ писателѣ по призванію, каковъ былъ Платонъ, неизбѣжно намъ допустить, что разочаровавшись въ одномъ литературномъ поприщѣ онъ не могъ на цѣлыя десять, двѣнадцать или болѣе лѣтъ *) зарыть свой талантъ въ землю, а долженъ былъ гораздо ранѣе найти ему примѣненіе въ другой области, именно въ той, куда его толкали и голосъ внутренняго призванія, и сила впечатлѣнія, произведеннаго на него Сократомъ.

Такимъ образомъ два идущія отъ древности извѣстія: 1) что Платонъ писалъ діалоги при жизни Сократа и 2) что въ первой молодости онъ сочинялъ много стихотвореній, которые сжегъ, познакомившись съ мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ,— взаимно поддерживаютъ и восполняютъ другъ друга, давая намъ одно существенно полное и внутренно связное представленіе о первомъ періодѣ духовной жизни Платона.

Прирожденный художникъ слова, еще не овладѣвши собою внутренно, тратитъ живыя силы на эротическія увлеченія, а словесный даръ на воспѣваніе ихъ въ стихахъ; голосъ вѣщаго „заклинателя“ Сократа (см. выше, *Хармидъ*) напоминаетъ его душѣ о лучшемъ призваніи человѣка, и что для натуры средней было бы только новымъ взглядомъ, или наученіемъ, или шагомъ впередъ въ ходѣ умственнаго развитія, то для такого существа какъ Платонъ означаетъ полный внутренній переворотъ, начало новой жизни. Сжигая свои стихи, онъ хочетъ совсѣмъ покончить съ безсознательными порывами своей юности, и отдаться вполнѣ той суровой жизненной цѣли, которую открылъ ему Сократъ—познавать Добро и жить согласно ему. И прежде всего какъ прирожденный художникъ слова онъ хочетъ служить Добру своимъ словеснымъ даромъ, создавая для новаго духовнаго содержанія жизни новую соотвѣтственную форму выраженія. Стихотворная, которою владѣлъ Платонъ и которую въ прежніе времена употребляли такіе мудрецы—пророки, какъ Ксенофанъ, или Эмпедоклъ, не годилась для

*) Почему я говорю столько и болѣе,—см. ниже.

сократическаго трезваго мышленія. Связь поэтической формы съ музыкально-пѣсеннымъ творчествомъ, и связь этого творчества съ оргіастическимъ упоеніемъ и неистовствомъ была непосредственно яснѣе въ тѣ дни, чѣмъ въ наши, и не даромъ Платонъ сжегъ всѣ свои стихи. А та сухая проза, въ которой писали свои догматическіе трактаты разные мудрецы—„физіологи“, въ родѣ Анаксагора или Демокрита, была противна и сократическому духу и собственному характеру Платона. И вотъ онъ создаетъ новую форму—философскаго діалога—наиболѣе подходящую для живой, стремящейся снизу вверхъ сократической мысли. Философская бесѣда, руководимая Сократомъ, то съ той, то съ другой стороны подводящимъ своихъ собесѣдниковъ къ истинѣ—вотъ наилучшій и можно сказать единственный прямой „адэкватный“ способъ выраженія того, что переживалъ въ это время Платонъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ. И когда древнее преданіе, не имѣвшее, конечно, въ виду подтверждать чье нибудь новѣйшее рѣшеніе „платоническаго вопроса“, утверждаетъ, что нѣкоторые изъ платоновыхъ діалоговъ дѣйствительно были имъ написаны въ ту раннюю эпоху,—я не вижу никакой возможности заранѣе отвергать, или заподозрѣвать это древнее свидѣтельство. А на утвержденіе, что сократическіе діалоги по содержанію своему недостойны генія Платона мы можемъ, и не оспаривая пока этой оцѣнки, замѣтить что для генія начинающаго Платона созданіе *формы* философскаго діалога было уже достаточнымъ подвигамъ, подобно тому какъ новая форма свободнаго стихотворнаго разсказа дѣлаетъ Руслана и Людмилу произведеніемъ достойнымъ Пушкина, несмотря на малосодержательность этой поэмы.

II.

Но возвращаясь къ мнѣнію тѣхъ критиковъ, которые признаютъ что наши пропедевтическіе діалоги (всѣ, или нѣкоторые) написаны Платономъ, но только не въ эту раннюю эпоху, а позднѣе,—послѣ смерти Сократа,—мы желали бы знать, какой именно болѣе поздней эпохѣ могутъ соотвѣтствовать эти діалоги по своимъ свойствамъ и что̀ именно могло побуждать Платона писать ихъ въ эту болѣе позднюю пору?

О времени суда надъ Сократомъ и его тюремнаго заключенія передъ исполненіемъ смертнаго приговора не можетъ быть рѣчи, когда говорится о сочиненіи Платономъ этихъ безобидныхъ и беззаботныхъ діалектическихъ упражненій. О

временахъ значительно болѣе позднихъ, когда Платонъ былъ уже вполнѣ возмужалымъ, или старѣющимъ человѣкомъ, также не можетъ быть рѣчи, потому что куда же мы дѣнемъ тогда тѣ довольно многочисленныя и обширныя произведенія Платона, по сравненію съ которыми сократическіе діалоги, если они написаны имъ же, могли быть только юношескими опытами? И нельзя же допустить, чтобы Платонъ *въ одно и тоже время* являлся и какъ *начинающій* и какъ вполнѣ сложившійся мыслитель и писатель. Чтобы представить это нагляднѣе,—относить *Хармида* къ одной и той же эпохѣ съ *Федономъ* и *Өеэтетомъ*, или считать *Лизиса* написаннымъ одновременно съ *Пиршествомъ* и *Государствомъ*—было бы все равно, что признать поэму *Русланъ* и *Людмила* ровесницей *Мѣдному Всаднику*, а „Лицейскія стихотворенія"—*Полтавѣ* и *Борису Годунову*.

Осталось бы, значитъ, допустить что наши Сократическіе діалоги написаны Платономъ въ ближайшее время послѣ смерти Сократа, когда его великаго ученика можно еще разсматривать съ грѣхомъ пополамъ какъ стоящаго на порогѣ между юношескимъ возрастомъ и возмужалостью. Такъ и думаютъ тѣ критики, которые признаютъ эти діалоги платоновскими, но не хотятъ допустить, чтобы они были написаны при жизни Сократа. Три соображенія не позволяютъ мнѣ принять и эту гипотезу.

1) Если бы эти произведенія были написаны въ ближайшее время послѣ и слѣдовательно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той катастрофы, которая потрясла Платона до того, что онъ и физически заболѣлъ, то конечно это отразилось бы какъ нибудь въ характерѣ и тонѣ самихъ писаній. Но ни одинъ читатель не найдетъ въ нихъ ничего, говорящаго о томъ подавленномъ, или о томъ возмущенномъ состояніи духа, въ которомъ Платонъ долженъ былъ находиться послѣ рокового событія. Они такъ же не могли быть написаны въ это время какъ и въ непосредственно ему предшествующее—время суда и тюремнаго заключенія учителя: ни съ тою, ни съ другою эпохой нельзя связать той ноты беззаботной умственной игры, которая преобладаетъ въ этихъ болѣе или менѣе удачно обработанныхъ очеркахъ.

2) Еслибы Платонъ подобно Ксенофонту хотѣлъ послѣ смерти Сократа увѣковѣчить и оправдать его истинное ученіе, то ничто не мѣшало ему, конечно, въ формѣ ли простыхъ воспоминаній, или художественныхъ діалоговъ, воспроизвести дѣйствительныя бесѣды Сократа съ нимъ самимъ, или другими

лицами, и конечно его девятилѣтнее общеніе съ учителемъ давало ему для этого обильный матерьялъ, а для того, чтобы имъ воспользоваться ближайшее время послѣ смерти Сократа было, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ наиболѣе удобнымъ. Но что же мы находимъ? Во всѣхъ Сократическихъ діалогахъ, дошедшихъ до насъ съ именемъ Платона, авторъ (если это въ самомъ дѣлѣ былъ Платонъ) не только не является точнымъ свидѣтелемъ того, что онъ передаетъ, но очевидно не имѣлъ и въ намѣреніи выступать такимъ свидѣтелемъ: эти разговоры отнесены авторомъ къ такому времени, когда Платонъ еще не былъ знакомъ съ Сократомъ, а одинъ изъ нихъ, именно изображенный въ *Хармидѣ*, даже къ такому времени, когда нашего философа еще не было на свѣтѣ, или онъ только что родился. Сократъ этихъ разговоровъ—не тотъ старецъ, какимъ зналъ его Платонъ, а человѣкъ среднихъ лѣтъ, или только начинающій старѣть. Конечно содержаніе давнишнихъ разговоровъ могло дойти до автора по слухамъ и пересказамъ, главныя мысли въ нихъ вполнѣ сократичны и показываютъ въ авторѣ ученика, проникнутаго основнымъ этическимъ настроеніемъ учителя,—напитаннаго его духомъ. Но въ цѣлости своей и въ подробностяхъ каждый діалогъ есть произведеніе завѣдомаго сочинительства, и съ точки зрѣнія строго реалистической про каждый изъ нихъ въ извѣстной мѣрѣ Сократъ могъ бы сказать то, что онъ по преданію сказалъ про *Лизиса*: „Господи, чего только не навралъ на меня этотъ юноша!"

Но такое свободное отношеніе къ Сократу возможно было или при жизни его, когда оно имѣло бы отчасти характеръ дружелюбной и почтительной шутки относительно человѣка, который самъ любилъ пошутить,—или же черезъ долгое время послѣ его смерти, когда онъ уже превратился въ объективно-идеальный образъ, а то и въ условное обозначеніе извѣстнаго духовнаго строя. Въ ближайшее же время послѣ этой трагической смерти заниматься сочиненіемъ элементарныхъ философскихъ бесѣдъ и надѣвать на нихъ маску великаго исповѣдника—*тридцатилѣтній* Платонъ ни въ какомъ случаѣ не могъ. Страннымъ образомъ критики, почему-то находящіе, что прижизненное изображеніе Сократа въ діалогахъ было бы недостаточно почтительнымъ дѣломъ со стороны Платона, не замѣчаютъ, что сейчасъ послѣ смерти Сократа начать ему навязывать свои школьническія упражненія было бы хуже, чѣмъ непочтительность, и что Платонъ навѣрное не былъ бы Пла-

тономъ, если бы онъ до такой степени былъ лишенъ душевной тонкости.

Вслѣдъ за потрясающимъ событіемъ 399 г. Платонъ могъ по отношенію къ Сократу выступать лишь въ двоякомъ качествѣ: какъ вѣрный *свидѣтель* бывшаго и какъ преданный *защитникъ* дорогой памяти отъ взведенныхъ на нее небылицъ. Что наши сократическіе діалоги не имѣютъ ни въ какомъ случаѣ характера простыхъ правдивыхъ записокъ—въ этомъ всѣ согласны. Но такъ же несомнѣнно и то, что они писаны не съ цѣлью защиты памяти Сократа отъ тѣхъ двухъ обвиненій, по которымъ его судили и осудили: введенія новыхъ боговъ и развращенія юношей.

Эти два обвиненія, по существу ложныя и лживыя, находили себѣ кажущійся поводъ въ томъ, что Сократъ говорилъ о своемъ демонѣ и о своемъ мастерствѣ въ любовныхъ дѣлахъ *). Если бы въ сократическихъ діалогахъ имѣлось въ виду защитить Сократа отъ этихъ двухъ обвиненій, то истинный смыслъ его рѣчей по этимъ предметамъ долженъ бы быть представленъ такъ прямо и ясно, что его невинность дѣлалась бы понятной и для той аѳинской толпы, къ которой обращались обвинители. Между тѣмъ въ нашихъ діалогахъ эти пункты обсуждаются или сбивчиво и запутанно и притомъ безо всякаго отношенія къ обвиненію, или мимоходомъ упоминаются въ такихъ намекахъ, которые могли только напомнить обвиненіе, но никакъ не устранить его, или наконецъ скользкій предметъ (именно второго обвиненія) изображается въ такихъ чертахъ, что читатель грубоватый, хотя и не злонамѣренный, легко могъ проглядѣть черту раздѣленія между высокою идеализаціей чувства и постыднымъ извращеніемъ чувственности (см. *Хармидъ* 155 CD) и найти такимъ образомъ, что обвиненіе враговъ прямо подтверждалось свидѣтельствомъ ученика. Ясно, значитъ, что если эти діалоги писаны Платономъ, то онъ не имѣлъ въ нихъ апологетической цѣли относительно указанныхъ обвиненій; но онъ *не могъ бы не имѣть* такой цѣли, еслибы писалъ свои сократическіе діалоги послѣ того, какъ эти обвиненія противъ учителя были высказаны и возъимѣли такой роковой успѣхъ. Вѣдь въ этомъ же *Хармидѣ* можно видѣть, съ какимъ тонкимъ умѣньемъ Платонъ защитилъ Сократа отъ взведенной на него (уже раньше) доли отвѣтственности за злодѣянія ученика его Критія,—

*) Если обвиненіе въ развращеніи юношей понималось обвинителями и въ грубо-реальномъ смыслѣ, что кажется мнѣ вполнѣ вѣроятнымъ.

перенеся эту отвѣтственность на другого и притомъ не простымъ и мало-убѣдительнымъ заявленіемъ, что Критій былъ ученикомъ не Сократа только, но и Продика, а мастерскимъ изображеніемъ въ лицахъ, гдѣ Критій самъ себя выказываетъ въ длинномъ разсужденіи болѣе ученикомъ софиста Продика, нежели Сократа *). Мы знаемъ также съ какимъ удивительнымъ мастерствомъ въ болѣе позднемъ діалогѣ *Пиршество* Платонъ очистилъ память Сократа по вопросу эротическому. Но въ нашихъ сократическихъ діалогахъ онъ очевидно и не ставилъ себѣ никакой апологетической задачи относительно тѣхъ двухъ обвинительныхъ пунктовъ, такъ какъ о томъ, что дало для нихъ предлогъ, онъ говоритъ съ равнодушною неосмотрительностью, которая совершенно была бы немыслима послѣ того, какъ *именно эти* обвиненія погубили учителя: относиться къ этимъ вещамъ, какъ къ чему-то безразличному для судьбы Сократа, его ученикъ могъ только раньше, чѣмъ обвиненія были формулированы, т.-е. раньше суда надъ Сократомъ, а слѣдовательно сократическіе діалоги, гдѣ именно высказывается такое беззаботное отношеніе къ двумъ роковымъ пунктамъ, могли быть написаны только *до* начала катастрофы, а никакъ не въ ближайшее время *послѣ* нея. Это заключеніе окончательно подтверждается еще однимъ рѣшающимъ соображеніемъ.

3) Сократическіе діалоги (въ тѣсномъ смыслѣ) не могли быть написаны въ ближайшее время послѣ катастрофы 399 г. уже потому, что именно къ этому времени должны быть отнесены три произведенія нашего философа, которыми однако Платонъ не могъ заниматься одновременно съ сочиненіемъ элементарныхъ сократическихъ діалоговъ. Я имѣю въ виду *Евтифрона, Апологію Сократа* и *Критона*. Они будутъ подробно разсмотрѣны въ слѣдующемъ томѣ, а здѣсь лишь—два слова объ ихъ отношеніи къ нашимъ собственно сократическимъ, или пропедевтическимъ діалогамъ. Несомнѣнно, что тѣ три тѣснѣйшимъ образамъ примыкаютъ къ этимъ семи, отличаясь отъ нихъ однако, во-первыхъ своею особою задачей, которая состоитъ не въ передачѣ „начатковъ“ сократовскаго ученія, а въ защитѣ этого ученія съ точки зрѣнія религіозно-нрав-

*) Заставивъ Сократа лишь вскользь упомянуть объ отношеніяхъ между Критіемъ и Продикомъ, авторъ *Хармида* ведетъ діалогъ такимъ образомъ, что ему уже не нужно говорить, *чей* собственно ученикъ Критій: читатель и самъ это непремѣнно скажетъ.

ственной, во-вторыхъ болѣе твердымъ, окрѣпшимъ характеромъ мысли и языка и въ третьихъ болѣе серьезною и горькою нотой въ самой ироніи. Эти три особенности, общія *Евтифрону*, *Апологіи* и *Критону* и характерныя для нихъ, заставляютъ—въ соединеніи съ другими признаками и соображеніями (см. второй томъ) признать, что три названныя произведенія написаны 1) *послѣ* собственно сократическихъ (элементарныхъ) діалоговъ и 2) въ ближайшее время послѣ катастрофы постигшей Сократа. А если такъ, то значитъ наши сократическіе діалоги могли быть написаны только при жизни Сократа и до постигшей его катастрофы. Если они принадлежатъ Платону, то, конечно лишь Платону, *начинающему* философствовать подъ первымъ возбудительнымъ вліяніемъ Сократа. Послѣ смерти учителя Платонъ былъ слишкомъ зрѣлъ, чтобы заниматься такими начатками философствованія: если онъ не записалъ ихъ раньше, то теперь ужь было поздно,—они не могли имѣть для него интереса. Это возвращаетъ насъ къ вопросу, принадлежатъ ли сократическіе діалоги Платону? Послѣ сказаннаго выше (въ *Разсужденіяхъ*) и прежде окончательнаго разсмотрѣнія вопроса о подлинности діалоговъ въ концѣ всего нашего труда, я могу представить здѣсь лишь нѣсколько общихъ соображеній.

III.

Такъ какъ Платонъ познакомился съ Сократомъ, имѣя около 20 лѣтъ отъ роду, и нельзя допустить, чтобы онъ сейчасъ же сталъ писать философскія сочиненія въ духѣ Сократа, то признавая подлинность сократическихъ діалоговъ, какъ написанныхъ при жизни учителя, мы должны признать, что Платонъ писалъ ихъ въ возрастѣ приблизительно отъ 23 лѣтъ и до 29. Критики, наиболѣе рѣшительно отрицающіе принадлежность этихъ произведеній Платону, считаютъ невозможнымъ, чтобы великій философъ въ такомъ уже далеко не дѣтскомъ возрастѣ писалъ „такіе ребяческіе пустяки", а такъ какъ писать ихъ раньше, т. е. до своего знакомства съ Сократомъ и до усвоенія его ученія, онъ очевидно не могъ, то, значитъ, эти діалоги писаны вовсе не Платономъ, а кѣмъ нибудь другимъ, или скорѣе—другими. Основанія этого вывода кажутся мнѣ шаткими.

Дѣйствительно, въ сократическихъ діалогахъ есть довольно много наивнаго, такого, что строго говоря можетъ быть названо ребяческими пустяками и чего гораздо меньше въ безспорныхъ произведеніяхъ Платона. Меньше, но все таки есть, а чтобы въ сократическихъ діалогахъ не было ничего, кромѣ ребяческихъ пустяковъ,—съ этимъ нельзя согласиться. Взглядъ на поэтическое вдохновеніе, изложенный въ *Іонѣ* и геніально поясненный сравненіемъ съ магнитомъ, при всей своей односторонности не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть названъ ребяческимъ пустякомъ; точно также и поднятый въ *Хармидѣ* вопросъ о чисто-формальномъ знаніи, или въ *Лизисѣ*—о связи между существованіемъ дружелюбныхъ чувствъ и существованіемъ зла въ мірѣ. Найдутся здѣсь и другіе зачатки содержательныхъ и важныхъ мыслей. А что касается до наивностей, то почему же намъ быть въ этомъ отношеніи болѣе требовательными къ великому греческому философу V—IV вѣка до Р. Х., притомъ въ его полузрѣломъ возрастѣ, нежели, напримѣръ, къ великому французскому философу XVII вѣка по Р. Х., въ его совершенно зрѣлые годы? Едва ли въ самомъ дѣлѣ можно найти въ сократическихъ діалогахъ что нибудь равное по наивности разсужденію Декарта о томъ, что внѣшній міръ достовѣрно существуетъ, потому что Богъ, внушившій намъ представленіе объ этомъ мірѣ, не можетъ насъ обманывать.

Должно замѣтить, что при чтеніи сократическихъ діалоговъ впечатлѣніе двоится. Чувствуется, что они писаны юношей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что въ этомъ юношѣ художникъ слова успѣлъ перерости мыслителя. Изображеніе Демодока въ *Θеагѣ*, Іона въ діалогѣ этого имени, Критія въ *Хармидѣ*, Иппоѳала въ *Лизисѣ*, Сократа во всѣхъ этихъ діалогахъ, а также въ *Алкивіадѣ*, повѣствовательная часть въ *Хармидѣ* и *Лизисѣ*—обнаруживаютъ уже нѣкоторую достигнутую степень мастерства, тогда какъ развитіе мыслительнаго содержанія хотя бы и интереснаго по существу, вездѣ показываетъ неумѣлость и не твердость, свойственныя первымъ опытамъ *начинающаго*. Этотъ начинающій несомнѣнно имѣетъ философское призваніе, у него уже и теперь являются иногда важныя мысли и замыслы (напримѣръ, кромѣ сейчасъ указанныхъ—общій планъ *Хармида*), но формулировать и выводить ихъ какъ слѣдуетъ онъ еще не умѣетъ, онъ не пріобрѣлъ искусства свободно и цѣлесообразно обращаться съ логическими формами.

Но вѣдь именно такъ оно и должно быть по нашему предположенію. Эта двойственность (сравнительнаго) художественнаго мастерства и діалектической неумѣлости прямо вытекаетъ изъ принятыхъ нами біографическихъ основаній. Когда Платонъ сталъ сочинять сократическіе діалоги онъ уже пережилъ свой

стихотворческій періодъ и значитъ, собственно говоря, уже не былъ начинающимъ *писателемъ*, — но онъ былъ начинающимъ *мыслителемъ*, такъ какъ философія была новымъ, до того невѣдомымъ міромъ, который открылъ ему Сократъ. Давать художественное выраженіе живымъ образамъ Платонъ уже привыкъ, но онъ еще долженъ пріучаться къ новому дѣлу правильнаго расчлененія и соединенія понятій. Въ *этой* области его произведенія могли быть только ученическими тетрадями, хотя и обѣщающими кое гдѣ будущаго мастера. Если смотрѣть только на возрастъ, то, конечно, отъ 25 или 27 лѣтняго Платона можно было бы ожидать болѣе значительнаго и болѣе искуснаго философствованія, чѣмъ то, которое мы находимъ въ *Хармидѣ*, или *Лизисѣ*. Но мы будемъ удивляться быстротѣ его успѣховъ, если обратимъ вниманіе на новость этого дѣла не только для юнаго Платона, но и вообще для человѣческаго ума въ его время. Тѣ древнѣйшія ученія, съ которыхъ принято начинать греческую философію, были (насколько можно судить по сохранившимся отрывкамъ и извѣстіямъ) лишены философской формы. Это были собранія болѣе или менѣе загадочныхъ изреченій о мірѣ, человѣкѣ и богахъ, — изреченій, основанныхъ не на отчетливыхъ умозаключеніяхъ, а на какомъ то мыслительномъ процессѣ, близкомъ къ тому поэтическому вдохновенію, которое Платонъ въ *Іонѣ* описываетъ какъ состояніе одержимости. Первые мыслители, переставшіе прорицать и старавшіеся разсуждать, явились значительно позднѣе; это были старшіе современники Сократа Парменидъ (род. около 515 г.), Анаксагоръ (ок. 500 г.), Зенонъ (ок. 490 г.), Горгій (ок. 483 г.), Протагоръ (ок. 480 г.).

При такой недавности дѣла греческое философствованіе въ эпоху Сократа и начинающаго Платона могло быть съ формально-логической стороны лишь мышленіемъ *по складамъ*. И съ этой точки зрѣнія поразительна не слабость философскихъ „начатковъ" Платона въ сократическихъ діалогахъ (для упражненій въ „мышленіи по складамъ" они даже очень хороши), а сила и высота мысли, какихъ онъ достигъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ. А между тѣмъ сократическіе начатки Платонизма связаны съ дальнѣйшимъ многими тѣсными звеньями.

Во первыхъ укажу здѣсь на діалогъ *Протагоръ*. Хотя аргументація въ немъ ведется искуснѣе, чѣмъ въ *Хармидѣ* и *Лизисѣ*, но уровень мысли совершенно тотъ же, такъ что этотъ діалогъ обыкновенно и включается въ число сократическихъ. А между тѣмъ, то мастерство въ изображеніи лицъ и положеній которое

въ извѣстной мѣрѣ проявляется и въ нашихъ пропедевтическихъ діалогахъ, достигаетъ въ *Протагорѣ* такой высокой степени, что его слѣдуетъ отнести къ числу образцовыхъ произведеній греческой литературы. Затѣмъ діалогъ *Евтидемъ:* по силѣ и живости въ осмѣяніи софистики онъ конечно достоинъ Платона, и никакихъ серьезныхъ возраженій противъ его подлинности никогда не возбуждалось; но философскаго содержанія здѣсь меньше, чѣмъ въ *Хармидѣ*, или *Лизисѣ*. Наконецъ, выше указанные три произведенія *Евтифронъ*, *Апологія*, *Критонъ*, связанныя съ судомъ и осужденіемъ Сократа: и они по существу находятся на томъ же уровнѣ мысли, какъ и наши элементарные діалоги, выдѣляясь отъ нихъ своею сосредоточенностью около одного трагическаго предмета и соотвѣтственно этому большею важностью тона. А философскаго содержанія собственно платоновскаго въ нихъ также вовсе не находится. Но вѣдь подъ такимъ собственно платоновскимъ содержаніемъ мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ тѣ философскія воззрѣнія, къ которымъ Платонъ приходилъ впослѣдствіи, и странно было бы видѣть въ нихъ мѣрило подлинности для произведеній, написанныхъ раньше, причемъ пришлось бы, какъ мы видимъ, отвергнуть не одни только сократическіе діалоги въ тѣсномъ смыслѣ, а и многое другое, болѣе крѣпкое.

Если бы съ именемъ Платона до насъ дошли съ одной стороны лишь такіе сократическіе діалоги какъ *Ѳеагъ*, или *Алкивіадъ*, а съ другой стороны лишь такія произведенія, какъ *Пиршество* или *Государство*, то дѣйствительно могло бы чувствоваться затрудненіе признать здѣсь одного и того же автора. Но такъ какъ по счастію мы имѣемъ тутъ и такія промежуточные звенья, какъ *Хармидъ*, или *Лизисъ*, затѣмъ *Протагоръ*, далѣе *Менонъ*, *Горгій*, *Ѳеэтетъ*, наконецъ *Ѳэдръ*, — то этимъ отнимается удобство отрицать произведенія низшихъ стадій только потому, что они не принадлежатъ къ высшимъ. И не только смежныя стадіи не представляютъ здѣсь рѣзкаго неравенства достоинствъ, но это неравенство не такъ уже велико и между стадіями нѣсколько отдаленными другъ отъ друга. Такъ напримѣръ *Ѳэдонъ*, — при всѣхъ важныхъ достоинствахъ и литературной зрѣлости этого произведенія — развѣ безупреченъ со стороны логической? Кто можетъ по совѣсти удовлетвориться аргументами этого діалога въ пользу безсмертія души, тотъ едва ли имѣетъ право свысока смотрѣть на аргументацію Сократа въ *Хармидѣ* и *Лизисѣ*: главная разница вѣдь тутъ лишь въ неравной важности темъ и положеній, а не въ логической состоя-

тельности доводовъ, которая приблизительно одинакова, именно одинаково не крѣпка и тамъ и здѣсь.

Такъ какъ можно считать общепризнаннымъ, что лучшія произведенія Платона писаны имъ частію въ пору совершенной зрѣлости (40—50 лѣтъ), а частію и въ началѣ старости (55—65 лѣтъ, а именно позднѣйшія части *Государства* и *Тимей*), когда онъ, сверхъ Сократовой этики, подвергся глубокому и продолжительному вліянію метафизическихъ ученій—элеатства и пиѳагорейства,—то слѣдуетъ признать, что если онъ писалъ философскія сочиненія въ молодости подъ прямымъ и единственнымъ вліяніемъ Сократа, то эти его писанія *должны бы* представлять по существенному достоинству именно то разстояніе отъ образцовъ Платонизма, какое мы въ дѣйствительности замѣчаемъ въ нашихъ сократическихъ діалогахъ,—должны бы именно потому, что болѣе близкія къ зрѣлымъ образцамъ ступени уже заняты произведеніями другого характера, которыя по свойству своему могутъ представлять только вторую эпоху платонова писательства, необходимо предполагающую болѣе раннія опыты, болѣе юнаго, незрѣлаго, ученическаго характера, какіе мы и находимъ въ нашихъ сократическихъ діалогахъ. Избѣгнуть этого заключенія можно только утверждая, что въ основную, сократическую эпоху своего умственнаго развитія, то есть до тридцати лѣтъ отъ роду Платонъ вовсе не писалъ ничего философскаго,—утвержденіе само по себѣ крайне невѣроятное и во всякомъ случаѣ ни на чемъ не основанное. Если же смотрѣть на дѣло прямо, безъ предубѣжденія, то должно признать, что въ нашемъ наличномъ corpus platonicum отъ *Ѳеага* и *Алкивіада* до *Законовъ* включительно съ рѣдкою полнотою представлена вся сплошная, постепенно восходящая, а затѣмъ опять спускающаяся лѣстница Платонова философскаго творчества, и что еслибы вынуть отсюда Сократическіе діалоги, то вся эта лѣстница оказалась бы безъ первыхъ ступеней и висящею на воздухѣ.

А что въ этомъ взглядѣ я не увлекаюсь предвзятымъ консервативнымъ пристрастіемъ къ Ѳразиллову каталогу, какое обнаруживаетъ напримѣръ Джорджъ Гротъ, я уже и въ этомъ томѣ имѣлъ случай доказать не только отказавшись отъ защиты *Второго Алкивіада*, справедливо, какъ я думаю, осужденнаго всѣми новѣйшими учеными (кромѣ названнаго англійскаго историка), но еще указавши незамѣченный, кажется, никѣмъ признакъ неподлинности въ діалогѣ *Лахесъ*, принятомъ за Платоновскій значительнымъ большинствомъ критиковъ.

Вопросъ о подлинности, или неподлинности какого нибудь діалога можетъ по моему, рѣшаться только на основаніи опредѣленныхъ особенностей въ данномъ діалогѣ, а никакъ не на основаніи субъективной оцѣнки его достоинства по общему впечатлѣнію. Діалогъ *Лахесъ* производитъ на меня, какъ и на большинство критиковъ, впечатлѣніе очень талантливой комической пьесы съ истинно-сократическою начинкой, и со стороны общихъ качествъ формы и содержанія нельзя было бы по моему ничего имѣть противъ принадлежности ея Платону; но разъ авторъ относится къ одному изъ главныхъ лицъ, Никію, такъ, какъ по всѣмъ историческимъ даннымъ Платонъ не могъ относиться къ этому лицу, то это обязываетъ, по моему, критику до удовлетворительнаго разъясненія вопроса не считать этотъ діалогъ достовѣрно принадлежащимъ Платону. Съ другой стороны діалогъ *Ѳеагъ*, хотя въ общемъ производитъ впечатлѣніе менѣе удачнаго произведенія, чѣмъ *Лахесъ*, но въ виду ошибочной цитаты общей этому діалогу съ безспорно платоновскимъ *Государствомъ*, и еще нѣкоторыхъ другихъ индивидуальныхъ чертъ объективная критика должна утверждать его подлинность, пока не будетъ доказано противное. Далѣе, открытыя мною въ *Первомъ Алкивіадѣ* главныя составныя части, по содержанію своему указываютъ на Платона, какъ на единственно возможнаго автора этого произведенія, хотя одна основная, сократическая его часть, отдѣльно взятая, могла бы быть написана и всякимъ другимъ ученикомъ Сократа. Что касается до *Іона*, то хотя онъ производитъ на меня впечатлѣніе самаго живого и блестящаго изъ сократическихъ діалоговъ, но я не на этомъ основаніи считаю его подлинность достовѣрною, а потому, что противъ нея не представляется никакихъ серьезныхъ возраженій. А еслибы въ этомъ изящномъ діалогѣ было указано на какую нибудь особенность столь же опредѣленно несовмѣстимую съ авторствомъ Платона, какъ напримѣръ то, что мною указано въ *Лахесѣ*, то я нисколько бы не стѣснился признать сомнительною и подлинность *Іона*, несмотря на общее впечатлѣніе „платоничности", которое производитъ на меня эта маленькая жемчужина. Наконецъ относительно *Хармида* и *Лизиса*, моя увѣренность въ ихъ подлинности, кромѣ отсутствія серьезныхъ противъ нея возраженій, имѣетъ также и прямыя основанія: въ первомъ изъ этихъ діалоговъ—ясные признаки родства автора съ Критіемъ и Хармидомъ, что изъ учениковъ Сократа, писавшихъ философскіе діалоги, можетъ подходить только къ одному Платону,—а въ обоихъ діалогахъ (и въ *Ли-*

зисъ еще болѣе чѣмъ въ *Хармидѣ*) ту особенность, что ходъ мысли, коснувшись предѣловъ сократическаго воззрѣнія, какъ бы перехватываетъ за эти предѣлы и именно въ направленіи будущаго Платонизма.

IV.

Совершенно независимо отъ вопроса, принадлежатъ ли наши сократическіе діалоги Платону какъ автору, и если принадлежатъ, то въ какой мѣрѣ—всѣ ли безъ исключенія, какъ было принято Θразилломъ въ I-мъ вѣкѣ и Джорджемъ Гротомъ въ XIX, или не всѣ, и тогда, какіе именно?—совершенно независимо отъ этого вопроса мы должны воздать не малую благодарность тѣмъ добрымъ силамъ—Музами ли ихъ назвать, или иначе,—которыя сохранили для насъ эти семь небольшихъ произведеній эллинской трости. Только черезъ нихъ образъ мыслей Сократа представляется намъ въ достаточно полныхъ, живыхъ и связныхъ очертаніяхъ. Откуда въ самомъ дѣлѣ знаемъ мы о Сократѣ? По тѣмъ отдѣльнымъ словамъ Сократа, которыя вѣрно записаны Ксенофонтомъ, можно было бы лишь съ грѣхомъ пополамъ догадываться о томъ новомъ словѣ, которое сказалъ Сократъ міру—словѣ про неограниченное верховенство нравственнаго сознанія. Настоящее понятіе объ этомъ словѣ даютъ намъ только діалоги, написанные Платономъ, или приписанные ему,—и прежде всего діалоги сократическіе *). Въ позднѣйшихъ

*) Аристотель по отношенію къ Сократу есть свидѣтель изъ вторыхъ рукъ, и его сужденія о сократической философіи могутъ быть *первымъ* источникомъ лишь для характерики его самого, а не предмета этихъ сужденій. Такъ какъ Сократъ не только ничего не писалъ, но и не давалъ никакихъ связныхъ уроковъ, допускающихъ мысль о существованіи во время Аристотеля какихъ-нибудь неизвѣстныхъ намъ записокъ,—то слѣдовательно Аристотель, родившійся черезъ 15 лѣтъ послѣ смерти Сократа, долженъ былъ смотрѣть на его философію неизбѣжно черезъ чужія глаза и главнымъ образомъ черезъ глаза тѣхъ же Платона и Ксенофонта, какъ бы мы далѣе ни судили съ своей точки зрѣнія о томъ, что онъ такимъ образомъ усматривалъ. Поэтому весьма странно слѣдующее замѣчаніе извѣстнаго историка философіи Виндельбанда: „Рѣшающее значеніе въ томъ, что касается ученія Сократа, имѣетъ голосъ Аристотеля: благодаря отдаленности времени не связанный личными отношеніями, онъ имѣлъ полную возможность выдѣлить изъ научной дѣятельности философа все самое существенное“. (Виндельбандъ. Исторія древней философіи, перев. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, 2 изд. СПБ. 1898, стр. 105—106). Почтенный ученый какъ будто не сообразилъ, что „отдаленность времени“ не только избавляла Аристотеля отъ личныхъ отношеній къ Сократу, но тѣмъ самымъ лишала его всякой возможности прямого знакомства съ сократовою „научною дѣятельностью“, которая вѣдь вся выражалась *исключительно* въ личныхъ бесѣдахъ.

и совершеннѣйшихъ діалогахъ Платона личность Сократа выступаетъ еще полнѣе и ярче, но сущность сказаннаго имъ слова заслоняется собственными мыслями его ученика.

Въ сократическихъ же діалогахъ можно лишь мѣстами предчувствовать будущій Платонизмъ, настоящій же кругозоръ ихъ автора занятъ весь лишь тѣмъ, что открылъ ему Сократъ, и здѣсь во всемъ звучатъ „Θракійскія заклинанія“ учителя, лишь подъ конецъ слегка, окрыленныя тѣмъ, про что сказано: *ὡς πολλά μου καταψεύδεται ὁ νεανίσκος.*

Сократическое ученіе, идущее съ низу вверхъ, снаружи внутрь, беретъ наличное господствующее желаніе ученика и понемногу открываетъ ему то, что необходимо требуется, чтобы дѣйствительно овладѣть желательнымъ. Разумѣется люди у которыхъ окончательно господствующее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы имѣть побольше денегъ, или владѣть самыми лучшими перепелами, или самыми быстрыми скакунами, или самыми красивыми гетерами,—не могутъ получить никакой пользы отъ философіи Сократа; да ихъ его „дэмонъ“ и не допуститъ въ число его учениковъ и собесѣдниковъ. Но вотъ, напримѣръ, юноша Θеагъ, который по слуху знаетъ, что существуетъ какая-то невѣдомая ему „мудрость“, и ему представляется что эта мудрость дѣлаетъ обладающаго ею мастеромъ въ управленіи городомъ, какъ мудрость возничаго состоитъ въ искусствѣ управлять парою коней. Онъ честолюбивъ и любознателенъ: ему хочется имѣть власть и хочется знать истину. Сократъ заставляетъ его понять, что для человѣка благороднаго неизбѣжно подчинить первое желаніе второму, потому что власть можетъ быть достойною желанія лишь подъ условіемъ, чтобы она не была вредною для управляемыхъ и постыдною для управляющаго; слѣдовательно прежде всего нужно знать, въ чемъ состоитъ хорошій, или истинно-должный способъ управленія. Другой юный честолюбецъ, Алкивіадъ, увѣренъ, что онъ это уже знаетъ,—знаетъ какъ должно управлять городомъ и даже цѣлою вселенною. Хотя онъ съ разу и не умѣетъ объяснить свои мысли, но съ помощью Сократа доходитъ наконецъ до такого опредѣленія, что то общественное управленіе, которое онъ имѣетъ въ виду, есть управленіе *полезное*. Но тогда Сократъ заставляетъ его признать, что истинно полезное есть тоже, что *спра-*

ведливое, и добываетъ отъ него обѣщаніе отнынѣ заниматься справедливостью. Всякій человѣкъ, по Сократу, долженъ этимъ заниматься *самъ*. Хотя успѣхъ каждый разъ обусловленъ высшею волей („если Богъ захочетъ"), но человѣкъ долженъ своимъ умомъ дойти до вѣрнаго и яснаго понятія о томъ, что́ правда и что́ неправда, что́ добро и что́ зло, потому что безъ этого понятія обращаясь къ богамъ съ молитвою о помощи, онъ можетъ вымолить себѣ зло вмѣсто добра. Безполезны тутъ боги, безполезенъ и поэтъ ихъ—Гомеръ, и только „глупый народъ". его толмачей—рапсодовъ воображаетъ, что въ Иліадѣ и Одиссеѣ лежитъ готовая мудрость, полезная во всякомъ дѣлѣ. И никакое профессіональное умѣнье не дастъ истиннаго знанія о томъ, что нужно для души. На что важнѣе и почетнѣе профессіи правителя народнаго и еще болѣе—полководца? Но подобно тому, какъ профессіональный государственный человѣкъ—Периклъ не могъ научить добру даже своихъ собственныхъ дѣтей и племянниковъ, такъ и два важнѣйшія половодца въ Аѳинахъ оказываются совершенно безпомощными даже относительно познанія той добродѣтели, которая связана съ ихъ собственною военною профессіей.

Не научитъ добру никакая профессія, не откроетъ того знанія, что есть единое на потребу, и отвлеченное мышленіе,—какъ о самомъ знаніи вообще, такъ и о какомъ бы то ни было частномъ предметѣ. Путь истиннаго знанія, которое для Сократа совпадаетъ съ тѣмъ, что теперь называется нравственнымъ сознаніемъ, открытъ только для дружныхъ усилій воли въ благородныхъ (сродныхъ добру) душахъ, соединенныхъ въ стремленіи къ самому этому первому и безусловному Добру, которое по существу своему желательно, или любезно и ни отъ чего другого ни въ какомъ отношеніи не зависитъ.

V.

Эта идея самозаконности (автономіи) нравственнаго добра, скрытая въ глубинѣ всѣхъ сократовыхъ размышленій, прямо обнаруживается въ послѣднемъ изъ нашихъ сократическихъ діалоговъ—*Лизисѣ*. То, что въ прежнихъ являлось какъ искомое подъ разными именами—мудрости, справедливости, доблести, благоразумія—здѣсь оказывается знаніемъ перводобра, или саможелательнаго, какъ такого. Другого, дальнѣйшаго опредѣленія Сократъ не дѣлаетъ ему, ясно, впрочемъ, давая понять, что рѣчь идетъ не о такомъ знаніи, которое можно за-

писать на дощечкѣ и положить за пазуху, а что это есть дѣло цѣлой жизни, и притомъ не личное только, а и собирательное,—разумѣется не въ теперешнемъ, а въ древнемъ смыслѣ,—собирающее въ истинной дружбѣ сродныя, „свои" другъ другу и верховному Добру, любящія души.

Въ этомъ, послѣднемъ діалогѣ, а отчасти и въ предпослѣднемъ—Хармидѣ, чувствуется какъ чисто-сократическая мысль, усвоенная и воспроизведенная Платономъ уже бьетъ въ свои тѣсные этическіе берега и то съ той, то съ этой стороны переливаетъ черезъ нихъ. Не даромъ же именно съ *Лизисомъ* связано восклицаніе Сократа: ну и навралъ же на меня этотъ молодецъ! Не ошиблось чутье стараго мудреца, или во всякомъ случаѣ чутье древняго преданія. Новымъ какимъ-то мета-сократическимъ или мет-этическимъ духомъ вѣетъ въ иныхъ мѣстахъ *Лизиза*, а также отчасти и *Хармида:* уже виднѣются вдали въ туманныхъ очертаніяхъ и *Ѳеэтетъ* и *Симпосіонъ*. Этимъ оправдывается и наша полная увѣренность въ принадлежности обоихъ сократическихъ діалоговъ Платону, и то мѣсто, которое мы имъ отвели въ ряду произведеній, составляющихъ этотъ первый отдѣлъ.

Но еще не пришла тогда пора для дальнѣйшаго самобытнаго развитія Платоновой мысли. Да и говоря о развитіи мысли, т. е. мыслителя, въ Платонѣ, не должно забывать художника. Послѣ того какъ философская мысль уже почувствовала предѣлы сократической точки зрѣнія, творческій геній Платона, какъ бы желая закончить рядъ мелкихъ набросковъ большимъ многообъемлющимъ изображеніемъ всего духовно пережитаго въ эти ученическіе годы, создаетъ *Протагора*. Этимъ первымъ по времени изъ крупныхъ произведеній Платона мы и начнемъ второй отдѣлъ его твореній.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Діалогъ Первый Алкивіадъ въ его первоначальномъ (сократическомъ) видѣ.

(Въ наглядное подтвержденіе указаннаго мною *) состава этого діалога изъ трехъ главныхъ частей, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ къ умственной жизни Платона, я считаю нелишнимъ возстановить этотъ діалогъ въ его первоначальномъ видѣ, освободивъ древнѣйшій сократическій слой его отъ позднѣйшихъ наслоеній. Такъ какъ эти позднѣйшія части вдвинуты въ рамки первой основной части, причемъ ея конецъ по необходимости былъ разбитъ на нѣсколько отрывковъ, то мнѣ пришлось по яснымъ на мой взглядъ слѣдамъ этой работы въ нашемъ текстѣ, собрать эти отрывки вмѣстѣ и связать ихъ между собою, почти безъ всякаго измѣненія, только выбрасывая раздѣляющія ихъ позднѣйшія вставки. Если такимъ способомъ получился цѣльный и законченный сократическій діалогъ, свободный отъ всякаго внутренняго анахронизма, т.-е. не содержащій въ себѣ никакихъ мыслей и воззрѣній, явившихся у Платона въ иныя, болѣе позднія эпохи его жизни, то я, кажется, могу считать свой взглядъ на составъ *Перваго Алкивіада* значительно укрѣпленнымъ такою провѣркой).

Сократъ. Думаю, ты удивляешься, сынъ Клинія, что въ то время, какъ другіе уже покинули тебя, одинъ только я, начавши ухаживать за тобою раньше прочихъ, до сихъ поръ не оставляю тебя, и тогда какъ тѣ постоянно осаждали тебя своими разговорами, я одинъ въ теченіе стольких лѣтъ, даже не заговаривалъ съ тобою; и не человѣческія соображенія были тому причиною, но какое-то демоническое препятствіе, значеніе котораго ты сейчасъ и узнаешь. Теперь же я пришелъ къ тебѣ потому, что этого препятствія не стало, да надѣюсь и впредь его не будетъ. Наблюдая за тобою въ теченіе этого времени, я, кажется, понялъ ясно, въ какое положеніе сталъ ты относительно ухаживающихъ за тобою; сколько ихъ ни было, и сколь ни были они высокаго мнѣнія о себѣ, не нашлось изъ нихъ ни одного, кто бы не бѣжалъ отъ тебя, потому что ты самъ превзошелъ ихъ всѣхъ своимъ высокомѣріемъ; а почему ты сталъ высокомѣренъ, это я хочу объяснить тебѣ. Ты говоришь, что ни въ комъ и никогда не нуждаешься; все, чѣмъ ты обладаешь, начиная съ тѣла и кончая душой, — таково. что тебѣ нечего еще желать; а именно: во-первыхъ ты думаешь, что превосходишь всѣхъ красотою и статностью,—и для всякаго очевидно, что въ этомъ ты не ошибаешься; во-вторыхъ, тебѣ кажется, что родъ твой—знатнѣйшій во всемъ городѣ, этомъ величайшемъ изо всѣхъ эллинскихъ городовъ, что много здѣсь у тебя знатныхъ друзей и родственниковъ по отцу, которые въ случаѣ нужды могутъ поддержать тебя, что родные твоей матери также многочисленны и знатны. Но важнѣе ихъ всѣхъ по твоему—Периклъ, сынъ Ксантиппа, которому отецъ вашъ завѣщалъ быть опекуномъ надъ тобой и твоимъ братомъ, и который можетъ дѣлать все, что ему угодно, не только въ этомъ городѣ, но и во всей Элладѣ, и даже за ея предѣлами имѣетъ большое значеніе у многихъ великихъ народовъ. Напомню еще о твоемъ богатствѣ; имъ-то впрочемъ, ты, кажется, менѣе всего гордишься. И вотъ, напыщенный всѣмъ этимъ, ты подавилъ своимъ величіемъ поклонниковъ, а они, будучи слабѣе, не выдержали, и это отъ тебя не скрылось; а потому я хорошо знаю, что ты удивляешься, по какимъ соображеніямъ я не отступаюсь отъ любви и на что̀ надѣясь, остаюсь, когда другіе бѣжали.

Алкивіадъ. Ты, видно, не знаешь, Сократъ, что предупредилъ меня немногимъ; я и самъ вѣдь намѣревался пойти къ тебѣ съ этимъ самымъ и допроситься, чего ты отъ меня хочешь и на что глядя, не отстаешь отъ меня, всячески стараясь быть тамъ, гдѣ я бываю. Право я

*) См. *Разсужденіе о Первомъ Алкивіадѣ.*

удивляюсь, въ чемъ тутъ дѣло, и очень былъ бы радъ узнать это.

Сократъ. Ну такъ, если ты говоришь, что очень желаешь узнать, то будешь слушать меня, какъ слѣдуетъ, со вниманіемъ, а я буду говорить такъ, какъ будто бы ты былъ готовъ выслушать меня до конца.

Алк. Ну да, конечно; говори же!

Сокр. Берегись, однако! Можетъ статься, что насколько мнѣ трудно было начать, настолько трудно будетъ и кончить.

Алк. Да говори же, добрякъ, а я ужь буду слушать.

Сокр. Видно приходится говорить. Конечно, для ухаживающаго не легко обращаться къ человѣку, который ни въ чемъ не уступаетъ тѣмъ, кто за нимъ ухаживаетъ: все таки нужно отважиться высказать мою мысль. Еслибы я видѣлъ, Алкивіадъ, что ты довольствуешься всѣмъ тѣмъ, что я сейчасъ перечислилъ, и намѣреваешься прожить однимъ этимъ, вѣдь я давно бы бросилъ свою любовь,— по крайней мѣрѣ самъ я въ этомъ увѣренъ;—нѣтъ, теперь я буду обвинять тебя за другіе твои помыслы, и ты увидишь изъ этого, что я все время не переставалъ слѣдить за тобою. А именно мнѣ сдается, что еслибы кто-нибудь изъ боговъ сказалъ тебѣ: предпочитаешь ли ты, Алкивіадъ, оставаться въ живыхъ, обладая тѣмъ, что у тебя есть, но не имѣя возможности достигнуть большаго, или сейчасъ же умереть?—сдается мнѣ, что ты предпочелъ бы умереть. А въ какую надежду ты живешь, я тебѣ скажу. Ты думаешь, что какъ только появишься предъ аѳинскимъ народомъ,—а это должно случиться на дняхъ,— какъ только появишься, такъ и докажешь Аѳинянамъ, что ты достоинъ того, чтобы тебя почитали болѣе, чѣмъ Перикла, или кого другого изъ когда либо родившихся, и, доказавши это, получишь величайшую власть въ городѣ, а ужь если здѣсь будешь силенъ, то также и въ остальной Элладѣ, и не только въ Элладѣ, но и у всѣхъ варваровъ, сколько ихъ ни живетъ съ нами на одномъ материкѣ; и еслибы тотъ же самый богъ опять сказалъ тебѣ, что ты можешь царствовать здѣсь, въ Европѣ, но перейти дальше, въ Азію, и заняться тамошними дѣлами тебѣ нельзя, опять-таки, сдается мнѣ, ты не захотѣлъ бы жить и при этомъ одномъ,—не имѣя, словомъ, возможности наполнить всю вселенную своимъ именемъ и своею силою. И я не думаю, чтобы кромѣ Кира и Ксеркса ты вообще считалъ кого нибудь достойнымъ упоминанія.—А что такова твоя надежда, это мнѣ хорошо извѣстно, и я говорю это вовсе не въ шутку. Но, можетъ быть, сознавая, что я говорю правду, ты все-таки спросишь меня: какое же это, Сократъ, однако имѣетъ отношеніе къ той причинѣ, по которой ты не оставляешь меня въ покоѣ и которую ты обѣщалъ сказать? О милое дитя Клинія и Диномахи, отвѣчу я тебѣ, такое это имѣетъ отношеніе, что безъ меня тебѣ невозможно привести въ исполненіе всѣ эти замыслы; вотъ какую силу по моему имѣю я для тебя и для твоихъ дѣлъ, и вотъ почему, кажется, богъ и не дозволялъ мнѣ прежде разговаривать съ тобою, а я, разумѣется, ждалъ, пока онъ позволитъ; потому что какъ ты на многое расчитываешь относительно города, такъ я надѣюсь войти въ большую силу у тебя, доказавши, что я для тебя очень драгоцѣненъ и что дать тебѣ могущество, къ которому ты стремишься, не способенъ ни опекунъ, ни родственникъ и никто другой, кромѣ меня одного,—конечно, если только богъ поможетъ. Когда ты былъ моложе и не преисполнился еще такими надеждами, богъ, какъ мнѣ казалось, удерживалъ меня отъ разговора съ тобою, чтобы я не понапрасну разговаривалъ; теперь позволилъ: теперь ты меня послушаешь.

Алк. Теперь, Сократъ, какъ ты началъ говорить, ты кажешься мнѣ еще страннѣе, чѣмъ когда молча слѣдилъ за мною. Тебѣ ужь въ точности извѣстно, о чемъ я думаю и о чемъ не думаю, и еслибы я сталъ возражать, это нисколько не помогло бы мнѣ разубѣдить тебя. Ну положимъ; но еслибы я даже какъ нельзя болѣе былъ занятъ подобными замыслами, какимъ же образомъ исполнятся они черезъ тебя, а безъ тебя не могутъ будто бы исполниться? Есть у тебя что сказать?

Сокр. Не думаешь ли, что я въ состояніи, произнести одну изъ тѣхъ пространныхъ рѣчей, которыя ты привыкъ выслушивать? Нѣтъ ужь, куда мнѣ! Но доказать тебѣ, что твое положеніе именно таково, я все-таки могъ бы, еслибы ты захотѣлъ въ одномъ только немножко помочь мнѣ.

Алк. Да если оно не трудно, конечно хочу.

Сокр. А трудно ли тебѣ отвѣчать на вопросы?

Алк. Это не трудно.

Сокр. Ну такъ отвѣчай.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Стало быть я буду спрашивать, предполагая въ тоже время, что ты имѣешь тѣ самые замыслы, которые я тебѣ приписываю!

Алк. Пусть будетъ по твоему, только бы мнѣ узнать, что такое ты станешь говорить.

Сокр. Ну такъ вотъ. Ты намѣреваешься, какъ я говорилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени предстать передъ Аѳинянами въ качествѣ совѣтчика. Но что, еслибы въ ту самую минуту, какъ ты собирался бы взойти на трибуну, я остановилъ бы тебя и сказалъ: Алкивіадъ, о чемъ это такое совѣщаются Аѳиняне, что ты поднялся съ мѣста и хочешь предложить имъ свой совѣтъ? Надо полагать, о чемъ нибудь такомъ, что тебѣ извѣстно лучше, нежели имъ? Что бы ты на это отвѣтилъ?

Алк. Я бы сказалъ, конечно, что они совѣщаются о томъ, что мнѣ лучше извѣстно, чѣмъ имъ.

Сокр. То есть, что̀ знаешь, въ томъ ты и хорошій совѣтчикъ?

Алк. Не иначе, разумѣется.

Сокр. Но вѣдь ты можешь знать или то, чему научился отъ другихъ, или то, что самъ открылъ?

Алк. Конечно, больше ничего не остается.

Сокр. Но возможно ли, чтобы ты научился чему нибудь отъ другихъ, или самъ открылъ, не желая ни учиться, ни изслѣдовать?

Алк. Нѣтъ, невозможно.

Сокр. А теперь скажи мнѣ, могъ ли бы ты желать изучить или открыть что нибудь, если бы думалъ, что это уже извѣстно тебѣ?

Алк. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. Стало быть было время, когда ты считалъ неизвѣстнымъ для себя то, что теперь по твоему ты знаешь?

Алк. Непремѣнно было.

Сокр. Однако и я же знаю приблизительно, чему ты научился, а если что нибудь ускользнуло отъ моего вниманія, то назови мнѣ это. Учился ты, помнится, читать и писать, играть на киѳарѣ, бороться, а играть на флейтѣ не захотѣлъ учиться. Вотъ и все, въ чемъ ты свѣдущъ; развѣ только утаилось отъ меня, что ты еще гдѣ нибудь

чему нибудь учился; но мнѣ кажется, что ты ни ночью, ни днемъ не выходилъ такъ, чтобы я этого не замѣтилъ.

Алк. Да нѣтъ же, никакихъ другихъ уроковъ я не бралъ.

Сокр. А если такъ, то не тогда ли бы ты обратился къ Аѳинянамъ съ указаніями, когда они будутъ совѣщаться о буквахъ, о томъ, какъ слѣдуетъ правильно писать?

Алк. Ну нѣтъ, ей-богу!

Сокр. Значитъ, когда будутъ совѣщаться объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Вовсе нѣтъ.

Сокр. О гимнастикѣ тоже вѣдь не говорятъ обыкновенно въ собраніи.

Алк. Конечно не говорятъ.

Сокр. О чемъ же, наконецъ должны совѣщаться Аѳиняне, чтобы дать тебѣ случай предложить свой совѣтъ? Ужъ конечно не о строительномъ искусствѣ.

Алк. Само собою разумѣется.

Сокр. Потому именно, что зодчій присовѣтуетъ въ этомъ дѣлѣ получше тебя?

Алк. Ну да.

Сокр. И точно также не объ искусствѣ прорицаній?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потомучто прорицатель опытнѣе въ этомъ, чѣмъ ты?

Алк. Да.

Сокр. Будь онъ низкаго роста, или высокаго, красивъ, или дуренъ, знатнаго происхожденія, или незнатнаго?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Потому, полагаю, что каждый разъ совѣтъ есть дѣло знающаго.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А будетъ ли ихъ совѣтчикъ богатъ, или бѣденъ, это для Аѳинянъ совершенно безразлично, разъ они станутъ совѣщаться о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы граждане были здоровы; но они позаботятся о томъ, чтобы совѣтчикъ у нихъ былъ врачъ.

Алк. Весьма естественно.

Сокр. Такъ о чемъ же должны совѣщаться Аѳиняне, чтобы ты могъ по праву предстать передъ ними со своимъ совѣтомъ?

Алк. О собственныхъ своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Ты хочешь сказать — о постройкѣ судовъ, о томъ, какого рода корабли надобно имъ строить для себя?

Алк. Нѣтъ, я не объ этомъ, Сократъ.

Сокр. Потому, полагаю, что ты не свѣдущъ въ кораблестроеніи; по этой, или по какой другой причинѣ?

Алк. Именно по этой.

Сокр. Такъ въ совѣщаніи ихъ о *какихъ* же собственныхъ дѣлахъ, думаешь ты, могъ бы ты участвовать?

Алк. О войнѣ, Сократъ, или о мирѣ, или о какомъ нибудь другомъ общественномъ дѣлѣ.

Сокр. Стало быть, когда они будутъ совѣщаться о томъ, съ кѣмъ нужно заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, и какимъ способомъ.

Алк Да.

Сокр. Не слѣдуетъ ли, по твоему, воевать именно съ тѣмъ непріятелемъ, съ которымъ намъ лучше воевать, чѣмъ не воевать?

Алк. Конечно.

Сокр. И тогда именно, когда это лучше?

Алк. Да ужь понятно.

Сокр. И столько времени, сколько лучше?

Алк. Разумѣется.

Сокр. А что, если бы у Аѳинянъ зашла рѣчь о томъ, съ кѣмъ нужно бороться всѣмъ тѣломъ и съ кѣмъ одними руками, и какъ за это приниматься, кто бы въ этомъ дѣлѣ присовѣтовалъ лучше: ты, или преподаватель гимнастики.

Алк. Преподаватель гимнастики.

Сокр. А скажи-ка, на что глядя преподаватель гимнастики сталъ бы указывать, съ кѣмъ нужно бороться всѣмъ тѣломъ и съ кѣмъ не нужно, когда именно и какъ за это приниматься? Говорю тоже, что и прежде: не съ тѣмъ ли нужно бороться всѣмъ тѣломъ, съ кѣмъ *лучше* бороться именно такимъ способомъ?

Алк. Ну да.

Сокр. И развѣ не столько времени, сколько лучше?

Алк. Сколько лучше.

Сокр. И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. Но вѣдь сообразно тому же и поющій долженъ во время пѣнія играть на киѳарѣ и двигаться тѣломъ?

Алк. Долженъ, конечно.

Сокр. Тогда разумѣется, когда это выходитъ лучше?

Алк. Да.

Сокр. И столько времени, сколько лучше?

Алк. Именно.

Сокр. И вотъ, разъ ты нашелъ *лучшее* въ обоихъ случаяхъ, — и въ игрѣ на киѳарѣ, и въ единоборствѣ, — то что же (собственно) ты разумѣешь подъ этимъ лучшимъ? Я вотъ въ единоборствѣ подъ лучшимъ разумѣю то, что *гимнастично*; ну а ты какъ назовешь тоже самое по отношенію къ игрѣ (на киѳарѣ)?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Такъ постарайся вторить за мною. За себя бы я, кажется, отвѣтилъ, что мое *лучшее* есть то, что вполнѣ правильно, вполнѣ же правильнымъ бываетъ то, что сообразно съ искусствомъ. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. А искусствомъ въ моемъ случаѣ была гимнастика?

Алк. Она самая.

Сокр. Лучшее по отношенію къ единоборству я называлъ *гимнастичнымъ*?

Алк. Да, называлъ.

Сокр. И хорошо называлъ?

Алк. Мнѣ кажется, хорошо.

Сокр. Ну и ты разсуждай подобнымъ же образомъ; вѣдь и тебѣ не мѣшало бы умѣть хорошо объясняться. Напередъ скажи, что это за искусство правильно играть на киѳарѣ съ пѣніемъ и движеніями тѣла? Какъ называется все это вмѣстѣ взятое? Все еще не можешь сказать?

Алк. Да нѣтъ же.

Сокр. Ну догадайся такимъ образомъ: кто тѣ богини, которымъ принадлежитъ это искусство?

Алк. Ты говоришь о Музахъ, Сократъ.

Сокр. Именно; такъ смотри, какое названіе получило отъ нихъ наше искусство?

Алк. Мнѣ кажется, ты говоришь про музыку.

Сокр. Да, про нее; какъ же назвать то, что сообразно съ ея правилами? Подобно тому, какъ я называлъ сообразное съ правилами гимнастики, какъ назовешь ты сообразное съ правилами музыки? Ну какимъ оно бываетъ?

Алк. Музыкальнымъ, мнѣ кажется.

Сокр. Хорошо говоришь. Ну а что же ты разумѣешь подъ тѣмъ лучшимъ, которое относится и къ веденію вой-

ны и къ заключенію мира? Сейчасъ ты назвалъ лучшее относительно двухъ случаевъ: въ одномъ назвалъ его болѣе *музыкальнымъ*, въ другомъ—болѣе *гимнастичнымъ*; вотъ и теперь относительно этого-то случая постарайся назвать лучшее.

Алк. Совсѣмъ не могу.

Сокр. Но вѣдь это же стыдно. Если бы ты разговаривалъ съ кѣмъ нибудь о пищѣ и давалъ совѣтъ, утверждая, что одна пища лучше другой, что лучше принимать ее въ такое то время и въ такомъ то количествѣ, и если бы тебя только спросили: „что ты разумѣешь подъ лучшимъ, Алкивіадъ?"—ты бы съумѣлъ отвѣтить: „лучше то, что здоровѣе", хотя ты и не выдаешь себя за врача; но тебѣ какъ будто не кажется стыднымъ не умѣть отвѣтить на вопросъ о томъ, въ чемъ ты считаешь себя свѣдущимъ и о чемъ хочешь подавать совѣты въ качествѣ знатока. Или это не стыдно?

Алк. Очень даже.

Сокр. Въ такомъ случаѣ подумай и постарайся отвѣтить, къ чему клонится „лучшее" въ дѣлѣ заключенія мира, а также въ дѣлѣ объявленія войны,—когда слѣдуетъ съ кѣмъ нибудь воевать?

Алк. Но вѣдь и думаю, да не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, на какое зло мы жалуемся и какъ называемъ его, если объявляемъ войну, всякій разъ, какъ намъ случается воевать?

Алк. Это я знаю: мы жалуемся на то, что насъ въ чемъ нибудь обманываютъ, притѣсняютъ и обираютъ.

Сокр. Постой! Какимъ образомъ претерпѣваемъ мы вообще все подобное? Постарайся указать разницу въ томъ, какъ это бываетъ въ одномъ случаѣ и какъ въ другомъ?

Алк. Не думаешь ли ты о различіи между тѣмъ, когда это бываетъ справедливо и когда несправедливо?

Сокр. Объ этомъ самомъ.

Алк. Ну въ этомъ-то отношеніи бываетъ полная противуположность.

Сокр. Итакъ, съ кѣмъ же ты посовѣтуешь Аѳинянамъ вести войну: съ тѣми, которые поступаютъ несправедливо, или съ тѣми, которые дѣйствуютъ справедливо?

Алк. Удивительно, что это такое ты спрашиваешь! Если бы кому и пришло въ голову, что нужно воевать съ

поступающими справедливо, то онъ не признался бы въ этомъ.

Сокр. Потомучто это беззаконно, полагаю.

Алк. Безъ сомнѣнія, да къ тому же и некрасиво.

Сокр. А потому и ты въ своихъ рѣчахъ будешь имѣть въ виду это самое (т. е. справедливость)?

Алк. Непремѣнно.

Сокр. И вотъ: то „лучшее", которое, какъ я говорилъ, нужно имѣть въ виду, рѣшая вопросъ о томъ, воевать, или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и когда,—не есть ли это „лучшее" именно болѣе справедливое? Какъ по твоему?

Алк. Мнѣ кажется, что такъ.

Сокр. Что же это однако, мой милый Алкивіадъ? Или самъ ты не замѣчаешь, что вовсе не свѣдущъ въ этомъ, или я не замѣтилъ, какъ ты изучалъ этотъ предметъ и ходилъ къ учителю, который научилъ тебя распознавать, что справедливо; кто же онъ такой, этотъ учитель? Укажи мнѣ его и представь ему, чтобы я могъ брать у него уроки.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Да нѣтъ же, клянусь богомъ, покровителемъ нашей дружбы, въ его-то глазахъ я менѣе всего желалъ бы оказаться клятвопреступникомъ; если только можешь, назови (этого учителя), кто онъ такой.

Алк. А что, если не могу? Или ты думаешь, что другимъ способомъ мнѣ ужь и нельзя было узнать, что̀ справедливо и что нѣтъ?

Сокр. Конечно, можно было, но не иначе, какъ если бы ты самъ открылъ это.

Алк. Значитъ ты полагаешь, что самъ я не могъ открыть этого?

Сокр. И очень могъ бы, если бы искалъ.

Алк. Стало быть ты не допускаешь, чтобы я могъ искать?

Сокр. Конечно могъ бы, еслибы думалъ, что это неизвѣстно тебѣ.

Алк. Ну такъ что же? Развѣ не было времени, когда бы я такъ думалъ?

Сокр. Вотъ это, пожалуй, не дурно сказано! Можешь ли однако указать время, когда бы ты не считалъ для себя извѣстнымъ, что̀ справедливо, и что несправедливо? Въ прошломъ году, положимъ, ты только еще изслѣдовалъ

и не думалъ, что уже знаешь? Или, можетъ быть, думалъ? Смотри, отвѣчай правду, чтобы намъ не попусту разговаривать.

Алк. Нѣтъ, я думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ же ли было и въ позапрошломъ, и три, и четыре года тому назадъ?

Алк. Все то же.

Сокр. А раньше того ты былъ ребенкомъ, не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. Ну а тогда то, конечно, думалъ, что знаешь, это мнѣ ужь достовѣрно извѣстно.

Алк. Почему такъ?

Сокр. Когда ты былъ ребенкомъ, часто слыхалъ я тебя въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, во время игры въ бабки или во что другое, какъ ты говаривалъ кому нибудь изъ друзей: „негодяй!" „несправедливый!" „нечестно поступаешь!" И ты произносилъ это твердо и самоувѣренно, а вовсе не такъ, какъ еслибы недоумѣвалъ, что̀ справедливо и что несправедливо. Развѣ не правду я говорю?

Алк. Но что же мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда со мной поступали нечестно?

Сокр. Ты спрашиваешь, что̀ слѣдовало дѣлать въ томъ случаѣ, когда бы ты не различалъ, поступали ли съ тобой честно, или нечестно?

Алк. Да нѣтъ же, видитъ Зевсъ, что я не то, что различалъ, а зналъ навѣрное, что со мной нечестно поступаютъ.

Сокр. Стало быть, какъ видно, и будучи еще ребенкомъ, ты считалъ себя свѣдущимъ въ томъ, что̀ справедливо и что несправедливо.

Алк. И не только считалъ, но и въ самомъ дѣлѣ зналъ это.

Сокр. Когда же ты это узналъ? Ужь конечно не въ то время, когда думалъ, что знаешь.

Алк. Нѣтъ разумѣется.

Сокр. Въ какое же время ты считалъ себя несвѣдущимъ въ этомъ? Какъ ни ищи, тебѣ вѣдь не найти такого времени.

Алк. Не найти, Сократъ, видитъ Зевсъ!

Сокр. Стало быть ты знаешь это не потому, чтобы самъ открылъ.

Алк. Совсѣмъ не потому.

Сокр. Но вѣдь сейчасъ ты говорилъ, что никогда и не учился этому; если же и самъ не открывалъ и отъ другихъ не научился, то какъ и откуда ты это знаешь?

Алк. Сдается, что я (прежде) отвѣтилъ тебѣ невѣрно, будто бы потому знаю, что самъ открылъ.

Сокр. Ну такъ какъ же?

Алк. Думаю, что научился этому такъ же, какъ и всѣ прочіе.

Сокр. Опять мы возвращаемся къ тому же. Отъ кого научился? Укажи пожалуйста.

Алк. Отъ народа.

Сокр. Если отъ народа, то неважный же у тебя нашелся учитель!

Алк. А что̀, развѣ онъ неспособенъ научить?

Сокр. Только не шашечной игрѣ, а это полегче, чѣмъ искусство различать правду. Какъ, ты съ этимъ не согласенъ?

Алк. Согласенъ.

Сокр. Что̀ же выходитъ? На болѣе легкое онъ не способенъ, а на болѣе трудное способенъ?

Алк. Да, я такъ думаю, на многое другое онъ способенъ, гораздо болѣе важное, чѣмъ игра въ шашки.

Сокр. Что же это такое?

Алк. Напримѣръ, отъ него я научился эллинской рѣчи, и право, кромѣ этого учителя, котораго ты назвалъ неважнымъ, не могу указать никого другого.

Сокр. Ну, славнѣйшій мой, въ этомъ-то дѣлѣ народъ отличный наставникъ, и не безъ основанія всѣ хвалятъ его искусство.

Алк. А почему?

Сокр. Потому, что онъ обладаетъ въ этомъ случаѣ свойствомъ, которое необходимо имѣть всякому хорошему учителю.

Алк. Что ты разумѣешь подъ этимъ?

Сокр. Да развѣ ты не понимаешь, что долженъ напередъ самъ узнать то, чему собираешься учить другого? или не такъ?

Алк. Разумѣется, такъ.

Сокр. А знающіе что нибудь согласны между собою и не спорятъ другъ съ другомъ о томъ, что они знаютъ?

Алк. Нѣтъ, не спорятъ.

Сокр. Если же люди разногласятъ въ чемъ нибудь между собою, скажешь ли ты, что они знаютъ это?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. И могутъ ли они быть въ томъ наставниками?

Алк. Ни въ какомъ случаѣ.

Сокр. А думаешь ли ты, что возможно разногласіе въ народѣ относительно того, что̀ называется камнемъ и что называется палкой? Если ты спросишь объ этомъ, не скажутъ ли всѣ одно и тоже, и если захотятъ взять палку, или камень, не обратятся ли всѣ къ одному и тому же? Не то же ли самое случится и относительно всего подобнаго? Вотъ приблизительно что̀ значатъ твои слова объ эллинской рѣчи, не правда ли?

Алк. Ничего другого.

Сокр. Но если мы сказали, что отдѣльныя лица всегда согласны другъ съ другомъ и думаютъ одно и тоже о такихъ предметахъ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что и государства въ подобныхъ случаяхъ не спорятъ между собою и не утверждаютъ разное объ одномъ и томъ же?

Алк. Конечно, не спорятъ.

Сокр. Слѣдовательно народъ по всей справедливости можетъ быть названъ хорошимъ наставникомъ въ такихъ предметахъ.

Алк. Да.

Сокр. А потому, еслибы мы захотѣли обучить кого нибудь такимъ предметамъ, то поступили бы правильно, пославши его къ этому учителю.

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. А ну какъ еслибы мы пожелали узнать не только что̀ такое люди, или что̀ такое лошади, но и какія изъ лошадей способны къ бѣгу и какія нѣтъ, неужели и въ этомъ народѣ былъ бы въ состояніи научить насъ?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. А разъ въ народѣ не бываетъ на этотъ счетъ единомыслія, вотъ тебѣ и достаточное доказательство, что онъ не свѣдущъ по этой части и не можетъ быть названъ дѣльнымъ наставникомъ.

Алк. Да ужь безъ сомнѣнія.

Сокр. Ну а еслибы мы захотѣли узнать не только что̀ такое люди, но также еще, какіе изъ нихъ здоровые и какіе больные, неужели народъ оказался бы подходящимъ для насъ наставникомъ?

Алк. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. И доказательствомъ, что народъ плохой наставникъ въ этомъ предметѣ, служитъ для тебя то обстоятельство, что ты не видишь въ немъ единомыслія по этому предмету?

Алк. Да, это самое.

Сокр. Какъ же теперь намъ быть? Или тебѣ кажется, что въ народѣ всѣ согласны между собой и никогда не сомнѣваются относительно того, какіе люди или поступки справедливы и какіе нѣтъ?

Алк. Ну ужь это всего менѣе, ей-богу, Сократъ!

Сокр. Скорѣе на оборотъ, что по такимъ вопросамъ люди очень расходятся между собою?

Алк. Въ высшей степени расходятся.

Сокр. И едва ли тебѣ случалось видѣть, или слышать, чтобы по вопросу о томъ, кто здоровъ и кто боленъ, люди разошлись между собой до такой степени, чтобы сражаться изъ за этого и убивать другъ друга.

Алк. Конечно не случалось.

Сокр. А до чего они доходятъ, когда поднимется вопросъ о справедливости, если ты самъ не видалъ, то навѣрное отъ многихъ слышалъ объ этомъ, въ томъ числѣ и отъ Гомера. И Одиссею ты конечно слыхалъ, и Иліаду.

Алк. Да ужь безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А не о томъ ли говорятъ эти пѣсни, какъ люди пререкались между собой о справедливости?

Алк. Да, о томъ.

Сокр. А изъ этихъ пререканій возникали побоища и смертоубійства у Ахеянъ съ Троянцами, у Одиссея съ женихами Пенелопы.

Алк. Это правда.

Сокр. Думаю также, что Аѳиняне и Лакедемонцы, и Беотійцы, погибшіе при Танагрѣ, сражались и убивали другъ друга только потому, что повздорили при рѣшеніи вопроса о томъ, что справедливо и что несправедливо; то же самое потомъ при Коронеѣ, гдѣ въ числѣ другихъ погибъ и отецъ твой Клиній. Развѣ не такъ?

Алк. Это правда.

Сокр. Скажемъ ли мы теперь, что эти люди знаютъ то, въ чемъ они разногласятъ между собою такъ сильно, что причиняютъ другъ другу самыя крайнія бѣдствія?

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Стало быть не сослался ли ты на такихъ учителей, о которыхъ самъ же говоришь, что они несвѣдущи?

Алк. Какъ видно.

Сокр. Возможно ли въ такомъ случаѣ, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ зналъ, что̀ справедливо и что нѣтъ, разъ ты въ этомъ такъ не твердъ, и если оказывается, что самъ ты этого никогда не открылъ, а отъ другихъ тоже не научился?

Алк. Судя по тому, что ты говоришь, я не въ состояніи этого знать.

Сокр. Вотъ опять, Алкивіадъ, не хорошо ты сказалъ.

Алк. А что такое?

Сокр. Да что будто бы я это говорю.

Алк. А какъ же, развѣ не ты говорилъ, что я ничего не знаю относительно справедливаго и несправедливаго?

Сокр. Конечно, не я.

Алк. Значитъ я?

Сокр Ты.

Алк. Какимъ же это образомъ?

Сокр. А вотъ какимъ. Если я тебя спрошу, что̀ больше, одинъ или два? не скажешь ли ты: разумѣется два.

Алк. Да, скажу.

Сокр. Насколько больше?

Алк. На единицу.

Сокр. Кто же изъ насъ теперь говоритъ, что два больше одного на единицу?

Алк. Я.

Сокр. Но вѣдь я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Да.

Сокр. Кто же оказывается утверждающимъ это: я-ли, спрашивающій тебя, или ты, отвѣчающій?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ бы тебя, изъ какихъ буквъ, состоитъ слово „Сократъ“, а ты бы отвѣтилъ, - кто бы изъ насъ назвалъ эти буквы?

Алк. Я.

Сокр. Ну вотъ!—Вообще говоря, когда бываетъ заданъ вопросъ и на него полученъ отвѣтъ, кто тутъ изъ двухъ есть утверждающій: тотъ кто спрашиваетъ, или тотъ, кто отвѣчаетъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, тотъ, кто отвѣчаетъ.

Сокр. Но вѣдь сейчасъ-то все время не я ли тебя спрашивалъ?

Алк. Да.

Сокр. Не ты ли отвѣчалъ мнѣ?

Алк. Совершенно вѣрно.

Сокр. Кто же изъ насъ въ такомъ случаѣ говорилъ все то, что было говорено?

Алк. Очевидно я, Сократъ: такъ выходитъ изъ всего предъидущаго.

Сокр. А говорили мы о томъ, что сынъ Клинія, прекраснѣйшій Алкивіадъ, не знаетъ, что такое справедливость, но думаетъ, что знаетъ, и намѣренъ явиться въ народное собраніе, чтобы подать Аѳинянамъ совѣтъ о томъ, чего онъ не знаетъ. Не объ этомъ ли мы говорили?

Алк. Повидимому объ этомъ.

Сокр. И вотъ, Алкивіадъ, я скажу, какъ у Еврипида: видно, отъ себя самого, а не отъ меня услыхалъ ты это,—не я это говорилъ, а ты, и меня напрасно обвиняешь; къ тому же ты очень хорошо говорилъ.—Право же ты затѣялъ безразсудное предпріятіе, превосходнѣйшій мой,—учить тому, чего не знаешь и чего не постарался узнать.

Алк. Я думаю, Сократъ, Аѳинянамъ и прочимъ Эллинамъ рѣдко приходится совѣщаться о томъ, что́ справедливо; обыкновенно считается, что такія вещи ясны сами по себѣ, а потому, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, они думаютъ о томъ, что для нихъ полезнѣе. Но по моему справедливое и полезное—совсѣмъ не одно и то же; напротивъ, многіе получали пользу для себя, совершая самые несправедливые поступки, а съ другой стороны, поступавшіе справедливо не имѣли отъ этого никакой выгоды.

Сокр Пожалуй допустимъ, что полезное и справедливое совсѣмъ разныя вещи, но къ чему же это для тебя? Или ты снова считаешь себя свѣдущимъ въ томъ, что̀ именно полезно людямъ и почему полезно?

Алк. А почему бы мнѣ не знать этого, если только опять ты не станешь спрашивать меня, какимъ образомъ я открылъ, да отъ кого научился.

Сокр. Какъ ты, право, это чудно̀ говоришь! Случится тебѣ сказать что нибудь не такъ, и можно было бы опро-

вергнуть тебя съ помощью прежнихъ доводовъ, а ты ужь ждешь чего то новаго, надѣешься услыхать другіе доводы, какъ будто старые износились какъ платье и не годятся для тебя, а нужно, чтобы тебѣ представили доказательство совершенно свѣжее и не бывшее въ употребленіи. Но я не обращаю вниманія на эту уловку и спрашиваю тебя по прежнему: если ты знаешь, что полезно и что вредно, то откуда ты получилъ свои свѣдѣнія, и кто былъ твоимъ учителемъ?—причемъ я включаю въ этотъ свой вопросъ и всѣ прежніе. Но вѣдь ясное дѣло, что ты натолкнешься на тоже самое, что говорилъ раньше,—только не натолкнешься на доказательство того, будто самъ научился различать полезное, ни того, будто тебя другіе этому научили. Принимая же во вниманіе твою пресыщенность и зная, что одинаковыя разсужденія тебѣ не по вкусу, я оставлю вопросъ о томъ, знаешь ты, или нѣтъ, что полезно для Аѳинянъ; а вотъ почему бы тебѣ самому не показать относительно справедливаго, полезно ли оно, или нѣтъ? Если хочешь, спрашивай меня, какъ я тебя спрашивалъ, а то изложи отъ себя.

Алк. Но я не увѣренъ, Сократъ, въ состояніи ли произнести рѣчь въ твоемъ присутствіи.

Сокр. Ну, мой милый! представь себѣ, что я народное собраніе, что я народъ; вѣдь и тамъ тебѣ придется убѣждать каждаго *), не правда ли?

Алк. Придется.

Сокр. Такъ вотъ видишь ли, разъ ты знаешь что нибудь, то можешь одинаково разъяснить это и каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, подобно грамматисту, который обучаетъ буквамъ одновременно и многихъ и каждаго въ отдѣльности.

Алк. Да.

Сокр. Не такъ же ли и числамъ обучаетъ каждаго и многихъ одновременно одинъ и тотъ же человѣкъ?

Алк. Да.

Сокр. А именно свѣдущій въ этомъ—учитель ариѳметики?

Алк. Безо всякаго сомнѣнія.

---

*) То есть (какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ Сократа) говорить всему народу такъ, чтобы для каждаго въ отдѣльности было убѣдительно.

Сокр. Стало быть и ты въ состояніи научить каждаго тому, чему можешь научить многихъ?

Алк. По всей вѣроятности.

Сокр. Но, очевидно, только тому, что самъ знаешь?

Алк. Да.

Сокр. Не въ томъ ли и вся разница между говорящимъ въ обществѣ, подобномъ нашему, и ораторомъ въ народномъ собраніи, что первый обращается къ каждому лицу отдѣльно, а второй съ тѣмъ же самымъ обращается къ совокупности такихъ лицъ?

Алк. Пожалуй.

Сокр. Ну такъ смѣлѣй же! Разъ, повидимому, все равно, убѣждать ли одного человѣка, или многихъ, то попробуй сначала на мнѣ и постарайся доказать, что справедливость иногда не приноситъ пользы.

Алк. Какой ты, однако, злой, Сократъ!

Сокр. Я такъ золъ, что намѣренъ сейчасъ доказать тебѣ противное тому, въ чемъ ты не захотѣлъ убѣдить меня.

Алк. Ну, говори.

Сокр. Только ты отвѣчай на вопросы.

Алк. Нѣтъ, ужь лучше самъ говори.

Сокр. Какъ, ты не желаешь убѣдиться вполнѣ?

Алк. Конечно въ высшей степени желаю.

Сокр. Но если ты самъ скажешь: „да, это такъ",— не будетъ ли это значить, что ты вполнѣ убѣдился?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну такъ отвѣчай, и пока не услышишь отъ себя самого, что справедливость полезна, никому другому на слово не вѣрь.

Алк. Не буду, буду только отвѣчать; авось это не повредитъ мнѣ.

Сокр. Да ты, право, прорицатель! Ну, отвѣчай мнѣ. Изъ справедливыхъ поступковъ, говоришь ты, одни приносятъ пользу, другіе нѣтъ?

Алк. Да.

Сокр. А что если я такъ спрошу: нѣкоторые изъ нихъ красивы, другіе нѣтъ?

Алк. О чемъ собственно ты спрашиваешь?

Сокр. Я хочу спросить: приходилось ли тебѣ видѣть, чтобы кто нибудь поступалъ хотя и справедливо, но некрасиво?

Алк. Нѣтъ, не приходилось.

Сокр. Напротивъ, все справедливое въ тоже время прекрасно?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Теперь скажи мнѣ относительно прекраснаго, все ли прекрасное есть добро, или одно бываетъ добромъ, другое зломъ?

Алк. Что касается до меня, Сократъ, то я полагаю, что прекрасное иногда оказывается зломъ.

Сокр. А некрасивое оказывается добромъ?

Алк. Да.

Сокр. Не имѣешь ли ты въ виду такого случая: напримѣръ нерѣдко бываетъ на войнѣ, что одни, защищая своихъ друзей, или родственниковъ, сами получаютъ раны и умираютъ, другіе же, не исполнивъ своего долга и никому не оказавши помощи, уходятъ съ поля битвы невредимыми.

Алк. Вотъ именно.

Сокр. Итакъ, оказаніе помощи въ этомъ случаѣ ты называешь прекраснымъ поступкомъ со стороны готовности спасти тѣхъ, кого долгъ повелѣваетъ спасать, — значитъ со стороны мужества, не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. И въ тоже время ты считаешь это зломъ, принимая въ соображеніе смерть и увѣчья, не такъ ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ развѣ мужество и смерть не разныя вещи?

Алк. Конечно разныя.

Сокр. Не въ одномъ и томъ же, стало быть, отношеніи помощь друзьямъ есть что-то прекрасное и въ тоже время есть зло?

Алк. Очевидно, не въ одномъ.

Сокр. Ну такъ посмотри, не окажется ли, что поскольку что нибудь прекрасное прекрасно, постольку оно есть добро, какъ и въ нашемъ случаѣ. Вѣдь ты согласился, что помогать — прекрасно, поскольку въ этомъ обнаруживается мужество, а теперь разсмотри: само мужество, есть ли оно добро, или зло. Подумай-ка, чего бы ты пожелалъ для себя, добра или зла?

Алк. Добра.

Сокр. И притомъ хотѣлъ бы имѣть его какъ можно больше?

Алк. Да.

Сокр. Менѣе же всего хотѣлъ бы, чтобы его у тебя отняли?

Алк. А то какъ же?

Сокр. Ну, а какъ ты смотришь на мужество, на что̀ бы ты его промѣнялъ?

Алк. Да я и жить бы не захотѣлъ, если бы предстояло быть трусомъ.

Сокр. Потомучто трусость кажется тебѣ послѣднимъ изъ золъ?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Какъ видно, — равносильнымъ смерти?

Акл. Да.

Сокр. Слѣдовательно жизнь и мужество прямо противуположны смерти и трусости?

Алк. Да.

Сокр. И одного ты желалъ бы болѣе всего, а другого — всего менѣе?

Алк. Да.

Сокр. Не потому ли, что одно считаешь наилучшимъ изо всего, другое наихудшимъ?

Алк. Ну да.

Сокр. Итакъ, оказаніе помощи друзьямъ на войнѣ ты считаешь прекраснымъ со стороны добра, производимаго мужествомъ?

Алк. Очевидно.

Сокр. А худымъ ты называешь это со стороны зла, причиняемаго смертью?

Алк. Да.

Сокр. Но въ такомъ случаѣ не правильнѣе ли обозначить обѣ стороны дѣла такимъ образомъ: разъ ты называлъ что нибудь зломъ съ той стороны, гдѣ есть зло, то не слѣдуетъ ли назвать это добромъ съ той стороны, гдѣ есть добро?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И поскольку это есть добро, постольку оно и прекрасно, а поскольку зло, постольку и гадко.

Алк. Да.

Сокр. А потому говорить, что помощь, оказываемая друзьямъ на войнѣ, есть нѣчто прекрасное, но въ тоже время — зло, не тоже ли самое, что утверждать: хоть это и добро, однако зло?

Алк. Мнѣ кажется, что ты говоришь правду.

Сокр. Стало быть, ничто прекрасное, поскольку оно прекрасно, не можетъ быть зломъ, и ничто гадкое, поскольку оно гадко, не можетъ быть добромъ.

Алк. Повидимому.

Сокр. Разсуди еще такъ: кто прекрасно ведетъ себя, тому вѣдь хорошо?

Алк. Да.

Сокр. А кому хорошо, тотъ счастливъ?

Алк. Какъ же иначе.

Сокр. Не отъ того ли счастливъ, что обладаетъ нѣкоторымъ добромъ?

Алк. Безо всякаго сомнѣнія.

Сокр. А получается это добро посредствомъ хорошей и прекрасной жизни?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть хорошо себя чувствовать есть добро?

Алк. Конечно.

Сокр. И оно же вѣдь прекрасно.

Алк. Да.

Сокр. И вотъ у насъ по прежнему добро и прекрасное являются однимъ и тѣмъ же.

Алк. Повидимому.

Сокр. Итакъ, изъ того, что мы сейчасъ говорили, слѣдуетъ, что разъ мы признаемъ что нибудь прекраснымъ, тоже самое признаемъ мы за добро.

Алк. Необходимо.

Сокр. Теперь скажи мнѣ, полезно, или не полезно добро?

Алк. Полезно.

Сокр. А помнишь, въ чемъ мы сошлись относительно справедливости?

Алк. Въ томъ, кажется, что кто поступаетъ справедливо, тотъ непремѣнно поступаетъ прекрасно.

Сокр. А совершая прекрасное, онъ совершаетъ добро.

Алк. Да.

Сокр. Добро же полезно?

Алк. Да.

Сокр. Итакъ, Алкивіадъ, что справедливо, то полезно.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну и что же: не ты ли это говоришь, и не я ли спрашиваю?

Алк. Пожалуй что такъ.

Сокр. И вотъ, если бы кто нибудь, полагая для себя извѣстнымъ, что такое справедливость, всталъ во время засѣданія и началъ бы давать совѣты все равно кому,— Аѳинянамъ, Пепаріѳянамъ,—и говорилъ бы, что справедливое бываетъ иногда зломъ, что бы тебѣ оставалось дѣлать, какъ не смѣяться надъ нимъ, разъ ты находишь, что если что нибудь справедливо, то и полезно?

Алк. Видятъ боги, Сократъ, что я не понимаю даже того, что говорю, и совсѣмъ почти дуракъ; пока ты спрашиваешь, мнѣ то такъ начинаетъ казаться, то иначе.

Сокр. А тебѣ неизвѣстно, мой милый, что̀ это съ тобой происходитъ?

Алк. Совсѣмъ не знаю.

Сокр. Если бы кто нибудь спросилъ тебя, сколько у тебя глазъ, два или три, сколько рукъ, двѣ или четыре, или еще что нибудь въ этомъ родѣ, неужели ты отвѣчалъ бы то такъ, то сякъ? Не отвѣчалъ ли бы ты всегда одинаково?

Алк. Теперь ужь я боюсь за себя, а все таки думаю, говорилъ бы одно и тоже.

Сокр. Потомучто ты хорошо знаешь,—не по этой ли причинѣ?

Алк. Думаю, что по этому самому.

Сокр. Такъ о чемъ ты поневолѣ отвѣчаешь противорѣчиво,—ясно, что этого ты не знаешь.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но вѣдь ты признался, что путаешься въ своихъ отвѣтахъ относительно того, что справедливо и что несправедливо, что прекрасно и что гадко, что полезно и что нѣтъ, что такое зло и что такое добро,—не ясно ли теперь, что ты путаешься именно потому, что ничего этого не знаешь?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Ну а всегда ли оно такъ бываетъ? Разъ кто нибудь чего нибудь не знаетъ, неужели онъ непремѣнно долженъ путаться въ своихъ мысляхъ объ этомъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Что̀ ты! да развѣ ты знаешь, какъ взойти на небо?

Алк. Ей-ей не знаю.

Сокр. Ну и что же, бываетъ у тебя какое нибудь колебаніе въ мысляхъ насчетъ этого?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А извѣстна ли тебѣ причина этого, или мнѣ самому сказать?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина та, мой милый, что не зная этого, ты и не думаешь, что знаешь.

Алк. Что̀ это опять ты хочешь сказать?

Сокр. Разберемъ-ка сообща. Когда ты чего нибудь не знаешь и притомъ сознаешь, что не знаешь, бываетъ ли у тебя какое нибудь колебаніе въ подобномъ случаѣ? Напримѣръ относительно приготовленія пищи вѣдь ты знаешь отлично, что ты этого не знаешь?

Алк. О, безъ сомнѣнія!

Сокр. Станешь ли ты размышлять и недоумѣвать о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ приготовлять ее, или предоставишь это знатоку дѣла?

Алк. Конечно предоставлю.

Сокр. А плывя на кораблѣ и не умѣя управлять имъ, станешь ли раздумывать и недоумѣвать о томъ, куда нужно вести руль, къ себѣ, или отъ себя, или же преспокойно предоставишь это рулевому?

Алк Безъ сомнѣнія предоставлю рулевому.

Сокр. Значитъ, у тебя не бываетъ никакого сомнѣнія, когда ты не знаешь чего нибудь, если только при этомъ ты сознаешь, что ты не знаешь.

Алк. Кажется, не бываетъ.

Сокр. Понимаешь ли теперь, что и во всякомъ дѣлѣ ошибки происходятъ отъ такого незнанія, когда, не зная чего нибудь, думаютъ, что знаютъ?

Алк. Что это еще ты хочешь сказать?

Сокр. Не тогда ли принимаемся мы за дѣло, когда думаемъ что оно намъ извѣстно?

Алк. Да.

Сокр. А если кто думаетъ, что не знаетъ дѣла, не передаетъ ли его другому.

Алк. Конечно.

Сокр. И такіе люди при всемъ своемъ незнаніи никогда не впадаютъ въ ошибки не потому ли именно, что полагаются на другихъ?

Алк. Да.

Сокр. Кто же въ такомъ случаѣ дѣлаетъ ошибки? Полагаю, что не тотъ, кто знаетъ?

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. Но если мы исключимъ знающихъ, а между незнающими тѣхъ, которые сознаютъ, что не знаютъ, останутся ли у насъ еще какіе люди, кромѣ незнающихъ, но думающихъ, что знаютъ?

Алк. Нѣтъ, останутся только эти.

Сокр. Вотъ это-то самое незнаніе, или постыднѣйшее невѣжество, и не есть ли причина золъ?

Алк. Да.

Сокр. И не тогда ли оно всего зловреднѣе и постыднѣе, когда касается самаго важнаго?

Алк. Еще бы.

Сокр. А можешь ли ты указать что нибудь, что было бы важнѣе справедливости, красоты, добра, пользы?

Алк. Нѣтъ, конечно.

Сокр. Но вѣдь ты, какъ самъ говоришь, не твердъ именно въ этомъ?

Алк. Да.

Сокр. Если же не твердъ, то не ясно ли изъ предъидущаго, что ты не только не знаешь самаго важнаго, но въ тоже время думаешь, что знаешь?

Алк. Похоже на то.

Сокр. Ай-ай, Алкивіадъ, въ какомъ ты очутился состояніи! Я даже боюсь назвать его, а слѣдуетъ; къ тому же мы тутъ одни. Ты погрязъ, мой хорошій, въ самомъ крайнемъ невѣжествѣ, какъ обличаетъ тебя и смыслъ разговора, и ты самъ себя; вотъ почему ты и бросаешься въ политику, не успѣвши окончить ученья. Случилось же это не съ тобою однимъ, но вообще съ большинствомъ тѣхъ людей, которые занимаются дѣлами нашего города, исключая очень немногихъ, пожалуй въ томъ числѣ и твоего опекуна, Перикла.

Алк. А говорятъ, Сократъ, что онъ не самъ собою дошелъ до мудрости, но пользовался обществомъ многихъ мудрыхъ людей, — и Пиѳоклида, и Анаксагора; даже теперь, въ такомъ возрастѣ, онъ съ тою же цѣлью постоянно пользуется обществомъ Дамона.

Сокр. Ну такъ что же? Развѣ ты видалъ, чтобы человѣкъ, умудренный въ чемъ нибудь, не былъ въ состояніи сдѣлать такимъ и другого? Напримѣръ тотъ, кто

научилъ тебя грамотѣ, и самъ былъ ея знатокомъ, и тебя сдѣлалъ такимъ, и всякаго другого, кого только захотѣлъ; развѣ не такъ?

Алк Да, это такъ.

Сокр. Не можешь ли и ты, стало быть, научившись отъ него этой мудрости, научить ей другого?

Алк. Да, могу.

Сокр. Не то же ли самое слѣдуетъ сказать о киѳаристѣ, о преподавателѣ гимнастики?

Алк. Конечно.

Сокр. Значитъ это хорошее доказательство умѣнье, когда человѣкъ, умѣлый въ какомъ нибудь дѣлѣ, въ состояніи и другого сдѣлать умѣлымъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Какъ же теперь быть относительно Перикла,— можешь ли ты сказать, кого Периклъ сдѣлалъ мудрымъ? Возьми хотя бы его сыновей.

Алк. Такъ что же, Сократъ, если оба сына Перикла оказались дураками?

Сокр. Ну возьми брата своего, Клинія.

Алк. Опять-таки Клинія, человѣка сумасшедшаго!

Сокр. Клиній не въ своемъ умѣ, сыновья у Перикла оказались дураками, ну а на твой-то счетъ какое намъ выдумать оправданіе? Почему онъ ничего не дѣлаетъ, видя тебя въ такомъ состояніи?

Алк. Тутъ ужъ, кажется, я виноватъ своимъ невниманіемъ.

Сокр. Такъ найди вообще кого нибудь изъ Аѳинянъ, или иностранцевъ, свободнаго человѣка, или раба, кто бы сдѣлался мудрѣе отъ общенія съ Перикломъ, какъ я, напримѣръ, относительно Зенона могу назвать тебѣ Пиѳодора, сына Изолохова, и Каллія, сына Калліадова: оба они, заплативъ Зенону по сту минъ, сдѣлались знаменитыми мудрецами.

Алк. Право, не могу найти.

Сокр. Ну оставимъ это. Что же, однако, ты намѣренъ дѣлать съ собою? Думаешь ли оставаться въ теперешнемъ состояніи, или намѣренъ приложить какую нибудь заботу?

Алк. Но какую же приложить заботу, Сократъ? Можешь ты объяснить? Вѣдь совсѣмъ похоже на то, что ты сказалъ правду.

Сокр. Да. Но только теперь общій совѣтъ, какимъ бы способомъ стать намъ, какъ можно лучше? Я не хотѣлъ сказать, что тебѣ нужно позаботиться о своемъ образованіи, а мнѣ о своемъ не нужно; вѣдь у меня передъ тобой только одно преимущество.

Алк. Какое?

Сокр. А то, что мой опекунъ лучше и умнѣе твоего.

Алк. Кто онъ такой, Сократъ?

Сокр. Богъ, тотъ самый богъ, Алкивіадъ, который не позволялъ мнѣ раньше нынѣшняго дня разговаривать съ тобою; на него-то я и расчитываю, говоря, что ты получишь славу не черезъ кого иного, какъ черезъ меня.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Положимъ, но тутъ ужъ я говорю правду, что намъ нужно позаботиться о себѣ; лучше сказать, всѣмъ людямъ это нужно, но намъ съ тобой и подавно.

Алк. Относительно меня ты не ошибаешься.

Сокр. Да и относительно себя тоже.

Алк Что же намъ слѣдуетъ дѣлать?

Сокр Не лѣниться и не отступать назадъ, дружище.

Алк. (Ужь я то не отступлю) если только ты захочешь, Сократъ.

Сокр. Не хорошо говоришь, Алкивіадъ.

Алк. А какъ же нужно сказать?

Сокр. Если богъ захочетъ.

Алк. Ну хорошо. А еще я скажу тебѣ, Сократъ, что намъ придется помѣняться мѣстами, я займу твое, а ты мое; съ этого дня не бывать уже тому, чтобы ты ходилъ за мною, но я буду ходить за тобою.

Сокр. О благородный мой! значитъ моя любовь вполнѣ уподобится аисту, если крылатый Эросъ, котораго она взлелѣяла въ тебѣ, въ свою очередь станетъ служить ей.

Алк. Такъ оно и есть, и съ этой же минуты я стану заботиться о справедливости.

Необходимыя поправки.

Стран.	Строка *сверху:*	Напечатано:	Должно читать:
3	23	Въ 368 или 367 г. послѣ смерти	Въ 368 или 367 г.,– послѣ смерти
8	33	безспорными	общепризнанными
9	23	*Эпиномисъ, Θеагъ, Письма.*	*Эпиномисъ, Письма.*
10	19	какъ	что
11	15	Kampbell	Campbell
—	19	слѣдующаго тома.	одного изъ слѣдующихъ томовъ.
13	11	классификація	классификаціи
—	28	навсегда Платона	навсегда изъ Платона
16	27	*ζητητικoι*	*ζητητικoί*
17	4	главные	главныя
20	25—31	Сюда относятся—чрезъ сопоставленіе съ духомъ софистики.	Къ этому же времени принадлежатъ четыре діалога, которые я выдѣлилъ изъ сократическихъ въ тѣсномъ смыслѣ, отнеся ихъ во второй отдѣлъ: оба ***Иппія***, ***Протагоръ*** и ***Евтидемъ***. Въ нихъ духъ Сократова ученія характеризуется главнымъ образомъ отрицательно—чрезъ сопоставленіе съ духомъ софистики. Необходимо признать, что два болѣе значительные изъ этихъ діалоговъ—***Протагоръ*** и ***Евтидемъ*** были существенно передѣланы Платономъ въ послѣдующее время.
—	35—37	Эти три произведенія—послѣ его смерти.	Эти три произведенія, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ событіями 399 г., не могутъ быть и по времени написанія многимъ позднѣе этого года.

Стран.	Строка *сверху*:	Напечатано:	Должно читать:
21	26	результатомъ пережитого	выводомъ изъ пережитого
22	13	мышленіемъ истинно-сущаго	мышленіемъ, направленнымъ къ пониманію истинно-сущаго.
23	26	перемѣны въ художественномъ	перемѣны — въ художественномъ
26	12	*φίλια*	*φιλία*
39	17	о Θеагъ	Θеагъ
45	42	знаменитаго историка	полководца — тезки знаменитаго историка
46	3	что	чтó
49	12—13	*ἐστι γάρ οὐκ*	*ἔστι γάρ οὐκ*
57	33	платоновой терминологіи	платоновскаго языка
59	8—9	тенденціозное псевдоэпиграфическое произведеніе	умышленно - тенденціозное произведеніе
71	5	лучше, ты	лучше: ты
—	10	прежде не	прежде: не
72	35	свѣдующимъ	свѣдущимъ
73	21	потому что это беззаконно полагаю	потому что это беззаконно, полагаю.
—	28	когда, не	когда,—не
—	41	кто онъ такой	кто такой этотъ учитель.
74	1	узнать что	узнать, чтó
77	7—8	какіе изъ нихъ	какія изъ лошадей
79	12—13	отвѣтилъ кто бы	отвѣтилъ,—кто бы
80	5	что	чтó
—	8	что	чтó
—	21	чудно	чуднó
81	5	каждаго отдѣльно	такъ, какъ будто бы ты говорилъ съ каждымъ отдѣльно
84	4	зломъ	худымъ
87	25—26	изъ незнающихъ	между незнающими
—	26—27	еще кромѣ	еще какіе нибудь, кромѣ
88	21	таковымъ	такимъ же
89	20—21	Думаешь ли оставаться въ теперешнемъ состояніи, или намѣренъ какъ нибудь заняться собою?	Думаешь ли оставаться, какъ ты теперь, или приложить какую нибудь заботу?
95	38	Но о чемъ же должны мы стараться	Но какую же тутъ надобно приложить заботу
116	23—24	не одинъ разъ, а три	не въ одинъ пріемъ, а въ три
119	27	то во избѣжаніе	во избѣжаніе
—	36	*ὦς*	*ὡς*
121	16	оракуломъ	изреченіемъ
—	41	позднѣйшія произведенія	позднѣйшее произведеніе
162	38	нахожу въ изобиліи	легко нахожу
163	20	А вѣдь много	А вѣдь есть много

Стран.	Строка *сверху*:	Напечатано:	Должно читать:
—	32	находитъ въ себѣ много, чего сказать.	легко находитъ, что сказать.
168	17	пробуждается	пробуждаешься
—	18—19	много чего находишь сказать	легко находишь, что сказать
173	26—27	распознавалъ бы	распознавалъ
181	25	*χρησμφδος*	*χρησμῳδοί*
183	24	я	и
222	40—41	во время сицилійскаго похода онъ не рѣшился	во время сицилійскаго похода, испуганный дурными предзнаменованіями, онъ не рѣшился
227	41	гумманное отношенія	гуманнаго отношенія
238	38	стиховъ	списковъ
250	4	А развѣ сказалъ я,	А развѣ, сказалъ я,
251	32	*σαυτον*	*σαυτόν*
252	40	*γιγνώσκθω*	*γιγνώσκω*
—	41	*τέχνμς*	*τέχνης*
259	5	благоразуміе.	благоразуміе?
—	32	*λεγέσθαι*	*λέγεσθαι*
270	27	него	нами
271	33—34	и безъ предварительнаго дознанія?	и не дашь мнѣ права возраженія?
285	16—17	около 400 г.	не позже 400 г.
294	33	обоихъ	двухъ
295	39	нѣтъ	не такъ
298	12	какъ ты думаешь:	то какъ ты думаешь:
—	22	что нибудь	чего нибудь
303	3	приходиться	приходится

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

*) Діалоги, обозначенные звѣздочкой, переведены М. С. Соловьевымъ.